Wer ist der Urheber
der Pogrome in Russland?
von
J. Lawrinowitsch

Preis Mk. 4.—
Цѣна М. 4.—
2р.

Ю. ЛАВРИНОВИЧЪ

КТО УСТРОИЛЪ ПОГРОМЫ ВЪ РОССІИ?

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW
VERLAG

Кто устроилъ погромы въ Россіи?

J. Lawrinowitsch

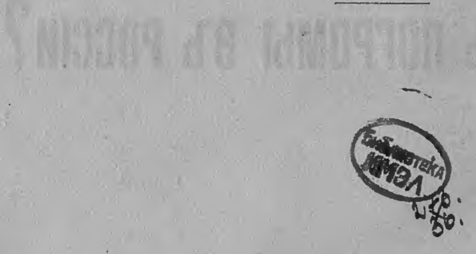
Wer ist der Urheber der Pogrome in Russland?

Ю. Лавриновичъ

Кто устроилъ погромы въ Россіи?

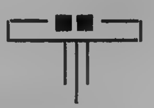
BERLIN
Bühnen und Buchverlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow

Druck: F. Lenz & Comp., G. m. b. H., Berlin O. 27, Holzmarktstr. 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Возвѣщенная 17 октября свобода, оказавшаяся столь эфемерною, досталась русскому народу дорогою цѣною. Предшествовавшая 17 октября борьба потребовала столько жертвъ, что въ этомъ отношеніи она превзошла многія европейскія революціи. 9 января, севастопольское возстаніе, одесскій бунтъ, массовыя истребленія народа повсемѣстно, гдѣ только заявлялись требованія свободы—въ нѣсколько мѣсяцевъ отняли у Россіи чуть ли не болѣе лучшихъ ея сыновъ, чѣмъ эпоха парижской коммуны—у Франціи. Легіонами борцовъ, погибшихъ на эшафотѣ, въ крѣпостныхъ казематахъ, въ рудникахъ и ссылкѣ,—борцовъ, кровью которыхъ пропитана каждая буква исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, можно было бы, кажется, завоевать свободу для всего міра...

Но, изучая россійскую революцію, будущій историкъ освободительной борьбы остановится, конечно, не на этомъ обстоятельствѣ. Борьба за свободу „жертвъ искупительныхъ проситъ", и исторія всѣхъ революцій міра почти не даетъ намъ, къ сожалѣнію, примѣровъ, гдѣ бы властвующіе путемъ угнетенія народовъ правители добровольно уступали свою власть демократіи. Не миновала и Россіи горькая чаша этой борьбы.

Но, достигнувъ наивысшаго своего напряженія въ октябрьскіе дни и вырвавъ у правительства возвѣщенное 17 октября торжественное обѣщаніе обезпечить свободу русскому народу, освободительная борьба стала лицомъ къ лицу съ явленіемъ, небывалымъ въ исторіи народовъ и непонятнымъ въ началѣ даже для самого русскаго общества. Это явленіе, которое сразу получило прочное названіе „контръреволюціи", прежде всего остановитъ на себѣ вниманіе историковъ, желающихъ изучить россійское революціонное дви-

женіе. Мы говоримъ о погромахъ, бурнымъ ураганомъ пронесшихся положительно по всей Россіи и въ теченіе трехъ дней, послѣ опубликованія манифеста 17 октября, залившихъ нашу страну потоками крови, отнявшихъ тысячи жизней, обратившихъ въ развалины десятки тысячъ жилищъ, разорившихъ множество цвѣтущихъ городовъ и повергшихъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе всю страну.

Россія давно привыкла къ погромамъ, а эпоха властвованія Плеве сдѣлала ихъ обычнымъ явленіемъ, переставшимъ даже удивлять общество. Но то, что произошло въ октябрьскіе дни и въ послѣдующее время, превзошло всѣ предѣлы мыслимаго и возможнаго, и страна нѣсколько дней съ нѣмымъ ужасомъ взирала на это новое нашествіе Атиллы, пока взрывъ всеобщаго негодованія не явился отвѣтомъ на этотъ позорный актъ человѣконенавистничества и звѣрства.

Октябрьскіе погромы не были обычными еврейскими погромами, которые въ доброе старое время считались обыкновенно результатомъ антиеврейской пропаганды, ведшейся на мѣстахъ доморощенными юдофобами и націоналистами и органами печати извѣстнаго пошиба. Нѣтъ, это было нѣчто гораздо большее, чѣмъ простое юдофобство. Это было даже не націоналистское движеніе. Кровожадность и вандализмъ, проявленные погромщиками, и совершенное безразличіе громилъ къ національности ихъ жертвъ говорятъ уже не о національной враждѣ, а о какой-то слѣпой ненависти къ людямъ, диктуемой чисто зоологическими побужденіями. Но какъ ни низка степень культурности человѣка—такое яркое проявленіе животности и звѣрства, какое дали эти погромы, не могло явиться естественнымъ путемъ; оно могло быть только вызвано чѣмъ или кѣмъ нибудь. Съ другой стороны, повсемѣстность погромовъ, ихъ одинаковый характеръ на всемъ протяженіи Россіи, одновременность ихъ, обнимающая по большей части только три дня (18. 19 и 20 октября), небольшое число участниковъ погромовъ и одинаковость ихъ состава въ соціальномъ и культурномъ отношеніяхъ,—громилами явились преимущественно наиболѣе темные слои рабочихъ и крестьянства, босяки и хулиганы,—все это весьма настойчиво говоритъ о планомѣрности разсматриваемаго явленія, о его какъ бы подготовленности, о

вліяніи невидимой направляющей руки, о правильной организаціи, притомъ предпринятой ad hoc, по опредѣленному поводу, каковымъ являются октябрьскія событія, завершившіяся манифестомъ 17 октября.

Правительство и мѣстныя власти во всѣхъ своихъ заявленіяхъ, донесеніяхъ, разслѣдованіяхъ, опубликованныхъ по поводу погромовъ, совершенно опредѣленно и твердо указываютъ на освободительное движеніе и, особенно, на октябрьскія событія, какъ на прямую, непосредственную причину разразившейся катастрофы. Съ одной стороны, частыя забастовки, демонстраціи революціонеровъ, терроръ разстроили экономическую жизнь страны, вызвали вздорожаніе продуктовъ и тѣмъ отягчили существованіе мирнаго населенія, съ другой стороны—постоянные революціонные эксцессы, выразившіеся въ безконечныхъ митингахъ, на которыхъ ораторы требовали уничтоженія самодержавія и водворенія республиканскаго образа правленія, причемъ подвергались постояннымъ оскорбленіямъ патріотическія и національныя чувства русскаго народа—вызвали со стороны послѣдняго враждебное отношеніе ко всѣмъ участникамъ освободительнаго движенія, среди которыхъ евреи, студенты и интеллигенція имѣли большое преобладаніе. Эта враждебность и выразилась въ погромахъ, которыми русскій народъ мстилъ за поруганіе его политическихъ симпатій и за нарушеніе его экономическаго благосостоянія. Такъ объясняло правительство происхожденіе погромовъ. Лучше всего эта мысль была выражена во всеподданнѣйшемъ отчетѣ сенатора Кузьминскаго о причинахъ Одесскаго погрома. Въ своемъ отчетѣ г. Кузьминскій приходитъ къ заключенію, что „октябрьскія волненія и безпорядки были вызваны причинами безусловно революціоннаго характера и завершились разгромомъ евреевъ исключительно вслѣдствіе того, что представители именно этой народности принимали преобладающее участіе въ революціонномъ движеніи и своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій довели до крайняго озлобленія русскую часть городского населенія“ [1]). Въ такомъ же приблизительно духѣ далъ свое заключеніе и разслѣдова-

---

[1]) „Кіевскій и одесскій погромы въ разслѣдованіяхъ сенаторовъ Турау и Кузьминскаго“. Стр. 220.

*

тель другого крупнѣйшаго погрома—въ г. Кіевѣ—сенаторъ Турау, который, впрочемъ, разнообразилъ свой выводъ тѣмъ, что онъ считалъ причиною погромовъ не всѣхъ евреевъ, а лишь взрослую молодежь, и отрицательное свое отношеніе къ безразличному избіенію стариковъ, старухъ и дѣтей вмѣстѣ со взрослой молодежью выразилъ фразою: „но народное негодованіе пало не на тѣхъ, кого народъ считалъ причиной всѣхъ бѣдствій“ [1]).

Бѣлостокскій погромъ правительство въ своемъ офиціальномъ сообщеніи ставило въ прямую связь съ революціоннымъ движеніемъ въ Бѣлостокѣ и съ террористическою дѣятельностью бѣлостокскихъ революціонеровъ.

Къ заявленіямъ правительства и его агентовъ русское общество, однако, отнеслось съ совершеннымъ недовѣріемъ. Наоборотъ, въ объясненіяхъ ихъ оно усмотрѣло желаніе замаскировать и выгородить истинныхъ виновниковъ октябрьской трагедіи, а виновниками ея и общество и печать съ необыкновеннымъ единодушіемъ объявили правительство и правительственныхъ чиновниковъ въ лицѣ губернаторовъ и мѣстной полиціи. Этому какъ нельзя болѣе способствовало поведеніе многихъ агентовъ правительственной власти во время погромовъ и отношеніе центральнаго правительства къ тѣмъ изъ этихъ агентовъ, которые были уличены въ бездѣйствіи власти, а нерѣдко—и въ прямомъ попустительствѣ и даже содѣйствіи погромщикамъ. Какъ извѣстно, почти ни одинъ изъ представителей администраціи не былъ не только наказанъ за эти преступленія, хотя бы ихъ уличали въ нихъ авторитетные правительственные ревизоры, но даже не устраненъ отъ должности, а большинство тѣхъ изъ прямыхъ и наиболѣе активныхъ дѣятелей погромовъ, которые присуждены были за погромы къ различнымъ наказаніямъ судебными приговорами, получило отъ правительства полное прощеніе съ возстановленіемъ въ утраченныхъ по суду правахъ. Мало того, ни одно изъ обѣщаній правительства разслѣдовать причины и виновниковъ погромовъ и оказать содѣйствіе къ тому, „чтобы ни одно лицо, виновное въ печальныхъ событіяхъ, не избѣгло ни суда, ни наказанія“, до сихъ поръ не исполнено:

---

[1]) Тамъ же, стр. 72.

разслѣдованія или совсѣмъ не производились, или производились правительственными чиновниками по даннымъ имъ правительствомъ тенденціознымъ указаніямъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда кто либо изъ правительственныхъ же агентовъ или судебныхъ властей обнаруживалъ дѣйствительное желаніе раскрыть истинныхъ виновниковъ, правительство не только не содѣйствовало имъ, а старалось отстранить ихъ отъ начатаго ими дѣла. Характернымъ образцомъ такого отношенія властей можетъ служить дѣло о маріупольскомъ погромѣ: маріупольскій судебный слѣдователь Орловскій, не въ мѣру потрудившійся надъ раскрытіемъ виновныхъ въ погромѣ, былъ немедленно убранъ оттуда, оставивъ подозрительныхъ обывателей въ тревогѣ даже за самый слѣдственный матеріалъ [1]).

Убѣжденіе общества въ прикосновенности правительства къ погромамъ, питающееся фактами вродѣ вышеприведенныхъ, окончательно утвердилось послѣ новой серіи погромовъ, разразившихся въ 1906 году. Погромы въ Гомелѣ, Бѣлостокѣ, Сѣдлецѣ, Вологдѣ, Царицынѣ, Муромѣ и Симбирскѣ произведены были при столь явномъ участіи въ нихъ полиціи и войска, а безнаказанность виновниковъ была такъ демонстративна, что въ защиту правительства ничего, кромѣ общихъ фразъ, не могла сказать даже рептильная печать. Фактъ казался совершенно установленнымъ, и вопросъ объ этомъ потерялъ бы даже свою остроту, если бы угроза постояннаго возобновленія погромовъ не висѣла надъ головою русскаго общества дамокловымъ мечомъ.

Какъ, однако, ни краснорѣчивы факты, говорящіе противъ правительства, какъ ни обличительны такія обвиненія, какъ извѣстная рѣчь въ первой государственной думѣ бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ князя Урусова, какъ письмо бывшаго директора департамента полиціи Лопухина къ министру внутреннихъ дѣлъ, какъ рапортъ чиновника департамента полиціи с. с. Макарова, рапортъ жандармскаго ротмистра Пѣтухова о сѣдлецкомъ погромѣ и много другихъ документальныхъ данныхъ—этотъ споръ правительства и общества до сихъ поръ нельзя считать законченнымъ, такъ какъ судъ общественнаго мнѣнія не

---

[1]) Обнинскій. „Внѣ закона". Вып. II, стр. 5.

успѣлъ еще высказаться по существу всего собраннаго матеріала. У правительства былъ не одинъ случай окончательно выяснить этотъ вопросъ: онъ поднимался и въ первой и во второй государственной думѣ, гдѣ правительству были сдѣланы запросы о бѣлостокскомъ и сѣдлецкомъ погромахъ. Здѣсь исполнительная власть имѣла полную возможность, предъ лицомъ народныхъ представителей всей Россіи, дать прямой и категорическій отвѣтъ на поставленный ей вопросъ. Но она этого отвѣта не дала, и обѣ думы были распущены почти наканунѣ разрѣшенія этой тяжбы.

Такимъ образомъ, правительство окончательно отказалось отъ объясненій по этому вопросу и тѣмъ самымъ еще болѣе утвердило въ сознаніи общества мысль о своей прикосновенности къ погромамъ, ибо что же въ такомъ случаѣ мѣшаетъ ему реабилитировать себя и своихъ скомпрометированныхъ агентовъ? Въ то же время и общество, жадно ждавшее, что хоть дебаты въ государственной думѣ прольютъ болѣе яркій свѣтъ на это темное дѣло, окончательно лишилось возможности узнать всю правду объ этой мрачной страницѣ исторіи русской революціи. А, между тѣмъ, постоянная угроза возобновленія погромовъ, усиливающаяся при всякой новой схваткѣ демократіи съ правительствомъ, дѣлаетъ настоятельно необходимымъ окончательное выясненіе вопроса. Темнота—самый дѣятельный соучастникъ всякихъ преступленій. Разсѣять ее, значитъ, если не избавиться отъ злоумышленниковъ, то узнать, съ какой стороны можетъ быть угроза общественной безопасности, что уже въ значительной степени облегчитъ борьбу со зломъ. Внести лучъ свѣта въ это царство неизвѣстности и тьмы, сдернуть хоть часть завѣсы съ царства тайныхъ погромщиковъ—и составляетъ цѣль предпринятаго нами изслѣдованія. Мы приступаемъ къ этой работѣ съ искреннимъ желаніемъ выяснить одну только истину, памятуя, что только совершенная объективность и безпристрастное изученіе всего имѣющагося въ этой области матеріала помогутъ намъ достичь намѣченной цѣли. Мы пойдемъ къ ней по пути непреложныхъ фактовъ, не увлекаясь малоосновательными слухами и отбрасывая все сомнительное и непровѣренное.

I.

Октябрьскіе погромы и 1906 годъ.

Къ какому выводу ни привело бы насъ изученіе россійской контръ-революціи, принявшей уродливую форму отвратительныхъ погромовъ, этотъ выводъ не будетъ имѣть силы убѣдительности до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлена картина изучаемаго явленія. Въ данномъ случаѣ, только видя въ натуральную величину картину погромовъ, можно представить себѣ всю важность рѣшенія стоящаго предъ нами вопроса, а представивъ это—и оцѣнить значеніе сдѣланнаго вывода. Попытаемся поэтому возстановить въ памяти читателя хотя наиболѣе выдающіеся моменты злосчастной контръ-революціи, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ не были подведены итоги этой мрачнѣйшей изъ страницъ исторіи нашей родины [1]).

[1]) Для установленія фактической стороны погромовъ, мы пользовались преимущественно телеграммами россійскаго и петербургскаго телеграфныхъ агентствъ и собраніемъ газетныхъ сообщеній, напечатаннымъ въ видѣ особаго приложенія къ № 48—49 „Права" за 1905 г. Всѣ факты, сообщенные здѣсь на основаніи этихъ матеріаловъ, мы приводимъ безъ указанія источниковъ, въ виду ихъ общеизвѣстности. Кромѣ того, мы пользовались корреспонденціями мѣстныхъ газетъ, статьями, напечатанными въ журналѣ „Право" за 1905—1907 гг., въ газетахъ „Голосъ" и „Мысль" и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, стенографическими отчетами о засѣданіяхъ государственной думы и другими думскими матеріалами, официальными сообщеніями правительства и мѣстныхъ властей, данными разслѣдованій о погромахъ, представленными правительственными чиновниками, и т. под. матеріалами. Всѣ эти источники указываются нами въ выноскахъ. Хотя наиболѣе подробныя и обширныя свѣдѣнія о погромахъ имѣются въ еврейскихъ газетахъ и журналахъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ, но, во избѣжаніе возможныхъ упрековъ въ пользованіи показаніями наиболѣе заинтересованной стороны безъ возможности провѣрки этихъ показаній, мы къ этимъ источникамъ совершенно не прибѣгали, хотя они и могли бы избавить наше изслѣдованіе отъ возможныхъ пробѣловъ. Большая часть настоящей книги была уже набрана, когда вышла въ свѣтъ книга: „Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи, Т. I. Погромы по официальнымъ документамъ". Въ виду интереса, который представляютъ собранные въ этой книгѣ матеріалы, мы пополнили ими нѣкоторые отдѣлы нашего труда и провѣрили, гдѣ это представлялось возможнымъ по техническимъ условіямъ печатанія, текстъ цитируемыхъ нами документовъ.

Мы уже упоминали вскользь о необыкновенномъ однообразіи, отличавшемъ всѣ октябрьскіе погромы. Это однообразіе позволяетъ совершенно отчетливо установить тѣсную связь погромовъ съ политическими событіями, завершившимися октябрьскимъ манифестомъ. Какъ только распространилась вѣсть о манифестѣ—съ утра 18-го октября всюду начались многолюдные митинги, манифестаціи съ красными флагами, на улицы высыпало почти все мирное населеніе, радовавшееся раздавшимся съ трона обѣщаніямъ; войскъ на улицахъ или не было, или же они, какъ и полиція, держались вполнѣ мирно; повсюду раздавались рѣчи, ораторы призывали населеніе къ дальнѣйшей борьбѣ за осуществленіе обѣщанныхъ въ манифестѣ свободъ. Все въ этотъ день объединилось въ радости за одержанную надъ самодержавіемъ побѣду, и свободные люди прежде всего пожелали освобожденія тѣхъ, которые, борясь за свободу, попали въ казематы и томились тамъ въ то время, какъ вся страна пользовалась плодами ихъ самоотверженной рѣшимости. Повсюду толпы народа направлялись къ тюрьмамъ и требовали освобожденія политическихъ заключенныхъ. Другія толпы отправлялись къ дворцамъ высшихъ администраторовъ и обращались къ нимъ съ просьбами или съ требованіями о немедленномъ выполненіи нѣкоторыхъ обѣщаній манифеста, отмѣны чрезвычайныхъ положеній, отозванія войскъ и казаковъ и т. п. Благодушное настроеніе безпартійной толпы смѣнялось часто возгласами и горячими рѣчами революціонныхъ манифестацій, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и т. п. Но все это не мѣшало полному сохраненію мирнаго настроенія; нигдѣ не было никакихъ насилій, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствія революціонеровъ не были направлены противъ кого бы то ни было и не нарушали ничьихъ интересовъ.

Но черезъ нѣкоторое время картина повсюду рѣзко мѣнялась. Навстрѣчу мирнымъ манифестантамъ появлялись толпы народа, состоявшія изъ подонковъ городского населенія, хулигановъ и членовъ союза русскаго народа. Съ національными флагами, неся впереди царскіе портреты, съ пѣніемъ: „Боже, царя храни“ и „Спаси, Господи, люди твоя“, окруженные часто войсками и полиціей и вооруженные кольями, палками, кистенями и револьверами, въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ—въ предшествіи военныхъ оркестровъ, эти толпы, которыя во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ называются патріотическими манифестаціями, стрѣляли въ демонстрантовъ, съ гикомъ и проклятіями набрасывались на нихъ и подвергали ихъ нещадному избіенію. Неподготовленные къ такому нападенію, демонстранты рѣдко могли противостоять этому неожиданному натиску, подкрѣплявшемуся, большею частью, оставившими свою недавнюю нейтральность войсками и полиціею, и разбѣгались въ разныя стороны, послѣ чего черносотенныя толпы направлялись въ разныя части города и устраивали погромы, разбивая на своемъ пути еврейскія лавки, дома и квартиры и нещадно избивая всѣхъ попадавшихся имъ евреевъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Твери, Томскѣ, Ѳеодосіи, Красноярскѣ, Минскѣ, Вологдѣ и т. п., черносотенцы не ограничивались еврейскимъ погромомъ и подвергали разгрому народные дома, земскія управы, управленія желѣзныхъ дорогъ и, вообще, всѣ учрежденія, гдѣ находились мѣстные интеллигентные дѣятели, учащіеся и т. п. публика, слывшая у громилъ подъ общимъ именемъ „революціонеровъ“.

О силѣ разразившихся погромовъ и ожесточенности озвѣрѣвшихъ громилъ можно судить по тѣмъ неисчислимымъ бѣдствіямъ, которыя причинили эти повсемѣстныя оргіи звѣрства и грабительства. Въ большинствѣ городовъ погромы продолжались по 3—4 дня, преимущественно между 18—22 октября, и оканчивались часто почти безъ усмиренія, по объявленію мѣстныхъ властей, грозившихъ громиламъ вооруженною силою; послѣднюю приходилось примѣнять лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ къ 21, а иногда къ 22 октября, погромы прекращались сами собою.

Такова схематическая картина октябрьскихъ погромовъ, поразившихъ болѣе 150 городовъ и мѣстечекъ. Нѣсколько иной видъ имѣетъ вторая серія погромовъ, происходившихъ въ 1906 году въ Гомелѣ, Бѣлостокѣ, Сѣдлецѣ, Вологдѣ, Царицынѣ, Муромѣ, Симбирскѣ. Объ этихъ погромахъ будетъ сказано ниже. О томъ, сколько ничѣмъ неутолимаго горя и несчастій принесла эта дикая вакханалія самыхъ низменныхъ человѣческихъ страстей, сколько жизней она отняла у страны и какое разстройство внесла она въ экономическую и общественную жизнь, можно судить

съ достаточною полнотой, лишь представивъ себѣ картины отдѣльныхъ погромовъ. А картины эти были такъ потрясающи, что многіе очевидцы, при видѣ ихъ, теряли разсудокъ, сѣдѣли въ нѣсколько мгновеній и теряли даръ рѣчи.

Вотъ, напримѣръ, что происходило въ Одессѣ, гдѣ погромъ принялъ наиболѣе жестокія и безпощадныя формы. Толпы хулигановъ не ограничивались разгромомъ еврейскихъ магазиновъ и домовъ и убійствомъ попадавшихся на улицѣ евреевъ, но врывались въ квартиры и подвергали живущихъ въ нихъ евреевъ жесточайшимъ мученіямъ. Разслѣдовавшій одесскій погромъ сенаторъ Кузьминскій приводитъ въ уже цитированномъ нами всеподданнѣйшемъ отчетѣ рядъ потрясающихъ картинъ. Вотъ одна изъ нихъ, рисуемая имъ со словъ очевидца, ординатора клиники женскихъ болѣзней новороссійскаго университета, доктора Радецкаго: „На Картамышевской улицѣ, во дворѣ 3-хъ-этажнаго дома № 5, толпа хулигановъ убивала на мѣстѣ евреевъ; на его глазахъ хулиганъ какимъ-то желѣзнымъ станкомъ разбилъ еврею голову; другой хулиганъ, ударомъ по головѣ, свалилъ замертво дѣвочку. Свидѣтель Радецкій видѣлъ, какъ хулиганы со второго и третьяго этажей выбрасывали дѣтей внизъ на мостовую, а одного ребенка хулиганъ схватилъ за ноги и, ударивъ головой объ стѣну, размозжилъ ему голову“ [1]).

Еще болѣе потрясающую картину рисуетъ корреспондентъ „Руси“: „Убивали людей, взявши за ноги и бія головой объ мостовую или тротуаръ. Такъ убили, между прочимъ, студента около Бульварнаго участка, на Еврейской улицѣ, въ концѣ ея, противъ дома Анатра. Городовой раньше прямо застрѣлилъ его, какъ только онъ показался, затѣмъ упавшему юношѣ шашкой вскрылъ животъ, но и этого извергамъ было мало... На одномъ чердакѣ нашли 36 труповъ! А одну семью—изъ трехъ братьевъ, съ женами и дѣтьми,—занимавшую три этажа въ своемъ домѣ, вырѣзали всю“ [2]). Корреспондентъ „К. Г.“ пишетъ: „Къ одной прохожей женщинѣ подбѣжали и заставили ее открыть ротъ,

---

[1]) Кіевскій и одесскій погромы въ разслѣдованіяхъ сенаторовъ Турау и Кузьминскаго, стр. 157.

[2]) „Право“ за 1905 г. № 48—49, стр. 139.

всунули туда револьверъ и выстрѣлили... Очевидцы передаютъ о растлѣніи дѣвочки, объ изнасилованіи женщинъ, которымъ отрѣзывали груди и потомъ разрывали на части и выбрасывали изъ оконъ. Дѣти сбрасывались съ верхнихъ этажей. Есть случаи, когда малютокъ разрывали на части... На еврейскихъ кладбищахъ лежатъ трупы, а въ еврейской больницѣ лежатъ раненые съ отрѣзанными органами тѣла; есть случаи кастраціи... Въ синагогѣ „Матласъ Эйлъ", на Пересыпи, хулиганы распороли животъ сыну служки и заставили отца облачиться въ религіозное облаченіе и прочитать надъ сыномъ молитву" [1]. И т. д., и т. д. Нужно ли говорить, что этотъ погромъ унесъ множество жертвъ. Одесскій градоначальникъ Нейдгардтъ едва ли много преувеличилъ, сказавъ, что, одесская революція (?) унесла съ собою $2^1/_2$ тысячи жертвъ и 10 тыс. разоренныхъ семействъ". Сенаторъ Кузьминскій, оговариваясь о невозможности точно установить число убитыхъ и раненыхъ, такъ какъ много убитыхъ и большинство раненыхъ остались неизвѣстными, говоритъ въ своемъ отчетѣ о 620 трупахъ, похороненныхъ на разныхъ кладбищахъ и доставленныхъ въ разныя больницы, и о 608 раненыхъ, изъ коихъ—392 еврея. Разграблено было во время погрома 1632 еврейскихъ магазиновъ, домовъ, квартиръ и пр., причемъ, по заявленіямъ потерпѣвшихъ, убытку было причинено на сумму болѣе $3^1/_2$ милліоновъ рублей.

Въ Кіевѣ погромъ принялъ еще болѣе грандіозные размѣры, хотя число человѣческихъ жертвъ тамъ было сравнительно меньше и меньше проявлено звѣрства со стороны громилъ. Во всякомъ случаѣ, сенаторъ Турау устанавливаетъ, что 47 убитыхъ и 205 раненыхъ, зарегистрированныхъ полиціей, не даютъ точнаго представленія о числѣ жертвъ, такъ какъ было замѣчено, что убитые и раненые уносились толпою. Жестокость громилъ и здѣсь, какъ и въ Одессѣ, не останавливалась ни передъ чѣмъ, о чемъ свидѣтельствуетъ огромный процентъ убитыхъ дѣтей, стариковъ и старухъ. Несмотря на то, что погромъ объяснялся местью революціонерамъ, послѣдніе почти не пострадали отъ погрома, а жертвою громилъ сдѣлались мирные обы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 143.

ватели, торговцы, мѣстные богачи-евреи, которые по своему классовому положенію были скорѣе враждебны революціонному движенію. На нихъ-то и обрушился „гнѣвъ“ хулигановъ, находившихъ въ ихъ квартирахъ, магазинахъ и конторахъ гораздо больше пищи для грабежа, чѣмъ для искупленія „поруганныхъ евреями національныхъ и патріотическихъ чувствъ русскаго населенія“. Этимъ только и можно объяснить колоссальные убытки, понесенные жертвами погрома: по даннымъ полиціи и судебныхъ слѣдователей, было разграблено около $1^1/_2$ тысячи еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, стоившихъ ихъ владѣльцамъ нѣсколько милліоновъ рублей (точную цифру убытковъ даже сенатору Турау не представилось возможнымъ установить).

Въ Ростовѣ-на-Дону приготовленія къ погрому начались еще до 17 октября, но общій погромъ разразился лишь 18 октября. Въ поданномъ въ нахичеванскую городскую думу гласнымъ прис. повѣр. Г. Х. Чалхушьянцемъ заявленіи разсказывается: „17 октября вышелъ высоч. указъ о дарованіи намъ правъ гражданской свободы. 18 октября онъ сталъ намъ извѣстенъ, и не успѣли мы помолиться Богу о долгоденствіи государя императора, какъ сосѣдній городъ Ростовъ сталъ позорной ареной грабежей, пожаровъ и убійствъ... Неслыханныя буйства продолжались въ небывалыхъ размѣрахъ. Всѣ профессіональные воры, всѣ подонки общества и жители окраинъ, подъ начальствомъ нѣкоторыхъ главарей, громили всѣ еврейскіе магазины и расхищали добро, нажитое годами тяжелаго труда, дѣлая нищими вчера еще богатыхъ людей“. А мѣстная газета „Дон. Рѣчь“ съ эпической простотой въ нѣсколькихъ строкахъ развертываетъ весь трагизмъ создавшагося въ городѣ положенія: днемъ городъ былъ полемъ сраженія манифестантовъ съ черносотенцами; послѣдніе открыли по первымъ правильную пальбу изъ револьверовъ; съ Тюремной площади, на которой собралась большая толпа гражданъ для оповѣщенія заключенныхъ о манифестѣ, весь вечеръ на извощикахъ и дрогахъ доставлялись въ городскую больницу избитые до безчувствія и смертельно изуродованные трупы съ проломленными головами. Въ 6 часовъ вечера начался разгромъ еврейскихъ лавокъ и Покровскаго базара. Когда всѣ магазины съ драгоцѣнностями были разграблены, громилы

уничтожили до одной всѣ остальныя еврейскія торговли. По улицамъ толпа убивала всѣхъ попадавшихся ей евреевъ и въ заключеніе сожгла почти всю Московскую улицу, деревянныя лавки Новаго базара, ремесленный молитвенный домъ, предавъ совершенному опустошенію когда-то лучшую и богатѣйшую часть города. По свѣдѣніямъ германскаго консула, за три дня погрома здѣсь было убито 176 и ранено около 500 чел. Въ отношеніи прокурора Новочеркасской судебной палаты отъ 23 ноября 1905 г. за № 3678 разсказаны потрясающія подробности этого погрома и установлено чрезвычайно странное поведеніе мѣстныхъ властей и войскъ по отношенію къ громиламъ. Но къ этому документу мы вернемся ниже, здѣсь же отмѣтимъ удостовѣренную прокурорскимъ сообщеніемъ такую же необыкновенную жестокость громилъ, какая была проявлена ими въ Одессѣ. Достаточно сказать, что убитая громилами въ числѣ прочихъ манифестантовъ молодая дѣвушка Рейзманъ была найдена съ воткнутымъ ей въ ротъ флагштокомъ отъ флага, который она несла въ толпѣ [1]).

Особенно много кровавыхъ жертвъ дали погромы въ Минскѣ, Ѳеодосіи, Твери и Томскѣ, причемъ и самые погромы въ этихъ городахъ носили отличный отъ прочихъ погромовъ характеръ.

Въ Минскѣ не было собственно еврейскаго погрома, но зато произошло нѣчто еще худшее: ликовавшая на митингѣ 10-тысячная толпа, безъ всякаго съ ея стороны повода и предупрежденія, была разстрѣляна съ трехъ сторонъ войсками, послѣ того, какъ предсѣдатель митинга объявилъ его закрытымъ и собравшіеся начали расходиться. Успѣвшіе оставить мѣсто, гдѣ происходилъ митингъ, пали на ближайшихъ улицахъ жертвою выстрѣловъ отдѣльныхъ полицейскихъ чиновъ, стрѣлявшихъ въ убѣгавшую толпу; однимъ изъ такихъ выстрѣловъ былъ убитъ присяжный повѣренный Ентысъ; въ числѣ убитыхъ оказались даже два офицера окскаго полка, охранявшіе со своими отрядами зданіе вокзала. По свѣдѣніямъ минской городской думы, изъ сообщенія которой мы заимствуемъ это описаніе разстрѣла

---

[1]) Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи. Т. I. Погромы по офиціальнымъ документамъ. 1908 г., стр. 399.

мирной толпы, въ эти нѣсколько минутъ было убито болѣе 50 чел., тяжело ранено болѣе 100 и множество легко раненыхъ. Замѣчательно, что этотъ разстрѣлъ былъ произведенъ при обстоятельствахъ, когда никто не ожидалъ никакихъ угрожающихъ дѣйствій ни со стороны войскъ, ни со стороны властей, такъ какъ ни съ тѣми, ни съ другими не было никакихъ столкновеній; наоборотъ, съ войсковой охраной, въ лицѣ одного изъ ея офицеровъ, произошло трогательное братаніе: подъ впечатлѣніемъ сильнаго всеобщаго ликованія, этотъ офицеръ вынулъ свою шашку и со словами: „я вашъ“, внесенъ былъ на трибуну; за нимъ послѣдовалъ другой офицеръ, а губернаторъ Курловъ принималъ депутацію отъ участниковъ митинга и по ея просьбѣ освободилъ часть заключенныхъ, а остальныхъ обѣщалъ освободить вечеромъ, по соглашенію съ прокуроромъ.

Въ Ѳеодосіи злоба громилъ также не была направлена спеціально противъ евреевъ: жертвою ея сдѣлались участники митинга, созваннаго утромъ 19 октября и привлекшаго множество мѣстной интеллигенціи и оппозиціонно настроенной публики; еврейскій же погромъ явился какъ бы дополненіемъ къ погрому этой публики. Какъ только митингъ собрался въ городскомъ концертномъ залѣ, туда направилась, вооруженная кольями и дубинами, толпа „патріотическихъ“ манифестантовъ. Самооборона дала по нимъ залпъ, разогнавъ громилъ, но какъ только она вернулась въ залъ, хулиганы, составивъ толпу въ 3—4 тысячи человѣкъ, окружили концертный залъ со всѣхъ сторонъ. Выбивъ окна и двери въ находившемся тутъ же ресторанѣ, разсказываетъ корреспондентъ „Од. Нов.“,—хулиганы напились допьяна, прикатили бочки съ керосиномъ и зажгли помѣщеніе зала. Мгновенно огонь охватилъ всю стѣну, и пламя стало проникать внутрь. Задыхаясь отъ дыма и жара, многіе стали выходить на улицу, гдѣ хулиганы избивали ихъ тутъ же, на мѣстѣ. Пощады не было никому: избивали всѣхъ, ужасно уродуя лица. Городскому головѣ съ трудомъ удалось выйти изъ зала. Многіе выбрасывались изъ оконъ 2 и 3 этажа и на улицѣ добивались хулиганами. Все это происходило въ 12—1 ч. дня.

Въ $4^1/_2$ часа рухнула послѣдняя часть крыши зданія, и хулиганы направились въ другія мѣста. Такимъ образомъ

пожаромъ было совершенно уничтожено и помѣщеніе городской управы со всѣми документами, бумагами и счетами. Сгорѣло также помѣщеніе общественнаго собранія съ весьма цѣнной библіотекой; уничтожено имущество и помѣщеніе мелкоторговаго сберегательнаго товарищества, концертный залъ, садикъ и эстрада при такъ называемой генуэзской башнѣ. Уничтожено также нѣсколько магазиновъ, типографія, ресторанъ. Покончивъ съ лучшимъ въ городѣ зданіемъ, хулиганы, убивая всѣхъ попадавшихся по дорогѣ евреевъ, направились къ собору, возлѣ котораго зажгли рядъ магазиновъ и Коммерческую гостинницу. За два дня неистовства хулигановъ (19 и 20 октября) въ общемъ пострадало до 100 человѣкъ, изъ коихъ многіе умерли по доставленіи въ земскую больницу. „Полицейскіе чины, сообщаетъ корреспондентъ, присутствовали въ качествѣ посторонних зрителей. Патрули такъ же спокойно наблюдали за происходившимъ“.

Нѣчто вродѣ ѳеодосійскаго массового истребленія людей произошло на слѣдующій день—20 октября—и въ отдаленномъ Томскѣ, но размѣры ѳеодосійской трагедіи, и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ, блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что произошло въ Томскѣ. Въ напечатанныхъ 21 октября газетами телеграммахъ Рос. телегр. агентства, томское истребленіе было представлено, какъ результатъ столкновенія патріотической манифестаціи съ участниками митинга, происходившаго въ городскомъ театрѣ, причемъ это столкновеніе было будто бы вызвано стрѣльбою со стороны участниковъ митинга. Но лживость этого сообщенія опровергается офиціальнымъ донесеніемъ начальника томскаго жел.-дорожнаго управленія инж. Штукенберга отъ 15 ноября 1905 г. за № 20487 [1]). Въ дѣйствительности, какъ сообщаетъ инженеръ Штукенбергъ, не было никакого столкновенія между громилами и ихъ жертвами. Громилы образовали огромную толпу и съ царскими портретами организовали шествіе по городу, убивая по дорогѣ встрѣчавшихся имъ лицъ, казавшихся крамольниками. Убивъ такимъ образомъ троихъ, толпа подошла къ зданію управленія службы тяги и пути сибирск. жел. дороги. Здѣсь она бросилась

---

[1]) Донесеніе это напечатано въ № 48—49 „Права“ за 1905 г.

на вооруженныхъ револьверами милиціонеровъ, но, встрѣченная залпомъ со стороны послѣднихъ, разсѣялась. Тѣмъ временемъ, къ зданію управленія подошли войска, и вмѣстѣ съ ними вернулись и громилы, толпа которыхъ сильно возрасла. Прорвавъ каре изъ войскъ, окружавшихъ зданіе, громилы облегли домъ управленія и, не встрѣчая противодѣйствія войскъ, начали громить его, бить стекла, уничтожая все и имѣя цѣлью напасть на скрывающихся внутри. Въ это время тамъ находилось около 200 служащихъ управленія, явившихся за получкою жалованья. Нѣкоторые изъ нихъ, пытавшіеся выйти, еще ранѣе были избиты или убиты толпою, теперь же они поняли, что всѣмъ имъ въ этой ловушкѣ грозитъ большая опасность. На многократныя просьбы разогнать буйствовавшую толпу, съ которыми инженеръ Штукенбергъ обращался по телефону къ губернатору, послѣдній просилъ „не безпокоиться, такъ какъ толпа въ свое время будетъ разогнана, и все будетъ усмирено". Между тѣмъ, милиціонеры, защищаясь сами и защищая служащихъ отъ нападенія толпы, сдѣлали по ней залпъ изъ оконъ, на что въ отвѣтъ послѣдовалъ залпъ воинскихъ частей, направленный въ окна зданія.

Послѣ этого, начальники военной охраны предложили желающимъ выйти изъ зданія подъ ихъ охраной, обѣщая имъ безопасность. Повѣрившіе этому, однако, были большею частью избиваемы и убиваемы громившей толпой, солдатами и казаками.

Около 5 час. дня, когда уже стемнѣло, озвѣрѣвшей отъ безпрепятственно чинившихся ею убійствъ толпѣ пришла мысль поджечь зданіе, гдѣ еще оставались, по ея мнѣнію, крамольники. Тотчасъ же сложили костеръ изъ мебели, вынутой изъ зданія театра, облили его цѣлой бочкой керосина, и костеръ запылалъ, охватывая помѣщеніе перваго этажа; это же помѣщеніе было одновременно подожжено со двора, гдѣ рядомъ стоялъ военный караулъ. Съ началомъ пожара, военныя власти снова стали уговаривать засѣвшихъ въ зданіи—выйти, но тѣ отказались, не надѣясь на силу конвоя. Огонь около 1²/₃ часовъ былъ только въ нижнемъ этажѣ, и уже черезъ лѣстницы распространился сначала по второму, а затѣмъ и по третьему этажу. Въ присутствіи не только бездѣйствовавшихъ, не отгонявшихъ

толпы, но и оказывавшихъ ей помощь нижнихъ чиновъ, спасавшіеся изъ огня по трубамъ и прыжками изъ оконъ, немедленно были убиваемы на мѣстѣ разсвирѣпѣвшей толпой, страшно ихъ уродовавшей и грабившей ихъ до нага. Солдаты разстрѣливали спасавшихся на крышѣ. Около 6 часовъ вечера, когда стала грозить опасность сгорѣть живыми, нѣкоторые въ отчаяніи рискнули выйти черезъ черную лѣстницу на дворъ управленія; многимъ изъ нихъ удалось, отстрѣливаясь отъ толпы, спастись, другіе были безпощадно убиты. Отдѣльныя лица, спасенныя солдатами и офицерами, отнимались отъ нихъ толпою и убивались. Къ 8 часамъ вечера, когда изъ за огня нельзя было стоять вблизи зданія, толпа отступила, послѣ чего явилась возможность оцѣпить зданіе солдатами. Однако, всякій, выскакивавшій изъ зданія, какъ только показывался на освѣщенномъ пространствѣ, убивался выстрѣлами солдатъ на сосѣдней (Почтамтской) улицѣ, а на дворѣ зданія—громилами. Огонь, дошедшій до 3-го этажа крыши, вызвалъ гибель всѣхъ находившихся тамъ, изъ которыхъ одни въ отчаяніи стрѣляли въ толпу, другіе оканчивали самоубійствомъ или гибли со страшными воплями. Только, когда рухнула крыша зданія, въ 11 ч. вечера, были допущены пожарные (которымъ ранѣе не давала дѣйствовать толпа). Все зданіе со всѣми дѣлами службъ пути, тяги и новыхъ работъ было уничтожено, а что уцѣлѣло—было разгромлено и разграблено на слѣдующій день утромъ, благодаря отсутствію охраны, о которой управленіе настоятельно, но тщетно просило губернатора. Охрана поставлена была только 21 октября. Судебное слѣдствіе начато только 23-го. Полиція на мѣстѣ происшествія все время отсутствовала.

Это кровопусканіе, производившееся въ теченіе цѣлаго дня, съ ранняго утра до поздняго вечера, на глазахъ военной охраны и съ вѣдома губернатора г. Азанчевскаго-Азанчеева, отняло болѣе сотни жизней: служащихъ дороги было убито 33, ранено 70, безъ вѣсти пропало 7; кромѣ того, погибло 80 постороннихъ жел. дорогѣ лицъ и 6 пропало безъ вѣсти.

Твери въ октябрьскіе дни пришлось дважды пережить погромъ: 17 октября—когда еще ничего не было извѣстно о манифестѣ, и 18—въ день его опубликованія, причемъ

оба погрома направлены были не на евреевъ, а на „враговъ царя и правительства“. Особенно много жертвъ пало во время перваго погрома, имѣвшаго много сходства съ только что описаннымъ томскимъ злодѣяніемъ. Какъ и въ Томскѣ, злоба тверскихъ громилъ обрушилась на опредѣленный, заранѣе намѣченный элементъ. Тамъ были предназначены къ истребленію желѣзнодорожные служащіе, здѣсь были намѣчены для этой цѣли земскіе служащіе. Собранный губернскою земскою управою для доклада губернскому земскому собранію матеріалъ объ этомъ погромѣ рисуетъ картины, имѣющія громадное сходство съ картиною большинства другихъ погромовъ. Это сходство особенно поразительно въ обстановкѣ погрома, въ отношеніи къ нему догубернской администраціи и полиціи. Дѣловой тонъ доклада и происхожденіе его изъ губернской управы не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ его достовѣрности и серьезности. Поэтому, описаніе тверского погрома, основанное на этомъ докладѣ, можетъ имѣть особенно важное значеніе для опредѣленія роли, которую играли въ погромахъ представители администраціи и другіе агенты правительственной власти. Тверскіе земскіе служащіе издавна пользовались репутаціей наиболѣе прогрессивныхъ изъ представителей „третьяго элемента“. Вполнѣ понятно, что къ происходившимъ въ октябрѣ событіямъ они не могли относиться безучастно, и 17-е октября застало ихъ за оживленнымъ обсужденіемъ вопроса о формѣ, въ которой могло выразиться ихъ участіе, какъ одного цѣлаго, въ этихъ событіяхъ. Позиція, занятая земскими служащими, не могла нравиться мѣстной реакціи, и поэтому на нихъ, какъ на наиболѣе замѣтную величину, и была направлена злоба черной сотни.

17 октября, когда земцы собрались на заключительное свое засѣданіе, въ которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о присоединеніи ихъ ко всеобщей политической забастовкѣ, толпа черносотенцевъ осадила помѣщеніе губернской земской управы, гдѣ происходило собраніе. Сначала это имѣло только видъ желанія небольшой кучки хулигановъ попасть въ залъ засѣданія, но затѣмъ дѣйствія этой кучки, выросшей въ большую толпу, стали принимать все болѣе угрожающій характеръ. Толпа стала ломиться въ двери, бросать въ окна камни и, наконецъ, овладѣла входомъ въ управу, такъ что

для воспрепятствованія проникновенію ея внутрь земцы вынуждены были забаррикадировать входъ. Все это происходило на глазахъ бездѣйствовавшаго наряда полиціи, численность котораго равнялась численности громилъ. Здѣсь же находился и полиціймейстеръ Кирѣевскій. Жалобы члена управы Н. К. Милюкова на бездѣйствіе полиціи, неоднократно сообщаемыя по телефону губернатору Слѣпцову, не приводили ни къ чему. Не помогли и присланные губернаторомъ драгуны и даже присутствіе самого г. Слѣпцова не остановило громилъ, продолжавшихъ осаждать управу. Въ своемъ докладѣ управа даже констатируетъ, что „пріѣздъ губернатора не только не измѣнилъ положенія вещей на площади передъ зданіемъ управы, но безусловно придалъ бодрости громиламъ, вселивъ въ толпу громилъ увѣренность въ полной безнаказанности ея дѣйствій". По отъѣздѣ г. Слѣпцова съ площади, драгуны отъѣхали отъ зданія управы на средину площади и расположились такимъ образомъ, что громилы были защищены отъ публики линіей драгунъ и нарядомъ полиціи. Между тѣмъ, громилы стали бомбардировать управу со всѣхъ сторонъ, взломали ворота и вмѣстѣ съ частью наряда полиціи ворвались во дворъ. Здѣсь, черезъ разбитыя окна, они подожгли бумагу и стали подбрасывать въ горѣвшее помѣщеніе дрова, затѣмъ откуда-то съ улицы былъ принесенъ керосинъ и на глазахъ присутствовавшей полиціи былъ произведенъ правильный поджогъ. Прибывшимъ пожарнымъ громилы тушить пожаръ не позволили и огонь быстро распространился по всему зданію. Оставаться здѣсь безъ риска задохнуться отъ дыма или сгорѣть было невозможно, и осажденные рѣшили выйти. Но какъ только они стали показываться на улицѣ, громилы подвергали ихъ безпощадному избіенію. „Избіеніемъ, разсказывается въ докладѣ, руководили чины полиціи. Полицейскіе (главнымъ образомъ, приставъ Успенскій и нѣсколько околоточныхъ надзирателей) схватывали нѣкоторыхъ изъ выходящихъ изъ зданія и бросали ихъ въ кучу озвѣрѣвшихъ хулигановъ; другіе чины полиціи останавливали выбѣгавшихъ служащихъ, которымъ болѣе или менѣе счастливо удавалось уйти отъ подъѣзда управы, и держали ихъ до тѣхъ поръ, пока убѣгавшаго настигали хулиганы. Полицейскія заставы для задержанія убѣгавшихъ служащихъ были расположены не только у

подъѣзда управы, но и въ прилегавшихъ улицахъ. Вообще, гдѣ бы ни попадались полицейскіе, они дѣйствовали по одному плану: задерживали служащихъ и предавали ихъ въ руки громилъ. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, чины полиціи опредѣляли время, когда надо перестать бить того или другого служащаго. Обыкновенно, избіеніе не кончалось тогда, когда служащій терялъ сознаніе и валился на землю— бить продолжали и послѣ этого; и вотъ, здѣсь обыкновенно подходилъ полицейскій и, если онъ находилъ, что служащій достаточно избитъ, говорилъ хулиганамъ „довольно", или— „потѣшились, ребята, довольно", и только тогда толпа оставляла свою жертву и набрасывалась на новую. Затѣмъ, полиція избитыхъ до потери сознанія служащихъ складывала съ проклятіями, ругательствами и издѣвательствами на спеціально для этого запряженныя дроги или на городскихъ извозчиковъ и доставляла въ больницу губернскаго земства; было нѣсколько случаевъ, когда озвѣрѣвшіе хулиганы набрасывались на подобранныхъ и уже раньше избитыхъ служащихъ и начинали избіеніе вновь, взобравшись на дроги или извозчика".

Изъ общаго числа 150 служащихъ, находившихся въ тотъ вечеръ въ управѣ, было избито и ранено 64 чел., въ томъ числѣ—23 женщины. Кромѣ того, были избиты и посторонніе лица изъ толпы, выражавшія негодованіе по поводу безчинства хулигановъ и дѣйствій полиціи; тяжелыя раны получили: врачъ Потемкинъ, три чиновника, нѣсколько рабочихъ и др. лица. Послѣ избіенія служащихъ, громилы произвели разгромъ самой управы, разграбивъ и уничтоживъ имущества на 37,000 руб.

Замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ симферопольскій погромъ, во время котораго было убито 47 человѣкъ, не считая множества раненыхъ. На бульварѣ, гдѣ происходилъ митингъ, собравшій огромную толпу, полиціею и громилами была устроена настоящая ловушка въ которую безпрепятственно впускались вооруженные громилы, а выпускались изъ нея только христіане. Евреевъ здѣсь избивали не только громилы, но и полицейскіе, что было установлено судебнымъ слѣдствіемъ и удостовѣрено обвинительнымъ актомъ по дѣлу о симферопольскомъ погромѣ. Многимъ убитымъ нанесены были удары шашками и револь-

верныя раны. Большинство ранъ, причиненныхъ тупымъ орудіемъ (дубинами), нанесены были въ голову, что отмѣчено было при освидѣтельствованіи труповъ. На судѣ, свидѣтелями было установлено, что въ погромѣ участвовали, кромѣ громилъ, не только полицейскіе, но и солдаты, бывшіе въ нарядѣ; евреевъ, охранявшихъ свое имущество, „эскадронцы", командированные для прекращенія насилій, прогоняли, громилъ же совершенно не трогали. Все это было установлено на судѣ, происходившемъ въ маѣ 1907 г. [1]).

Не всѣ описанные погромы, несмотря на ихъ необыкновенную кровопролитность, можно назвать самыми большими изъ серіи октябрьскихъ кровопусканій. Можно насчитать десятки городовъ, гдѣ число жертвъ погрома—не меньше, а подчасъ и больше отмѣченныхъ нами въ Ѳеодосіи, Томскѣ, Твери, Минскѣ. Но, если въ описанныхъ погромахъ, обстановка ихъ, мотивы, выставленные погромщиками, непосредственныя причины возникновенія погромовъ и другія обстоятельства происходившихъ трагедій хоть сколько нибудь разнообразились,—въ большинствѣ остальныхъ городовъ и мѣстечекъ, сдѣлавшихся жертвою ярости и злобы хулигановъ и ихъ вдохновителей, картина „взрывовъ народнаго негодованія" и „мести русскаго народа за поруганныя патріотическія и національныя его чувства" отличалась чрезвычайнымъ однообразіемъ, доходившимъ до шаблонности. Ликующія по поводу манифеста толпы народа собирались на площади, полиція и казаки никого не били, губернаторы и другія власти охотно исполняли требованія манифестантовъ объ освобожденіи политическихъ заключенныхъ, и этимъ заканчивались торжества по случаю завоеванія свободы. Вслѣдъ за этимъ, полиція и войска начинали дѣйствовать, подвергая манифестантовъ безъ всякаго видимаго повода избіенію и разстрѣлу; являлись на сцену „патріотическія" манифестаціи, нападавшія на своихъ противниковъ и помогавшія войскамъ и полиціи въ ихъ работѣ; наконецъ, по городу пускался слухъ о томъ, что гдѣ-то крамольники разорвали царскій портретъ, или, что „жиды хотятъ убить царя", „оскорбляютъ православныя святыни", или что нибудь

---

[1]) Дѣло объ октябрьскомъ погромѣ въ Симферополѣ. Судебный отчетъ. Сост. И. С. Клейнершехетъ. Симферополь. 1907 г.

въ этомъ родѣ—и шайки „патріотовъ“, состоявшія изъ хулигановъ, воровъ и другихъ подонковъ населенія, бросались громить и грабить еврейскіе магазины и дома и убивать всѣхъ, попадавшихся въ ихъ руки евреевъ. При этомъ, полиція или сохраняла нейтралитетъ, безучастно взирая на творящіяся преступленія, или принимала участіе въ убійствахъ и грабежѣ, руководя часто дѣйствіями громилъ. Самооборона, дававшая во многихъ городахъ энергичный отпоръ громиламъ, безпощадно разстрѣливалась войсками и полиціей и ни въ одномъ погромѣ не было констатировано содѣйствіе властей самооборонѣ. Малѣйшаго подозрѣнія въ попыткѣ евреевъ обороняться или защитить болѣе слабыхъ достаточно было для того, чтобы дома, въ которыхъ предполагалась самооборона, стрѣлявшая по погромщикамъ, безпощадно разстрѣливались со всѣми обитателями.

По такой, въ общихъ чертахъ, программѣ разгромлено было болѣе 140 городовъ и мѣстечекъ. Въ Кишиневѣ, не успѣвшемъ оправиться еще отъ погрома 1903 года, было убито 60 и ранено около 200 чел. Въ Оршѣ убито болѣе 40 чел., причемъ многіе трупы были изуродованы до неузнаваемости. Въ Саратовѣ, кромѣ множества необнаруженныхъ жертвъ, насчитывалось около 15 убитыхъ и 63 тяжело раненыхъ. Въ Казани, въ числѣ многихъ интеллигентовъ, подвергшихся погрому, былъ звѣрски убитъ присяж. повѣр. А. В. Михайловъ-Двинскій и растерзаны толпою два студента. Въ Ярославлѣ избивали и евреевъ и интеллигенцію, но число жертвъ неизвѣстно, хотя извѣстно, что тамъ было нѣсколько убитыхъ и въ томъ числѣ двое дѣтей. Въ Калугѣ дома и земскія учрежденія громились по заранѣе составленному списку. Въ Тулѣ убито около 40 чел. и ранено около 100, причемъ большинство пострадало отъ казачьихъ пуль и сабельныхъ ударовъ. Въ Архангельскѣ былъ убитъ извѣстный профессоръ химіи М. Ю. Гольдштейнъ и учительница А. Покотилло, а большинство товарищей Гольдштейна по ссылкѣ жестоко избиты. Въ Елисаветградѣ было убито 10 членовъ самообороны и множество евреевъ (число ихъ неизвѣстно), болѣе 100 тяжело раненыхъ наполнили мѣстную больницу, 200 домовъ и всѣ еврейскія лавки были уничтожены, и разорены тысячи семействъ. Екатеринославскій погромъ отнялъ у еврейскаго населенія 80 жизней, не считая множества ра-

неныхъ. Въ Калараш̆ѣ (бессараб. губ.) изъ числа 700 живущихъ тамъ еврейскихъ семействъ погорѣло 350, 60 человѣкъ было убито, 80—тяжело ранено. Число убитыхъ и раненыхъ во всѣхъ перечисленныхъ городахъ—только приблизительное, установленное по кладбищенскимъ и больничнымъ спискамъ, дѣйствительное же число жертвъ погромовъ значительно выше, такъ какъ многіе были похоронены родными безъ вѣдома полиціи, а огромное число раненыхъ лечилось дома.

Что касается остальныхъ, пострадавшихъ отъ погрома городовъ и мѣстечекъ, то число убитыхъ, раненыхъ и разоренныхъ въ нихъ совершенно неизвѣстно или, по крайней мѣрѣ, не имѣется въ тѣхъ матеріалахъ, которыми мы располагаемъ; относительно большинства изъ нихъ извѣстно только, что въ нихъ было много убитыхъ и раненыхъ; безъ кровавыхъ жертвъ погромы обошлись лишь въ немногихъ мѣстахъ. Вотъ извѣстный намъ списокъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ въ октябрьскіе дни происходили погромы.

Кременчугъ, Владиміръ, Кострома, Новгородъ, Пенза, Аккерманъ, Александровскъ, Ананьевъ, Арзамасъ, Байрамча (бессараб. губ.—убито двое, тяжело ранены трое, убытка—свыше 300.000 руб.), Балта (уничтожено болѣе 60 лавокъ), Бахмутъ, Бирзула, Богополь, Брянскъ, Бѣлая Церковь, Великіе Луки (нѣсколько чел. убито), Великій Устюгъ, Верховка, Винница (войсками во время погрома убито 5, ранено 15 евреевъ), Воронежъ (много убитыхъ и раненыхъ, разграблено 60 магазиновъ и квартиръ), Вязьма, Вятка, Гадячъ, Геническъ (тавр. губ.), м. Голта (сожжено), Егоровскъ (убитыхъ двое), Жмеринка, поселокъ Затишье, село Зельцъ, м. Злынка (черниг. губ.), Золотоноша, Иваново-Вознесенскъ, Измаилъ, Каменецъ-Подольскъ (раненыхъ свыше 30), Керчь, Клинцы, Климовичи (могил. губ.), Козелецъ (черниг. губ.), Кролевецъ, Курскъ, с. Лозовая Павловка (екатериносл. губ.), Лугапскъ (много убитыхъ, нѣсколько еврeекъ изнасиловано), Макаровка, Маріуполь (разбито и разграблено большинство еврейскихъ лавокъ, перерѣзаны цѣлыя семья); Маяки (одинъ изъ рѣдкихъ городовъ, гдѣ не было жертвъ), Мирополь, Могилевъ-Подольскъ (двое убито, много ранено), Николаевъ (много убитыхъ, раненыхъ и разореныхъ), Новгородъ-Сѣ-

верскъ, Новогеоргіевскъ (херсонск. губ.), Новозыбковъ (разрушены почти всѣ еврейскіе магазины и жилища), Новомосковскъ, Новопетровка, Новочеркасскъ (всѣ еврейскіе дома разбиты), м. Носовичи (гомел. уѣзда), Нѣжинъ, Обухово, Овидіополь (много убитыхъ и раненыхъ, всѣ еврейскіе дома сожжены или разрушены), Орелъ, Оренбургъ, ст. Раздѣльная (13 убитыхъ, 29 тяжело раненыхъ); Ромны (убитыхъ—8, раненыхъ—30, тысячи богачей стали нищими, городъ разоренъ), Рязань, м. Рѣпка (черниг. губ.), м. Рѣчица (мин. губ., 7 чел. убито, 20 тяжело ранено), Седневъ (черниг. губ.), Семеновка (черниг. губ., очень много тяжело раненыхъ и убитыхъ), Стародубъ (двое убитыхъ, трое смертельно ранены, 18 изувѣчены, сожжены и разграблены 160 лавокъ и синагога), Страшены (бессараб. губ.), Суражъ (много убитыхъ и раненыхъ, сожжены всѣ лавки, кромѣ стараго ряда), Тирасполь, Унгени, Умань (убитыхъ и раненыхъ нѣтъ), м. Фестеровка, Херсонъ (почти единственный городъ, гдѣ охранявшія войска воспрепятствовали погрому), Челябинскъ, Черниговъ (было убито нѣсколько человѣкъ и много ранено), Чучулены (бессараб. губ.), Юзовка (много убитыхъ и раненыхъ, разгромлена синагога и уничтожено почти все еврейское имущество).

На Кавказѣ, за отсутствіемъ евреевъ, на которыхъ вымещала реакція завоеванія свободы, жертвами хулигановъ сдѣлались армяне—обычные козлы отпущенія въ этой „жемчужинѣ русской короны". Наряду съ хулиганами, армянъ громили здѣсь татары—всегдашніе палачи преслѣдуемаго правительствомъ армянскаго населенія. О томъ, что дѣлалось въ октябрьскіе дни въ Баку, очень краснорѣчиво разсказываетъ телеграфная переписка, ведшаяся между Баку и Петербургомъ. Въ посланной 24 октября графу Витте телеграммѣ сообщалось:

„Уже пятый день въ городѣ царитъ полная анархія, идетъ организованная рѣзня армянъ; несмотря на объявленное генералъ-губернаторомъ воспрещеніе манифестацій, хулиганы, прикрываясь желаніемъ устроить патріотическія шествія, ходятъ по городу съ портретомъ государя и флагами, сопровождаемые офицерами и войсками съ ружьями на перевѣсъ, останавливаясь передъ заранѣе намѣченными армянскими домами и производя передъ ними панику вы-

стрѣломъ; хулиганы увѣряютъ, что изъ этихъ домовъ стрѣляли, начинаютъ грабить, затѣмъ и поджигать ихъ подъ прикрытіемъ войска, которое въ свою очередь бомбардируетъ эти дома; усиленное возбужденіе среди толпы и войска противъ армянъ поддерживается провокаціею еще не удаленныхъ туземцевъ полицейскихъ. Былъ случай выстрѣловъ, сдѣланныхъ офицеромъ при крикахъ: „армяне стрѣляютъ". Офицеръ этотъ былъ настигнутъ и остановленъ предсѣдателемъ военнаго суда, сдѣлавшимъ ему замѣчаніе. Къ подожженнымъ домамъ толпа не подпускаетъ пожарную команду, изъ нихъ выводятъ всѣхъ обитателей, кромѣ армянъ, которыхъ тамъ же сжигаютъ; спасающихся подстрѣливаютъ войска; толпа ворвалась въ армянскую богадѣльню, гдѣ вырѣзала беззащитныхъ больныхъ женщинъ, дѣтей. Убитыхъ, раненыхъ масса, громадная часть населенія выброшена на улицу безъ крова и пищи, положеніе армянъ отчаянное, войска не только не защищаютъ, но и не позволяютъ защищаться отъ толпы".

Обычнымъ мотивомъ разгрома армянъ выставлялось обвиненіе ихъ въ покушеніяхъ на патріотовъ, въ стрѣльбѣ по мирному населенію и т. п. О цѣнности подобныхъ обвиненій можно судить по слѣдующей телеграммѣ, полученной 26 октября изъ Баку предсѣдателемъ бакинскаго биржевого комитета С. С. Тагіаносовымъ въ Петербургѣ:

„Офиціальное донесеніе о бросаніи бомбъ армянами въ толпу манифестантовъ—клевета, опровергаемая самимъ генералъ-губернаторомъ въ его объявленіи населенію. Что касается стрѣльбы изъ армянскихъ домовъ, то таковой нигдѣ не было, что удостовѣряютъ достойные полнаго довѣрія русскіе люди: напримѣръ, русскій священникъ Александръ Левцовъ, квартиру котораго на Балаханской улицѣ русскіе и татары разграбили, г. Бегунъ, учитель прогимназіи, тяжело раненый. Другіе, какъ очевидцы, показываютъ, что татары, вооруженные револьверами, нѣкоторые съ посудой съ керосиномъ, сами производили выстрѣлы, потомъ показывали на дома армянъ, будто оттуда стрѣляли. Обстрѣливался домъ (войскомъ), обливался керосиномъ, поджигался; толпа грабила и убивала, причемъ казаки, солдаты и татары подстрѣливали даже прыгавшихъ съ балконовъ людей. Подонки татарскаго населенія, воспользовавшись, какъ щитомъ, мани-

фестантами, поддерживаемыми военной силой, подъ флагомъ патріотизма, прошли армянскую часть города и, вмѣстѣ съ хулиганами, обрушились на армянъ, зная, что послѣдніе, подъ страхомъ столкновенія съ русскими войсками, не станутъ противодѣйствовать".

Характерно при этомъ, что, несмотря на то, что погромы въ Баку начались съ 20 октября, бакинскій ген.-губернаторъ г. Фадѣевъ только 25-го октября издалъ постановленіе, воспрещающее грабежи и насилія.

Въ Тифлисѣ погромъ былъ устроенъ преимущественно войсками, подъ предлогомъ защиты патріотическихъ манифестацій отъ революціонеровъ. Въ правительственномъ сообщеніи, напечатанномъ въ официальной газетѣ „Кавказъ", тифлисскія событія были представлены, какъ рядъ нападеній революціонеровъ на войска, мирную патріотическую манифестацію и мирныхъ жителей. Въ этой реляціи можно встрѣтить всѣ тѣ обвиненія по адресу жертвъ погрома, которыми изобилуютъ всѣ официальныя сообщенія о погромахъ. Особенно много говорится въ ней о стрѣльбѣ революціонеровъ изъ оконъ домовъ, о брошенныхъ ими бомбахъ и т. п. злодѣйствахъ. Но изъ телеграммъ о бакинскомъ погромѣ мы только что видѣли, какую цѣну имѣютъ подобныя обвиненія.

Лживость этихъ обвиненій разоблачилъ, даже не преслѣдуя этой цѣли, бывшій кутаисскій губернаторъ В. А. Старосельскій, напечатавшій въ „Быломъ" свои воспоминанія о дняхъ свободы на Кавказѣ. Изъ его описанія мы видимъ, что фигурирующіе въ правительственномъ сообщеніи революціонеры, бросавшіе бомбы и стрѣлявшіе изъ оконъ по войскамъ и „патріотамъ", были ни кто иные, какъ воспитанники гимназіи и мирная публика, которую избивали въ ресторанѣ. „Мирные" патріотическіе манифестанты, о скромности которыхъ такъ распространялся „Кавказъ", охраняемые драгунами, казаками и пѣхотой, проявляли свой патріотизмъ на головахъ малолѣтнихъ школяровъ и ресторанной публики. „Поровнявшись съ 1-й гимназіей—разсказываетъ г. Старосельскій о погромѣ 22 октября, часть манифестантовъ набросилась на группу гимназистовъ, требуя снять шапки и принять участіе въ пѣніи гимна. Получивъ отказъ, манифестанты набросились на гимназистовъ; послѣдніе скрылись

въ гимназію. Тогда изъ толпы, по направленію бѣгущихъ мальчиковъ, раздался выстрѣлъ, послужившій сигналомъ побоища, продолжавшагося 2½ часа. Стрѣляли какъ въ гуляющую публику, такъ и въ зданія гимназіи, тифлисскаго собранія, редакціи газетъ, въ меблированныя комнаты Мухранскаго и др. Въ 1-й гимназіи ворвавшимися было убито 6 гимназистовъ и 3 воспитателя, и въ числѣ первыхъ—гимназистъ Цирюльниковъ, восьми лѣтъ. Многихъ дѣтей директоръ Гамкрелидзе успѣлъ спрятать въ своей квартирѣ, но и она подверглась обыску и разгрому. Особенно усердно обстрѣливались гимназическій лазаретъ и церковь. Такой же участи подверглись редакціи двухъ газетъ, нѣкоторыя общественныя зданія и прятавшіеся въ нихъ обыватели. Ихъ обыскивали и убивали. Въ ресторанѣ „Пуръ-Гвино" ворвавшимися манифестантами были убиты, между прочими, студентъ юрьевскаго университета кн. Вачнадзе съ женою, у которой пальцы съ кольцами оказались отрѣзанными. Такія же сцены происходили и въ другой части города, на Авлабарѣ, гдѣ не щадили даже грудныхъ дѣтей" [1]).

Въ результатѣ событій 22 октября, въ которыхъ революціонеры изображены нападающею стороною, а „патріоты" и войска—обороняющеюся, оказалось убитыхъ и скончавшихся отъ ранъ 91 въ Тифлисѣ и 7 въ Авлабарѣ, ранено—66, причемъ, со стороны войскъ не было никакихъ потерь.

Приблизительно, такой же, какъ и въ Тифлисѣ, видъ имѣли погромы и въ другихъ кавказскихъ городахъ: вездѣ, подъ предлогомъ усмиренія революціонеровъ, были истреблены войсками и отчасти громилами наиболѣе прогрессивные и оппозиціонные элементы населенія. Особенно пострадали Батумъ, сухумскій округъ, Гурія, Новороссійскъ, Кутаисъ, Александрополь и много другихъ городовъ.

Мы отмѣтили въ этомъ бѣгломъ очеркѣ всѣ выдающіеся по своимъ размѣрамъ и числу жертвъ октябрьскіе погромы и привели списокъ большинства мѣстностей, въ которыхъ эти погромы были произведены. Но ни очеркъ, ни списокъ нашъ не полны: недостатокъ мѣста и рамки нашего изслѣдованія лишаютъ насъ возможности развернуть болѣе полную картину происходившихъ въ октябрѣ событій, а совер-

[1]) В. А. Старосельскій. „Дни свободы въ кутаисской губ.". „Былое" 1907 г., № 7, стр. 279.

шенное отсутствіе сколько нибудь провѣренныхъ, сведенныхъ воедино, свѣдѣній о дѣйствительномъ числѣ человѣческихъ жертвъ, размѣрахъ убытковъ, причиненныхъ погромами, и отсутствіе полнаго списка всѣхъ пострадавшихъ отъ нихъ мѣстъ не позволяютъ намъ подвести точный итогъ обрушившагося на страну несчастья. Десятки тысячъ жертвъ, десятки милліоновъ убытковъ и полтораста разоренныхъ и полуразоренныхъ городовъ и мѣстечекъ—вотъ какъ можно въ общихъ чертахъ, не впадая въ преувеличеніе, суммировать физическій и матеріальный уронъ, причиненный разгуломъ низменныхъ страстей отбросовъ человѣчества, присвоившихъ себѣ названіе „патріотовъ“, „истинно-русскихъ людей“, „мирныхъ гражданъ“. Объ уронѣ моральномъ и о бездонномъ морѣ безысходнаго горя и страданій, разлитыхъ этими людьми по всей странѣ, говорить не приходится—все это еще слишкомъ свѣжо въ памяти и никогда не перестанетъ жечь воображеніе всѣхъ, кто не утратилъ права называться человѣкомъ.

* * *

Когда всѣ описанныя событія неистовымъ ураганомъ пронеслись по всей странѣ, вызвавъ единодушный взрывъ негодованія, ужаса и изумленія, казалось, что совершенными преступленіями сказано послѣднее слово жестокости, звѣрства и человѣконенавистничества. Въ самомъ дѣлѣ, какое воображеніе могло бы представить себѣ больше злобы, равнодушія передъ страданіями беззащитныхъ и неповинныхъ людей, жажды крови, какія были проявлены громилами въ октябрьскіе дни. Казалось, достигнутъ былъ крайній предѣлъ безчеловѣчности, проявлявшейся въ самыя мрачныя эпохи міровой исторіи. И если все русское общество единодушно потребовало немедленнаго преданія суду виновниковъ и организаторовъ погромовъ, то оно руководилось не столько желаніемъ покарать громилъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ такимъ образомъ безвредными на будущее время, сколько естественнымъ стремленіемъ обнаружить интеллектуальныхъ виновниковъ этой кровавой трагедіи, для того, чтобы пригвоздить ихъ къ позорному столбу исторіи освободительной борьбы. Повтореніе чего либо подобнаго октябрьскимъ погромамъ считалось невозможнымъ, немыслимымъ. „Самобытная“ русская дѣйствительность показала, однако, всю

неосновательность такого взгляда, убѣдивъ, что октябрьскіе погромы были не случайнымъ, стихійнымъ несчастіемъ, внезапно обрушившимся на страну, а результатомъ хорошо обдуманной кѣмъ-то системы борьбы съ освободительнымъ движеніемъ, системы, планомѣрно осуществляемой по мѣрѣ надобности. Это воочію показалъ 1906 годъ, когда погромы повторены были съ еще большимъ кровопусканіемъ, съ большей разнузданностью и смѣлостью. Погромы 1906 года не были повсемѣстны, но зато были болѣе безпощадны и жестоки. Два наиболѣе выдающіеся изъ нихъ—бѣлостокскій и сѣдлецкій—отмѣчены весьма страннымъ поведеніемъ войскъ, передъ которымъ блѣднѣли всѣ подвиги „истинно-русскихъ" громилъ.

Во время бѣлостокскаго погрома, начавшагося 1 іюня, засѣдала государственная дума, которая немедленно отрядила для разслѣдованія комиссію изъ депутатовъ гг. Щепкина, Араканцева и Якубсона. Здѣсь впервые погромъ былъ разслѣдованъ народными избранниками, „лучшими людьми", какъ называли еще тогда народныхъ представителей и въ правительственныхъ сферахъ, и къ отчету о результатахъ ихъ слѣдствія все русское общество отнеслось съ большимъ довѣріемъ: оно впервые получило возможность узнать всю правду о погромѣ. А правда, изложенная въ отчетѣ депутатовъ, была такова [1]).

1 іюня, въ Бѣлостокѣ была организована грандіозная православная церковная процессія, направившаяся отъ собора по Николаевской и Александровской улицамъ. Въ тотъ же день назначена была католическая процессія отъ костела до кладбища св. Роха. Благодаря этому, на улицахъ было огромное скопленіе народа. Когда православная процессія начала сворачивать съ Александровской на Институтскую улицу, изъ углового дома Рахитеса или изъ сосѣднихъ домовъ Фальмана и Маковскаго раздались выстрѣлы, и затѣмъ нѣкоторые видѣли, что былъ брошенъ какой-то

[1]) Въ печати появилось множество описаній бѣлостокскаго погрома. Но, слѣдуя правилу опираться только на наиболѣе достовѣрный матеріалъ, а при возможности—на документальныя данныя, мы въ описаніи бѣлостокскаго погрома пользовались только данными думской комиссіи, приведенными въ рѣчи деп. Араканцева и въ приложеніяхъ къ его докладу въ засѣданіи Г. Думы 22 іюня.

предметъ, шипѣвшій на землѣ. Произошла паника. Многіе побросали на землю иконы, хоругви. Оказались ранеными Миньковская и Демидюкъ. Немедленно явившіяся войска, находившіяся, повидимому, по сосѣдству, въ отдѣленіи государственнаго банка, начали обстрѣливать названные дома и сосѣднее съ ними казначейство. Когда процессія была на базарной площади, то была брошена бомба на Суражской ул. Бомба эта не причинила никому вреда, такъ какъ процессія въ это время уже вошла въ храмъ. Тотчасъ же послѣ выстрѣловъ толпа хулигановъ разгромила аптеку въ домѣ Рахитеса, и затѣмъ погромъ, какъ по сигналу, возникъ во многихъ мѣстахъ. Наблюдались, какъ обычное, такія явленія: хулиганы вмѣстѣ съ городовыми громили лавки и расхищали товаръ, а солдаты шли позади и обстрѣливали улицы, если на нихъ показывался еврей. Грабили не только хулиганы и городовые, но нерѣдко и солдаты. Одинъ солдатъ такъ нагрузился, что просилъ другого подвязать ему шинель, а то все высыплется. Начиная съ четверга (1-го іюня) и до субботы по улицамъ шла канонада, причемъ мишенью служили одни только евреи. Въ пятницу уже активнымъ дѣятелемъ по истребленію людей выступаетъ полиція. Она разыскиваетъ дома, гдѣ собрались евреи, и по ея указанію эти дома обстрѣливались, а затѣмъ солдаты выгоняли изъ нихъ собравшихся, и на улицѣ ихъ разстрѣливали. Въ этотъ день предлогомъ для разстрѣла домовъ и людей служили провокаторскіе выстрѣлы. Были случаи, что такіе выстрѣлы производили городовые, а потомъ призывали солдатъ.

О томъ, съ какою жестокостью истребляли въ эти дни людей, можно судить по слѣдующимъ отдѣльнымъ случаямъ, приводимымъ въ докладѣ комиссіи:

1. 2-го іюня Лейба Гинзбургъ находился въ своей квартирѣ, въ домѣ Брискера, на Загородной улицѣ, боясь выходить. Къ нему въ квартиру кто-то постучалъ и, такъ какъ онъ двери не открылъ, то она была взломана. Въ квартиру ворвался околоточный 4-го участка Байбакъ съ солдатами и приказалъ солдатамъ стрѣлять въ находившихся тамъ евреевъ. Солдатъ выстрѣлилъ и убилъ жену Гинзбурга Хану Бинему; тѣмъ же выстрѣломъ была ранена сестра Ханы, Рохля Аполуи. Затѣмъ Байбакъ вывелъ изъ квартиры Гинзбурга

еврейку Кустину Инду Лею, у которой на рукахъ былъ 3-хъ лѣтній ребенокъ, и приказалъ солдату стрѣлять; тотъ выстрѣлилъ, но не попалъ въ Кустину, а убилъ ребенка. Въ домѣ тотъ же Байбакъ произвелъ обыскъ, но ничего не нашелъ; тѣмъ не менѣе, онъ повелъ съ собою Іоселя Вата и еще молодого человѣка Нахима. Приведя этихъ лицъ къ строющемуся дому, Байбакъ сказалъ солдатамъ, что это революціонеры и ихъ нужно застрѣлить. Вату прострѣлена была шея, а Нахимъ былъ проколотъ штыкомъ.

2. При обстрѣливаніи 1 іюня дома Торнацкаго, раненъ былъ въ своей квартирѣ Брянскій; за нимъ ухаживалъ Вейнцитеръ. Послѣдній нанялъ городового № 162 Марковскаго принести льда. Марковскій, вмѣсто льда, принесъ награбленныя вещи; при вторичной просьбѣ, Марковскій снова пошелъ за льдомъ съ корзиной, но возвратился снова съ награбленными вещами. Тогда Вейнцитеръ самъ пошелъ добывать ледъ, но, лишь только онъ вышелъ за калитку, какъ раздались выстрѣлы и Вейнцитеръ былъ убитъ.

3. Въ домѣ Рахитеса, по приказанію командира Казанскаго полка, солдаты ворвались въ квартиру Лапидуса и начали выгонять оттуда семью его. Въ квартиру явились и хулиганы, хулиганы стояли и у дома. Здѣсь были убиты два сына и дочь Лапидуса, ранены 3 его дочери и еще одна еврейка, домъ же Лапидуса былъ разграбленъ. Одинъ старикъ побѣжалъ вмѣстѣ съ женщиной, чтобы гдѣ нибудь скрыться, но былъ пойманъ хулиганами и убитъ; ученикъ реальнаго училища Дикій (христіанинъ), заступившійся за Лапидусовъ, былъ также убитъ.

4. 3-го іюня пекарь Гершель и портной Маркель разносили хлѣбъ евреямъ, скрывавшимся по погребамъ. Встрѣтившій ихъ старшій городовой Романтовичъ выстрѣлами изъ револьвера ранилъ Гершеля и убилъ Маркеля наповалъ. Еврей Ницбергъ высунулъ было голову; Романтовичъ выстрѣлилъ дважды въ него, но промахнулся.

5. Во время обстрѣла солдатами улицъ 1-го іюня, на тротуарѣ остановился ученикъ коммерческаго училища Гильдбергъ. Офицеръ крикнулъ ему, чтобы онъ уходилъ, но, лишь только онъ тронулся, офицеръ приказалъ солдату „покончить“ съ нимъ. Солдатъ ударилъ мальчика прикладомъ и уже лежачаго „прикончилъ“ штыкомъ.

6. 3 іюня, спасаясь съ родными отъ погрома, Либа Шляхтеръ помѣстилась на чердакѣ дома Рама; съ нею были еще посторонніе лица. Рано утромъ, къ нимъ пробрались солдаты подъ командой городового и убили Хаима Шляхтера, малолѣтнюю дѣвочку, ранили Берку Шляхтера (отца) и мальчика, а остальныхъ выгнали на улицу.

7. 1-го іюня громилы напали на лавку Ривки Боруховичъ, гдѣ въ это время работалъ ея братъ Замель Цукерманъ. Боруховичъ съ братомъ выскочили въ окно и хотѣли скрыться въ квартирѣ городового Карпова, но дверь его была заперта. Между тѣмъ, во дворъ явился городовой съ солдатами и указалъ на нихъ. Солдаты застрѣлили Цукермана, а Боруховичъ тяжело ранили.

Пока хулиганы, солдаты и полиція работали такимъ образомъ въ городѣ, часть хулигановъ отправилась на вокзалъ, съ цѣлью истребленія евреевъ, прибывающихъ въ поѣздахъ или бѣгущихъ изъ города. Здѣсь находились войска, жандармерія, комендантъ станціи, офицеры углицкаго, казанскаго и владимірскаго полковъ и гродненскій губернаторъ. Несмотря на это, хулиганы избивали пріѣзжавшихъ въ поѣздахъ евреевъ. Тѣхъ евреевъ, которымъ удавалось пробраться сквозь строй громилъ къ мостику, ведущему черезъ рельсы въ городъ, не пропускали стоявшіе тамъ солдаты, и несчастнымъ снова пришлось возвращаться на платформу. Укрывшихся въ залѣ I класса евреевъ избивали тамъ же или вытаскивали на подъѣздъ и тамъ добивали. Все это происходило на глазахъ офицеровъ, жандармовъ, коменданта и солдатъ. Въ первый день погрома на вокзалѣ, хулиганами были жестоко избиты до 6 евреевъ. Докладъ думской комиссіи устанавливаетъ, что на избіеніе евреевъ имѣлось „благословеніе власти“. Такъ, 1-го іюня, жандармскій офицеръ Грибоѣдовъ, собравъ вокругъ себя на платформѣ хулигановъ, сказалъ имъ, что на вокзалѣ приходится бить бѣдноту и совѣтовалъ имъ идти въ городъ разбивать магазины и избивать жидовъ. Стоявшій здѣсь ротмистръ пограничной стражи добавилъ, что носящихъ черныя рубахи нужно убивать на смерть. Особенно много избіеній на вокзалѣ было 2 іюня. Здѣсь были убиты нѣсколько евреевъ, пріѣхавшихъ съ георгіевскимъ кавалеромъ Курехтомъ, который также былъ избитъ, но спасенъ отъ

смерти кѣмъ-то изъ военныхъ. Изъ 7 евреевъ каменьщиковъ, прибывшихъ съ поѣздомъ изъ м. Гоніондза спасать свои семьи, пятеро были убиты. Свидѣтель Аркинъ показалъ, что, когда поѣздъ, на которомъ онъ пріѣхалъ 2-го іюня въ Бѣлостокъ, остановился у платформы, хулиганы окружили его и стали избивать евреевъ. Одинъ изъ нихъ, М. И. Гурвичъ изъ м. Тростьянцы, укрылся за спиной коменданта ст. Бѣлостокъ, умоляя о спасеніи, но послѣдній оттолкнулъ его отъ себя, и Гурвичъ былъ убитъ; затѣмъ было убито еще 6—7 человѣкъ. Изъ вышедшихъ изъ поѣзда юго-зап. жел. дорогъ 10 евреевъ, 8 было убито. По словамъ свидѣтеля Кроненберга, хулиганы убили, истязуя, 5—6 евреевъ на глазахъ солдатъ, офицеровъ, жандармовъ, фабричнаго инспектора Рудковскаго и товарища прокурора, подходившихъ къ окнамъ, передъ которыми производилось избіеніе. По словамъ Бибило, изъ 9 евреевъ и 1 еврейки, прибывшихъ съ однимъ изъ поѣздовъ, было убито хулиганами 6 евреевъ [1]). Никто изъ властей не оказалъ помощи убиваемымъ и не разогналъ убійцъ. Лишь одинъ пассажиръ заступился за евреевъ, но и онъ былъ убитъ (по словамъ начальника участка инженера Ефимова, это былъ студентъ).

Больше всего жестокости и холоднаго звѣрства проявили хулиганы, полиція и солдаты въ части города, называемой Бояры. Тамъ убивали не только попадавшихся на глаза евреевъ, но тщательно разыскивали людей со спеціальной цѣлью истребленія ихъ. 2 іюня къ кожевенному заводу Полящука рабочій Вербицкій привелъ солдатъ, сообщивъ, что тамъ находятся евреи. Солдаты съ хулиганами ворвались въ заводъ, а на улицѣ расположились остальные солдаты и 3 жандарма (фамилія одного изъ нихъ—Шульцъ). Бывшіе на заводѣ евреи выбѣжали на балконъ, взывая о помощи. Столпившіеся на улицѣ солдаты и жандармы стали въ нихъ стрѣлять и убили еврея Гвирцмана. Въ самомъ заводѣ были убиты Пинхусъ Ашъ, Шлема Фурманъ и Лейба Мазуръ. На другой день, утромъ, рабочій Михалка, увидя, что на чердакѣ спрятались Айзикъ Бохрахъ, Ицко Цемникъ и Зорохъ Рѣзникъ, привелъ солдатъ, которые застрѣлили первыхъ

[1]) Позднѣе, судебнымъ слѣдствіемъ было установлено, что на вокзалѣ было убито всего 6 человѣкъ, остальные же изъ упоминаемыхъ въ показаніяхъ свидѣтелей евреевъ были избиты и изувѣчены.

двухъ, а Рѣзника арестовали по обвиненію въ убійствѣ женщины. Въ тотъ же день многіе евреи собрались на лѣсопильномъ заводѣ Заблудовскаго и скрылись—часть въ котельномъ помѣщеніи, часть въ помѣщеніяхъ сторожа Казиміра Петкевича и мастера Ѳомы Немиро (оба христіане). Такъ какъ оба эти лица заявили, что полиція строго приказываетъ не давать убѣжища евреямъ, всѣ перебрались въ котельное, гдѣ задыхались отъ жары. Когда скрывавшимся показалось, что погромъ кончился, они перебрались въ другія помѣщенія на томъ же заводѣ. Но вскорѣ туда явились солдаты и стали обстрѣливать домъ Абрама Каца, отъ чего домъ загорѣлся. Выбѣжавшіе изъ дома евреи были перебиты. Сначала былъ пристрѣленъ А. Кацъ, затѣмъ Нахимъ Грабовскій; ребенку 2-хъ лѣтъ, находившемуся у него на рукахъ, пулей пробило руку. Шолому Новику, выбѣжавшему съ ребенкомъ на рукахъ и съ женою Тайбою, офицеръ приказалъ отдать ребенка женѣ. Онъ этого не исполнилъ и былъ заколотъ штыками. Затѣмъ застрѣлены были Вайнштейнъ, Гепнеръ, Панде и Шмугляръ. Старуха Тауба Кацъ и двое неизвѣстныхъ сгорѣли въ домѣ живьемъ. Два еврея спрятались въ погребѣ, наполненномъ водою, и простояли тамъ всю ночь. Утромъ ихъ накрыли солдаты. Одному удалось откупиться за 50 коп., другой же, Евель Творковскій, неимѣвшій денегъ, былъ убитъ солдатами. Солдатами, стрѣлявшими въ евреевъ, распоряжался поручикъ Бакѣевъ; при этомъ былъ и приставъ 2-го участка. Въ присутствіи этого же пристава былъ убитъ Берко Невязскій и тяжело раненъ его братъ Мойше, проходившіе по Слонимскому переулку; оба они были приэтомъ ограблены; приставъ, котораго они умоляли пропустить ихъ, отвернулся отъ нихъ. На кафельномъ заводѣ Миньковскаго, по указанію хулигана, былъ застрѣленъ солдатами Янкель Суровичъ; солдаты были казанскаго полка. Въ одной изъ квартиръ хулиганы хотѣли убить спрятавшагося еврея, но, получивъ отъ него 200 р., не только не убили его, но поставили даже стражу для его охраны. Ворвавшись въ квартиру еврея Айнштейна, хулиганы и солдаты, разгромивъ ее, истребили почти всю его семью: отца, мать, двухъ сыновей и дочь. 3-го іюня утромъ, снова появился военный патруль подъ командой городового. Найдя въ одномъ домѣ сидѣвшаго съ четверга

въ изразцовой печи рабочаго-еврея, солдаты разбили ему прикладомъ голову, а затѣмъ пристрѣлили его.

Перечисленными случаями далеко не исчерпываются многочисленныя убійства, совершенныя хулиганами и войсками, а эпическій тонъ думскаго доклада, написаннаго дѣловымъ языкомъ, не даетъ и приблизительнаго представленія о тѣхъ мукахъ и издѣвательствахъ, которымъ были подвергнуты многіе евреи. Описаніями ихъ полны газеты этого времени, но, не желая отступать отъ принятаго правила пользоваться только тѣми матеріалами, которые имѣютъ документальное значеніе, и, лишь въ случаѣ отсутствія ихъ, прибѣгать къ другимъ источникамъ, мы воздерживаемся отъ передачи этихъ описаній; приведемъ только одинъ отрывокъ изъ письма извѣстнаго писателя г. Ан—скаго, описывающаго картины, которыя представились его глазамъ въ бѣлостокской больницѣ.

„Вотъ старикъ-отецъ съ переломанной рукой разсказываетъ, какъ на его глазахъ солдаты убили трехъ его сыновей. Вотъ другой старикъ разсказываетъ, какъ двухъ его дочерей на улицѣ убили, а третью дочь съ двумя дѣтьми онъ откупилъ у солдата за 1 р. 80 коп. И онъ повторяетъ съ какимъ-то безумнымъ смѣшкомъ: „за рубль 80 коп. троихъ спасъ!“ И тутъ же съ тревогой добавляетъ: „И еще часики они взяли... часики новенькіе!“ Вотъ мать стоитъ надъ трупикомъ десятилѣтней дѣвочки, покачиваетъ головой и запекшимися губами шепчетъ съ мольбой: „Доченька, пташечка“. А дѣвочка лежитъ съ полуоткрытыми глазами, въ которыхъ застылъ ужасъ, штыковой раной въ груди и съ разрубленной топоромъ ногой. Возлѣ нея лежитъ 7—8-лѣтній мальчикъ съ пулевой раной во лбу. Дальше, двое рабочихъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Вотъ женщина, у которой срублена—очевидно, шашкой—половина лица. Вотъ старичекъ-учитель Эйнштейнъ со связанными руками, съ глубокой раной между глазъ. Говорятъ, въ эту рану былъ вбитъ гвоздь. Рядомъ—его сынъ, молодой человѣкъ, убитый пулей. Вотъ двухлѣтній ребенокъ—застрѣленный. Ребенокъ какъ бы спитъ, на личикѣ улыбка. Возлѣ—грудной ребенокъ, задушенный.

Старикъ, съ длинной сѣдой бородой; ранъ не видно, но надъ нимъ вся простыня пропитана кровью. И дальше, рядъ

другихъ труповъ, такихъ же изуродованныхъ, съ разбитыми черепами, выколотыми глазами. Одинъ—съ отрѣзаннымъ языкомъ. Около половины труповъ—дѣти, старики и женщины. Все—самая горькая бѣднота. И длинныя дроги, облитыя кровью, каждые полчаса въѣзжаютъ во дворъ съ новыми трупами, съ новыми стонами и причитаніями провожающихъ.“ („Голосъ“, 1906 г., № 13).

А вотъ отрывокъ письма очевидца, напечатаннаго членомъ Г. Думы г. Брамсономъ, бывшимъ на мѣстѣ погрома и имѣвшимъ, надо полагать, возможность провѣрить сообщаемое: „Трупы изуродованы. Одна семья, отецъ, мать и двое дѣтей, связаны вмѣстѣ и перебиты гвоздями. Въ такомъ видѣ трупы лежатъ въ больницѣ. Одному вбили гвоздь въ голову, другому отрубили конечности, одному мальчику распороли животъ, одного каменьщика распяли на стѣнѣ вокзала“...

По свѣдѣніямъ правительственнаго сообщенія о Бѣлостокскомъ погромѣ, трехдневное избіеніе стоило жизни 82 лицамъ, изъ коихъ только 7 христіанъ; ранено было 78 чел., изъ нихъ—18 христіанъ; разгромлено 169 еврейскихъ квартиръ и лавокъ, съ убыткомъ, по приблизительному исчисленію, на сумму около 200.000 руб. Истинныхъ размѣровъ бѣдствія эти цифры, однако, не даютъ, такъ какъ они ничего не говорятъ о массѣ осиротѣвшихъ дѣтей, о сотняхъ семей, оставшихся безъ крова и хлѣба, о массахъ разбитыхъ жизней.

Если въ Бѣлостокскомъ погромѣ войска убивали евреевъ по указаніямъ полиціи и хулигановъ и играли, такимъ образомъ, второстепенную роль, то въ Сѣдлецкомъ, разразившемся черезъ три мѣсяца послѣ бѣлостокскаго, они дѣйствовали уже совершенно самостоятельно, и весь погромъ они провели отъ начала до конца.

О сѣдлецкомъ погромѣ имѣются совершенно противоположныя данныя. Донесенія военныхъ властей, правительственное сообщеніе и корреспонденціи официальной газеты—„Варшавскаго Дневника“—представляютъ этотъ погромъ, какъ усмиреніе военной силою вооруженнаго возстанія сѣдлецкихъ революціонеровъ. Но эти реляціи были опровергнуты другимъ офиціальнымъ документомъ—докладомъ жандармскаго ротмистра Пѣтухова варшавскому генералъ-губерна-

тору, доказавшаго, что события въ Сѣдлецѣ представляютъ ничто иное, какъ заранѣе организованный военными властями погромъ. Ниже мы вернемся къ этому замѣчательному документу, а пока посмотримъ, что творилось въ Сѣдлецѣ въ роковые дни 26—29 августа 1906 г.

Въ докладной запискѣ, лично представленной 19 сентября 1906 г. предсѣдателю совѣта министровъ жителями Сѣдлеца: прис. повѣр. С. Ф. Сундерляндомъ (членъ 2-й Госуд. Думы) прис. пов. А. Б. Хржановскимъ и Д. М. Чацкисомъ, эти почтенные граждане, сами бывшіе очевидцами всего происшедшаго, расказываютъ о томъ, какъ подготовлялся этотъ погромъ [1]).

8-го августа въ Сѣдлецѣ былъ убитъ бомбою полицеймейстеръ Гольцевъ. Съ этого дня началась со стороны мѣстной военной охраны настоящая травля мирныхъ жителей. Военные патрули вели себя такъ, что все населеніе трепетало отъ страха передъ солдатами и избѣгало появляться на улицахъ. Жалоба на грубость войска ни къ чему не привела. Между тѣмъ, въ это время администраціей принятъ былъ рядъ чрезвычайныхъ мѣръ: 1) полномочія по охранѣ Сѣдлеца были переданы временнымъ ген.-губернаторомъ подполковнику 39 драгунскаго Нарвскаго полка Тихановскому; 2) на башнѣ дома полицейскаго управленія былъ поставленъ столбъ для вывѣски на немъ, какъ оказалось потюмъ, сигналовъ тревоги; 3) военными чинами чуть ли не публично сообщались свѣдѣнія о расположеніи улицъ, и домовъ въ городѣ; 4) предпринята предварительная выработка плана оцѣпленія города, приведеннаго впослѣдствіи въ исполненіе (о чемъ авторы докладной записки почерпнули свѣдѣнія изъ „Варшавскаго Дневника“ отъ 1/14 сент. 1906 г.). Словомъ, все подготовлялось къ установленію въ городѣ осаднаго положенія, между тѣмъ, населеніе не было предупреждено ни объ этомъ, ни о назначеніи г. Тихановскаго, ни о предположенныхъ дѣйствіяхъ войскъ, въ случаѣ необходимости подавить военной силой „заранѣе подготовлявшееся возмущеніе“, какъ охарактеризованы были сѣдлецкія события въ рапортѣ варшавскаго ген.-губернатора.

О томъ, что произошло вслѣдъ за этими подготовитель-

[1]) Матеріалы II Госуд. Думы, № 108. Срочное заявленіе о запросѣ № 24.

ными дѣйствіями, весьма краснорѣчиво, хотя и въ сжатой, сдержанной формѣ, разсказано въ заявленіи 30 членовъ Государственной Думы, внесенномъ въ парламентъ при проектѣ запроса правительству по поводу сѣдлецкаго погрома [1].

„26 августа, въ 8½ ч. вечера, разсказывается въ этомъ заявленіи, раздалось внезапно нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ со стороны городской караульной гауптвахты у полицейскаго дома. На шестѣ подъ башней выставленъ былъ немедленно красный фонарь; въ короткое время городъ былъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ войсками, такъ что не было возможности ни выѣхать изъ него, ни въѣхать въ него; на телеграфѣ былъ прекращенъ пріемъ депешъ отъ частныхъ лицъ, и начались кровавые сѣдлецкіе дни. Вслѣдъ за револьверными выстрѣлами начался обстрѣлъ жилыхъ домовъ. Послѣ обстрѣла врывались въ дома, производили обыски, ища оружія и снарядовъ, причемъ ни одного револьвера и ни единаго патрона у обысканныхъ не найдено, а затѣмъ начались убійства, истязанія, грабежи, насилованіе женщинъ. Солдаты, врываясь въ дома, вымогали деньги: кто могъ—откупался, кто не давалъ денегъ—подвергался истязаніямъ и убійству. Не всегда, однако, спасали и деньги. Случалось, что отбирали деньги и затѣмъ безпощадно убивали. Обстрѣлъ домовъ продолжался 36 часовъ. Не пощадили и дома мѣстнаго раввина—70-тилѣтняго старика Анулика. Обстрѣлена и еврейская больница въ то время, какъ туда свозились раненые и убитые. При этихъ условіяхъ былъ убитъ сторожъ еврейской больницы Боруцъ, ранены фельдшерица Лазоровская и привезенный сюда, вскорѣ скончавшійся отъ полученныхъ ранъ, еврей Липшицъ. Еврей Ратиневичъ, привезенный раненымъ въ больницу, былъ добитъ конвойнымъ ударомъ приклада по головѣ. Возрастъ не спасалъ отъ смерти: въ числѣ убитыхъ есть 4-хъ-лѣтній мальчикъ и 72-хъ-лѣтній старикъ. Не дѣлали различій и для женщинъ. Звѣрски убита 50-тилѣтняя старуха Либгаберъ на глазахъ дочери и мужа. Мужчинъ арестовывали и по дорогѣ въ тюрьму нещадно избивали. Избитъ, напримѣръ, 55-ти-лѣтній старикъ Сребр-

---

[1]) Тамъ же.

никъ подполковникомъ Тихановскимъ за то, что просилъ о пощадѣ".

Результатами 36-часовой „битвы съ мятежниками", какъ представляютъ этотъ погромъ мѣстныя власти, было то, что со стороны войскъ не было ни одного потерпѣвшаго отъ „мятежа"—ни убитыхъ, ни раненыхъ, со стороны же населенія убитыхъ 31 еврей и 3—5 христіанъ, ранено по офиціальнымъ свѣдѣніямъ до 150, по частнымъ же до 300 чел., арестовано до 300 чел., но ни одному изъ нихъ участіе въ вооруженномъ возстаніи даже не приписывается, такъ какъ ни у одного арестованнаго оружіе не найдено. Это подтвердилъ вышеупомянутой депутаціи сѣдлецкій ген.-губернаторъ Сыкаловъ (не занимавшій этой должности во время погрома). Вернемся, однако, къ разсказу сѣдлецкихъ депутатовъ гг. Сундерлянда, Хржановскаго и Чацкиса, содержащему множество весьма цѣнныхъ деталей, не вошедшихъ въ думскій запросъ. Изъ многихъ безчеловѣчныхъ поступковъ, совершенныхъ солдатами во время „обысковъ" въ домахъ, названные депутаты приводятъ только одинъ, достаточно хорошо рисующій поведеніе войскъ. Драгуны, ворвавшись въ квартиру молодого, всѣмъ извѣстнаго своею набожностью еврея Меера Вольфа, отца шестерыхъ дѣтей, застали его читавшимъ въ страхѣ молитву. Солдаты, во главѣ которыхъ былъ офицеръ, подвергли его настоящей пыткѣ. Его бросали по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока головной мозгъ не брызнулъ изъ разбитаго черепа.

Изъ осмотра труповъ и раненыхъ видно, что почти всѣ раны были ушибленныя и колотыя, несомнѣнно, причиненныя прикладами и штыками, т. е. на такомъ разстояніи, которое давало бы возможность брать въ плѣнъ безоружныхъ „злоумышленниковъ". А такъ какъ во время стрѣльбы показаться на улицѣ было невозможно, то, значитъ, эти раны причинены въ помѣщеніяхъ, въ которыя войска врывались. Когда депутація горожанъ съ президентомъ города явилась къ начальнику охраны съ просьбой прекратить стрѣльбу, то онъ объявилъ, что разгромитъ весь городъ, если ему не будутъ выданы до часу дня революціонеры и оружіе. На объясненіе депутаціи, что она не знаетъ, стрѣляетъ ли вообще кто либо въ войска, и въ особенности, откуда стрѣляютъ, Тихановскій указалъ депутатамъ нѣсколько домовъ, разрѣ-

шивъ имъ убѣдиться самимъ въ истинѣ его словъ и переговорить съ „мятежниками“. Обойдя съ полиціей въ сопровожденіи военнаго караула всѣ помѣщенія въ указанныхъ имъ домахъ, депутаты, кромѣ одного старика и двухъ женщинъ-евреевъ, никого тамъ не нашли, о чемъ и доложили начальнику охраны. Несмотря на это, стрѣльба продолжалась, и, не довольствуясь ружейной стрѣльбой, войска стали громить дома артиллеріей, сдѣлавъ изъ орудій шесть выстрѣловъ. Стремленіе къ разрушенію было такъ велико, что солдаты поджигали дома и имущество, обливая ихъ керосиномъ, добытымъ изъ уличныхъ фонарей, и разбивали все ломами, взятыми изъ пожарной команды. Въ итогѣ оказалось 59 ограбленныхъ магазиновъ и лавокъ, 11 сожженныхъ домовъ, 12 торговыхъ рядовъ и безчисленное множество квартиръ. Похищено, истреблено и ограблено товарами и деньгами, по заявленіямъ потерпѣвшихъ, на милліонъ рублей.

Послѣ ужасовъ Бѣлостока и Сѣдлеца, погромы, происшедшіе въ 1906 году въ Гомелѣ, Вологдѣ, Царицынѣ, Симбирскѣ и Муромѣ, и безчисленное количество мелкихъ попогромовъ, учиненныхъ „союзниками“ въ Одессѣ, покажутся дѣтской забавой. А между тѣмъ, эта „забава“ стоила десятковъ жизней, разрушенія цѣлыхъ кварталовъ въ городахъ и милліонныхъ убытковъ.

Въ Гомелѣ 13 января были разрушены, сожжены и разграблены всѣ дома съ магазинами по Румянцевской улицѣ, отъ дома Перцовскаго до городской думы, разграблены и сожжены банки взаимнаго кредита и сѣверный, сгорѣлъ весь гостиный дворъ, разгромлена и разстрѣляна квартира общественнаго дѣятеля д-ра Залкинда и много другихъ квартиръ; хулиганы, не ограничиваясь грабежомъ, избивали попадавшихся имъ евреевъ. Войска и здѣсь обстрѣливали дома и самооборону. Въ результатѣ этой стрѣльбы были одинъ убитый и много раненыхъ, а убытки, по донесенію могилевскаго вице-губернатора Подсѣлевича, достигли трехъ милліоновъ рублей.

Командированный для разслѣдованія этого погрома, д. с. с. Г. Г. Савичъ, въ своемъ рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ констатируетъ, что гомельскіе „безпорядки“, какъ онъ называетъ погромъ 13-го января, выразились:“1) въ поджогѣ

шайкою людей,—количествомъ отъ 10 до 15 чел., большею частью вооруженныхъ винтовками и револьверами,—находящихся въ торговомъ центрѣ города 13 отдѣльныхъ домовъ, а также магазиновъ и лавокъ, и въ покушеніи на разгромъ одного стоящаго на окраинѣ города дома, принадлежащаго мѣстному врачу Залкинду; 2) въ послѣдовавшемъ затѣмъ разграбленіи имущества и товаровъ изъ подожженныхъ помѣщеній, причемъ въ этомъ разграбленіи приняла участіе и не принадлежавшая къ составу шайки поджигателей толпа изъ хулигановъ и другихъ людей, перепившихся въ разграбленныхъ винныхъ лавкахъ и магазинахъ; 3) въ стрѣльбѣ по вызваннымъ для прекращенія безпорядковъ и пожара войсковымъ отрядамъ, полицейскимъ чинамъ и городской пожарной командѣ и въ бросаніи взрывчатыхъ снарядовъ, каковыя преступныя дѣйствія не сопровождались, къ счастію, ни убійствомъ, ни пораненіями лицъ, противъ которыхъ они были направлены, и 4) въ убійствѣ одного еврея (приказчика магазина Новаковскаго, Шапиро), и въ пораненіи одного турецкаго подданнаго и 10 евреевъ, изъ коихъ только трое достигли возраста 45—50 лѣтъ, а остальные семь имѣютъ отъ роду 12—14 лѣтъ (4) и 19—25 (3)“[1]).

Въ Вологдѣ 1 мая произошелъ погромъ, напоминающій октябрьскіе погромы въ Ѳеодосіи, Твери и Томскѣ. Толпа громилъ осадила рабочихъ, праздновавшихъ первое мая, въ зданіи народнаго дома и подожгла зданіе, а выбѣгавшихъ оттуда подвергала избіенію. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, при этомъ было ранено 31 чел., изъ коихъ трое умерло. Въ правительственномъ сообщеніи объ этомъ погромѣ говорится, что причиною погрома послужило празднованіе рабочими 1-го мая, что раздражило окрестныхъ крестьянъ, нашедшихъ въ Вологдѣ всѣ лавки и торговли закрытыми. Въ дѣйствительности же оказалось, что погромъ былъ заранѣе организованъ жандармскимъ ротмистромъ Пышкинымъ и приноровленъ былъ имъ къ 1-му мая, какъ къ болѣе удобному для этого дню.

Въ Муромѣ роль вологодскихъ громилъ взяли на себя

---

[1]) Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи. Томъ I. Погромы по офиціальнымъ документамъ. Документы по разслѣдованію Гомельскаго погрома. Стр. 377.

стражники, во главѣ съ помощникомъ исправника Исаевымъ. Осадивъ собравшуюся вечеромъ 1 мая въ городскомъ саду публику, стражники сначала обстрѣливали толпу, а затѣмъ, ворвавшись въ садъ, били ее нагайками и саблями, причинивъ многимъ серьезныя пораненія. Особенно сильно пострадали два воспитанника и одна воспитанница гимназіи.

Въ тотъ же день, полиціей подъ предводительствомъ полицеймейстера Пифіева и черносотенцами было произведено безпощадное избіеніе публики въ Симбирскѣ. Корреспондентъ „Пути", описывавшій это избіеніе, сообщаетъ, что доставленные въ больницу раненые представляли собою безформенныя массы мяса и крови. Одна изъ жертвъ, г-жа Н. была подвергнута на улицѣ жесточайшимъ истязаніямъ и замучена до смерти. Раненыхъ и изувѣченныхъ было огромное количество.

Общей отличительной чертой всѣхъ погромовъ 1906 года, какъ это можно замѣтить по ихъ описаніямъ, является совершенно открытое участіе въ нихъ полиціи и войскъ. Въ то время, какъ въ октябрьскіе дни полиція, какъ видно будетъ ниже, внѣшнимъ образомъ только бездѣйствовала во время погромовъ и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ выступала активной участницей грабежей и убійствъ, руководительство же свое погромами проявляла въ скрытой формѣ, преимущественно, въ формѣ подготовительныхъ къ погромамъ дѣйствій, въ 1906 году она принимаетъ въ погромахъ самое активное участіе, руководя, какъ это было въ Бѣлостокѣ, дѣйствіями войскъ, призванныхъ для погрома. Съ своей стороны, и войска изъ пассивныхъ зрителей и охранителей громилъ въ октябрьскіе дни, превратились въ 1906 году въ активныхъ участниковъ всѣхъ, наиболѣе выдающихся погромовъ, а въ Сѣдлецѣ, какъ мы только что видѣли, они дѣйствовали даже совершенно самостоятельно, почти безъ всякаго участія полиціи.

II.

Еврейская самооборона и борьба съ нею полиціи и войскъ.

Такова картина тѣхъ массовыхъ злодѣяній, которыми ознаменовались первые дни конституціонной Россіи. Поражаясь необыкновеннымъ количествомъ человѣческихъ жертвъ и разрушительной силой погромовъ, общество и печать не переставали задаваться вопросомъ о причинахъ столь небывалаго проявленія вандализма и звѣрства. Отвѣтъ на этотъ вопросъ легко найти во многихъ обстоятельствахъ погромовъ и мы въ дальнѣйшемъ постараемся его обосновать, насколько это позволяютъ имѣющіеся у насъ матеріалы. Пока же остановимся на разсмотрѣніи частнаго вопроса, имѣющаго тѣсную связь съ предыдущимъ: почему погромы приняли такіе огромные размѣры, несмотря на малочисленность громилъ и на многочисленность тѣхъ, на кого они нападали?

Во всѣхъ сообщеніяхъ о погромахъ, будь то правительственныя сообщенія, донесенія мѣстныхъ властей, газетныя корреспонденціи, отчеты оффиціальныхъ слѣдователей или свидѣтельскія показанія на судѣ, замѣтно выдѣляются указанія на то, что громилъ была небольшая кучка или маленькая толпа, а жертвъ погрома—множество. Это особенно рѣзко подчеркивается въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о спеціально еврейскихъ погромахъ: вѣдь такими погромами охвачены были преимущественно города и мѣстечки черты еврейской осѣдлости, гдѣ еврейское населеніе, если и не преобладаетъ по численности, то, во всякомъ случаѣ, составляетъ огромный %, мѣстами половину или треть всего населенія.

Не смотря на это, громилы всюду совершали свое побѣдо-

носное шествіе, нагоняя ужасъ на все еврейское населеніе. Это тѣмъ болѣе странно, что почти во всѣхъ мѣстахъ черты еврейской осѣдлости, постигнутыхъ погромомъ, еврейская мужская молодежь организовывала отряды самообороны. Въ Гомелѣ самооборона была организована еще задолго до погрома, такъ какъ въ этомъ городѣ погромы были такъ часты, что еврейское населеніе привыкло ожидать ихъ каждый мигъ. Въ Одессѣ, Кіевѣ, Ростовѣ-на-Дону—всюду, гдѣ разразились самые кровопролитные погромы, были хорошо сформированные отряды самообороны. Дѣйствовали эти отряды такъ мужественно и смѣло и давали громиламъ такой энергичный отпоръ, что безпорядочныя толпы хулигановъ, начинавшихъ погромъ, не выдерживали натиска вооруженныхъ самооборонцевъ и обращались въ безпорядочное бѣгство. Въ Одессѣ самооборона почти вся состояла изъ учащейся молодежи и своей самоотверженной и правильно поставленной дѣятельностью наводила такой страхъ на погромщиковъ, что въ началѣ погрома она цѣлые районы города спасла отъ нашествія хулигановъ, арестовывала громилъ и отбирала отъ нихъ награбленныя вещи. Въ одномъ мѣстѣ, самооборона однѣми своими силами отстояла большую синагогу, которую начали громить хулиганы подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ нея будто бы была брошена бомба. Также энергично дѣйствовала въ началѣ погрома и кіевская самооборона, стрѣльбою изъ оконъ по погромщикамъ заставлявшая ихъ отступать и обращаться въ бѣгство. Въ Ростовѣ-на-Дону отрядъ самообороны насчитывалъ около двухсотъ человѣкъ, вооруженныхъ револьверами и ружьями; многіе изъ нихъ были на лошадяхъ. Расположившись на Московской улицѣ, около Казанскаго переулка, самооборона дала настоящее сраженіе громиламъ, вооруженнымъ топорами, кольями и ломами, и задержала ихъ шествіе; другой отрядъ самообороны образовали рабочіе владикавказской желѣзной дороги, появленіе которыхъ вездѣ останавливало грабежъ; устроивъ въ разныхъ мѣстахъ засады, этотъ отрядъ, кромѣ того, отбиралъ у громилъ награбленныя вещи и складывалъ ихъ въ столовой желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Въ Оршѣ, Кишиневѣ, Кременчугѣ и др. городахъ—вездѣ самооборона дѣйствовала энергично, наводя страхъ на громилъ.

Такимъ образомъ, одной самообороны было вполнѣ до-

статочно для того, чтобы въ самомъ зародышѣ уничтожить погромы и разогнать громилъ, избавивъ населеніе отъ всѣхъ ужасовъ повсемѣстныхъ насилій. Но этого не случилось, и въ самомъ зародышѣ была прекращена дѣятельность не громилъ, а самообороны. Вездѣ самооборона была разтрѣливаема войсками по приказанію администраціи и военнаго начальства. Въ Одессѣ, по свидѣтельству г. Б. Кельмена, самооборона все время погрома геройски дѣйствовала почти исключительно на улицахъ. Молодежь, находившаяся въ ея рядахъ, грудь съ грудью сходилась съ хулиганами и *всегда* одерживала перевѣсъ въ тѣхъ столкновеніяхъ, гдѣ *не участвовали* солдаты. Каждый изъ самооборонцевъ имѣлъ револьверъ, изъ громилъ же лишь очень немногіе были вооружены ими. Они больше дѣйствовали тупымъ оружіемъ. Нѣкоторыя улицы остались совершенно нетронутыми, благодаря тому, что на углахъ стояли заставы изъ самооборонцевъ, которыя, сдерживая напоръ хулигановъ, отбрасывали ихъ назадъ. Но это было лишь въ очень немногихъ мѣстахъ. Въ большинствѣ же случаевъ, громилы, подъ прикрытіемъ солдатскихъ винтовокъ и при ихъ содѣйствіи, прокладывали себѣ дорогу. Самооборонцы безпощадно убивались [1]). Объ этомъ же говоритъ въ своемъ разслѣдованіи, на основаніи показаній очевидцевъ, и сенаторъ Кузьминскій: „Войска и городовые, обыкновенно, избивали только студентовъ и стрѣляли только по группамъ еврейской обороны и студенческой милиціи... Благодаря такому отношенію, виновники разгромовъ своевременно остались необнаруженными, и въ настоящее время установленіе ихъ виновности представляется крайне затруднительнымъ“ [2]). Борьба съ погромомъ свелась такимъ образомъ къ борьбѣ съ людьми, защищавшими населеніе отъ погромовъ. Войска направлялись не туда, гдѣ была наибольшая опасность отъ громилъ, а туда, гдѣ была сосредоточена оборона. И члены самообороны сдѣлались первыми жертвами: ихъ безпощадно осыпали градомъ пуль, истребляли ружейными залпами и добивали штыками и прикладами. Говорятъ, въ первый день погрома было убито около сотни самооборонцевъ, но раньше,

[1]) В. Кельменъ:, „Страничка изъ погромныхъ воспоминаній“. „Мысль“ № 14 отъ 5 іюля 1906 г.

[2]) „Кіевскій и Одесскій погромы и т. д.“, стр. 160 и 161.

чѣмъ ихъ истребили, они убили почти столько же громилъ. Какъ бы то ни было, дѣятельность самообороны усиліями войска была прекращена и громиламъ данъ былъ совершенный просторъ въ ихъ разрушительной работѣ.

То же самое произошло и въ Кіевѣ. О томъ, что тамъ войска боролись съ самообороной, разсказываетъ въ своемъ отчетѣ и сенаторъ Турау, хотя онъ и пытается оправдать дѣйствія войскъ стрѣльбою въ нихъ самообороны. „Еще вечеромъ 18 октября, говоритъ г. Турау, при самомъ началѣ погрома, а затѣмъ и въ послѣдующіе дни, изъ многихъ домовъ стали раздаваться выстрѣлы. Въ большинствѣ случаевъ, выстрѣлы эти производились членами самообороны, организованной въ нѣкоторыхъ домахъ какъ евреями, такъ и русскими, для защиты первыхъ отъ погрома и насилій. Такими выстрѣлами предполагалось устрашить громилъ и недопустить ихъ до вторженія въ магазины и въ частныя квартиры. Но несомнѣнно, были случаи, когда подобные выстрѣлы направлялись въ войска и являлись актомъ мести за стрѣльбу ихъ во время демонстрацій. Нѣкоторые очевидцы положительно удостовѣряютъ, что были случаи, когда евреи стрѣляли и въ патріотическія процессіи, являвшіяся отвѣтомъ на предшествовавшія революціонныя манифестаціи. Самооборона и выстрѣлы въ войска и процессію повели къ печальнымъ результатамъ. Нисколько не устрашая громилъ, они давали войскамъ формальное право дѣйствовать по инструкціямъ, еще раньше ими полученнымъ, когда власти боролись лишь съ революціонными проявленіями. Каждый разъ, какъ только изъ какого либо дома раздавались выстрѣлы, находившаяся тутъ же на улицѣ воинская часть, нерѣдко не разбирая, направлены ли пули въ нее, или въ громилъ, давала залпъ по окнамъ дома, послѣ чего толпа, считая, повидимому, что жильцы этого дома какъ бы осуждены, а самый домъ отданъ на разграбленіе, набрасывались на него и безпрепятственно грабили и причиняли насилія тѣмъ, кого заставали въ квартирахъ“ [1]).

Какъ ни старался г. Турау въ приводимыхъ строкахъ оправдать дѣйствія войскъ, стрѣлявшихъ въ самооборону только потому, что еще раньше и по другому поводу имъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 47—48.

данъ былъ приказъ стрѣлять въ революціонеровъ, но своими объясненіями и оговорками онъ установилъ несомнѣнный фактъ, что войска стрѣляли въ самооборону даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ея выстрѣлы были направлены противъ громилъ. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ самооборона нисколько не устрашала громилъ, потому что войска, разстрѣливая ее, тѣмъ самымъ обрекали дома, въ которыхъ она находилась, на разграбленіе громилъ на глазахъ и подъ прикрытіемъ самихъ же войскъ; бороться при такихъ условіяхъ съ громилами, значило—подвергать населеніе опасности не только со стороны громилъ, но и со стороны войскъ. Это подтверждаетъ и самъ г. Турау: „Бывали случаи, когда нѣкоторые дома подвергались обстрѣлу только потому, что громилы указывали на нихъ воинскимъ отрядамъ, заявляя, будто изъ домовъ этихъ стрѣляли. Въ иныхъ случаяхъ эти заявленія не провѣрялись, и воинскія части, вполнѣ довѣряя имъ, тотчасъ же давали залпы по окнамъ такихъ домовъ“. Это дѣлалось, несмотря на то, что такія указанія громилъ, по провѣркѣ ихъ офицерами, оказывались ложными, что было удостовѣрено двумя офицерами, командовавшими воинскими нарядами. Были удостовѣрены и случаи прямой провокаціи громилъ, взбиравшихся на лѣстницу какого нибудь дома и стрѣлявшихъ оттуда на улицу, чтобы вызвать отвѣтный залпъ воинской части и затѣмъ разгромить домъ. „Случаи такихъ именно провокаторскихъ выстрѣловъ положительно устанавливаетъ одинъ изъ офицеровъ, командовавшій воинской частью“ [1]). Нужно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ самооборона не только не могла прекратить погрома, но косвенно, помимо своей воли, навлекала на нѣкоторые дома сугубое вниманіе громилъ. Борьба же войскъ съ самообороной была причиною многихъ человѣческихъ жертвъ, такъ какъ изъ зарегистрированныхъ полиціею 47 убитыхъ и 205 раненыхъ, большинство пострадало отъ перестрѣлки войскъ съ самообороною.

Борьбою съ самообороной занимались войска и въ Ростовѣ на-Дону. Въ то время, какъ самооборона удерживала на Московской улицѣ громилъ отъ дальнѣйшаго ихъ движенія по городу, прискакали казаки и разогнали ее выстрѣлами.

---

[1]) Тамъ же, стр. 48.

Послѣ этого, грабежъ лавокъ возобновился сразу почти на всей Московской улицѣ и въ другихъ частяхъ города; Московская улица запылала отъ поджоговъ. То же самое произошло и съ отрядомъ самообороны изъ рабочихъ: ему удалось разогнать громилъ, грабившихъ магазинъ Левина, но въ это время онъ самъ, подвергаясь обстрѣлу войскъ, былъ разсѣянъ залпомъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. Послѣ этого, грабежи возобновились съ новою силой. Борьбу войскъ съ самообороной удостовѣряетъ упоминавшiйся ранѣе гласный нахичеванской думы Г. Х. Чалхушьянъ, разсказывающiй въ своемъ заявленiи въ нахичеванскую думу о томъ, какъ самооборона была разсѣяна картечью казаковъ, дѣйствовавшихъ подъ предводительствомъ полицейскаго чина, и какъ громилы, увидѣвъ въ этомъ поддержку со стороны войскъ и полицiи, удвоили грабежи.

Въ Оршѣ самооборона организовалась въ самомъ началѣ погрома, но по ней данъ былъ войсками залпъ, и самооборона была уничтожена. Послѣ этого была вызвана самооборона изъ Дубровны, Шклова и Копыся, но ее встрѣтили полицiя и толпа, очевидно, заранѣе освѣдомленныя о прибытiи самообороны, и перебили ее. Такимъ образомъ, Орша была всецѣло отдана во власть громилъ.

Въ Кишиневѣ дѣйствiя самообороны были парализованы „быстро и энергично", согласно объявленiю губернатора отъ 20 октября, заявившаго, что „выстрѣлы со стороны жителей встрѣтятъ залпъ войскъ", а въ отношенiи домовъ, изъ которыхъ послѣдуютъ выстрѣлы, войска прибѣгнутъ къ дѣйствiю артиллерiйскаго огня". Это объявленiе, между прочимъ, какъ и въ Кiевѣ, дало провокаторамъ широкую возможность натравливать войска на облюбованные ими дома.

Гомельская самооборона, на которую возлагались всѣ надежды гомельчанъ, была растрѣляна черкесами, какъ только начался погромъ въ Гомелѣ, и являлась только безсильнымъ свидѣтелемъ творившихся насилiй. Въ Баку, войска на каждый выстрѣлъ самообороны отвѣчали орудiйными выстрѣлами, разрушая дома и убивая живущихъ въ нихъ мирныхъ жителей. Въ Винницѣ въ оборонявшихся евреевъ данъ былъ залпъ, которымъ было 5 убито и 15 ранено. Въ Елисаветградѣ казаками было убито 10 человѣкъ

изъ самообороны. Въ Екатеринославѣ отношеніе войскъ и властей къ самооборонѣ было точною копіею происходившаго въ Одессѣ, Кіевѣ, Ростовѣ-на-Дону. Самооборона размѣстила здѣсь свои вооруженные отряды по всѣмъ улицамъ и, между прочимъ, энергично отбирала у громилъ награбленныя вещи. Грабители покорно отдавали свою добычу самооборонцамъ, если не видѣли за своей спиной военной охраны. Но зная, какъ относятся войска къ самооборонѣ, громилы нерѣдко призывали ихъ къ себѣ на помощь послѣ того, какъ самооборонѣ удавалось прогнать хулигановъ; солдаты, конечно, тотчасъ же разгоняли самооборону залпами и расчищали, такимъ образомъ, хулиганамъ дорогу къ грабежу. Въ Каменецъ-Подольскѣ военные патрули прикладами и штыками подавляли всякую попытку евреевъ къ самооборонѣ, что удостовѣрено данными, собранными о погромѣ группой мѣстныхъ адвокатовъ. Въ Николаевѣ, во время погрома власть бездѣйствовала, но при малѣйшей попыткѣ самообороны выступить противъ громилъ, власть начинала дѣйствовать противъ нея со всей энергіей, пуская въ ходъ оружіе. И т. д., и т. д.—до безконечности; почти въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ, гдѣ былъ погромъ, отмѣчалось одно и то же явленіе—разстрѣлъ войсками самообороны и безпрепятственный разбой громилъ. Въ этой необъятной пустынѣ сообщеній о борьбѣ властей съ самообороной, только въ видѣ крошечныхъ оазисовъ, вкрапленныхъ свѣтлыми точками въ мрачную картину черствости администраціи, попадаются рѣдкія извѣстія о безпрепятственной дѣятельности самообороны, или о преслѣдованіи ея ничего не говорится. Такихъ мѣстъ немного, но зато всѣ они отличаются малымъ числомъ человѣческихъ жертвъ. Изъ длиннаго списка городовъ мы можемъ отмѣтить только Новомосковскъ (екатеринославск. губ.) и Черниговъ, принадлежащіе къ этой счастливой категоріи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что еврейское населеніе было лишено всякой возможности защищаться отъ громилъ, и только этимъ и можно объяснить огромное количество жертвъ погромовъ—вѣдь громилы нападали преимущественно на самую мирную и беззащитную часть еврейскаго населенія—крупную и мелкую буржуазію, чуждую всякому общественному движенію. Защищать ихъ могла только мо-

лодежь, образующая самооборону, а молодежь то и подвергалась, какъ мы видѣли, преслѣдованію и истребленію. Чтобы представить себѣ весь ужасъ положенія громившейся еврейской массы, нужно знать, что при завѣдомо враждебномъ къ ней отношеніи мѣстной администраціи, при постоянной проповѣди преслѣдованія евреевъ, ведущейся всякими способами среди несознательной части русскаго населенія, еврейство привыкло къ мысли, что оно можетъ разсчитывать только на собственныя силы при столкновеніяхъ съ громилами. Идея самообороны за послѣдніе годы такъ глубоко вкоренилась въ сознаніе еврейскаго населенія, что погромы 1905 и 1906 гг. почти вездѣ застали евреевъ хорошо подготовленными къ самозащитѣ. Такимъ образомъ, преслѣдуя и истребляя самооборону во время погромовъ, и не вступаясь за евреевъ, власти не могли не знать, что они обрекаютъ ихъ на вѣрную гибель. Недаромъ, одинъ изъ извѣстныхъ еврейскихъ дѣятелей и ученыхъ г. Кулишеръ, выступавшій въ житомірскомъ окружномъ судѣ въ іюнѣ 1907 г. свидѣтелемъ по дѣлу о житомірскомъ погромѣ, происходившемъ весною 1905 г., констатируя, что только благодаря еврейской самооборонѣ этотъ погромъ не принялъ чудовищныхъ размѣровъ (самооборона, какъ установлено на судѣ, потеряла 12 чел., преграждая полчищамъ громилъ доступъ въ центральныя части, оставшіяся нетронутыми), заявилъ, что единственнымъ спасеніемъ еврейства отъ погромовъ могутъ быть только самооборона, физическое сопротивленіе. Но это единственное средство спасенія было отнято у евреевъ въ октябрьскіе дни...

III.

Дѣйствія полиціи и войскъ во время погромовъ.

Какими мотивами руководствовались или, по крайней мѣрѣ, выставляли, какъ руководство для своихъ подчиненныхъ, власти, истребляя и разгоняя самооборону,—можно было отчасти видѣть по приведеннымъ нами объясненіямъ сенаторовъ Турау и Кузьминскаго. Самооборона стрѣляла въ войска, мстя имъ за стрѣльбу въ революціонныхъ демонстрантовъ. Самооборона представляла собою скопища революціонеровъ, которыя нельзя было терпѣть въ интересахъ сохраненія порядка. Таковы эти мотивы въ Одессѣ и Кіевѣ. Такіе же, приблизительно, мотивы были положены въ основаніе борьбы съ самообороною и во всѣхъ другихъ погромныхъ мѣстностяхъ. Судя по настроенію войскъ и полиціи, можно усомниться въ истинности этихъ мотивовъ: вѣдь самооборона истреблялась даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда зловредность ея и самимъ властямъ казалась сомнительной, а обвиненія ея въ злостной стрѣльбѣ по войскамъ оказывались вымышленными, между тѣмъ, какъ для всѣхъ была очевидна польза, приносившаяся самообороною. Но допустимъ на время, что власти добросовѣстно заблуждались относительно истинной роли самообороны или, даже, что самооборона дѣйствительно представляла элементъ, опасный для порядка. Въ такомъ случаѣ, намъ придется предположить, что власти, уничтожая самооборону въ интересахъ порядка, въ интересахъ того же порядка и общественной безопасности, должны были принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы такое вопіющее нарушеніе порядка, какимъ являлись погромы, было немедленно прекращаемо. Было ли это дѣйствительно такъ? Только утвердительный отвѣтъ на

этотъ вопросъ можетъ сдѣлать понятнымъ истребленіе еврейской самообороны. Поищемъ же этотъ отвѣтъ въ имѣющихся о погромахъ данныхъ.

Обратимся, прежде всего, къ матеріаламъ офиціальнаго происхожденія, притомъ, исходящимъ со стороны правительственной власти. Таковыми, несомнѣнно, являются уже цитированные нами всеподданнѣйшіе отчеты г.г. Турау и Кузьминскаго о кіевскомъ и одесскомъ погромахъ. Въ этихъ отчетахъ дѣйствія войскъ и полиціи представлены въ такомъ видѣ, что прежде всего является сомнѣніе въ дѣйствительности того, что разсказано почтенными сенаторами. Но сомнѣніе приходится тотчасъ же отбросить, такъ какъ и тонъ отчетовъ, и тенденція ихъ, сходная съ тенденціей всѣхъ правительственныхъ сообщеній о погромахъ, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что г.г. сенаторами никакихъ преувеличеній въ разсматриваемомъ отношеніи не допущено.

Г. Кузьминскій даетъ весьма яркую картину поведенія полиціи во время погрома въ Кіевѣ. Приведемъ изъ нея пока только тѣ факты, которые прямо относятся къ интересующему насъ въ эту минуту вопросу: дѣлала ли что либо полиція и что именно для прекращенія погрома и для защиты евреевъ отъ громилъ?

„Полное бездѣйствіе и растерянность были проявлены во время еврейскаго погрома чинами кіевской городской полиціи, изъ которыхъ только нѣкоторые, вѣрные долгу службы, добросовѣстно исполняли свои обязанности“—такъ начинаетъ г. Турау характеристику дѣятельности, во время погрома, полицеймейстера полковника Цихоцкаго и его подчиненныхъ [1]). По отзывамъ должностныхъ и многочисленнымъ заявленіямъ частныхъ лицъ, полковникъ Цихоцкій не только не принималъ никакихъ общихъ мѣръ къ объединенію и направленію дѣятельности полиціи, но „и самъ относился совершенно бездѣятельно къ совершавшимся насилію надъ личностью и расхищенію имущества даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему при объѣздѣ города приходилось быть свидѣтелемъ безчинствъ и разнузданности толпы“. А вотъ и образчики стремленія г. Цихоцкаго къ прекра-

---

[1]) Кіевскій и Одесскій погромы и т. д., стр. 65.

щенію погрома. Узнавъ случайно въ штабѣ округа еще вечеромъ, 18 октября, о возникновеніи погрома на Подолѣ, онъ только на слѣдующій день, 19 октября, и то около 10 часовъ вечера, увѣдомилъ о происшедшемъ телеграммами приставовъ. Благодаря этому, пристава были застигнуты погромами въ ихъ участкахъ врасплохъ. Никакихъ свѣдѣній о безпорядкахъ въ городѣ, и никакихъ указаній о томъ, куда слѣдуетъ направлять войска, не сообщилъ г. Цихоцкій и военному начальству, о чемъ заявили сенатору Турау начальники отдѣловъ военной охраны генералы Эвертъ и Третьяковъ. 19 октября, на совѣщаніи въ штабѣ военнаго округа, было постановлено, для предупрежденія безпорядковъ, воспретить всякія патріотическія манифестаціи. Но г. Цихоцкій разослалъ приставамъ телеграмму объ этомъ постановленіи лишь на другой день, т. е. 20 октября, послѣ полудня. Цѣлый рядъ очевидцевъ — частныхъ и должностныхъ лицъ—положительно удостовѣрилъ, что Цихоцкій, объѣзжая городъ и будучи свидѣтелемъ вопіющихъ насилій надъ личностью и открытаго грабежа, спокойно и безучастно смотрѣлъ на происходившее, не принимая никакихъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, хотя тутъ же въ его распоряженіи были и низшіе чины полиціи, и воинскіе отряды. Попытки его прекратить погромъ ограничивались обыкновенно словами, обращенными къ грабителямъ: „расходитесь, господа“, или: „ну, будетъ, довольно, иди съ миромъ“, на что громилы не обращали никакого вниманія и ободряли другъ друга словами: „не бойся, это онъ въ шутку“. Встрѣчая грабителей, которые только что его качали, онъ на ихъ крики „ура“ отвѣчалъ поклонами. Исключительно благодаря г. Цихоцкому было разграблено училище Бродскаго. Разграбленіе этого училища длилось два дня, хотя завѣдующій училищемъ еще вечеромъ, 18-го октября, по телефону увѣдомилъ Цихоцкаго о предполагавшемся разгромѣ, прося защиты. Съ той же просьбой онъ нѣсколько разъ обращался къ полицеймейстеру и на слѣдующій день, но, тѣмъ не менѣе, охрана не была прислана. Ничего не сдѣлалъ Цихоцкій для спасенія училища даже послѣ того, какъ директоръ народныхъ училищъ 19 декабря офиціальною бумагою увѣдомилъ его о погромѣ, предупреждая, что училище казенное.

Не обращалъ г. Цихоцкій никакого вниманія даже на свое начальство, когда оно указывало ему на его бездѣятельность. Ни предписаніе губернатора принять болѣе энергичныя мѣры противъ погрома, ни предупрежденіе управляющаго канцеляріей ген.-губернатора о томъ, что если онъ будетъ продолжать бездѣйствовать, то не миновать ему каторги, ни указаніе ген.-губернатора Карасса на полную бездѣятельность полиціи, не дѣйствовали на полковника Цихоцкаго. Только послѣ того, какъ на третій день погрома, т. е. 20 октября, ген. Карассъ объявилъ ему, послѣ рѣзкаго внушенія, что если погромъ не прекратится, то онъ немедленно устранитъ его отъ должности и вышлетъ въ 24 часа изъ города, полиція приступила къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ погрома.

Если таковъ былъ начальникъ кіевской полиціи, то нужно ли говорить о томъ, каковы были его подчиненные. Они были не только попустителями, но и прямыми провокаторами. Въ этомъ отношеніи особенно отличились приставъ подольскаго участка Лященко и его помощникъ Пирожковъ. Какъ извѣстно, вся сила кіевскаго погрома обрушилась на населеніе именно этого участка, какъ сосредоточивавшаго въ себѣ огромную часть еврейскаго населенія Кіева. Но погромъ здѣсь принялъ чудовищные размѣры не только потому, что здѣсь было больше всего евреевъ, а, главнымъ образомъ, потому, что ему способствовали названные полицейскіе чины. Въ своемъ постановленіи о преданіи Лященка и Пирожкова суду, приложенномъ къ отчету о разслѣдованіи погрома, сенаторъ Турау приводитъ нескончаемый рядъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ не только евреями, но и русскими—очевидцами. Въ этихъ показаніяхъ не знаешь, чему удивляться — бездѣятельности ли этихъ чиновъ по прекращенію погрома или ихъ выдающейся дѣятельности по содѣйствію громиламъ. Достаточно сказать, что свидѣтелями удостовѣрены случаи, когда Лященко успокаивалъ громилъ, испугавшихся выстрѣла самообороны и переставшихъ грабить, словами: „Не бойтесь, ребята, это стрѣлялъ жидъ“, послѣ чего громилы снова принялись за грабежъ; у магазина Шварцмана, который начали грабить громилы, стояли солдаты и казаки, прогонявшіе громилъ;

по приказанію Лященка, солдаты и казаки были отведены въ сторону, и магазинъ подвергся разграбленію (105 стр.).

Вообще, судя по многимъ фактамъ, кіевская полиція смотрѣла на погромъ, не какъ на огромное общественное бѣдствіе, съ которымъ необходимо энергично бороться, а какъ на какое то народное гулянье, на которомъ полиція лишь слѣдила за „внѣшнимъ порядкомъ", чтобы не было дракъ и ссоръ между „гуляющими" и т. п. Полицейскіе относились къ громиламъ благодушно и покровительственно и выражали это отношеніе шуточками и остротами. Одинъ полицейскій, сопровождавшій Цихоцкаго, увидѣвъ, какъ двѣ женщины ссорились изъ за куска шелковой матеріи, выброшенной громилами изъ магазина, подошелъ къ нимъ, и вынувъ шашку, разрубилъ кусокъ пополамъ, прекративъ, такимъ образомъ, споръ. Разрѣшивъ, по примѣру Александра Македонскаго, эту задачу, полицейскій отправился дальше, не обращая вниманія на совершавшіяся предъ его глазами преступленія. Самъ Цихоцкій, подъѣхавъ 20 октября на Б. Васильковской улицѣ къ разграбляемой еврейской булочной, ограничилъ свое вмѣшательство только тѣмъ, что схватилъ одну булку, бросилъ ее въ кого-то изъ громилъ и, со словами: „что вы дѣлаете", уѣхалъ.

Не всѣ, однако, полицейскіе чины относились безучастно и даже съ сочувствіемъ къ погрому. Нѣкоторые энергично боролись съ погромщиками, и борьба ихъ, несмотря на ихъ малочисленность, всегда увѣнчивалась успѣхомъ. Въ этомъ отношеніи, особенно отличился околоточный надзиратель Остроменскій, который съ тремя городовыми и нѣсколькими солдатами, даже не прибѣгая къ оружію, защитилъ весь свой околотокъ отъ разгрома, за что жители этого участка поднесли ему черезъ губернатора золотые часы. Приводя этотъ примѣръ, г. Турау прибавляетъ: „къ сожалѣнію, случаи такой энергичной защиты евреевъ отъ насилія и грабежа были единичными".

Въ бездѣйствіи и попустительствѣ, а нерѣдко—и въ косвенномъ или прямомъ подстрекательствѣ громилъ, съ полиціей соперничали и войска, о чемъ въ отчетѣ г. Турау имѣется много весьма яркихъ показаній. Несмотря на то, что во всѣ дни погрома охрана города находилась въ вѣдѣніи военныхъ властей, располагавшихъ многочисленнымъ

гарнизономъ, что гарнизонъ былъ не только наготовѣ, но городъ былъ заранѣе раздѣленъ на участки, во главѣ которыхъ назначены были отдѣльные военные начальники—насилія и открытые грабежи возникли и продолжались безпрепятственно на глазахъ войскъ и прекратились только тогда, когда всѣ, или почти всѣ еврейскіе магазины и множество квартиръ были разгромлены и разграблены. По свидѣтельству не только обыкновенныхъ жителей города, но и должностныхъ лицъ, всѣхъ поражало близкое къ попустительству бездѣйствіе, проявленное войсками. „Картина погрома во всѣ дни и вездѣ была одна и та же: полиція почти отсутствовала, войска медленно двигались по серединѣ улицы, дѣятельно обстрѣливая дома, изъ которыхъ раздавались выстрѣлы, а по обѣимъ сторонамъ улицъ громились безпрепятственно еврейскіе магазины и квартиры, и, на обращенныя къ солдатамъ просьбы частныхъ и должностныхъ лицъ, получались стереотипные отвѣты: „намъ не приказано". Такой же отвѣтъ былъ данъ казачьимъ разъѣздомъ даже исправлявшему должность губернатора д. с. с. Рафальскому, несмотря на то, что онъ былъ одѣтъ въ форменное платье и сообщалъ казакамъ, что, какъ губернаторъ, онъ требуетъ прекращенія разгрома еврейскаго дома". На обращенный какимъ то господиномъ къ патрулю на Сѣнномъ базарѣ, гдѣ въ это время грабился аптекарскій магазинъ, вопросъ—неужели солдатамъ не приказано прибѣгать къ оружію для прекращенія безпорядковъ, солдаты, безучастно взиравшіе на грабежъ, отвѣтили: „нѣтъ, не приказано; приказано смотрѣть, чтобы драки не было и чтобы русскихъ не били". Еще болѣе поразительный отвѣтъ дали казаки. Одинъ изъ городовыхъ удостовѣрилъ при допросѣ у судебнаго слѣдователя, что 19 октября, когда онъ, не будучи въ силахъ одинъ справиться съ громилами, обратился за помощью къ казакамъ, послѣдніе отвѣтили, что „они ѣздятъ затѣмъ, чтобы никто не стрѣлялъ въ громилъ изъ оконъ и съ балконовъ и чтобы они не подрались между собою".

Г. Турау приводитъ въ своемъ отчетѣ такое множество удостовѣренныхъ свидѣтелями фактовъ безучастнаго отношенія военной охраны къ погрому, покровительства ея громиламъ и даже участія отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ въ погромѣ (подъ предлогомъ стрѣльбы въ революціонеровъ)

и, особенно, въ грабежѣ, что представляется совершенно невозможнымъ допустить, что эти факты являлись результатомъ неподготовленности военной охраны, какъ это пытается пояснить г. Турау (стр. 57). Наоборотъ, изъ описанія образа дѣйствій и всего поведенія начальниковъ охраны, приводимаго сенаторомъ Турау, видно, что характеризованное выше отношеніе войскъ къ погрому и громиламъ было результатомъ если не спеціальной подготовки, то, во всякомъ случаѣ, внушенія со стороны начальства, которое вело себя болѣе чѣмъ странно. Особенно характерно въ этомъ отношеніи поведеніе начальника военной охраны, ген.-лейт. Драке, и начальника второго отдѣла охраны, ген.-м. Безсонова. Несмотря на неоднократныя приказанія вр. командующаго войсками округа, ген.-лейт. Карасса, принять рѣшительныя мѣры къ подавленію безпорядковъ, охрана города даже къ 20 октября, по свидѣтельству ген. Маврина, была неудовлетворительна. Училище Бродскаго было разнесено громилами только благодаря тому, что ген. Драке не прислалъ охраны, хотя Левъ Бродскій еще наканунѣ разгрома, т. е. 18-го октября, былъ у него и заручился его обѣщаніемъ прислать охрану; но ни 19, ни 20-го, въ теченіе каковыхъ дней громилось училище, охрана прислана не была, несмотря на многократныя просьбы объ этомъ по телефону.

Еще страннѣе было поведеніе ген.-м. Безсонова. Изъ трехъ отдѣловъ охраны города наиболѣе пострадалъ второй, гдѣ начальникомъ охраны былъ г. Безсоновъ, куда, между прочимъ, входили Подолъ и старокіевскій участокъ, понесшіе отъ разгрома милліонные убытки. Здѣсь г. Безсоновъ не только не принималъ никакихъ мѣръ противъ погрома, но самъ поощрялъ громилъ, сказавъ имъ: „громить можно, но грабить не слѣдуетъ“. Это удостовѣрено находившимся въ отрядѣ ген. Безсонова прапорщикомъ Телиховскимъ и нѣсколькими очевидцами, заслуживающими полнаго довѣрія „по общественному ихъ положенію“ (стр. 61). На просьбы нѣкоторыхъ свидѣтелей прекратить погромъ, ген. Безсоновъ замѣтилъ, что не позволитъ дѣйствовать силою противъ толпы, громящей еврейское имущество. По показанію одного изъ очевидцевъ, когда солдаты, стоявшіе у думы (изъ отряда ген. Безсонова), бросились на громилъ, офицеръ, командовавшій ими, крик-

нулъ: „назадъ!“—солдаты вернулись, и разгромъ продолжался безпрепятственно. Поручикъ, къ которому обратился товарищъ прокурора Племянниковъ (состоявшій тогда на военной службѣ прапорщикомъ) съ просьбой послать противъ толпы хотя бы взводъ солдатъ, отвѣтилъ, что людей у него нѣтъ, а начальство приказываетъ смотрѣть на еврейскій погромъ сквозь пальцы. Управляющій канцеляріей ген.-губернатора, д. с. с. Молчановскій, проѣзжая мимо думы и видя разгромъ, совершавшійся въ присутствіи роты солдатъ и самого ген. Безсонова, обратился къ генералу: „Ваше пр—во! идетъ погромъ, мѣры не принимаются—какъ прикажете понимать это?“ „Какой же это погромъ? отвѣтилъ генералъ, это—манифестація“. На возраженіе же Молчановскаго, что это не манифестація, а дневной грабежъ, ген. Безсоновъ спросилъ: „а зачѣмъ они порвали царскій портретъ?“

Предсѣдателю съѣзда мировыхъ посредниковъ ген. Безсоновъ признался, что онъ не спѣшилъ съ исполненіемъ просьбъ евреевъ о присылкѣ войскъ для ихъ защиты и стрѣлять въ громилъ не приказывалъ потому, что они все бы разнесли.

— Евреевъ потреплютъ, но это—дѣло наживное, а жизни не вернешь,—разсуждалъ генералъ.

По этой же причинѣ, онъ не спѣшилъ исполнить полученное изъ штаба округа приказаніе о немедленной высылкѣ полусотни казаковъ для охраны редакціи газеты „Кіевскіе Отклики“, сожалѣлъ объ этомъ приказаніи и выразилъ желаніе, чтобы казаки опоздали и дали возможность разнести редакцію. Выславъ казаковъ, генералъ замѣтилъ: „интересно бы узнать, кто раньше поспѣлъ—полусотня или черная сотня“.

Такъ охраняли Кіевъ генералы, которымъ ввѣрены были жизнь и имущество всего еврейскаго населенія Кіева. Нужно ли послѣ этого удивляться, что солдаты и низшіе полицейскіе чины поступали и разсуждали, какъ высшее начальство. Все, разсказанное здѣсь о дѣятельности полиціи и войскъ во время погрома такъ необычайно, отдаетъ такой средневѣковой жестокостью, что хотѣлось бы думать, что Кіевъ въ этомъ отношеніи былъ печальнымъ исключеніемъ Дѣйствительность, однако, не даетъ основаній для такого

оптимизма, и изученіе погромнаго матеріала убѣждаетъ насъ въ томъ, что полицейскія и военныя власти другихъ городовъ и мѣстечекъ, постигнутыхъ погромомъ, въ своемъ отношеніи къ погромщикамъ и ихъ жертвамъ представляли почти точную копію съ кіевскихъ властей, съ нѣкоторыми лишь варіаціями, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и темперамента дѣйствующихъ лицъ. Одесса въ этомъ отношеніи шла даже впереди Кіева, который она оставила позади себя и въ отношеніи размѣровъ погрома, кровожадности громилъ и холодной жестокости всего ея начальства, начиная съ самыхъ верховъ и кончая городовыми и солдатами. Отчетъ сенатора Кузьминскаго объ одесскомъ погромѣ даетъ далеко не полную картину дѣятельности полиціи и войскъ въ кровавые одесскіе дни, потому что главное вниманіе г. Кузьминскаго направлено въ отчетѣ не на выясненіе обстоятельствъ погрома и поведеніе во время его властей, а на розысканіе доказательствъ того, что въ мрачные дни 18—22 октября въ Одессѣ происходилъ не погромъ, а вооруженное возстаніе евреевъ, погромъ же явился уже вслѣдствіе этого возстанія, какъ отвѣтъ русскаго населенія, оскорбленнаго въ своихъ патріотическихъ и національныхъ чувствахъ. Тѣмъ не менѣе, и при такой тенденціи, г. Кузьминскій не могъ обойти молчаніемъ поведеніе полиціи, хотя приводимые имъ факты касаются дѣятельности лишь центральной фигуры одесской трагедіи — бывшаго одесскаго градоначальника д. с. с. Нейдгардта, объ остальныхъ же дѣйствующихъ лицахъ г. Кузьминскій говоритъ лишь вскользь.

Во всякомъ случаѣ, собранными г. Кузьминскимъ данными устанавливается такая картина поведенія полиціи и войскъ въ дни погрома. Полиція находилась на улицахъ Одессы только 18 октября; 19 окт. и въ послѣдующіе дни она совершенно не показывалась на улицахъ. Пристава и ихъ помощники почти безвыходно сидѣли въ своихъ участкахъ, опасаясь раздававшейся на улицахъ стрѣльбы, городовые же были сняты съ постовъ по приказанію Нейдгардта, выходили на улицы только въ штатскомъ платьѣ и безъ бляхъ и гербовъ. Въ нѣкоторыхъ участкахъ была организована патрульная служба городовыхъ, но, по объясненіямъ самихъ приставовъ, „въ порядокъ отправленія патрульныхъ поли-

цейскихъ обязанностей никакой организаціи внесено не было и наблюденія установлено не было". „Такимъ образомъ, во время безпорядковъ (г. Кузьминскій весьма неохотно употребляетъ слово „погромъ", часто замѣняя его словомъ „безпорядки"), полицейскіе чины, пребывая въ участкахъ, въ сущности, не несли никакихъ полицейскихъ обязанностей, тогда какъ въ штатѣ одесской городской полиціи числилось 859 городовыхъ, которые, при умѣломъ и энергичномъ пользованіи ими, могли бы представить, совмѣстно съ войсками, вполнѣ достаточную силу для прекращенія безпорядковъ и разсѣянія скопищъ въ теченіе самаго короткаго времени, не давая погрому тянуться нѣсколько дней". Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда полицейскіе патрули появлялись на мѣстахъ погрома, они обыкновенно никакихъ мѣръ къ прекращенію разгромовъ не принимали, какъ потому, что вполнѣ сочувствовали погрому, такъ и потому, что во многихъ случаяхъ сами полицейскіе чины направляли толпы хулигановъ на разгромъ и разграбленіе еврейскихъ домовъ, квартиръ и лавокъ, снабжали хулигановъ дубинами изъ срубленныхъ деревьевъ, сами совмѣстно съ ними принимали участіе въ этихъ разгромахъ, грабежахъ и убійствахъ, и руководили дѣйствіями толпы". Благодаря этому, 20 и 21 октября погромъ не только не прекратился, но принялъ еще болѣе ужасающій по своимъ размѣрамъ характеръ. „Грабежъ и уничтоженіе еврейскаго имущества, избіенія и убійства совершенно открыто и безнаказанно совершались днемъ на улицахъ; никто изъ полицейскихъ и военныхъ властей никого не задерживалъ, грабители открыто носили и возили награбленное имущество, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ задерживали члены студенческой и еврейской милиціи, доставляя съ вещами въ университетъ, гдѣ къ вечеру 20 октября такихъ задержанныхъ оказалось до 40 лицъ".

„Обстрѣливая, во время обходовъ патрулями по городу, окна и двери тѣхъ домовъ, изъ коихъ, по указаніямъ городовыхъ—нерѣдко невѣрнымъ и ложнымъ—производились выстрѣлы, и разгоняя выстрѣлами появлявшіяся на улицахъ группы милиціи и обороны, войска и полиція не предпринимали рѣшительно никакихъ мѣръ къ прекращенію разгрома еврейскихъ квартиръ и лавокъ, избіенія евреевъ и разграбленія ихъ имущества. Громилы, принадлежав-

шіе преимущественно къ подонкамъ населенія, такъ называемые хулиганы, нерѣдко совершали преступленія на глазахъ войскъ и полиціи, иногда даже при ихъ участіи, и не были задерживаемы—чему въ значительной мѣрѣ должна быть приписана чрезвычайная продолжительность погрома".

Не лучше вели себя и войска, обнаружившія выдающееся единодушіе съ полиціей. Они, какъ и полиція, избивали только студентовъ и стрѣляли только по группамъ еврейской обороны и студенческой милиціи. Одинъ офицеръ, присутствовавшій при звѣрскомъ избіеніи хулиганами евреевъ, равнодушно смотрѣлъ на эту картину и только замѣтилъ: „не хотѣли правительства, вотъ и нѣтъ правительства".

Многіе свидѣтели удостовѣрили г. Кузьминскому, что и солдаты, и казаки не только участвовали въ расхищеніи товаровъ изъ разбиваемыхъ лавокъ и разныхъ вещей изъ разгромленныхъ еврейскихъ квартиръ, но и убивали безъ всякой причины совершенно неповинныхъ лицъ (стр. 161). Домовладѣлецъ г. Таганрога г. Демьяновичъ, временно проживавшій въ Одессѣ во время октябрьскихъ событій, самъ лично изъ окна гостинницы видѣлъ (о чемъ и сообщилъ г. Кузьминскому), какъ хулиганъ и казакъ преслѣдовали какого-то молодого человѣка, шедшаго съ двумя сестрами милосердія, и, не найдя у него ничего, всетаки убили его на улицѣ; какъ солдаты убили двухъ студентовъ, мирно проѣзжавшихъ на извощикѣ, произведя въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ и, затѣмъ, приколовъ одного изъ нихъ штыкомъ, а другому разбивъ камнемъ голову; какъ пять солдатъ на Полицейской ул., отдѣлившись отъ патруля, разстрѣляли проходившаго по улицѣ молодого учащагося человѣка, объяснивъ потомъ, что убили его „за то, что онъ еврей".

Какъ и въ Кіевѣ, одесскіе городовые и солдаты въ своемъ поведеніи слѣдовали, если не примѣру своего начальства, то молчаливому, а нерѣдко и громогласному поощренію съ его стороны. Это поощреніе проявлялось, большею частью, не прямыми приказаніями или одобреніемъ дѣйствій солдатъ и городовыхъ, а такими дѣйствіями начальствующихъ лицъ, которыя лучше всякихъ приказаній давали направленіе и тонъ поведенію ихъ подчиненныхъ. Въ этомъ отноше-

ніи, поступки градоначальника Нейдгардта краснорѣчивѣе всего подсказывали одесской полиціи образъ ея дѣйствій. А поступки эти были таковы:

Прежде всего, за все время погромовъ, Нейдгардтъ выѣзжалъ въ городъ изъ своего дома только одинъ разъ, все же остальное время онъ не показывался на улицахъ, требуя того же отъ приставовъ и ихъ помощниковъ. Но не довольствуясь этимъ, онъ снялъ во всемъ городѣ полицейскіе посты, мотивируя это тѣмъ, что въ городовыхъ стрѣляли. Когда, во время единственнаго его проѣзда по улицамъ, населеніе умоляло его возстановить полицейскую охрану, а многія лица обращались съ просьбами оградить ихъ отъ насилій хулигановъ, Нейдгардтъ всѣмъ отказывалъ:

— Я ничего не могу сдѣлать. Вы хотѣли свободы—вотъ вамъ жидовская свобода.

Видя, что населеніе города самимъ градоначальникомъ оставлено безъ всякой полицейской охраны на произволъ громилъ, низшіе полицейскіе чины едва ли могли считать себя даже вправѣ по своей иниціативѣ предоставлять населенію эту охрану, и нужно ли удивляться тому, что многіе изъ нихъ принимали участіе въ грабежѣ послѣ того, какъ они сами видѣли, что высшій ихъ начальникъ сочувственно относится къ погрому.

Отдавъ городъ на разграбленіе хулигановъ и городовыхъ снятіемъ полицейскихъ постовъ и безучастнымъ своимъ отношеніемъ къ погрому, Нейдгардтъ, конечно, не могъ, да и не хотѣлъ внушать иного отношенія къ погрому своимъ ближайшимъ помощникамъ—приставамъ и помощникамъ приставовъ. Многіе изъ нихъ уличены были въ рядѣ дѣйствій, говорившихъ о томъ, что этимъ людямъ не менѣе опасно было ввѣрять судьбу еврейскаго населенія, чѣмъ тѣмъ хулиганамъ, которые его громили.

Деморализація всей одесской полиціи подъ просвѣщеннымъ руководствомъ г. Нейдгардта такъ бросалась въ глаза, что сенаторъ Кузьминскій счелъ нужнымъ возбудить судебное преслѣдованіе противъ 4 полицейскихъ приставовъ, 7 помощниковъ приставовъ, 12 околоточныхъ надзирателей и 19 городовыхъ по обвиненію ихъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 341, 1 ч. 342, 345, 2 ч. 446 и 1459 ст. улож. о наказ.

Приведенными здѣсь дѣйствіями г. Нейдгардта далеко не исчерпывалось участіе его въ одесскомъ погромѣ. Если на основаніи ихъ можно говорить объ участіи въ погромѣ, то лишь о пассивномъ, которое на языкѣ юристовъ называется попустительствомъ. Главное же содержаніе дѣятельности г. Нейдгардта, какъ градоначальника, заключается въ активныхъ ея проявленіяхъ, носившихъ явно подстрекательскій характеръ. Но эту сторону „работы" г. Недгардта мы разсмотримъ ниже, теперь же обратимся къ военному начальству, на которое возложена была обязанность по прекращенію погрома. Въ этомъ отношеніи отчетъ г. Кузьминскаго весьма бѣденъ фактами, но это далеко не значитъ, что бѣдна ими и дѣятельность одесскихъ военачальниковъ. Ниже мы приведемъ относительно этой дѣятельности болѣе подробныя свѣдѣнія, не попавшія въ отчетъ г. Кузьминскаго, а пока послушаемъ разсказъ г. Кузьминскаго.

Разсказъ этотъ кратокъ и относится къ командующему войсками одесскаго военнаго округа, генералу Каульбарсу, отъ котораго всецѣло и зависѣло принятіе мѣръ къ подавленію погрома. О томъ, какія мѣры были имъ приняты—мы уже знаемъ, знаемъ, слѣдовательно, этого администратора, какъ практика. А вотъ этотъ же генералъ, какъ теоретикъ. Пріѣхавъ къ градоначальнику Нейдгардту въ то время, когда у него были собраны всѣ пристава, ген. Каульбарсъ обратился къ нимъ съ рѣчью, которая начиналась словами:

— Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами. Нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому...

Въ это время по телефону раввинъ Черновицъ сообщилъ, что онъ былъ сейчасъ очевидцемъ, какъ на Екатерининской улицѣ толпа громилъ совершила страшный погромъ въ предшествіи и подъ прикрытіемъ войскъ, которыя, слѣдуя впереди, расчищали дорогу.

Узнавъ объ этомъ, баронъ Каульбарсъ произнесъ:

— Къ сожалѣнію, слишкомъ рано пришло подтвержденіе того, о чемъ носились лишь слухи.

Чтобы понять смыслъ этихъ словъ, нужно знать, что передъ полученіемъ этого извѣстія, ген. Каульбарсъ говорилъ о томъ, что, несмотря на сочувствіе къ погрому, войска и полиція, „по долгу присяги", должны поддерживать по-

рядокъ и защищать отъ погромовъ и убійствъ, а между тѣмъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, чины полиціи не только не принимаютъ мѣръ къ прекращенію погромовъ и насилій, но и сами, переодѣваясь, принимаютъ въ нихъ участіе. Услышавъ откровенное предисловіе ген. Каульбарса, пристава могли догадаться, что въ рѣчи его только это предисловіе и обязательно принять къ свѣдѣнію, вся же остальная рѣчь есть ничто болѣе, какъ простая формальность. Но сообщенное такъ некстати г. Черновицемъ извѣстіе дѣлало изъ словъ г. Кульбарса нѣчто большее, нежели пустая формальность—оно обязывало къ принятію дѣйствительныхъ мѣръ если не противъ погромщиковъ, то противъ войскъ, помогающихъ имъ. Съ этимъ уже трудно было примириться, и у г. Каульбарса, можетъ быть, противъ его воли, вырвалось сожалѣніе о томъ, что извѣстіе, обязывающее принять дѣйствительныя мѣры противъ громящихъ населеніе войскъ, пришло „слишкомъ рано", т. е. раньше того, чѣмъ эти войска успѣли бы натѣшиться вволю. Одного этого случая, полагаемъ, совершенно достаточно для того, чтобы понять, почему приказъ ген. Каульбарса войскамъ—„истреблять на мѣстѣ оружіемъ всѣхъ безъ исключенія грабителей, нападающихъ на дома, магазины и мирныхъ жителей"—былъ изданъ только 22 октября, т. е.—по окончаніи погрома.

Кромѣ фактовъ, собранныхъ сенаторомъ Кузьминскимъ, объ одесскомъ погромѣ имѣются обширные матеріалы, собранные еще до его пріѣзда комиссіями, образовавшимися въ Одессѣ при университетѣ, думѣ и совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, и судебнымъ слѣдователемъ при окружномъ судѣ по важнѣйшимъ дѣламъ. Матеріалы эти были представлены и г. Кузьминскому, но онъ исчерпалъ ихъ далеко не вполнѣ, между тѣмъ, они содержатъ драгоцѣнныя указанія на роль военныхъ и гражданскихъ властей во время погрома. Для полноты картины, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, пользуясь для этой цѣли уже цитированнымъ нами сборникомъ офиціальныхъ документовъ.

Прапорщикъ 205 Измаильскаго полка Л. Д. Теплицкій, самъ бывшій въ нарядѣ военной охраны, разсказывая о цѣломъ рядѣ дѣйствій военныхъ властей, характеризующихъ ихъ отношеніе къ интересамъ охраняемаго ими

населенія, удостовѣрилъ своимъ показаніемъ, что „во время событій, военное начальство рѣзко проявляло покровительство еврейскимъ погромамъ и выражало явное недовольство тѣмъ офицерамъ, которые проявляли стремленіе къ противодѣйствію этимъ погромамъ. Такихъ офицеровъ подвергали аресту за выраженіе протеста, переводили въ Очаковъ, какъ, напр., меня“... Со словъ своего сослуживца, прапорщика 273 пѣх. полка Таубергера, тотъ же г. Теплицкій разсказалъ, что директоръ кадетскаго корпуса г. Дерюгинъ, встрѣтивъ толпу хулигановъ, сказалъ ей: „и вы идете громить евреевъ,— благословляю васъ“.

А служащимъ своего корпуса этотъ генералъ заявилъ:

— Очень жаль, что на это дѣло посылается только чернь, и мы не можемъ сами идти, это—наша святая обязанность.

— Помню также,—продолжаетъ свои показанія прапорщикъ Теплицкій,—что, кажется, 20 числа въ тюрьмѣ поручикъ Арендтъ (пулеметной роты) въ присутствіи моемъ и другихъ офицеровъ возмущался тѣмъ, что саперные офицеры и солдаты сами принимали участіе въ разграбленіи конфектной фабрики Крахмальникова и уносили оттуда конфекты, чему Арендтъ былъ очевидцемъ [1]).

Директоръ 2-го общества взаимнаго кредита г. Брахманъ много разсказывалъ о своихъ безуспѣшныхъ попыткахъ добиться охраны различныхъ учрежденій, осаждавшихся громилами.

Между прочимъ, 20 октября, когда громили при станціи Одесса-товарная склады мѣди и свинца, онъ просилъ помощи въ участкѣ у ген. Каульбарса, у ген. Глаголева и у начальника войскъ михайловскаго участка; послѣдній спросилъ г. Брахмана, частное или казенное имущество онъ проситъ охранить, и, узнавъ, что склады частные, отвѣтилъ отказомъ. И трое сутокъ, 20—22 октября, склады безпрепятственно громились; пріѣзжали тысячи подводъ съ окраинъ и увозили всевозможные товары; взломали и разграбили двѣ несгораемыя кассы; убытка нанесено было болѣе 100 тысячъ руб.

Товарищъ прокурора одесскаго окружнаго суда, г. Ка-

---

[1]) Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи и т. д., стр. 102 и 103.

менскій, жившій на Дерибасовской улицѣ, удостовѣрилъ массовое участіе солдатъ въ грабежѣ.

„Въ ночь подъ 20 октября, толпа разгромила магазинъ часовъ и золотыхъ издѣлій Баржанскаго. „Съ 12 час. ночи, разсказываетъ г. Каменскій, по улицѣ проходили исключительно солдаты, причемъ, тѣ изъ нихъ, которые шли со стороны магазина Баржанскаго, несли въ рукахъ, подъ мышками и даже на плечахъ свертки и тюки награбленныхъ товаровъ. Въ 1 или 2 часа ночи разбили въ томъ же домѣ галантерейный магазинъ Бейма—и мимо моихъ оконъ проходили солдаты, нагруженные галантерейнымъ товаромъ, кто съ зонтиками, кто съ большими корзинами и чемоданами. Нерѣдко проходили разъѣзды и патрули, но не останавливали грабителей. Мы ясно видѣли, что грабили солдаты пѣхотные и карантинной стражи“ [1]).

Много характернаго объ отношеніи къ погрому офицеровъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ одесскомъ погромѣ уже упоминавшійся нами г. Кельменъ. Въ его живомъ очеркѣ проходитъ передъ читателемъ цѣлая галлерея типовъ. Вотъ худощавый, бритый полковникъ съ длинными усами, разсказывающій о томъ, какъ онъ не допустилъ въ одномъ домѣ погрома потому, что „здѣсь, вѣдь, Андрей Семенычъ живетъ, а Надежда Петровна знаете, въ какомъ положеніи, ну, мнѣ и не хотѣлось, чтобъ ее напугали, я поэтому и не разрѣшилъ“.

А вотъ жизнерадостный поручикъ, съ веселымъ видомъ разсказывающій:

— А сейчасъ я видѣлъ прекомичную сцену: по Пушкинской улицѣ ѣхалъ въ крытомъ экипажѣ какой-то жидъ. Богатый, видно, — думалъ, что экипажъ спасетъ. Кто-то изъ толпы приказалъ остановиться и заглянулъ внутрь. Конечно, его сейчасъ вытащили на мостовую. Но надо вамъ было видѣть эту фигуру! Я чуть не умеръ со смѣху! Струсилъ, упалъ на колѣни, проситъ, плачетъ, отдаетъ бумажникъ, часы, кольца, только чтобы отпустили. У него забрали все и начали лупить. Живого мѣста не оставили. Потомъ бросили, думали, что готовъ, а онъ, понимаете ли, минутъ этакъ черезъ пять подымается и бредетъ дальше.

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.

Тутъ еще одинъ къ нему подскочилъ, да какъ дастъ ломомъ по головѣ,—такъ онъ и покатился! Однако, „скорая помощь" подобрала его еще живого, только безъ памяти. Эдакіе живучіе, прохвосты!

Вотъ бритый полковникъ, дирижирующій пѣніемъ толпы громилъ, явившихся съ припасенными для добычи мѣшками, и т. д., и т. д.

Есть въ разсказѣ г. Кельмена и прямое указаніе на попустительство военныхъ властей грабежамъ не только со стороны хулигановъ, но и солдатъ. Послѣ грабежа одного изъ домовъ, находившихся противъ жандармскаго дивизіона, авторъ насчиталъ 16 солдатъ, тащившихъ награбленное имущество. Всѣ они, нагруженные добычей, спокойно проходили мимо начальства, равнодушно глядѣвшаго на всю эту картину. Авторъ разговорился съ жандармами, стоявшими у воротъ жандармскаго дивизіона.

— А что, народу много перебили здѣсь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, никого не убили, — отвѣтилъ мнѣ бравый вахмистръ съ традиціонными „усищами въ аршинъ",—они, поганые, всѣ въ подвалахъ попрятались, не хотятъ издыхать! А побили здорово квартиры ихнія, почитай, что ничего цѣлаго не осталось.

— Почему же вы не уняли громилъ?—спрашиваю я.

— Какъ ихъ уймешь, вѣдь они всѣ вооруженные!

— А вы развѣ не вооружены? Захотѣли бы, такъ живо остановить можно.

Жандармъ улыбнулся:

— Вѣстимо, можно,—и онъ наклонился ко мнѣ поближе,—да не приказано! Тутъ и генералъ нашъ все время стоялъ, да не приказывалъ намъ мѣшать, какъ же мы ихъ самовольно унимать станемъ?.."

* * *

На приведенныхъ нами многочисленныхъ примѣрахъ бездѣйствія въ борьбѣ съ погромами, а нерѣдко—и содѣйствія погромщикамъ со стороны полиціи и войскъ, можно было бы и остановиться, такъ какъ едва ли нужны еще болѣе яркія доказательства такого поведенія ихъ, чѣмъ тѣ, которыя дали намъ отчеты сенаторовъ Турау и Кузьминскаго. На основаніи этихъ данныхъ можно смѣло утвер-

ждать, что погромы въ Кіевѣ и Одессѣ приняли столь опустошительный характеръ и дали столько человѣческихъ жертвъ только потому, что полиція и войска не только не принимали мѣръ къ прекращенію грабежей и убійствъ, но и содѣйствовали имъ, принимая въ нихъ даже прямое участіе.

Но насъ интересуетъ вопросъ о томъ, насколько такое поведеніе полиціи и войскъ можно разсматривать, какъ общее для всей погромной эпопеи явленіе. Въ этомъ отношеніи, примѣры Одессы и Кіева не даютъ намъ основаній для обобщеній, какъ ни достовѣрны факты, установленные официальными разслѣдованіями. Только установленіе подобныхъ же фактовъ въ другихъ городахъ, пострадавшихъ отъ погрома, можетъ дать намъ право сказать, что не вяжущееся ни съ какимъ представленіемъ о государственности и гражданственности, содѣйствіе полиціи и войскъ истребленію и ограбленію евреевъ во многихъ десяткахъ россійскихъ населенныхъ мѣстъ было общимъ явленіемъ для всей Россіи. Поэтому, посмотримъ, что дѣлали полиція и войска въ другихъ погромныхъ мѣстахъ въ то время, какъ громилы занимались тамъ истребленіемъ людей и имущества.

Относительно имѣющагося въ нашемъ распоряженіи по этому вопросу матеріала необходимо, однако, оговориться, что не о всѣхъ погромахъ имѣются официальныя данныя, вродѣ тѣхъ, которыя собраны для Кіева и Одессы сенаторами Турау и Кузьминскимъ. Нѣкоторая часть свѣдѣній взята нами изъ газетныхъ корреспонденцій и замѣтокъ, и лишь тамъ, гдѣ это было возможно,—изъ официальныхъ документовъ, вродѣ заявленій различныхъ группъ или официальныхъ лицъ, свидѣтельскихъ показаній, данныхъ въ судахъ во время погромныхъ процессовъ, и т. п. Но всѣ факты, приводимые изъ указанныхъ источниковъ, при всемъ различіи происхожденія этихъ источниковъ, такъ однообразны, имѣютъ такое огромное сходство съ фактами, приводимыми въ сенаторскихъ разслѣдованіяхъ, что сомнѣваться въ ихъ достовѣрности едва ли возможно. По причинѣ указаннаго однообразія фактовъ, мы ограничимся приведеніемъ только немногихъ изъ нихъ, и то лишь по нѣкоторымъ городамъ, дабы не загромождать нашего изслѣдованія излишними деталями.

О дѣйствіяхъ полиціи и войскъ во время погрома въ

Ростовѣ-на-Дону мѣстная печать сообщала очень мало—по причинѣ, вѣроятно, своеобразныхъ условій свободы слова, провозглашенной манифестомъ 17 октября. Только „Донская Рѣчь" рѣшилась выступить съ обвиненіемъ градоначальника въ полномъ бездѣйствіи во время погрома, а въ „Рус. Словѣ", на основаніи свѣдѣній мѣстныхъ газетъ, появилось сообщеніе о томъ, что помощникъ пристава Масловъ и казаки стрѣляли въ самооборону, а одинъ казачій офицеръ, вмѣстѣ съ казаками, принималъ дѣятельное участіе въ грабежѣ магазина. Въ своемъ, извѣстномъ уже читателямъ, заявленіи въ нахичеванскую думу, гласный этой думы, Г. Х. Чалхушьянъ удостовѣряетъ, что „мѣстная администрація и полиція не только не принимали никакихъ мѣръ къ успокоенію и усмиренію разбушевавшейся черни, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ явно помогали громиламъ".

Еще болѣе категорическое обвиненіе предъявлено мѣстнымъ властямъ прокурорскою властью. Въ отношеніи прокурора новочеркасской судебной палаты отъ 23 ноября 1905 г., за № 3678 (къ сожалѣнію, неизвѣстно, куда это отношеніе было адресовано), по дѣлу о погромѣ въ Ростовѣ-на-Дону [1]), было констатировано, что „начавшіеся 18 октября настоящаго (1905) года на тюремной площади въ городѣ Ростовѣ-на-Дону безпорядки, перешедшіе затѣмъ въ погромъ и поджоги еврейскихъ имуществъ, продолжались въ теченіе почти двухъ сутокъ при полномъ отсутствіи надлежащаго воздѣйствія на толпу со стороны мѣстной власти и окончились утромъ 20-го октября не потому, чтобы они были остановлены полиціею или войсками, а исключительно потому, что всѣ торговыя и иныя помѣщенія, принадлежавшія евреямъ, были къ этому времени уничтожены".

Яркое подтвержденіе справедливости этого заключенія даютъ показанія потерпѣвшихъ и свидѣтелей, приводимыя въ томъ же документѣ. Такъ, изъ чиновъ полиціи, градоначальникъ графъ Коцебу и полицеймейстеръ Прокоповичъ, хотя и показывались въ мѣстахъ погрома, но ничего не предпринимали для борьбы съ послѣднимъ. По показанію помощника полицеймейстера, никто изъ полицейскихъ приставовъ, кромѣ пристава 2 участка, не принималъ участія

---

[1]) Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи и т. д., стр. 397.

въ прекращенiи грабежей; что же касается помощниковъ приставовъ, околоточныхъ надзирателей и городовыхъ, то многочисленныя показанiя потерпѣвшихъ и свидѣтелей удостовѣряютъ, что эти должностныя лица оставались совершенно безучастными зрителями происходившаго и отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ на обращавшiяся къ нимъ просьбы о защитѣ. Свидѣтели Сааковъ, Марковъ, Робукъ, Домбровскiй и потерпѣвшiе Левитинъ, Бутвинникъ, Рахлинъ и другiе заявили судебному слѣдователю, что полное бездѣйствiе присутствовавшихъ при отдѣльныхъ погромахъ полицейскихъ чиновъ было настолько явно, что производило впечатлѣнiе, какъ будто на разграбленiе еврейскихъ магазиновъ полицiя даетъ молчаливое разрѣшенiе. Изъ названныхъ лицъ, Левитинъ обратился къ двумъ помощникамъ пристава, стоявшимъ на Московской улицѣ и безучастно смотрѣвшимъ на происходившiй разгромъ, и спросилъ ихъ, почему они не дѣйствуютъ, на что Левитинъ отъ одного изъ этихъ чиновъ услышалъ отвѣтъ: „Дали народу свободу, мы ничего не можемъ сдѣлать". Потерпѣвшiй Цепельницкiй объяснилъ, что онъ видѣлъ нѣсколько случаевъ, когда магазины начинали разбивать два-три человѣка, стоявшiе же поблизости чины полицiи спокойно на это смотрѣли и не двигались съ мѣста. По показанiю свидѣтеля Трояновскаго, во время разгрома мануфактурнаго и галантерейнаго магазина Цвѣтъ, громившiе выносили кипы товаровъ на глазахъ стоявшихъ тутъ же полицейскихъ чиновъ, которые, однако, ничего не предприняли въ цѣляхъ прекращенiя погрома. Потерпѣвшiй Шавенеръ заявилъ, что ему удавалось нѣсколько разъ отнимать награбленныя вещи у громилъ, но стоявшiй поблизости городовой отбиралъ эти вещи обратно и возвращалъ ихъ громиламъ. Показанiями Осадченко и нѣсколькихъ другихъ установлено, что при разгромѣ магазина Гольдштейна грабители вынесли на тротуаръ несгораемую кассу и тутъ же начали ее разбивать. Благодаря тому, что касса оказалась очень прочнаго устройства, работавшимъ надъ нею въ теченiи двухъ часовъ громиламъ не удавалось ее разбить. Все это время около нихъ стояли два казака и городовой, и, въ глазахъ присутствовавшей публики, эта сцена имѣла видъ, что казаки охраняютъ громилъ.

Поведенiе казаковъ шло, впрочемъ, гораздо далѣе попу-

стительства: и потерпѣвшіе, и свидѣтели удостовѣрили своими показаніями, что казаки не только не противодѣйствовали грабежу, но какъ бы его поощряли. Справедливость этихъ показаній подтверждена была тѣмъ, что у трехъ изъ бывшихъ въ нарядѣ казаковъ было отобрано ограбленное имущество. Потерпѣвшій Коганъ показалъ, что онъ обратился къ группѣ казаковъ съ просьбой охранить его магазинъ. Казаки потребовали за это десять рублей, но, получивъ ихъ, тотчасъ же ускакали, послѣ чего магазинъ былъ разграбленъ. По показаніямъ потерпѣвшихъ Левитина, Бетлина, Альнера, Дика, Рубуха и Шварца, свидѣтелей Домбровскаго, Робука, Саакова, Кочеткова, Шиппера и другихъ, казаки, если иногда и останавливали лицъ, уносившихъ награбленное, то, осмотрѣвъ уносимое, пропускали ихъ мимо; были случаи, что казаки и разгоняли народъ, но не участвовавшій въ грабежѣ, а постороннюю публику. Всѣ эти факты, какъ мы уже говорили, устанавливаетъ въ своемъ официальномъ отношеніи прокуроръ новочеркасской судебной палаты; онъ же, задаваясь вопросомъ, насколько немедленное подавленіе безпорядка было возможно при наличности имѣвшихся въ распоряженіи административной власти полицейскаго состава и войскъ, отмѣчаетъ, что, при наличности двухъ ротъ пѣхоты и одной сотни казаковъ, въ разгромахъ и поджогахъ магазиновъ, въ особенности, въ теченіе 18 и утромъ 19 октября, участвовали повсемѣстно небольшія кучки громилъ, изъ коихъ никто вооруженъ не былъ; кучки эти разбѣгались при каждомъ выстрѣлѣ со стороны оборонявшихся евреевъ и при каждомъ появленіи казаковъ и пѣхоты. Отсюда совершенно естественно вытекаетъ выводъ, что погромъ въ Ростовѣ-на-Дону могъ бы быть прекращенъ въ зародышѣ, если бы это было желательно мѣстнымъ властямъ.

Въ Кременчугѣ хулиганы грабили безпрепятственно въ присутствіи полиціи и войска. Погромщики ходили по городу съ военной музыкой, царскими портретами и съ полиціей во главѣ. Когда громилы направились въ посадъ Крюковъ, офицеръ, охранявшій съ ротою мостъ черезъ Днѣпръ, не хотѣлъ пропустить толпу въ Крюковъ; тогда явился помощникъ полицеймейстера Пышновъ и потребовалъ отъ офицера, чтобы толпу пропустили. Пышновъ пошелъ вмѣстѣ съ толпой и, пока громили Крюковскій базаръ, спокойно

закусывалъ въ находящейся тутъ же лавкѣ Гончарова. Почти всѣ лавки и еврейскія квартиры въ Крюковѣ были разгромлены. Войска при этомъ помогали громиламъ. Когда ворота у дома Залкинда оказались слишкомъ крѣпкими и толпа не могла ихъ разбить, тогда подъѣхалъ казакъ, всталъ на лошадь, перелѣзъ черезъ заборъ во дворъ и открылъ ворота. Когда замки въ лавкахъ не подавались, солдаты снимали штыки съ ружей и передавали ихъ громиламъ, какъ орудіе взлома.

Въ Оршѣ полиція принимала дѣятельное участіе въ погромѣ, а убійствамъ не препятствовала и не задерживала убійцъ. Такъ, несмотря на прибытіе драгунъ съ исправникомъ на мѣсто, гдѣ только-что были звѣрски убиты 8 евреевъ, ни одинъ изъ убійцъ не былъ арестованъ. Погромъ продолжался даже послѣ того, какъ прибылъ вице-губернаторъ съ драгунами, ручавшійся евреямъ за спокойствіе и посовѣтовавшій имъ открыть лавки.

Изъ приведеннаго выше описанія погрома въ управленіи службы пути и тяги въ Томскѣ, мы уже знаемъ, какъ вели себя полиція и войска, когда надо было ограждать сотни людей отъ озвѣрѣвшей толпы. Но выдачей беззащитныхъ людей на растерзаніе и сожженіе ихъ хулиганами не ограничилась дѣятельность полиціи и войска по „охраненію порядка“. На слѣдующій день послѣ сожженія зданія управленія жел. дорогъ громилы устроили еврейскій погромъ, причемъ толпу громилъ сопровождали полиція и казаки, а въ грабежѣ участвовали и солдаты.

Въ Твери, когда хулиганы громили на глазахъ полиціи и драгунъ земскую управу, губернаторъ, нынѣ покойный [1]), Слѣпцовъ, прибывъ къ мѣсту погрома, вмѣсто того, чтобы принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію совершавшихся на его глазахъ преступленій, вступилъ съ громилами въ бесѣду, по окончаніи которой удалился, провожаемый восторженными возгласами хулигановъ. Бесѣда губернатора съ громилами, какъ говоритъ тверская губ. земская управа въ своемъ докладѣ, окончилась словами: по одной версіи— „ну, какъ хотите“, по другой—„тогда дѣлайте, что хотите“. Такимъ образомъ, говорится въ докладѣ, пріѣздъ губерна-

---

[1]) Убитъ бомбою террориста.

тора не только не измѣнилъ положенія вещей на площади передъ зданіемъ управы, но безусловно придалъ бодрости громиламъ, вселивъ въ толпу громилъ увѣренность въ полной безнаказанности ея дѣйствій". О томъ, какъ полиція участвовала въ избіеніи выбѣгавшихъ изъ управы служащихъ и даже руководила избіеніемъ—уже говорилось выше. Словомъ, какъ и вездѣ, здѣсь наблюдалась полная картина отчасти пассивнаго, отчасти—активнаго содѣйствія властей погрому, начиная отъ высшаго ея представителя—губернатора, и кончая городовыми и драгунами.

Въ поданной тверскою губ. зем. управою въ сенатъ жалобѣ на губернатора Слѣпцова, обвиненія противъ него формулированы такъ: 1) пославъ въ собраніе управы нарядъ полиціи, г. Слѣпцовъ не объяснилъ полицейскимъ чинамъ, что собраніе имъ разрѣшено и что нарядъ полиціи предназначенъ для охраны собранія; городовые, драгуны и офицеръ, командовавшій эскадрономъ, были убѣждены, что они должны арестовать собраніе, какъ преступное. Въ первый же свой пріѣздъ на площадь, губернаторъ могъ приказать полиціи и драгунамъ очистить площадь, но онъ этого не сдѣлалъ. 2) Въ самомъ началѣ погрома, когда громилъ было не болѣе 10—15, и собравшимся было еще можно разойтись и избѣжать избіенія, что многіе изъ нихъ и хотѣли сдѣлать, Слѣпцовъ самъ просилъ Милюкова продолжать засѣданіе, а равно и собравшихся, что и заставило ихъ остаться. 3) Дважды бывъ на мѣстѣ погрома, губернаторъ не счелъ нужнымъ войти въ помѣщеніе управы, хотя долженъ былъ понять, что его присутствіе спасло бы отъ погрома, такъ какъ полиція поспѣшила бы оградить его отъ толпы. 4) Во время переговоровъ съ хулиганами, губернаторъ долженъ былъ замѣтить, что войска и полиція были расположены не такъ, какъ бы слѣдовало ихъ расположить для защиты управы. Солдаты оттѣснили отъ громилъ мирную публику, образовавъ предъ входомъ обширный полукругъ, въ которомъ безнаказанно и свободно дѣйствовали хулиганы, а полиція, бездѣйствуя, стояла въ разныхъ мѣстахъ площади и даже среди толпы громилъ; такой странный способъ защиты управы отъ погрома бросался въ глаза, но никакихъ распоряженій на этотъ счетъ губернаторомъ сдѣлано не было. 5) Окончивъ разговоръ съ хулиганами, губернаторъ видѣлъ, что

они не только не разошлись, но, не давъ ему отъѣхать, вновь принялись громитѣ управу, но все же не отдалъ распоряженія ихъ разогнать. 6) Когда же начался погромъ, губернаторъ вторично пріѣхалъ на Почтовую площадь, но и тутъ, несмотря на явную опасность для осажденныхъ, проявилъ полную бездѣятельность и т. д. [1]).

Когда, послѣ сожженія громилами въ Ѳеодосіи концертнаго зала и избіенія всѣхъ находившихся въ немъ, въ Ѳеодосію пріѣхалъ таврическій губернаторъ ген. Волковъ, онъ изложилъ, по сообщенію „Крым. Курьера", свой взглядъ на погромы. Взглядъ заканчивался слѣдующею тирадою: „Прислушиваясь къ тому, что дѣлается теперь повсемѣстно въ Россіи, нельзя всѣ эти смуты приписать исключительно черной сотнѣ или еще менѣе провокаторству полицейскихъ чиновъ. Это—взрывъ народнаго негодованія за неуваженіе къ его святая-святыхъ—царской власти".

Это изреченіе лучше всего поясняетъ поведеніе полиціи и войскъ во время погрома въ Ѳеодосіи и дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, почему въ это время „полицейскіе чины присутствовали въ качествѣ постороннихъ зрителей, патрули спокойно наблюдали за происходившимъ, а полковникъ Герцыкъ торжественно разъѣзжалъ все время въ сопровожденіи большой свиты".

Въ Саратовѣ разгромъ домовъ производился на глазахъ вице-губернатора Кнолля, полицеймейстера и сопровождавшей ихъ цѣлой сотни казаковъ и городовыхъ. Въ присутствіи ихъ разгромлена была, между прочимъ, синагога. Городовые принимали участіе въ погромѣ.

Въ Ярославлѣ губернаторъ и подвластная ему администрація совершенно открыто подстрекали хулигановъ къ погрому, о чемъ профессора Демидовскаго юридическаго лицея послали графу Витте телеграмму, прося передать власть губернатора другому лицу.

То же самое происходило и въ Калугѣ, гдѣ губернаторъ Офросимовъ ходилъ во главѣ толпы черносотенцевъ, устроившихъ патріотическую манифестацію—обычную прелюдію погромовъ. Несмотря на то, что уже въ первый день—22 октября—манифестація закончила свое шествіе погро-

---

[1]) „Право", № 6 за 1906 г. (приводимъ въ извлеченіи).

момъ, губернаторъ на совѣщаніи все-таки стоялъ на томъ, чтобы „дать послѣдній разъ толпѣ собраться“. Войска совершенно бездѣйствовали, а многіе солдаты и казаки принимали даже участіе въ погромѣ, набивая свои карманы награбленными вещами. Начальникъ гарнизона ген. Мезенцевъ, на просьбы защитить населеніе отъ погрома, неизмѣнно отвѣчалъ:

— Я не могу примѣнить оружія, толпа за царя, она настроена патріотически.

Въ г. Александровскѣ, екатериносл. губ., городовые, на просьбы отнять у громилъ награбленное, отвѣчали со смѣхомъ: „Намъ не приказано“... Иногда казаки первые входили въ разбитые магазины, брали вещи и бросали ихъ въ толпу.

Въ Байрамчѣ (бессараб. губ.) полиція не препятствовала громиламъ и не старалась разогнать ихъ. Губернаторъ Харузинъ, котораго жители нѣсколько разъ просили по телеграфу прислать роту солдатъ для подавленія безпорядковъ, исполнилъ эту просьбу только 1 ноября, когда уже все было кончено.

Въ Бахмутѣ, принявшій на себя командованіе военнымъ отрядомъ воинскій начальникъ Селивановъ отказывалъ жителямъ въ защитѣ, уведя войска и предоставивъ пьяной толпѣ свободу дѣйствій.

Въ Бирзулѣ херсонскій вице-губернаторъ, явившійся 23 октября на мѣсто погрома, заявилъ депутаціи евреевъ, явившихся къ нему съ жалобою на насилія:

— То, что произошло съ евреями въ Бирзулѣ, является отвѣтомъ на дѣйствія ихъ братьевъ въ Одессѣ, провозгласившихъ южно-русскую республику и кричавшихъ о свободѣ. Съ евреями только поквитались—не больше.

Во время погрома, происходившаго въ Бѣлой Церкви, 21 октября, по Кіевской ул. неслись во весь карьеръ драгуны, державшіе шашки наголо и преслѣдовавшіе евреевъ, пытавшихся отстоять свои лавки. Весь день 21-го и всю ночь шелъ грабежъ на глазахъ патрулей и городовыхъ, увозившихъ цѣлые тюки награбленныхъ товаровъ. Казарма городовыхъ въ ночь съ 21-го на 22-е была превращена въ товарный складъ. Шелъ циническій дѣлежъ, въ которомъ львиныя доли доставались городовымъ. Патрули все время активно и пассивно помогали громиламъ.

Въ Гадячѣ, по сообщенію газетъ, во главѣ громилъ шелъ исправникъ Цвѣтковъ.

Въ Николаевѣ, гдѣ погромъ принялъ огромные размѣры, толпа черносотенцевъ громила подъ защитой казаковъ и полицейскихъ, на глазахъ градоначальника и полицеймейстера, въ присутствіи воинскихъ и полицейскихъ нарядовъ, причемъ солдаты и полицейскіе принимали участіе въ грабежѣ.

Когда, во время погрома въ Нѣжинѣ, нѣжинскій уѣздный предводитель дворянства обратился по телеграфу къ черниговскому губернатору Хвостову съ просьбой прекратить погромъ, губернаторъ телеграммой же отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ препятствовать „патріотической манифестаціи". Благодаря этому, погромъ въ Нѣжинѣ длился пять дней.

Серія погромовъ 1906 года дала множество яркихъ образцовъ содѣйствія громиламъ со стороны полиціи и войскъ, но гомельскій погромъ въ этомъ отношеніи представляетъ исключительный интересъ. Хотя дѣло о погромѣ въ настоящее время уже прекращено—„за отсутствіемъ виновныхъ", но въ свое время о немъ велось судебное слѣдствіе, обнаружившее множество преступленій, но ни одного преступника. Съ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными этого слѣдствія мы и познакомимъ читателей.

Въ постановленіи своемъ отъ 31 декабря 1906 г. судебный слѣдователь 1-го участка радомысльскаго уѣзда слѣдующимъ образомъ характеризуетъ поведеніе гомельской полиціи во время погрома: „По отзывамъ допрошенныхъ на слѣдствіи свидѣтелей и потерпѣвшихъ, полиція, какъ высшіе чины, такъ и городовые, бездѣйствовали и никакихъ мѣръ къ прекращенію погрома не принимали. На глазахъ полицеймейстера Чешко, пристава Гашкевича и другихъ чиновъ полиціи, громились и поджигались магазины и расхищались вещи, но Чешко со своими помощниками только ходили по улицѣ, не принимая никакихъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ. Чешко принималъ лишь мѣры къ прекращенію пожара въ магазинѣ подъ казначействомъ. По словамъ допрошенныхъ свидѣтелей, погромъ, начатый небольшой кучкой громилъ, легко можно было бы прекратить въ самомъ началѣ, если бы не было попустительства со сто-

роны полиціи, которая была озлоблена противъ евреевъ за ихъ революціонную дѣятельность".

По показаніямъ многочисленныхъ свидѣтелей, занесеннымъ тѣмъ же судебнымъ слѣдователемъ, всѣ поджоги и грабежи происходили на глазахъ полицеймейстера Чешко, пристава Гашкевича и другихъ полицейскихъ чиновъ, причемъ они не только не задерживали громилъ, но поощряли ихъ. Чешко, по показанію свидѣтеля Бабушкина, кричалъ въ Гостиномъ ряду: „Хлопцы, ломайте и палите угловыя лавки!" По его командѣ дѣйствовали городовые, драгуны и казаки. Этотъ же свидѣтель видѣлъ, какъ самъ полицеймейстеръ въ какой-то лавкѣ выбиралъ товары, складывалъ ихъ въ одно мѣсто, обливалъ керосиномъ и затѣмъ поджигалъ. Такія показанія дали не только евреи, но и христіане: Марія Петрова, Іосифъ Павловскій, подполковникъ 316 Вышневолоцкаго полка Усольцевъ, военный врачъ Шпиндлеръ, городовой № 24, который былъ избитъ полицеймейстеромъ за попытку защитить магазинъ Гинзбурга отъ разгрома, и т. д. Въ виду всѣхъ дѣяній полицеймейстера Чешко и пристава Гашкевича, судебный слѣдователь усмотрѣлъ въ ихъ образѣ дѣйствій противозаконное бездѣйствіе власти и постановилъ сообщить объ этомъ „на зависящее распоряженіе прокурора могилевскаго окружнаго суда".

Въ совершенномъ соотвѣтствіи съ полиціею вели себя и войска, охранѣ которыхъ были ввѣрены жизнь и имущество гомельчанъ. Товарищъ прокурора г. Пигулевскій, въ данномъ имъ 25 февраля 1907 года заключеніи о прекращеніи слѣдствія по дѣлу о гомельскомъ погромѣ, говоритъ о томъ, что въ Гомелѣ громили лишь 8 штатскихъ, а къ нимъ присоединились 15 казаковъ... Въ этомъ „присоединеніи" и заключается секретъ разрушительности и успѣшности работы крошечной горсти хулигановъ, обратившихъ въ развалины нѣсколько цвѣтущихъ кварталовъ богатаго города. Изъ показаній огромнаго числа разнообразныхъ свидѣтелей создается яркая картина, которую представлялъ 13 января Гомель, гдѣ, за отсутствіемъ достаточнаго числа хулигановъ изъ „союза патріотовъ", роль ихъ взяли на себя полиція и войска. Содержатель парикмахерской Мендель Бобрускинъ сообщилъ судебному слѣдователю, какъ въ разгромленную штатскими громилами парикмахерскую

вошли затѣмъ военные громилы въ лицѣ 3 казаковъ и, съ криками: „братья, сюда“, разбили лампы и подожгли помѣщеніе. Врачъ Д. Е. Захаринъ показалъ судебному слѣдователю, что онъ видѣлъ, какъ казаки съ нѣсколькими штатскими, подъ охраною драгунъ, громили часовой магазинъ Полякова въ домѣ Камковскаго. Этотъ же свидѣтель видѣлъ, какъ патруль изъ казаковъ и драгунъ не позволялъ тушить горѣвшій на углу Румянцевской и Троицкой улицъ домъ Перцовскаго, городовой же Коваленковъ, пытавшійся тушить, былъ арестованъ за это драгунскимъ офицеромъ. Казаки и солдаты грабили магазины въ домѣ Дольмана, а патрульные посреди улицъ распивали изъ бутылокъ напитки. Купецъ Нахманъ Фруминъ видѣлъ, какъ городовой взламывалъ замокъ на шторѣ дверей мануфактурнаго магазина Амитина въ домѣ Школьникова на Базарной улицѣ, и когда отворилъ штору, то крикнулъ „готово“, послѣ чего вмѣстѣ съ казаками вошелъ въ магазинъ и оттуда они начали выносить товаръ. Вскорѣ, тотъ же городовой, при свѣтѣ факела, поливалъ внутри магазина Амитина стойки какой-то жидкостью, послѣ чего магазинъ загорѣлся. Шлема Бабушкинъ (приказчикъ магазина Перцовскаго) видѣлъ, какъ солдаты таскали товаръ изъ разбиваемыхъ магазиновъ. При немъ два драгуна везли со стороны базара на извозчикѣ много товара, а встрѣтившійся имъ полицеймейстеръ, по ихъ окрику „берегись“, уступилъ имъ дорогу. Купецъ Маянцъ видѣлъ, какъ городовые и казаки выбрасывали изъ бумажнаго магазина Лозинскаго книги и другой товаръ, а послѣ полуночи онъ же видѣлъ, какъ казаки, уложивъ товаръ въ тюки, унесли его по Румянцевской улицѣ. Казаки заходили ночью въ пустые магазины, и по ихъ выходѣ тамъ начинался пожаръ. Домъ врача Залкинда, пользующагося въ Гомелѣ большою популярностью, громили и подожгли исключительно казаки и городовые, что удостовѣрила своимъ показаніемъ крестьянка Анна Чижова. Врачъ Вышневолоцкаго полка А. Н. Шпиндлеръ видѣлъ во время погрома, какъ на глазахъ драгунскаго патруля многочисленные солдаты ходили съ разными вещами въ рукахъ; у многихъ были швейныя машины, которыя черезъ нѣсколько дней казаки предлагали купить за дешевую цѣну. Войдя въ одинъ магазинъ, г. Шпиндлеръ увидѣлъ тамъ пять казаковъ и столько же

солдатъ, занимавшихся грабежемъ. Участіе солдатъ, казаковъ и драгунъ въ грабежѣ удостовѣрилъ и начальникъ гомельскаго гарнизона, полковникъ С. П. Шандоровскій. Въ такомъ же родѣ были показанія и другихъ свидѣтелей.

Такимъ образомъ, почти всѣ мѣстныя власти считали нужнымъ дать громиламъ довести ихъ дѣло до конца, для чего послали имъ помощь въ лицѣ казаковъ, драгунъ и солдатъ, грабившихъ магазины, поджигавшихъ дома и охранявшихъ громилъ-грабителей и поджигателей, но оставившихъ безъ защиты жертвъ погрома. Вся эта картина станетъ совершенно понятною, если мы приведемъ изреченіе полицеймейстера Чешко, сказанное имъ доктору Залкинду по поводу брошенныхъ кѣмъ-то въ полицейскаго бомбъ: „если начнутъ терроризовать полицію, то Гомель будетъ сравненъ съ землею“.

Мы не будемъ продолжать далѣе этихъ экскурсій въ область полицейскаго попустительства и злобности мѣстной администраціи — картина, какъ видимъ, вездѣ одна и та же, и одинъ разгромленный городъ служитъ въ этомъ отношеніи повтореніемъ другого. Для провѣрки же тѣхъ изъ приводимыхъ нами фактовъ, которые устанавливаются здѣсь на основаніи газетныхъ телеграммъ и корреспонденцій, послушаемъ, что говорятъ о дѣятельности полиціи и войскъ по усмиренію погромовъ свидѣтели въ судебныхъ погромныхъ процессахъ. За истекшее время черезъ суды прошло уже нѣсколько десятковъ погромныхъ дѣлъ, и въ этомъ отношеніи накопился довольно обширный матеріалъ этого рода.

Въ іюнѣ 1907 г. закончился крупный процессъ о погромѣ въ Вяткѣ, гдѣ черная сотня громила не евреевъ, а преимущественно „демократовъ“. Вятскій погромъ отличался выдающеюся жестокостью, и судъ приговорилъ даже двухъ изъ его участниковъ къ каторгѣ на 4 года. Но на судѣ выяснилось, что и возникновеніемъ своимъ, и ожесточенностью вятскій погромъ обязанъ полиціи. Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи однимъ изъ главныхъ виновниковъ погрома призналъ не подсудимыхъ громилъ, а вятскаго полицеймейстера Ѳедорова, проявившаго преступное бездѣйствіе, не исполнившаго приказаній губернатора о закрытіи на 22 ок-

тября винныхъ и пивныхъ лавокъ и о вызовѣ солдатъ мѣстнаго батальона на случай возникновенія безпорядковъ [1]).

Въ закончившемся въ маѣ того же года процессѣ о симферопольскомъ погромѣ были установлены не только бездѣйствіе полиціи и войскъ, но и участіе полиціи въ погромѣ—настолько доказанное, что нѣсколько полицейскихъ чиновъ были посажены на скамью подсудимыхъ и осуждены.

Опубликованный недавно подробный отчетъ объ этомъ процессѣ [2]) слѣдующимъ образомъ рисуетъ „дѣятельность“ симферопольской полиціи во время погрома. Помощникъ пристава Чупринко съ утра 18-го октября уговаривалъ толпу „жарить жидовъ“, „бить ихъ, сукиныхъ сыновъ“, но, кромѣ того, и самъ не бездѣйствовалъ тамъ, гдѣ происходило избіеніе евреевъ: онъ ударилъ обнаженною шашкою по лицу Айзика Гинзбурга, послѣ чего громилы добили несчастнаго дубинами; то же самое продѣлано было и со Шмулемъ Кравецъ; на трупахъ обоихъ евреевъ обнаружены раны, причиненныя ударами шашки. Другой полицейскій, Ермоленко (исполнявшій должность околоточнаго) билъ евреевъ кулаками, рубилъ ихъ шашкою и стрѣлялъ въ нихъ изъ револьвера, женщинъ таскалъ за косы и топталъ ихъ ногами; на каждую свою жертву онъ натравливалъ затѣмъ громилъ и, такимъ образомъ, обезпечивалъ ей вѣрную гибель; въ обвинительномъ актѣ перечислено 15 евреевъ и евреекъ, которыхъ Ермоленко собственноручно подготовилъ такимъ образомъ къ смерти, и если онъ въ тотъ же день, показывая околоточному Чернявскому окровавленное лезвіе своей шашки, говорилъ, что „поработалъ надъ жидами“, то въ этомъ не было ни капли хвастовства — все было удостовѣрено на судѣ множествомъ свидѣтелей. Съ такою же энергіей и въ томъ же духѣ дѣйствовали городовые Богдановъ, Дремовъ, Пахановскій, Кузьменковъ, Кириленко и Морозовъ. Послѣдній откровенно признался на слѣдствіи, что онъ умышленно подстрекалъ громилъ, такъ какъ начальство его

---

[1]) „Рус. Сл.“, 22 іюня 1907 г.

[2]) Дѣло объ октябрьскомъ погромѣ въ Симферополѣ. Судебный отчетъ. Сост. И. С. Клейнершехетъ. Симферополь. 1907 г.

высказывало мысль, что хорошо бы было, если бы русскіе побили евреевъ. За эту откровенность онъ былъ наказанъ своимъ начальствомъ: въ то время, какъ всѣ привлеченные полицейскіе оставались до суда на службѣ и на судъ явились даже въ формѣ, Морозовъ былъ уволенъ.

Приведенныя здѣсь данныя обвинительнаго акта блѣднѣютъ предъ тѣмъ, что было обнаружено свидѣтельскими показаніями на судѣ. Жандармскій ротмистръ Кравченко показалъ, напримѣръ, что убійства, производившіяся подъ предлогомъ стрѣльбы со стороны евреевъ-революціонеровъ, происходили на глазахъ губернатора генерала Волкова, причемъ ни у одного изъ убитыхъ евреевъ не найдено было ни одного револьвера. Вольноопредѣляющійся Муратовъ показалъ, что во дворѣ полицейскаго участка городовые били даже раненыхъ. Цѣлый рядъ свидѣтелей показалъ, что полицеймейстеръ Кузьменко (нынѣ покойный), на глазахъ котораго громилы убивали людей, не принималъ никакихъ мѣръ ни къ прекращенію погрома, ни къ задержанію убійцъ, а на обращенную къ нему приставомъ Баланчивадзе просьбу дать эскадронъ для прекращенія насилій, отвѣтилъ ему: „не ваше дѣло". Начальникъ отдѣленія казенной палаты г. Липкинъ видѣлъ, какъ послѣ того, какъ громилы на глазахъ Кузьменко убили трехъ человѣкъ, одинъ изъ убійцъ подошелъ къ полицеймейстеру и о чемъ-то съ нимъ бесѣдовалъ, а Кузьменко при этомъ улыбался; убійца затѣмъ удалился, никѣмъ не задержанный. Бездѣйствіемъ власти и участіемъ въ убійствахъ не ограничивалась дѣятельность симферопольской полиціи: на судѣ доказано было ея участіе въ провокаціи погрома и въ грабежѣ. Что касается послѣдняго, то свидѣтели показали, что въ присутствіи пристава Солодилова у убитаго Розенштейна были вынуты сотенныя бумажки, возвращены же были полиціей только 18 рублей, а при разгромѣ магазина Виторгона брали себѣ оттуда разныя вещи городовой и эскадронецъ. О провокаторствѣ симферопольской полицейской братіи будетъ сказано ниже.

Въ іюнѣ же 1907 г. въ Нѣжинѣ разбиралось дѣло о погромѣ въ Веркіевкѣ (черниг. губ.). Здѣсь показаніями многихъ свидѣтелей было единодушно установлено полное содѣйствіе властей погрому. Исправникъ, прибывъ съ казаками, не принималъ никакихъ мѣръ къ прекращенію погрома, а

приставъ во время погрома благодарилъ громилъ за „патріотическое усердіе“ [1]).

Яркая картина бездѣйствія властей нарисована была свидѣтельскими показаніями на судѣ по дѣлу о житомірскомъ погромѣ, которое закончилось въ концѣ іюня 1907 г. Одинъ изъ свидѣтелей, подполковникъ Свенцицкій, подтвердилъ, что было бы достаточно трехъ солдатъ, чтобы разогнать громилъ, между тѣмъ, администрація не только не приняла никакихъ мѣръ для этого, но, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, сама способствовала погрому. Рядъ свидѣтелей категорически установилъ, что погромъ совершался на глазахъ патрулей, при помощникѣ пристава Яроцкомъ, подстрекавшемъ толпу криками: „Бей жидовъ“. Другіе свидѣтели удостовѣрили, что въ распоряженіи властей были всѣ средства для быстраго прекращенія погрома, но ни одно изъ нихъ употреблено не было. А между тѣмъ, полиція могла бы спасти много жизней: одна самооборона потеряла въ этомъ погромѣ 12 чел., не говоря о множествѣ убитыхъ евреевъ и нѣсколькихъ христіанъ („Р. Сл.“ 19 и 20 іюня 1907 г.). И т. д., и т. д. Судебные процессы, какъ видимъ, не дали ничего новаго въ отношеніи оцѣнки поведенія властей, не выдвинули ни одного факта, не отмѣченнаго раньше печатью, но они усугубили достовѣрность этихъ фактовъ, поставили сообщенія газетъ на твердую почву неопровержимой истины.

Итакъ, мы видѣли, что, уничтожая самооборону, будто бы въ интересахъ порядка, власти сами не сдѣлали почти ничего для водворенія порядка во время погромовъ. Зная, что самооборона способна была многое сдѣлать для спасенія еврейскаго населенія отъ погрома, власти все-таки вездѣ уничтожали самооборону, сами же не только не приняли никакихъ мѣръ для обороны населенія, но весьма часто, въ лицѣ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ, содѣйствовали громиламъ, увеличивая число жертвъ погрома и разореніе населенія.

Для чего же это дѣлалось? Однообразіе поведенія властей почти во всѣхъ погромныхъ мѣстностяхъ, удостовѣряемое подавляющимъ числомъ фактовъ, исключаетъ всякую возможность предположенія, что это было случайное явленіе.

[1]) „Р. Сл.“, 1 и 2 іюня 1907 г.

Нѣтъ также никакихъ основаній для того, чтобы приписать это какому либо общему распоряженію, исходившему отъ центральной власти, такъ какъ нигдѣ не обнаружено никакихъ офиціальныхъ слѣдовъ такого распоряженія. Могло ли исходить подобное распоряженіе отъ правительства цивилизованнаго государства? Вѣдь это значило бы, что государственная власть становится въ открытый конфликтъ съ элементарнѣйшимъ представленіемъ о гражданственности, о культурности, и подписываетъ себѣ смертный приговоръ, толкая страну къ возвращенію къ первобытнымъ формамъ управленія, присущимъ дикимъ народамъ. На эти вопросы намъ отвѣтитъ дальнѣйшій анализъ погромныхъ событій.

Въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ администраторовъ попадаются нерѣдко указанія на то, что прекратить погромъ, и тѣмъ болѣе — предотвратить его, не было никакой возможности, вслѣдствіе недостатка полиціи и войска. Но эти объясненія опровергаются многочисленными показаніями мѣстныхъ людей, удостовѣряющихъ, что погромщиковъ, представлявшихъ по большей части безпорядочную, невооруженную или плохо вооруженную толпу, легко было разогнать при помощи нѣсколькихъ городовыхъ или небольшого отряда солдатъ, даже не прибѣгая къ оружію; это и было доказано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ находились полицейскіе, честно отнесшіеся къ своему долгу охранителей общественной безопасности; они разгоняли громилъ безъ всякаго труда, чѣмъ спасли много жизней. Съ другой стороны, странное впечатлѣніе производятъ жалобы на недостатокъ войскъ и полиціи тамъ, гдѣ, при томъ же составѣ вооруженныхъ силъ, власти устраивали кровавыя бойни революціоннымъ манифестаціямъ; здѣсь онѣ выдерживали натискъ огромныхъ революціонныхъ массъ, нерѣдко вооруженныхъ и всегда воодушевленныхъ идеею безпощадной борьбы съ ненавистнымъ режимомъ. Да и мы уже видѣли, что такихъ попытокъ борьбы съ громилами власти почти нигдѣ не проявляли, а гдѣ проявляли, тамъ обращали громилъ въ бѣгство.

Не находимъ мы правдоподобныхъ объясненій и въ сообщеніяхъ самого правительства, гдѣ погромы объясняются, по большей части, какъ столкновеніе двухъ враждебныхъ группъ населенія—русскихъ патріотовъ, стоящихъ за старый

режимъ, и революціонеровъ, преимущественно евреевъ, желающихъ свергнуть царя и учредить россійскую республику. При этомъ, въ объявленіяхъ правительства, составляемыхъ, обыкновенно, на основаніи донесеній мѣстныхъ властей, неукоснительно сообщается объ образцовомъ поведеніи войскъ и полиціи, быстро водворяющихъ порядокъ. Сколько вѣры можно придавать такимъ сообщеніямъ, мы видимъ по описаніямъ погромовъ и дѣятельности полиціи и войскъ во время „прекращенія“ ихъ.

Такимъ образомъ, само собою возникаетъ предположеніе о томъ, что власти не боролись съ погромами потому, что не желали этого. Значитъ, погромы и истребленіе тѣхъ людей, противъ которыхъ они были направлены, признавались допустимыми, а, можетъ быть, даже желательными. Кому же они были желательны? Правительству? Но мы уже знаемъ, что офиціальныхъ указаній на это не обнаружено. Мѣстнымъ властямъ? Судя по ихъ поведенію, такое предположеніе возможно. Но повсемѣстное однообразіе поведенія властей, если не исключаетъ совершенно возможность такого предположенія, то заставляетъ допустить мысль, что это поведеніе было имъ внушено какимъ либо объединяющимъ ихъ лицомъ или учрежденіемъ, какъ внушена и мысль о желательности и допустимости погромовъ.

Посмотримъ сначала, насколько основательно предположеніе о томъ, что мѣстныя власти считали погромы желательными и потому допустили ихъ возникновеніе и развитіе. Въ этомъ отношеніи, въ тѣхъ матеріалахъ о погромахъ, на которые мы уже ссылались, и въ нѣкоторыхъ другихъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, есть много указаній—прямыхъ и косвенныхъ—на справедливость этого предположенія. Къ разсмотрѣнію ихъ мы и перейдемъ.

IV. Провокація.

I.

Въ отчетѣ объ одесскомъ погромѣ сенаторъ Кузьминскій счелъ нужнымъ коснуться вопроса объ умышленности поведенія одесскихъ властей.

„Въ извѣстныхъ слояхъ мѣстнаго общества, говоритъ онъ, хотя принадлежащихъ къ различнымъ классамъ населенія, но объединенныхъ одними и тѣми же взглядами на современное движеніе и преслѣдующихъ, своимъ участіемъ въ немъ, однѣ и тѣ же цѣли, сложилось убѣжденіе, что событія октябрьскихъ дней исключительно порождены образомъ дѣйствій одесскаго градоначальника Нейдгардта, для опредѣленія которыхъ въ недавнее время выдвинуто, въ аналогичныхъ случаяхъ, спеціальное слово „провокаторство“ [1]).

Останавливаясь на внутреннемъ содержаніи этого выраженія, г. Кузьминскій приходитъ къ заключенію, что терминъ „провокаторство“ „къ данному случаю не имѣетъ никакого примѣненія, за отсутствіемъ всякихъ фактическихъ къ тому основаній“.

И дѣйствительно, г. Нейдгардта отнюдь нельзя обвинить въ томъ, что онъ открыто организовалъ банды одесскихъ хулигановъ и самъ повелъ ихъ на погромъ, грабежи и убійства—для такого обвиненія въ дѣлѣ объ одесскомъ погромѣ нѣтъ достаточно вѣскихъ основаній. Но зато вся дѣятельность г. Нейдгардта, какъ въ дни погрома такъ и въ предшествовавшіе ему дни, состояла изъ такихъ поступ-

---

[1]) Кіевскій и одесскій погромы и т. д., стр. 177.

ковъ, которые въ возникновенiи и развитiи погрома сыграли рѣшающую роль и обезпечили погрому столь кровавый исходъ. Не будемъ голословны и разсмотримъ эту сторону дѣятельности г. Нейдгардта по отчету самого же сенатора Кузьминскаго.

Выше мы говорили о мѣрахъ, принимавшихся г. Нейдгардтомъ во время погрома. Такія мѣры, какъ снятіе всѣхъ полицейскихъ постовъ въ городѣ и оставленіе всего населенія безъ всякой охраны въ дни погрома, легко можно объяснить нежеланіемъ г. Нейдгардта прекратить погромъ или даже желаніемъ, чтобы погромъ продолжался безпрепятственно, но усмотрѣть въ этомъ прямую провокацію къ погрому едва ли было бы возможно, какъ и въ другихъ его мѣропріятіяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Такими мѣрами, однако, далеко не ограничивалась дѣятельность одесскаго градоначальника. Кромѣ распоряженій, давшихъ столь печальные результаты, г. Нейдгардтъ занимался еще изданіемъ прокламацій, которымъ, на нашъ взглядъ, одесское еврейство и обязано, главнымъ образомъ, ожесточенностью и звѣрствомъ громилъ. Прокламаціи эти, расклеивавшіяся на стѣнахъ и даже продававшіяся на улицахъ газетчиками и раздававшіяся городовыми, составлены въ такомъ духѣ, что не могли оставлять у населенія никакого сомнѣнія въ цѣли, преслѣдуемой ихъ авторомъ. Особенно замѣчательна своей обнаженностью знаменитая прокламація по поводу будто бы полученнаго г. Нейдгардтомъ письма 30.000 одесскихъ мѣщанъ. Документъ этотъ настолько характеренъ для сужденія объ отношеніи г. Нейдгардта къ октябрьскимъ событіямъ, что мы приведемъ его полностью:

„Предо мною лежитъ письмо, которое я показывалъ недѣлю тому назадъ ректору университета, подписанное по уполномочію мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ, съ приложеніемъ адреса, слѣдующаго содержанія: „Предупреждаемъ ваше превосходительство, что въ стѣнахъ университета творятся безпорядки. Неужели университетское начальство, которое присягало нашему Царю-Батюшкѣ, сдѣлалось главнымъ крамольникомъ и направляетъ непорядочныхъ молодыхъ людей вмѣшиваться въ дѣла государственнаго правленія. Да развѣ государство устроило высшій храмъ науки для того, чтобы тамъ собирались крамольники, травили

народъ на правительство и не подчинялись всѣмъ законнымъ его требованіямъ? Да гдѣ же это видано, чтобы въ университетѣ развѣшивались противоправительственныя прокламаціи и смѣялись надъ властями, называли ихъ разными неподобными словами огульно? Да вѣдь наши господа и царскіе слуги правили нашимъ государствомъ тысячу лѣтъ и вдругъ въ глазахъ какой-то кучки недоучекъ сдѣлались негодными управлять народомъ. Больно и стыдно становится, глядя на то, что допустила административная власть. Извините, ваше превосходительство, что мы осмѣливаемся такъ высказываться, но что же дѣлать, если сердце кровью обливается, и больно намъ видѣть самовольство нашей интеллигентной голи, которая старается вырвать власть у правительства. Еще осмѣливаемся доложить вашему превосходительству отъ имени 30.000 мѣщанъ, что если вашей милостью не будутъ приняты энергичныя мѣры, на которыя васъ уполномочилъ Царь-Батюшка, то мы придемъ къ университету и сожжемъ его, чтобы наши дѣти не учились не повиноваться начальству. Къ чему примѣшивать къ этому дѣлу рабочій классъ? Да развѣ начальство мѣшаетъ рабочему, наоборотъ, рабочій радъ, когда начальство заступается за него. Очень просимъ ваше п—ство отпечатать это письмо наше, а, въ случаѣ желанія вашего разъяснить темному люду все, что найдете нужнымъ, просимъ васъ послать ваше разъясненіе по всѣмъ церквамъ нашимъ батюшкамъ, которые намъ скажутъ проповѣди по этому поводу". Слѣдуютъ подписи и адресъ. Обращая вниманіе на это письмо, я указываю ту громадную опасность, которая возникаетъ въ случаѣ продолженія забастовки и вздорожанія жизненныхъ припасовъ. Въ университетѣ, которому дано самоуправленіе, но не право собранія постороннихъ лицъ, открывшіяся собранія сопровождались недозволенными и возмутительными сборами на вооруженіе бойцовъ. Я указывалъ ректору на недопустимость такихъ сборовъ, которые должны были привести къ кровавой развязкѣ, но ни ректоръ, ни совѣтъ не принимали мѣръ къ прекращенію сбора денегъ на вооруженіе. 13 октября забастовали ученики училищъ коммерческаго и Файга, и никто ихъ не трогалъ, пока они сами не начали насильничать, начавъ 14 октября насиліе противъ дѣвочекъ учебныхъ заведеній. На Канатной

толпа встрѣтилась съ нарядомъ городовыхъ въ 10 человѣкъ; когда городовой Соболевъ оказался раненымъ камнемъ, то городовые обнажили, по закону, шашки, и ранеными оказались: двѣ зрѣлыя дѣвицы и студентъ, по дознанію городской управы, а по другимъ свѣдѣніямъ—6 человѣкъ. Послѣ этого пошли розсказни по городу, что чуть не всѣхъ дѣтей всѣхъ учебныхъ заведеній изрубили дикіе городовые, что одной дѣвочкѣ голову отрубили совсѣмъ отъ тѣла, что въ училищѣ Березиной всѣ изрублены безъ остатка. Люди благонамѣренные, осторожнѣе относитесь къ слухамъ: ихъ теперь пускаютъ превеликое множество, и одинъ страшнѣе другого. Вчера съ утра, по приказу забастовщиковъ, закрылись аптеки, а въ нѣкоторыхъ, заранѣе назначенныхъ мѣстахъ, около будущихъ баррикадъ, открыты перевязочные пункты. Кто же это все организовалъ, предвидѣлъ и подготовилъ? Вчера баррикады строили въ 11 мѣстахъ, преграждали движеніе войскъ, ломая заборы, рубя деревья, разбивая кіоски и разбирая мостовую; опрокинули до 50 вагоновъ конки, войско стрѣляло нѣсколько разъ и, по свѣдѣніямъ изъ больницъ, до 80 раненыхъ и убитыхъ. Толпа молодежи разбила оружейный магазинъ на Дерибасовской и расхитила все оружіе. Хорошо, что полиція догадалась заранѣе отобрать всѣ патроны изъ всѣхъ оружейныхъ магазиновъ города, такъ что разграбленное оружіе неопасно. Безпорядки и забастовки страшно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты. Кто во всемъ виноватъ, — рѣшайте сами, люди благонамѣренные. Градоначальникъ Нейдгардтъ“ [1]).

Документъ этотъ говоритъ самъ за себя и едва ли вплететъ миртовую вѣтвь въ вѣнокъ одесскаго миротворца. Если даже допустить несомнѣнную подлинность „письма 30.000 мѣщанъ“, то нужно удивляться, что г. Нейгардтъ, зная, до какой степени возбуждены были страсти населенія въ переживавшіеся Одессою дни, рѣшилъ не только опубликовать это письмо, носившее явно провокаторскій характеръ, но и снабдилъ его такими разъясненіями, которыя еще болѣе самого письма возбуждали низшіе слои городского населенія, и безъ того плохо разбиравшіеся въ происходившихъ событіяхъ.

---

[1]) „Право“, 1906 г., № 17. Въ отчетѣ сенатора Кузьминскаго это воззваніе приведено въ извлеченіи.

Вѣдь если бы эти „30.000 мѣщанъ“ были реальными лицами, то, прочитавъ въ прокламаціи Нейдгардта свое письмо съ его разъясненіями, они вправѣ были заключить, что взглядъ ихъ на событія и угроза ихъ сжечь университетъ вполнѣ раздѣляются высшею полицейскою властью, и, слѣдовательно, поведеніе ихъ въ этомъ смыслѣ будетъ одобрено градоначальникомъ; по крайней мѣрѣ, его приглашеніе „людей благонамѣренныхъ“ самимъ рѣшить, „кто виноватъ во всемъ“, ни у кого не могло оставлять сомнѣнія въ томъ, что власти заранѣе солидарны со всѣми, кто будетъ противъ университета, учащихся, участниковъ забастовки и „виновниковъ вздорожанія продуктовъ“.

Но явно подстрекательскій характеръ прокламаціи г. Нейдгардта усугубляется еще тѣмъ, что происхожденіе „письма 30.000 мѣщанъ“—весьма сомнительно. Самъ г. Кузьминскій говоритъ по поводу этого письма, что „старшина одесскаго мѣщанскаго общества Добровольскій, безъ вѣдома котораго тридцать тысячъ мѣщанъ не могли бы дать уполномочія, отозвался совершеннымъ незнаніемъ о происхожденіи этого письма“. Вдобавокъ, самого подлинника письма у градоначальника и въ его канцеляріи не оказалось и онъ былъ предъявленъ г. Кузьминскому лишь по возвращеніи его изъ Одессы, 10 января; письмо, какъ оказалось, подписано только однимъ лицомъ, безъ указанія на данныя ему кѣмъ либо полномочія, но „никакихъ слѣдовъ разслѣдованія по поводу этого письма на предметъ выясненія личностей, приславшихъ его, не сохранилось“. Такимъ образомъ, все въ этой прокламаціи сомнительно и, отъ начала до конца, явно разсчитано на возбужденіе темной массы противъ участниковъ освободительнаго движенія.

Говоря о прокламаціи г. Нейдгардта, сенаторъ Кузьминскій самъ призналъ, что „такое объявленіе, изданное притомъ по весьма сомнительному поводу, не могло, конечно, способствовать успокоенію населенія; напротивъ, оно способно было только вызвать раздраженіе и связанныя съ нимъ новыя замѣшательства (стр. 190). Въ другомъ мѣстѣ своего отчета г. Кузьминскій говоритъ объ этомъ объявленіи, какъ объ имѣющемъ явную и открытую цѣль натравить извѣстныя части населенія на университетъ, учащуюся молодежь и интеллигенцію (138). Если принять во вниманіе, что

Нейдгардтъ, какъ это явствуетъ изъ всего его поведенія, относился къ громиламъ сочувственно, подъ предлогомъ поощренія ихъ „патріотическихъ чувствъ", то провокаторство одесскаго градоначальника представляется очень выпуклымъ и несомнѣннымъ, даже въ снисходительной характеристикѣ г. Кузьминскаго, и утвержденіе сенатора Кузьминскаго о непримѣнимости къ нему этого термина представляется по меньшей мѣрѣ неосновательнымъ.

Но еще больше подстрекательства, притомъ не только противъ учрежденія, но и противъ отдѣльныхъ личностей, заключаетъ другое объявленіе г. Нейдгардта, выпущенное имъ къ тому же въ то время, когда погромъ прекратился и не было надобности ни въ какихъ обращеніяхъ къ народу—именно, 26 октября. Въ этомъ объявленіи [1]), вызванномъ помѣщеннымъ въ одесской печати оповѣщеніемъ городской думы объ организованномъ при городскомъ головѣ совѣщательномъ комитетѣ, г. Нейдгардтъ изложилъ разговоръ, происходившій у него 18 октября съ городскимъ головою Крыжановскимъ и профессоромъ Щепкинымъ, и предъявленныя послѣднимъ требованія объ удаленіи войскъ, допущеніи торжественныхъ похоронъ жертвъ 16 октября и о разоруженіи полиціи, а затѣмъ добавилъ „для свѣдѣнія населенія", что „черезъ полъ-часа по уходѣ названныхъ лицъ, на площади думы слышалась горячая рѣчь профессора Щепкина, повторившаго свои требованія и объявившаго народу, что полиція уничтожена и что послано въ Петербургъ телеграфное требованіе немедленно смѣстить градоначальника"; и затѣмъ, стали поступать свѣдѣнія объ истязаніяхъ, издѣвательствахъ и убійствахъ городовыхъ, которыхъ организованныя шайки пытались обезоруживать и убивать, и городовые стали покидать свои посты. Такимъ образомъ, „подчиняясь необходимости и принимая во вниманіе заявленіе союзовъ, сдѣланное городскимъ головою, и заявленіе думы, сдѣланное профессоромъ Щепкинымъ, угроза котораго разоружить полицію захватнымъ правомъ стала приводиться въ исполненіе, онъ стянулъ посты, чтобы спасти жизнь отдѣльныхъ людей, уже покинувшихъ посты. День манифеста прошелъ

---

[1]) Приводимъ содержаніе его въ изложеніи сенатора Кузьминскаго, (стр. 173—174).

въ Одессѣ безъ войскъ и полиціи на улицахъ, но не безъ насилія и грубыхъ издѣвательствъ надъ національнымъ русскимъ чувствомъ. Послѣдующее извѣстно, а настоящее оправданіе думы далеко отъ ея требованій и распоряженій въ дни вооруженнаго народнаго возстанія, подготовленнаго людьми, которые станутъ извѣстны и которые привели къ столькимъ печалямъ и скорби".

Въ этомъ объявленіи г. Нейдгардъ уже не ограничивается натравливаніемъ населенія на профессора Щепкина, на городского голову и думу, но и прибѣгаетъ, для большей успѣшности своего подстрекательства, къ завѣдомой лжи, формально разоблаченной проф. Щепкинымъ и отчасти— г. Кузьминскимъ. Профессоръ Щепкинъ въ письмѣ своемъ отъ 27 окт., напечатанномъ въ № 6733 газеты „Одесскія Новости" отъ 30 окт., призывая въ свидѣтели городского голову Крыжановскаго и прокурора судебной палаты Поллана, заявляетъ, что ни 18 октября, ни въ другое время онъ никогда не произносилъ народу рѣчи на площади думы или, вообще, подъ открытымъ небомъ; съ градоначальникомъ же онъ говорилъ не отъ себя, но по порученію совѣщательнаго при городскомъ головѣ комитета, уполномочившаго его заявить Нейдгардту о необходимости вооружить населеніе для защиты отъ хулигановъ и о желательности созданія милиціи, причемъ вовсе не упоминалъ о разоруженіи городовыхъ захватнымъ правомъ. Справедливость этого возраженія признаетъ и сенаторъ Кузьминскій, удостовѣряющій это на основаніи показаній „заслуживающихъ довѣрія свидѣтелей" (стр. 181). „Угрозы" проф. Щепкина и „истязанія, издѣвательства и убійства городовыхъ", оказывается, были выдуманы градоначальникомъ Нейдгардтомъ для оправданія столь противозаконной мѣры, какъ снятіе городовыхъ съ постовъ во всемъ городѣ. Разслѣдуя причины, вызвавшія примѣненіе этой мѣры, г. Кузьминскій натолкнулся на документъ, въ которомъ г. Нейдгардтъ повторяетъ ложь, допущенную имъ въ приведенной прокламаціи. Въ представленіи своемъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30 окт. за № 3818, г. Нейдгардтъ объясняетъ снятіе съ постовъ городовыхъ тѣмъ, что къ нему „съ утра начали поступать свѣдѣнія объ истязаніяхъ, издѣвательствахъ и убійствѣ во всѣхъ частяхъ города городовыхъ, изъ числа коихъ было

убито 2, ранено 10 и обезоружено 22". Объясненіе это г. Кузьминскій признаетъ „фактически невѣрнымъ", такъ какъ удостовѣрено, что распоряженіе Нейдгардта о снятіи городовыхъ съ постовъ послѣдовало въ то время, когда былъ раненъ одинъ лишь городовой Губій, вскорѣ умершій, и обезоружено трое, изъ остальныхъ же, 11 были ранены, а 6 подвергались нападенію съ цѣлью отобранія оружія уже послѣ того, когда посты были сняты.

Ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ къ подстрекательству громилъ, нельзя объяснить и слѣдующую прокламацію Нейдгардта, изданную имъ 20 окт. въ 11 ч. дня.

„Чтобы остановить грабежъ, разлившійся со снятіемъ полицейской охраны,—а снята она потому, что нападенія на единичныхъ городовыхъ стали многочисленны,—посылаются патрули отъ войскъ и полиціи, по которымъ стрѣляютъ жители изъ оконъ, нанося этимъ непоправимый вредъ себѣ же самимъ. Милиціи въ Одессѣ нѣтъ, закономъ установленной. Убѣдительно прошу остановить стрѣльбу изъ оконъ, во избѣжаніе необходимости разрушать артиллеріею дома, изъ которыхъ стрѣляютъ".

Въ этой прокламаціи, г. Нейдгардтъ уже совершенно не стѣсняется во лжи, объяснить которую можно только желаніемъ внушить населенію, участвовавшему въ погромѣ, мысль, что погромъ, это есть борьба съ людьми, стрѣляющими изъ оконъ домовъ по войскамъ и полиціи, и что, слѣдовательно, эти люди сами навлекаютъ на себя погромъ.

О томъ, въ кого и кто стрѣлялъ изъ оконъ во время погрома, мы уже знаемъ: стрѣляла самооборона по громиламъ, а если отъ этой стрѣльбы пострадали городовые и солдаты, то только тѣ изъ нихъ, которые вмѣстѣ съ громилами участвовали въ грабежахъ и погромѣ, большею частью—переодѣтые. Г. Нейдгардтъ отлично знаетъ это, равно какъ знаетъ, что полицейскіе патрули для охраны населенія почти не посылались, а если посылались, то вели себя такъ, что не стрѣлять въ нихъ было нельзя—этого требовали интересы общественной безопасности. Не будемъ голословны и приведемъ свидѣтельство сенатора г. Кузьминскаго, снисходительность котораго въ отношеніи г. Нейдгардта не подлежитъ сомнѣнію. Говоря о неорганизованности полицейской службы во время погрома, г. Кузьминскій констатируетъ, что, снявъ

посты, г. Нейдгардтъ не позаботился о правильной организаціи патрульной полицейской службы.

„Но и въ тѣхъ случаяхъ, говоритъ онъ, когда полицейскіе патрули появлялись на мѣстахъ происшествія съ воинскими командами, они, по объясненіямъ почти всѣхъ спрошенныхъ при разслѣдованіи свидѣтелей, обыкновенно никакихъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ и совершавшихся разгромовъ не принимали, какъ потому, что всѣ полицейскіе чины, считая евреевъ виновниками всякихъ политическихъ смутъ и забастовокъ и признавая ихъ революціонерами, вполнѣ сочувствовали совершавшемуся погрому еврейскаго населенія, не считали даже нужнымъ скрывать этого и вслѣдствіе сего, конечно, не задавались цѣлью прекращать погромъ, такъ и потому, что во многихъ случаяхъ сами полицейскіе чины направляли толпы хулигановъ на разгромъ и разграбленіе еврейскихъ домовъ, квартиръ и лавокъ, снабжали хулигановъ дубинами изъ срубленныхъ деревьевъ, сами совмѣстно съ ними принимали участіе въ этихъ разгромахъ, грабежахъ и убійствахъ и руководили дѣйствіями толпы. Характерныя въ этомъ отношеніи указанія даютъ свидѣтели: адъютантъ 273 пѣхотнаго Дунайскаго полка поручикъ Вайманъ и штабсъ-капитанъ запаса Якимовичъ. Первый изъ нихъ заявилъ, что когда ввѣренная ему команда стала разгонять громилъ, то городовой, угрожая подошедшему солдату, сказалъ ему: „если ты будешь разгонять русскихъ людей, я тебѣ задамъ“; пришлось задержать городового, и тогда только представилась возможность разсѣять толпу. По словамъ же Якимовича, на вопросъ его, почему не прекращаются погромы, одинъ городовой на Пересыпи сказалъ, что начальство разрѣшило бить евреевъ три дня за то, что они изорвали портретъ государя и сломали надпись на думѣ „Боже Царя храни“; а другой городовой въ томъ же участкѣ передалъ, что, на донесеніе его о разгромѣ на Куяльникѣ, изъ участка по телефону ему отвѣтили: „не вмѣшивайся, это не твое дѣло“. Наконецъ, были и такіе случаи, что городовые сами производили выстрѣлы въ землю или въ воздухъ и затѣмъ ложно указывали войскамъ, будто эти выстрѣлы послѣдовали изъ оконъ еврейскихъ домовъ, чѣмъ и вызывали обстрѣливаніе войсковыми частями означенныхъ домовъ и допущеніе жесто-

кой расправы съ тѣми евреями и ихъ семьями, которые оказывались въ этихъ квартирахъ. Многіе околоточные надзиратели дѣйствовали заодно съ городовыми и зачастую предводительствовали толпами хулигановъ, разбивавшихъ лавки евреевъ и расхищавшихъ ихъ имущество. Всѣ подобные, обнаруженные разслѣдованіемъ, случаи, касающіеся преступной дѣятельности чиновъ полиціи, приведены въ постановленіи моемъ отъ 9 декабря 1905 года“ [1]).

О вредѣ для общественной безопасности посылавшихся Нейдгардтомъ патрулей разсказываетъ не одинъ сенаторъ Кузьминскій. Еще болѣе ярко рисуетъ ихъ дѣятельность печать—не одесская, конечно. Корреспондентъ „Руси“ такъ описываетъ шествія этихъ охранителей „порядка“:

„Патрули отъ войскъ и полиціи имѣли такой видъ 20 октября: — кругомъ городовые съ револьверами, поднятыми вверхъ (на шашкахъ нѣтъ гербовъ и бляхъ съ указаніемъ № и участка), въ серединѣ ихъ солдаты съ ружьями вверхъ, со взведенными курками, а между ними околоточный и сыщикъ, сзади же идетъ толпа хулигановъ съ дубинами, полосами желѣза, молотами и проч. „вооруженіемъ“. Патруль этотъ идетъ и кричитъ, чтобъ отходили отъ оконъ и уходили съ балконовъ... Патрули эти проходили по улицамъ, гдѣ продолжался грабежъ и совершались убійства, гдѣ били и истязали попадавшихся евреевъ и тѣхъ, кто за нихъ заступался“.

Вотъ о такихъ-то патруляхъ и шла рѣчь въ прокламаціи г. Нейдгардта. Но довольно о немъ—приведенныхъ фактовъ и свидѣтельствъ болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы судить о роли, которую игралъ этотъ администраторъ въ одесскомъ человѣкоистребленіи. Отмѣтимъ лишь, какъ реагировалъ университетъ на провокаторскія упражненія одесскаго градоначальника. Совѣтъ университета и отдѣльные профессора во всѣ дни погрома напряженно работали для умиротворенія и огражденія отъ насилій одесскаго населенія; при содѣйствіи университета, между прочимъ, была организована студенческая милиція и совѣщательный комитетъ при городскомъ головѣ, дѣятельность которыхъ всецѣло была направлена къ прекращенію погрома. Между

---

[1]) «Кіевскій и Одесскій погромы и т. д.», стр. 159.

тѣмъ, г. Нейдгардтъ чуть ли не въ каждой своей прокламаціи натравливалъ громилъ на университетъ и милицію. Послѣдняя изъ приведенныхъ нами прокламацій, направленная уже не противъ университета, а противъ всѣхъ, кто борется съ громилами и громящими патрулями, переполнила чашу терпѣнія профессоровъ, и совѣтъ университета послалъ 27 октября графу Витте свое, полное горячаго протеста, постановленіе. „Для всего одесскаго общества—говорится въ этомъ постановленіи—несомнѣнно не только бездѣйствіе администраціи Одессы во время кровавыхъ дней 18—22 октября, но и прямое участіе нѣкоторыхъ ея органовъ въ злодѣйствахъ озвѣрѣвшей толпы. Въ результатѣ этого, въ городѣ четыре дня происходили разнузданные грабежи и гнусная бойня, не щадившая ни стариковъ, ни женщинъ, ни малолѣтнихъ дѣтей“. Содрогаясь отъ ужаса и сознавая, что администрація ведетъ городъ къ анархіи, „ибо въ настоящее время ведется агитація въ пользу новаго погрома уже противъ интеллигенціи“—совѣтъ телеграммою просилъ графа Витте о немедленномъ устраненіи Нейдгардта отъ должности.

Таковъ былъ глава одесской полиціи. Только зная его характеристику, можно понять поведеніе подвластныхъ ему полицейскихъ чиновъ и городовыхъ. Если Нейдгардтъ облекалъ свое подстрекательство въ форму печатныхъ объявленій, то остальная полицейская братія дѣйствовала начистоту, почти совершенно открыто: въ излишнемъ стѣсненіи не было надобности, такъ какъ всѣ знали, что погромъ совпадаетъ съ желаніями начальства и принять участіе въ погромѣ—значитъ угодить начальству. Да и какъ можно было въ этомъ сомнѣваться, если даже иниціатива погрома исходила изъ участка. Одинъ изъ виднѣйшихъ свидѣтелей одесскаго погрома, начальникъ училища торговаго мореплаванія, д. с. с. Л. Л. Гавришевъ, разсказываетъ въ своемъ показаніи, какъ изъ полицейскаго участка выходила процессія съ царскими портретами и иконами въ сопровожденіи городовыхъ, и въ присутствіи послѣднихъ начинался рядомъ съ участкомъ погромъ лавочекъ... [1]).

При такомъ положеніи вещей, полиціи оставалось только

[1]) Матеріалы къ исторіи рус. контръ-революціи и т. д., стр. 137.

постараться. И она старалась... Присяжный пов. Донашевскій (православный), на основаніи и своихъ наблюденій, и сообщеній извѣстныхъ ему лицъ, разсказалъ о цѣломъ рядѣ случаевъ такого старанія, вродѣ участія городовыхъ въ разгромѣ въ качествѣ предводителей шаекъ хулигановъ (въ слободкѣ Романовкѣ), организаціи хулиганскихъ бандъ съ переодѣтыми городовыми въ присутствіи помощника пристава Казалаба (на Дальницкой ул.). Извѣстный уже намъ прапорщикъ Л. Д. Теплицкій слышалъ, какъ приставъ алесандровскаго участка Рацишевскій заявилъ при немъ: „захотѣли евреи свободы, вотъ мы ихъ уложимъ двѣ-три тысячи, тогда они будутъ знать, что такое свобода". Этотъ же свидѣтель разсказываетъ, какъ Нейдгардтъ пріѣзжалъ въ участокъ, подготовлялъ городовыхъ къ дѣйствію оружіемъ, осматривалъ, отточены ли шашки. Городовые упражнялись въ дѣйствіи шашками на чучелахъ, на которыхъ были надписи: „забастовщикъ", „студентъ". Утромъ, 18 октября, когда свидѣтель охранялъ водопроводъ, группа рабочихъ въ родѣ босяковъ, подвыпившая, сказала ему: „вотъ идемъ, ваше благородіе, изъ участка получили „струкцію", вечеромъ разживемся" [1]).

Г. Б. Кельменъ, лично наблюдавшій всѣ перипетіи одесскаго погрома, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ категорически утверждаетъ, что погромъ происходилъ подъ руководствомъ и при ближайшемъ участіи городовыхъ, надзирателей и прочей полицейской братіи. Изъ именъ главныхъ „героевъ" авторъ помнитъ только имена: Полтавченко, Погребного и Гиржева-Бѣльчика. Про послѣдняго говорили, будто онъ собственноручно убивалъ маленькихъ дѣтей.

Среди громилъ находилась масса переодѣтыхъ городовыхъ и шпіоновъ, указывавшихъ, кого слѣдуетъ бить, а кого не трогать.

На Рыбной улицѣ, недалеко отъ участка, находится фотографія Прахтицкаго, русскаго, а рядомъ съ ней еврейская табачная лавка. Когда громилы подошли къ этому дому, изъ толпы отдѣлился городовой и крикнулъ: „Ребята, фотографію не трогать!" „Знаемъ, знаемъ!"—послышалось въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 101.

отвѣтъ. „Ура Прахницкому!“—закричали десятки голосовъ, приступая къ работѣ. Фотографъ даже не заперъ своей двери и оконъ. Дѣло обработали такъ чисто, что отъ табачной лавки не осталось и намека, а у фотографа не задѣли даже витрины съ карточками, стоявшей рядомъ съ окномъ разгромленной лавки“.

Этотъ же авторъ разсказываетъ, что, съ цѣлью содѣйствовать распространенію погрома, полиція распускала самые невѣроятные слухи о поведеніи евреевъ. Однимъ изъ такихъ слуховъ была басня о томъ, что въ еврейской больницѣ докторъ Зильбербергъ (первый одесскій хирургъ) всѣмъ русскимъ, попавшимъ къ нему въ руки, вырѣзываетъ языки! [1]).

Въ печати того времени разбросано множество сообщеній, свидѣтельствующихъ о провокаторской роли полиціи или объ активномъ ея участіи въ погромѣ. Привести хотя небольшую часть всѣхъ извѣстныхъ фактовъ этого рода нѣтъ никакой возможности—для этого понадобилось бы написать цѣлый томъ; но нѣкоторые, наиболѣе типичные, случаи мы приведемъ для полноты картины.

Въ „Од. Нов.“ былъ напечатанъ разсказъ г-на Т., живущаго въ разрушенномъ до тла Картамышевскомъ переулкѣ и видавшаго, какъ околоточный надзиратель Полтавченко вбѣжалъ въ одинъ изъ домовъ этого переулка и выстрѣлилъ изъ окна. Затѣмъ онъ самъ позвалъ казаковъ, которые съ обѣихъ сторонъ подъ перекрестнымъ огнемъ обстрѣливали переулокъ. За ними появились хулиганы и затѣмъ, когда все стихло, на чердакахъ, въ погребахъ нашли десятки труповъ. Къ этому же Полтавченко жильцы дома Сорокина обратились за помощью, но полицейскій чинъ далъ имъ такой отвѣтъ: „Никакой помощи не нужно. Вы хотѣли свободы, такъ пожинайте плоды“.

Въ „Правѣ“ (№ 48—49 за 1905 г.) собрано множество сообщеній о томъ же. Вотъ наиболѣе достовѣрныя изъ нихъ:

„Офицеры дунайскаго полка передаютъ о слѣдующихъ фактахъ. Къ казармамъ полка подошелъ городовой и сталъ

---

[1]) Б. Кельменъ. Страничка изъ погромныхъ воспоминаній. „Мысль“, 1906 г., № 14.

убѣждать часового, что полиціи стало извѣстно о намѣреніи евреевъ бросать бомбы и стрѣлять въ казармы. Часовой, не входя съ нимъ въ разговоры, прицѣлился. Городовой убѣжалъ. Чрезъ нѣкоторое время мимо этихъ же казармъ, въ сопровожденіи одного штатскаго лица, проходилъ нарядъ городовыхъ, и штатскій тоже отдѣлился, чтобы вступить въ бесѣду съ часовымъ. Но тотъ опять взялъ ружье на перевѣсъ, и патруль закричалъ солдату: „оставь, оставь, это околоточный надзиратель"... Офицеръ того же полка передаетъ, что, находясь съ патрулемъ солдатъ на Валковской ул., онъ обратилъ вниманіе на русскій домъ, откуда раздавались отчаянные крики. Проходившій мимо нарядъ городовыхъ объяснилъ ему, что патруль солдатъ, пройдя мимо, передалъ жильцамъ, что „жиды идутъ на нихъ изъ города". Опрашивая жильцовъ, офицеръ удостовѣрился, что не патруль солдатъ, а этотъ же нарядъ городовыхъ навелъ на простыхъ русскихъ людей панику: жиды, дескать, идутъ рѣзать.

Какъ объ установленномъ фактѣ, мѣстныя газеты разсказываютъ, что 19 октября, утромъ, дворникъ дома № 56 по Екатерининской ул. (Корони) пришелъ изъ Александровскаго участка и въ ужасѣ передалъ живущимъ (говорятъ, что также и хозяину), что въ участкѣ раздаютъ переодѣтымъ городовымъ оружіе для избіенія евреевъ, имъ же, дворникамъ, приказано указывать хулиганамъ квартиры жильцовъ-евреевъ. Въ присутствіи этого же дворника, другой дворникъ разсказывалъ, что въ участкѣ спаиваютъ переодѣтыхъ городовыхъ. Все это было подтверждено дворниками и при второмъ и третьемъ опросѣ.

Это сообщеніе вполнѣ совпадаетъ съ приводимымъ въ „Правѣ" разсказомъ одного „золоторотца", добродушно повѣствовавшаго о своемъ участіи въ погромѣ.

„Послали это насъ снизу (изъ порта) въ городъ ходить съ патретомъ и флагами, пообѣщали за это хорошее угощеніе и по полтинѣ серебра... Ходили мы, ходили, кричали до сипоты, а угощенія не даютъ. Пошла наша партія въ Херсонскій участокъ, куда мы были предназначены, и говоримъ: „Гдѣ же водка и угощеніе?".. Разсмѣялся намъ чиновникъ: „Маленькіе вы, что ли? Не знаете, гдѣ достать что. Подите на Дерибасовскую, сами промыслите".

Выше намъ уже случалось встрѣчаться съ указаніями

на существованіе „струкціи“, исходящей изъ участка и сулящей исполнителямъ ея поживу. Этотъ разсказъ какъ нельзя лучше рисуетъ незатѣйливость участковой организаціи погромовъ. Указанія на эту схему имѣются въ описаніяхъ почти всѣхъ погромовъ, и намъ еще не разъ придется съ ними встрѣчаться—организаторы погромовъ, повидимому, не отличались изобрѣтательностью.

Меньше субъективности, но не меньше активности проявили въ погромахъ и войска—вѣдь ихъ высшій начальникъ и руководитель, ген. Каульбарсъ, открыто заявилъ себя сторонникомъ погромовъ, а мы видѣли на примѣрѣ одесской полиціи, что она не отступила отъ солидарности со своимъ начальникомъ. Военное начальство въ кровавые октябрьскіе дни явно покровительствовало погромамъ и подвергало преслѣдованіямъ тѣхъ офицеровъ, которые были противъ погрома. Это показаніе сдѣлано прапорщикомъ 205 измаильскаго полка, а вотъ напечатанный въ „Правѣ“ діалогъ, отлично иллюстрирующій это показаніе:

Командиръ 273-го дунайскаго полка, полковникъ Присненко, спрашивалъ офицера своего полка, вернувшагося съ наряда:

— Въ кого стрѣляли?

— Въ грабителей,—отвѣтилъ офицеръ.

— Какъ, въ православныхъ?

— Не справлялся о вѣрѣ.

— Какъ же вы могли? вѣдь у насъ происходитъ національная борьба, проявленіямъ которой мы не вправѣ мѣшать...

И войска часто не только не мѣшали, но и содѣйствовали. Содѣйствіе это выражалось въ весьма разнообразной формѣ: въ истребленіи самообороны, въ обстрѣливаніи домовъ, намѣченныхъ для погрома, въ охраненіи громилъ; солдаты, съ своей стороны, принимали самое дѣятельное участіе въ грабежѣ. Командующій войсками ген. Каульбарсъ, зная, что патріотическая манифестація закончила день 18 октября погромомъ, 19 октября, утромъ, разрѣшилъ дать этой же манифестаціи военный оркестръ. А когда въ полдень того же дня къ нему явилась депутація, умолявшая его о приказѣ войскамъ дѣйствовать противъ громилъ, ге-

нералъ твердилъ на всѣ мольбы: „не могу"... [1]). Повидимому, въ связи съ этимъ сакраментальнымъ „не могу" находится напечатанное въ „Одес. Нов." слѣдующее заявленіе:

„Въ виду взведенныхъ на офицеровъ обвиненій, что они потворствовали грабежамъ и насиліямъ надъ мирными жителями, группа офицеровъ 273-го дунайскаго полка заявляетъ, что всѣ ихъ желанія остановить дѣйствія хулигановъ были парализованы „независящими отъ нихъ обстоятельствами".

Каковы эти „независящія обстоятельства" — нетрудно догадаться, равно какъ и о томъ, откуда они исходили.

Такъ охраняли полиція и войска одесское населеніе отъ погрома и громилъ. Нужно ли послѣ этого удивляться размѣрамъ одесскаго погрома и всему тому, что разсказывалось о подвигахъ полиціи и войскъ. Въ этихъ разсказахъ неизмѣнно сообщалось о пущенномъ полиціею слухѣ, что дано разрѣшеніе громить на три дня и что все прекратится 22 октября, что погромъ велся по строго опредѣленному и тщательно выработанному плану (громили тамъ, гдѣ приказывали и разрѣшали полиція и войска), что полиціей составлены и розданы громиламъ списки всѣхъ еврейскихъ домовъ, квартиръ и магазиновъ и т. п. И если мы вспомнимъ, что энергичный приказъ ген. Каульбарса, грозившій безпощаднымъ истребленіемъ громиламъ, былъ изданъ только 22 октября, т. е. въ день прекращенія погрома, то легко поймемъ возможность возникновенія подобныхъ разсказовъ.

Переходя къ кіевскому погрому, мы видимъ здѣсь тѣ же картины участія полиціи и войскъ, не только отдавшихъ все еврейское населеніе на произволъ громилъ, но и содѣйствовавшихъ имъ прямо и косвенно. Сенаторъ Турау, по-

[1]) Для того, чтобы судить, могъ ли ген. Каульбарсъ защитить войсками населеніе Одессы, приводимъ составъ одесскаго гарнизона въ октябрьскіе дни. По свѣдѣніямъ штаба округа, въ эти дни въ Одессѣ находились: 4 пѣхотныхъ полка, 3 пѣхот. запасныхъ батальона, 1 стрѣлковый, 1 саперный, 1 морской батальонъ, 1 драгунскій, 1 казачій полки, крѣпостной артиллерійскій баталіонъ, артиллерійская бригада, юнкерское училище и полевой жандармскій эскадронъ—всего приблизительно отъ 15 до 20 тыс. чел.

добно одесскому разслѣдователю сенатору Кузьминскому, разсматриваетъ въ своемъ отчетѣ вопросъ о томъ, былъ ли въ Кіевѣ погромъ организованъ или возникъ самъ собою. И г. Турау къ этому побуждаютъ тѣ же причины, которыя заставили заняться этимъ вопросомъ г. Кузьминскаго: глубокое убѣжденіе, вкоренившееся въ сознаніи населенія Кіева, „что разгромъ и разграбленіе еврейскаго имущества были рѣшены заранѣе и произведены по строго выработанному плану". Казалось бы, однородность убѣжденія, возникшаго одновременно у населенія двухъ различныхъ, отстоящихъ другъ отъ друга въ суткахъ ѣзды, городовъ, и самыя обстоятельства, при которыхъ это убѣжденіе создалось, давали всѣ основанія къ тому, чтобы возникшій вопросъ былъ разсмотрѣнъ не съ одной только формальной стороны, но и по существу. Однако, г. Турау отнесся къ этому важному вопросу такъ же поверхностно, какъ и его одесскій товарищъ г. Кузьминскій, и далъ вмѣсто отвѣта формальную отписку: слухи объ организаціи погрома въ Кіевѣ неосновательны, потому что официальные документы свидѣтельствуютъ о фантастичности этихъ слуховъ. Какіе же это документы? Рядъ распоряженій покойнаго генерала Трепова, изданныхъ еще до погромовъ—о недопущеніи уличныхъ скопищъ и сборищъ и телеграмма его отъ 20 октября, т. е. въ день прекращенія погрома, въ коей онъ проситъ кіевскаго генералъ-губернатора „проявить всю полноту власти для прекращенія безпорядковъ, насилій и погромовъ". Нужно ли говорить о совершенной непригодности ссылки г. Турау на эти документы послѣ того, какъ сдѣлалось всему міру извѣстно, что тотъ же генералъ Треповъ снабдилъ своею надписью „Печатать. Треповъ" погромныя прокламаціи, печатавшіяся въ нѣдрахъ департамента полиціи! Но г. Турау необходимо было установить, что населеніе Кіева само, своимъ революціоннымъ поведеніемъ, вызвало погромъ, и онъ ухватился за первый попавшійся аргументъ, чтобы посредствомъ него скорѣе перейти къ своей любимой темѣ — о евреяхъ, какъ виновникахъ всего зла.

А между тѣмъ, еслибы сенаторъ Турау дѣйствительно хотѣлъ раскрыть истинныхъ виновниковъ погрома, онъ нашелъ бы для этого весьма благодарную почву въ тѣхъ самыхъ матеріалахъ, которые послужили ему для составленія

всеподданнѣйшаго отчета. Въ его отчетѣ приведено такое множество фактовъ провокаторскаго поведенія кіевской полиціи, что одни эти факты, — не говоря уже о многихъ другихъ, всѣмъ извѣстныхъ изъ печати,—должны были заставить его задуматься о причинахъ столь страннаго явленія. Кіевскій полицеймейстеръ открыто игнорируетъ требованія мѣстной высшей власти о принятіи мѣръ къ прекращенію погрома, не боясь даже угрозы смѣщенія, высылки изъ Кіева и каторги; полицейскіе чины сами призываютъ громилъ къ избіенію евреевъ; генералы, завѣдующіе военной охраной города, сами дозволяютъ хулиганамъ громить евреевъ и спокойно смотрятъ на разгромъ, а сенаторъ Турау ничего, кромѣ „отдѣльныхъ случаевъ бездѣйствія власти", въ этомъ не усматриваетъ!

Но оставимъ въ сторонѣ мнѣніе сенатора Турау и познакомимся хотя съ нѣкоторыми образцами поведенія полиціи и войскъ въ Кіевѣ. О томъ, какъ держала себя полиція по отношенію къ погрому, мы знаемъ по главѣ, въ которой говорилось о *бездѣйствіи* полиціи и войскъ. Здѣсь же мы будемъ говорить лишь о *дѣйствіяхъ* ихъ, направленныхъ противъ... подвергавшагося погрому населенія. Прежде всего, необходимо упомянуть о странной роли военныхъ отрядовъ, которымъ приказано было смотрѣть, чтобы погромщики не передрались между собою и „чтобы русскихъ не били", въ то время, какъ евреевъ нещадно избивали и громили на глазахъ этихъ самыхъ отрядовъ. Тоже самое можно сказать о поведеніи полицейскихъ постовъ и патрулей. По донесенію участковаго товарища прокурора, въ Подольскомъ полицейскомъ участкѣ мимо одного изъ городовыхъ свободно проходили разныя лица, унося награбленныя вещи. Когда же товарищъ прокурора спросилъ городового, почему онъ не задерживаетъ похитителей, онъ отвѣтилъ, что теперь этого дѣлать нельзя, такъ какъ начальство противъ этого: самъ приставъ былъ при началѣ погрома и ничего никому не говорилъ. Тоже происходило, по донесеніямъ чиновъ прокурорскаго надзора, на Софійской, Львовской улицахъ и на Рыльскомъ переулкѣ. Нѣкоторые полицейскіе чины были не только пассивными, но и активными сообщниками громилъ. Этимъ особенно отличались приставъ Подольскаго участка Ля-

щенко и его помощникъ Пирожковъ. О погромныхъ подвигахъ этихъ двухъ администраторовъ въ отчетѣ г. Турау собранъ цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній. Этими показаніями было удостовѣрено: 1) что Лященко и Пирожковъ, проходя по Александровской ул. съ околоточнымъ и двумя городовыми, говорили громиламъ: „бейте жидовъ до одного и грабьте ихъ“. Тотчасъ же послѣ этого начался разгромъ и разграбленіе еврейскихъ магазиновъ; 2) когда толпа громилъ, грабившихъ магазинъ на Александровской ул., разбѣжалась отъ выстрѣла, сдѣланнаго въ нее изъ противоположнаго дома, подошедшій къ нимъ Лященко ободрилъ громилъ словами: „не бойтесь ребята, это стрѣлялъ жидъ“. Послѣ этихъ словъ, громилы бросились на магазинъ Бронштейна и разграбили его; 3) по подстрекательству же Лященко былъ разграбленъ богатый мануфактурный магазинъ Пеховича: когда мимо проходила патріотическая процессія, Лященко махнулъ ей рукой и толпа бросилась громить и грабить магазинъ, а Лященко отошелъ въ сторону; 4) когда громилы, проходя мимо магазина съ надписью „Кустарь“, оставили его въ покоѣ, принявъ его за русскій магазинъ, Пирожковъ, обращаясь къ громиламъ, сказалъ: „бейте, это—жидовскій“. Толпа вернулась и разгромила магазинъ; 5) когда стоявшіе у магазина Шварцмана солдаты и казаки не позволяли громиламъ грабить этотъ магазинъ, Лященко склонилъ солдатъ и казаковъ отъѣхать отъ магазина, послѣ чего толпа тотчасъ же бросилась къ магазину и стала его громить; 6) обратившейся къ Лященко за помощью Сурѣ Шутинъ, лавку которой громила толпа хулигановъ, приставъ отвѣтилъ: „Что же дѣлать! Гдѣ вы взяли товаръ? въ Кіевѣ нажили, въ Кіевѣ и опять наживете“; 7) докторъ Вайсбандъ показалъ, что приставъ Лященко все время руководилъ ограбленіемъ и избіеніемъ евреевъ; 8) городовой Рыцай, пытавшійся разгонять громилъ, былъ остановленъ окрикомъ помощника пристава Пирожкова: „тебѣ кто приказалъ разгонять?“ и т. д., и т. д.

О настроеніи по отношенію къ погрому и громиламъ, созданномъ среди простого народа, полиціи и войскъ начальствующими лицами, можно судить и по многимъ другимъ фактамъ, приводимымъ сенаторомъ Турау. Когда, послѣ погрома, громилъ стали обыскивать и арестовывать, по-

слѣдніе жаловались: „сами приказывали грабить, а теперь обыскиваютъ“. Убѣжденіе, что погромъ разрѣшенъ властями и что грабить можно три дня, упорно держалось не только у громилъ, но и у низшихъ воинскихъ и полицейскихъ чиновъ. На вопросъ управляющаго канцеляріей ген.-губернатора, почему онъ не разгоняетъ громилъ, одинъ городовой возразилъ: „да вѣдь это разрѣшено“. Другого городового, подбѣжавшаго къ громиламъ съ револьверомъ въ рукѣ, послѣдніе стали убѣждать, что „имъ самъ губернаторъ разрѣшилъ, а возлѣ Думы генералъ приказалъ грабить“ (рѣчь идетъ, повидимому, о генералѣ Безсоновѣ, убѣждавшемъ громилъ у Думы, что громить можно, только грабить не слѣдуетъ). Когда же городовой обращался за содѣйствіемъ къ патрульнымъ, послѣдніе отвѣтили ему: „у насъ есть разрѣшеніе бить жидовъ и приказано только смотрѣть, чтобы не стрѣляли въ тѣхъ, которые будутъ разбивать“. Одинъ учитель, замѣтивъ двухъ артиллеристовъ, не бывшихъ въ нарядѣ и спокойно смотрѣвшихъ на разгромъ на Прорѣзной ул., спросилъ ихъ, давно ли это началось. „Да, отвѣтили артиллеристы, разрѣшеніе только сегодня вышло“, а на замѣчаніе учителя, что развѣ могло быть дано такое разрѣшеніе, они возразили: „чай, сами видите! мыслимо ли это безъ дозволенія начальства? Это куда тебѣ“.

Характернымъ показателемъ того, откуда и какъ распространились слухи, имѣвшіе цѣлью натравливаніе громилъ на евреевъ, является одна изъ многихъ, ходившихъ по городу, выдумокъ о намѣреніи евреевъ сжечь Голосѣевскій монастырь и взорвать пороховые погреба. Корреспондентъ „К. Г.“ разсказываетъ объ источникѣ этого слуха:

„Еще наканунѣ (вечеромъ, 19-го октября) въ полицейскіе участки г. Кіева, по спеціальному полицейскому телеграфу, была передана депеша: „Для свѣдѣнія. На Голосіевкѣ евреи подожгли монастырь и на Лысой горѣ взорвали пороховые склады военные“. Эту депешу намъ удалось видѣть въ одномъ изъ участковыхъ управленій. Телеграмма была безъ подписи, но первоначально на это не обратили вниманія и „официіальное“ сообщеніе черезъ полицейскихъ чиновъ пошло въ толпу“.

Подтвержденъ этотъ случай и въ отчетѣ сенатора Турау.

Неизбѣжнымъ аксессуаромъ къ провокаторскому поведенію полиціи явилось прямое участіе полицейскихъ и солдатъ въ грабежѣ. Многочисленныя заявленія частныхъ лицъ и очевидцевъ—должностныхъ лицъ удостовѣряютъ, что городовые и бывшіе въ нарядѣ солдаты не только брали товары, выброшенные на улицу, но и сами громили. Сенаторъ Турау отмѣчаетъ случай, когда на Сѣнной площади городовой, въ числѣ другихъ громилъ, разбивалъ плахой дверь еврейскаго магазина. На Прорѣзной улицѣ неизвѣстный по фамиліи ефрейторъ одного патруля разбивалъ прикладомъ ружья желѣзную оконную штору въ еврейскомъ магазинѣ. Даже какой-то прапорщикъ артиллеріи, не находившійся, впрочемъ, въ нарядѣ, подстрекалъ на Сѣнной площади толпу чернорабочихъ къ погрому, доказывая, что евреи запутали народъ и захватили всю торговлю въ свои руки.

Поведеніе всей этой братіи станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ поведеніе главныхъ ихъ начальниковъ: полиціи—полицеймейстра Цихоцкаго, войскъ—генерала Безсонова, бывшаго начальникомъ охраны второго отдѣла города, наиболѣе населеннаго евреями (Подолъ и Старокіевскій участокъ) и наиболѣе пострадавшаго отъ погрома. Отъ этихъ двухъ лицъ всецѣло зависѣло подавить погромъ въ самомъ началѣ. Но можно ли было ожидать отъ нихъ защиты населенія, если они оба были убѣжденными погромщиками и ничуть этого не скрывали. Находясь послѣ погрома въ штабѣ военнаго округа, полковникъ Цихоцкій, въ присутствіи генераловъ и управляющаго канцеляріей кіевскаго ген.-губернатора д. с. с. Молчановскаго, развивалъ мысль, что еврейскій погромъ имѣлъ и хорошую сторону, такъ какъ заставилъ революціонеровъ притаиться [1]. А генералъ Безсоновъ высказался 20 октября еще откровеннѣе, заявивъ, что, если бы онъ хотѣлъ, погромъ окончился бы въ полчаса, но евреи приняли слишкомъ большое участіе въ революціонномъ движеніи и потому должны поплатиться [2].

Что это были не пустыя слова, доказалъ и г. Безсоновъ, отдавшій на потокъ и разграбленіе весь Подолъ и Старо-

---

[1]) Кіевскій и Одесскій погромы и т. д., стр. 97.

[2]) Тамъ же, стр. 63.

кіевскій участокъ, и всѣ послѣдующія событія. Прекратить погромъ было, дѣйствительно, болѣе, чѣмъ легко. Достаточно было издать 20 октября приказъ о задержаніи громилъ, и погромъ, безъ частаго даже употребленія оружія, былъ прекращенъ къ вечеру того же дня. По свидѣтельству одного офицера, командовавшаго у думы полуротою солдатъ, отъ одной лишь команды взять ружья на изготовку толпа мгновенно разбѣгалась. Одинъ учитель былъ очевидцемъ, какъ громилы разбѣжались отъ одного окрика полицейскаго чиновника. Въ другомъ мѣстѣ, толпа мгновенно отхлынула отъ магазина, какъ только патруль далъ сигналъ къ стрѣльбѣ. Прапорщикъ Дронниковъ, одинъ, безъ посторонней помощи, разъѣзжая верхомъ на конѣ, разгонялъ большія скопища грабителей и еслибы, говорилъ онъ, находившіяся тутъ же войска окружили и задержали ихъ, то на Александровской улицѣ погромъ былъ бы немедленно прекращенъ. На Б. Васильковской улицѣ толпа громилъ бѣжала на протяженіи цѣлаго квартала подъ натискомъ пристава, преслѣдовавшаго ихъ съ револьверомъ въ рукѣ и однимъ только городовымъ.

При такихъ то условіяхъ погромъ въ Кіевѣ продолжался цѣлыхъ три дня и стоилъ жизни и увѣчья нѣсколькимъ сотнямъ людей и разоренія почти всего еврейскаго населенія. Такъ пожелали полковникъ Цихоцкій и генералъ Безсоновъ!

* * *

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ больше мы знакомимся съ обстоятельствами погромовъ, тѣмъ яснѣе вырисовывается картина именно того провокаторства мѣстныхъ властей, которое отрицали для Кіева и Одессы сенаторы Турау и Кузьминскій, но наличность котораго не могли опровергнуть тѣ факты, которые ими же самими были собраны въ ихъ отчетахъ.

Вотъ, напримѣръ, какова была подкладка описаннаго выше погрома въ Ѳеодосіи. Въ „Юж. Кур.“ напечатано письмо грузчика ѳеодосійскаго порта Н. И. Крылова, въ которомъ, безъ всякихъ обиняковъ и прикрасъ, простымъ, неграмотнымъ языкомъ, авторъ разсказываетъ объ организаціи погрома мѣстною полиціею. Письмо это настолько ярко рисуетъ фабрикацію погрома, что мы не рѣшаемся вы-

кинуть изъ него ни одного слова и приводимъ во всей его неприкосновенности. Вотъ этотъ человѣческій документъ:

„Я не могу больше переносить этого страшнаго видѣнія, которое преслѣдуетъ по пятамъ и не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я грузчикъ ѳеодосійскаго порта. Я тотъ, которыхъ называютъ тиграми у насъ въ порту. Я самъ Виленской губ., звать меня Николай Ивановичъ Крыловъ, нахожусь три года въ ѳеодосійскомъ порту. Я участвовалъ при убійствѣ несчастныхъ евреевъ. Я видѣлъ эту кровавую картину, но я не обагрилъ свои руки въ крови, я стоялъ и смотрѣлъ на своихъ товарищей-тигровъ. А кто нами предводительствовалъ, я все видѣлъ и все скажу, кто они.

19 октября мы ничиво ни знали, всѣ рабочіе вышли на работу на берегъ, начали работать потомъ, смотрю, приходитъ нашъ береговой староста Сергей Шейка, старшій стражникъ Иванъ Гунчинка. Сняли насъ всѣхъ съ работы, было 9 часовъ утра, и повели насъ въ дежурное помѣщеніе начальника порта, тамъ къ намъ вышелъ надзиратель порта Бойчевскій и еще какой то акцизный чиновникъ, потомъ пришелъ помощникъ пристава Муравлевъ, съ нимъ 6 человѣкъ городовыхъ, потомъ начали насъ учить то одинъ, то другой, потомъ принесли 50 полбутылокъ водки, насъ было 50 человѣкъ, потомъ наши командеры переодѣлись въ свѣтское платье и городовые тоже переодѣлись, вооружились револьверами и дубинами, взяли портретъ Государя и повели насъ къ клубу. Тамъ стояла димонстрація и масса народа, всѣ веселы и довольны. Когда мы надвинули, тогда къ намъ примкнули остальные грузчики, насъ стало человѣкъ 200. Я тогда вышелъ изъ толпы и забрался на фонтанъ и началъ наблюдать за всѣмъ, что происходило. Во первыхъ, я увидалъ, что Василій Панчиковъ, тоже грузчикъ ударилъ кулакомъ одного мальчика лѣтъ 10-ти, тутъ же стоялъ Муравлевъ, который всю дорогу агитировалъ насъ, онъ первый ударилъ Василія изъ револьвера въ високъ, тотъ упалъ мертвымъ. Тогда грузчики кинулись на евреевъ, они думали, что выстрѣлъ былъ со стороны ихъ, потомъ стали нѣкоторыхъ ловить и бить. Тогда со стороны евреевъ дали три залпа въ верхъ и бросились въ концертный залъ. А толпа нашихъ тигровъ за ними; потомъ разбили ресто-

ранъ въ клубѣ, нашли тамъ боченокъ съ керосиномъ, облили и зажгли съ двухъ сторонъ концертный залъ. Это командовала переодѣтая полиція. А я все время смотрелъ. Когда я увидалъ, что разбиваютъ головы, что мозги и глаза вылетаютъ и повсюду кровь, я сделался помѣшаннымъ и такъ со мною было часа 2 или 3. Когда стало темно, то городовые ломали замки у часовыхъ магазиновъ и забирали въ карманы часы, кольца, браслеты, все дорогія вещи, золото и серебро, все это у полиціи. А теперь ходятъ ищутъ, глаза отводятъ. Я все время больной отъ этой картины, хотѣлъ разсказать священнику, потомъ раздумалъ... Теперь порешилъ просить васъ, господинъ ридакторъ, не откажите пожалуста напечатать. Н. И. Крыловъ".

Такъ былъ организованъ „взрывъ народнаго негодованія", о которомъ говорилъ пріѣхавшій въ Ѳеодосію послѣ погрома таврическій губернаторъ генералъ Волковъ. Полбутылки водки на брата—такова цѣна этого „негодованія".

Въ такомъ же родѣ была организація погрома и въ г. Оршѣ, Могилевской губ. 20 октября ночью полиція и вожаки черной сотни, во главѣ съ исправникомъ, отправились въ предмѣстье по той сторонѣ Днѣпра—гнѣздо черносотенцевъ и разбойниковъ—и уговорили ихъ устроить рѣзню и разгромить евреевъ. Приставъ 1-го стана Модзалевскій экстренно разослалъ приказы по деревнямъ, чтобы всѣ крестьяне явились въ городъ вооруженные, подъ угрозой штрафа въ 30 руб. за неявку. Крестьяне, конечно, не ослушались приказа и явились вооруженные топорами, кольями, ломами и даже ружьями. Въ этотъ же день эта толпа участвовала въ звѣрскомъ избіеніи евреевъ. Присутствовавшіе при этой кровавой бойнѣ кучеръ и водовозъ (православные) показали, что главными руководителями и активными участниками „дѣла" были: приставъ 1-го стана Модзалевскій, полицейскій надзиратель 2-й части Раковскій и писецъ его Синельниковъ [1]). Судебнымъ слѣдователемъ былъ арестованъ по обвиненію въ участіи въ погромѣ полицейскій чиновникъ Синицкій. Послѣ его ареста, два полицейскихъ чиновника ворвались въ камеру слѣдователя

[1]) Корреспонденція изъ Орши. «Право» за 1905 г., № 48—49.

и потребовали немедленнаго его освобожденія, грозя произвести вторичный погромъ и освободить его силой.

Въ кременчугскомъ погромѣ фигурировали снова—и спаиваніе хулигановъ водкой, раздававшейся даромъ изъ винной лавки Мищенко, и распускавшіеся полиціею, но оказавшіеся ложными, слухи о будто изрѣзанномъ царскомъ портретѣ, и патріотическія процессіи, организованныя полиціею. Погромъ разразился 19 октября послѣ шествія такой процессіи, во главѣ которой шли полицеймейстеръ Ивановъ, его помощникъ Пышновъ, приставъ Трусевичъ и другіе чины полиціи.

Евреи, предвидя, чѣмъ это кончится, отправили депутацію къ начальнику гарнизона, казачьему генералу Калитину съ просьбою о защитѣ. Генералъ заявилъ, что не можетъ поручиться за казаковъ, такъ какъ они сильно озлоблены вчерашнимъ нападеніемъ на казака, прибавивъ, что если евреи и сегодня появятся толпою на улицахъ, то онъ ихъ загонитъ въ Днѣпръ, будь ихъ хоть тысяча человѣкъ. Утромъ къ городу стали подходить крестьяне изъ ближайшихъ волостей, разсказывавшіе, что ночью пріѣзжали въ деревни казаки и звали идти въ Кременчугъ, гдѣ разрѣшено три дня грабить евреевъ [1]). Организація погрома была, повидимому, такъ хорошо налажена, что назначенный на утро погромъ былъ, по случаю праздника, отложенъ до окончанія богослуженія. „Взрывъ народнаго негодованія", отложенный по распоряженію „устроителей", аккуратно разразился тотчасъ послѣ обѣдни.

Въ Томскѣ нѣтъ прямыхъ указаній на организацію погрома полиціей или вообще мѣстными властями. Но бросавшееся въ глаза во время разгрома жел.-дорожнаго управленія совершенное отсутствіе полиціи, несмотря на производившіяся тамъ хулиганами убійства, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что разгромъ этотъ былъ произведенъ не безъ вѣдома полиціи. На прикосновенность полиціи къ этому кровавому дѣлу указываютъ и заявленія многихъ громилъ, которые, когда 22 октября ихъ стали разгонять казаки, съ неудовольствіемъ говорили: „раньше разрѣшили грабить, такъ чего же это теперь разгоняютъ".

---

[1]) Корреспонденція „С. О.". „Право", № 48—49.

Относительно казанскаго погрома, корреспондентъ „Рус. Слова“ сообщаетъ „о лицахъ изъ русскаго купечества и кабатчиковъ, которыя совмѣстно съ полиціей приняли дѣятельное участіе въ организаціи избіенія студентовъ и евреевъ и устройствѣ погрома. Нанимали лицъ для участія въ манифестаціи, обѣщая имъ 50 коп. въ сутки, но платили только 20 к. и давали водку. Участники теперь обижены и претендуютъ“.

Объ участіи полиціи въ разгромѣ тверской губ. управы мы уже говорили при описаніи тверского погрома; здѣсь намъ остается только отмѣтить, что провокація въ этомъ кровавомъ дѣлѣ была проявлена въ значительно большей степени, чѣмъ это можно было думать по поведенію полиціи во время погрома. Въ извѣстномъ уже читателямъ офиціальномъ докладѣ тверской губ. зем. управы земскому собранію разсказывается, между прочимъ, какъ полиція подсылала на собранія земскихъ служащихъ переодѣтыхъ городовыхъ, шпіоновъ и разныхъ темныхъ личностей. „Произведеннымъ разслѣдованіемъ,—говорится въ докладѣ,—выяснено, что 16 октября, въ концѣ засѣданія, переодѣтый городовой Ежовъ, послѣ того, какъ онъ былъ удаленъ изъ зала собранія вмѣстѣ съ городовыми Папышевымъ и Качаловымъ и еще однимъ шпіономъ, фамилія котораго неустановлена, увели изъ засѣданія пришедшихъ съ ними около 25 человѣкъ и отправились въ трактиръ Орлова, и тамъ въ трактирѣ начали обсуждать, что дѣлать по поводу тѣхъ рѣчей, которыя они слышали только что въ управѣ“. Руководительство, проявленное полиціею при избіеніи земцевъ, объясняетъ, для чего посѣщались ею ихъ собранія.

Архангельское побоище, въ которомъ погибъ М. Ю. Гольдштейнъ, было организовано приставомъ Нечаевымъ, что категорически утверждаютъ многіе политическіе ссыльные, случайно избѣжавшіе смерти во время этого погрома. Архангельскій вице-губернаторъ Хрипуновъ самъ вручилъ царскіе портреты толпѣ, шедшей на разгромъ „манифестаціи свободы“, причемъ, онъ цѣловался съ нѣкоторыми изъ громилъ.

Въ Воронежѣ всѣ открыто называли организаторами погрома полицеймейстера Бернатовича, пристава Ларіонова и околоточныхъ Деринга и Грачева, а губернатора Андре-

евскаго обвиняли въ попустительствѣ (телеграммы „Рус. Слова“).

Въ Каменецъ-Подольскѣ группою мѣстныхъ адвокатовъ собраны о погромѣ въ этомъ городѣ свидѣтельскія показанія, изъ коихъ видно, что въ организаціи погрома замѣшана мѣстная полиція. Одинъ русскій чиновникъ показалъ и готовъ подтвердить подъ присягой, что 19-го окт. утромъ, на старомъ бульварѣ, при немъ же одинъ крупный полицейскій чиновникъ роздалъ нѣсколькимъ хулиганамъ одинадцать рублей, предложивъ имъ „побаловаться надъ евреями“. Самъ полицеймейстеръ, на обвиненіе мѣстныхъ евреевъ, что онъ устроилъ погромъ, увѣрялъ, что онъ къ погрому непричастенъ, но за нѣкоторыхъ приставовъ „не ручается“. Главарь хулиганской шайки Тарновскій, на вопросъ одного еврея, за что онъ билъ евреевъ, отвѣтилъ, что онъ тоже самое продѣлалъ бы по отношенію къ русскимъ, если бы ему евреи за это „раньше“ заплатили. („К. Газ.“).

О провокаціи орловскихъ властей публично заявилъ въ свое время извѣстный общественный дѣятель А. А. Стаховичъ. Онъ помѣстилъ въ „Рус. Словѣ“ открытое письмо министру-президенту графу С. Ю. Витте, въ которомъ утверждаетъ, что онъ имѣетъ не только основаніе, но и неопровержимыя, вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ организаціи и поощреніи безпорядковъ, происходившихъ въ Орлѣ съ 18 по 22 октября, не только полицейскими чинами, но и высшими представителями мѣстной административной власти.

Симферополь принадлежитъ пока къ числу рѣдкихъ изъ разгромленныхъ городовъ, гдѣ участіе полиціи въ погромѣ не только доказано, но и осуждено судомъ, приговорившимъ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ къ наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ правъ. Еще до суда, противъ полиціи было собрано столько уличающаго матеріала и набралось столько свидѣтелей, что она рѣшила принять свои мѣры. И вотъ, нѣкоторые черезчуръ неудобные свидѣтели были, какъ заявилъ на судѣ повѣренный гражданскихъ истцовъ прис. пов. Айзенштейнъ, уже въ декабрѣ высланы административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію, нѣкоторыхъ собирались выслать и оставили въ покоѣ только послѣ вмѣшательства третьихъ лицъ; наконецъ, по признанію бывшаго пристава Баланчивадзе,

всѣмъ полицейскимъ былъ данъ лозунгъ: ничего не показывать на слѣдствіи чинамъ судебнаго вѣдомства. Правда, не всѣ полицейскіе выполнили приказъ. Напримѣръ, городовой Морозовъ сознался, что попустительствовалъ громиламъ изъ желанія угодить своему начальству; городовой Богдановъ, получивъ отказъ полицеймейстера свидѣтельствовать на судѣ въ его пользу, въ присутствіи группы полицейскихъ заявилъ про полицеймейстера: „дубины заказывали а теперь не хотятъ быть свидѣтелями".

Яркую картину полицейской провокаціи въ Симферополѣ нарисовали показанія свидѣтелей на судѣ во время разбирательства дѣла о симферопольскомъ погромѣ [1]). Свидѣтель фабричный инспекторъ Демикели разсказывалъ, что въ день погрома извѣстный ему рабочій, нѣкій Денисъ, хваставшійся убійствомъ, совершеннымъ имъ послѣ того, какъ „прострѣлили принцесу" (портретъ государя), признался ему, что громилъ собрала полиція. Другой свидѣтель—Муратовъ, служившій, во время погрома вольноопредѣляющимся въ крымскомъ дивизіонѣ, показалъ, что полиція отбирала у громилъ дубины только послѣ погрома, несмотря на то, что была полная возможность не только отобрать дубины заранѣе, но и самый погромъ прекратить мгновенно; а свидѣтель М. Зарѣцкій показалъ, что всѣ дубины у громилъ были одинаковыя. Помощникъ пристава Чернявскій въ своемъ показаніи заявилъ, что портретъ государя былъ выданъ громиламъ изъ участка, гдѣ еще до этого велись разговоры о томъ, что „надо было бы проучить евреевъ", „не худо бы посчитаться съ соціалъ-демократами". Свидѣтель Розенблюмъ слыхалъ, какъ помощникъ пристава Багель (о которомъ также велось слѣдствіе по поводу его участія въ погромѣ) и еще какой-то полицейскій чинъ говорили среди толпы, что изъ за одного жида 40 русскихъ сидятъ въ тюрьмѣ, на что изъ толпы имъ отвѣтили: „Сами гуляете, насъ звали, а наши въ тюрьмѣ сидятъ". Къ свидѣтелю Глазову, черезъ нѣсколько дней послѣ погрома, подошелъ городовой Морозовъ и сказалъ: „Меня вотъ обвиняютъ въ убійствахъ и хотятъ арестовать, а я все знаю и готовъ все

---

[1]) И. С. Клейнершехетъ. Дѣло объ октябрьскомъ погромѣ въ Симферополѣ.

выдать, лишь бы меня не арестовали. Я былъ возлѣ участка, гдѣ стояли Кузьменко (полицеймейстеръ) и Загоскинъ (жандарм. полковникъ), которые послали солдатъ къ синагогѣ. Видѣлъ я также, какъ Загоскинъ выгонялъ изъ участка спасавшихся евреевъ. Намъ же, городовымъ, не велѣно было вмѣшиваться. Когда губернаторъ пріѣхалъ въ участокъ, то отдалъ приказъ выпустить для усмиренія бывшія тамъ войска, но ихъ не выпускали. Я видѣлъ, какъ убивали на бульварѣ, но мы не виноваты, намъ наше начальство велѣло. Вотъ я сниму шинель, уйду со службы, тогда и раскрою всю ихъ подлость". Если прибавить ко всѣмъ этимъ разоблаченіямъ еще, данныя на предварительномъ слѣдствіи, показанія Берка Надельштейна и Афанасія Коваленко о томъ, что заготовленныя дубины утромъ 18 октября оказались сложенными частью во дворѣ зданія 1-й полицейской части, частью въ сторожевой будкѣ бульварнаго садовника Лосика; что полицеймейстеръ Кузьменко сказалъ собравшимся у 1-го участка послѣ убійствъ громиламъ: „Спасибо, братцы, идите уже по домамъ" (показаніе Слодика); что во время погрома дѣйствовали нанятые полиціею люди (объ этомъ имѣются показанія писателя Сергѣева-Ценскаго, служившаго во время погрома прапорщикомъ, и нѣкоего Сматовскаго, видѣвшаго у 1-го участка группу людей, о которыхъ фельдфебель Сыворотка сказалъ, что это—подкупленные полиціею погромщики); что полиція руководила дѣйствіями громилъ, направляя ихъ въ желательную для нея сторону (городовой Морозовъ говорилъ толпѣ у 1-го участка: „Теперь довольно здѣсь, идите на Екатерининскую бить магазины"),—если все это принять во вниманіе, то провокаторство симферопольской полиціи станетъ несомнѣннымъ.

Но не одна полиція скучала по крови симферопольскихъ евреевъ. Въ этомъ веселомъ южномъ городѣ жило не мало благочестивыхъ русскихъ людей, патріотическія сердца которыхъ скорбѣли о грѣхѣ, въ которомъ погрязли души нечестивыхъ сыновъ Израиля, желавшихъ сдѣлать царемъ симферопольскаго еврея Шмерку. Эти люди много труда положили на то, чтобы уготовать заблудшимъ еврейскимъ душамъ спасеніе въ загробномъ мірѣ, и, глядя на ихъ дѣятельность, трудно опредѣлить, кто изъ нихъ больше поработалъ въ этомъ направленіи: эти ли благоче-

стивцы или полиція. Изъ прочитанныхъ на судѣ показаній нѣкоего Влад. Мальчевскаго, исполнявшаго въ Симферополѣ обязанности тайнаго агента полиціи, видно, что, помимо полицейской организаціи, въ Симферополѣ существовала штатская погромная организація. Вотъ что разсказываетъ о ней Мальчевскій. 17 октября, т. е. наканунѣ погрома, свидѣтель явился на происходившій на бульварѣ митингъ вмѣстѣ съ купцомъ Гладковымъ (который передъ погромомъ говорилъ нѣкоему Лагутину—подстрекателю къ разгрому магазина Брезнера: „Вотъ жидки радуются данной имъ свободѣ, а черезъ часъ имъ всѣмъ головки снимутъ"). Къ нимъ вскорѣ присоединился знакомый Гладкова, который, по его собственнымъ словамъ, бѣжалъ изъ Севастополя, такъ какъ тамъ его хотѣли убить. Когда Гладковъ куда-то удалился и свидѣтель остался наединѣ съ севастопольскимъ господиномъ, послѣдній, между прочимъ, шепнулъ свидѣтелю на ухо: „Уже собираются ребята". „А позади насъ, разсказываетъ свидѣтель, стояло нѣсколько подозрительныхъ личностей, имѣвшихъ видъ хулигановъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ въ матросской формѣ. Всѣ эти личности то подходили къ знакомому Гладкова (севастопольцу), то отходили отъ него. Онъ, повидимому, давалъ имъ какія-то инструкціи. Кромѣ того, я хорошо слышалъ, какъ этотъ самый господинъ сказалъ подошедшему къ нему человѣку въ матросскомъ костюмѣ, чтобы кто нибудь изъ нихъ пошелъ въ противоположную сторону и крикнулъ: „бей жидовъ", и чтобы въ это же самое время крикнулъ и съ этой стороны, гдѣ сидѣли мы. Нѣсколько времени спустя, сбоку кто-то свистнулъ и послышался возгласъ. Это вызвало на бульварѣ общее смятеніе. Когда я обернулся, то „севастопольца" уже не замѣтилъ". Тотъ же „севастополецъ" дѣйствовалъ и 18 октября—въ день погрома. Въ этотъ день свидѣтель видѣлъ его въ рядахъ патріотической манифестаціи, недалеко отъ портрета. Онъ подошелъ къ свидѣтелю и между прочимъ сказалъ ему: „Вотъ ребята собираются; если вчера не было ничего, то сегодня что нибудь будетъ". И „сегодня" дѣйствительно „было": работа „севастопольца", Гладкова и всей ихъ компаніи не пропала даромъ—погромъ вышелъ на славу. Дѣйствовала ли эта компанія по соглашенію съ полиціею или самостоятельно—на судѣ не было выяснено. Возможно,

что „севастополецъ" послужилъ связующимъ звеномъ между симферопольскими громилами и полиціей—съ одной стороны, и иногородней погромной организаціей—съ другой. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, то, что всѣ дѣйствовали дружно и погромъ былъ состряпанъ вполнѣ „чисто".

Много характернаго изъ области полицейской провокаціи было обнаружено въ дѣлѣ о екатеринославскомъ погромѣ, разбиравшемся въ Екатеринославѣ 19—21 октября 1907 года. Обвинительный актъ по этому дѣлу устанавливаетъ, что поводъ къ погрому дали сами евреи. „Въ городѣ распространились упорные слухи, нашедшіе себѣ подтвержденіе въ свидѣтельскихъ показаніяхъ,—что евреи начинаютъ издѣваться надъ православной вѣрой, привязываютъ кресты на шеи собакъ, нападаютъ на церкви, стрѣляя по нимъ въ то время, когда въ церквахъ находились молящіеся. Благодаря всему этому, враждебность и негодованіе противъ евреевъ со стороны православнаго населенія начинала мало по малу зарождаться и развиваться; нуженъ былъ лишь малѣйшій поводъ, чтобы вражда перешла въ насильственныя дѣйствія". Поводомъ послужила будто бы стрѣльба евреевъ по патріотической манифестаціи. Все это удостовѣрили на предварительномъ слѣдствіи свидѣтели: полицеймейстеръ Хлобощинъ, пристава, околоточный надзиратель и городовые. Однако, на судѣ, послѣ показаній другихъ свидѣтелей—не принадлежащихъ къ полиціи, отъ данныхъ обвинительнаго акта не осталось почти ничего. Прежде всего, было удостовѣрено, что душою погрома былъ околоточный надзиратель Никифоръ Кузнецовъ, который, обращаясь къ толпѣ, сказалъ: „Что вы стоите? Идите, бейте и рѣжьте жидовъ. Это разрѣшаетъ Царь и губернаторъ". Когда же толпа возражала, что жидовъ трудно бить, такъ какъ они стрѣляютъ, то Кузнецовъ отвѣтилъ: „Если боитесь, то дайте мнѣ шапку и пальто и я вмѣстѣ съ вами пойду бить жидовъ"; при этомъ говорилъ, что евреи противъ Царя и религіи, что евреи разгромили мѣстный женскій монастырь и привязываютъ кресты на шеи собакъ.

Такая роль околоточнаго Кузнецова въ погромѣ дѣлаетъ вполнѣ понятными показанія остальныхъ полицейскихъ, обвиняющихъ во всемъ евреевъ. Но и отъ всѣхъ ихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, остался на

судѣ одинъ только голый фактъ участія полиціи въ погромѣ. Такъ, по поводу обвиненія евреевъ въ стрѣльбѣ въ церковь, свидѣтель священникъ Разногорскій удостовѣрилъ, что это ложь, что стрѣляли около церкви казаки; а другой свидѣтель—Бондаренко, служащій звонаремъ въ Успенской церкви, показалъ, что въ то время, когда около церкви никого не было, стрѣлялъ одинъ человѣкъ, похожій на русскаго, но, во всякомъ случаѣ, не еврей. Такова же степень достовѣрности показаній о крестахъ, которые евреи вѣшали на шеи собакъ. Объ этомъ между прочимъ говорилъ на судѣ свидѣтель, членъ окружного суда В. В. Розаліонъ-Сошальскій, начавшій свои показанія о евреяхъ въ такомъ тонѣ, что предсѣдатель предложилъ ему „быть немного корректнѣе". Этотъ свидѣтель показалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ мимо него пробѣжала собачка, у которой на шеѣ на красномъ шнуркѣ висѣлъ крестикъ. Однако, при болѣе подробномъ допросѣ выяснилось, что свидѣтель видѣлъ собачку только издали и могъ только объяснить, что то, что висѣло у нея на шнуркѣ, „было похоже на крестикъ, но издали, какой онъ именно, разсмотрѣть я не могъ". То же самое произошло со слухами о царскомъ портретѣ, будто бы уничтоженномъ евреями въ думѣ: городской голова Эзау показалъ, что онъ самъ распорядился вынести портретъ изъ залы, во избѣжаніе случайности; и т. д., въ томъ же родѣ. А вѣдь на всѣхъ этихъ слухахъ и былъ основанъ екатеринославскій погромъ, давшій около 200 убитыхъ и раненыхъ. Какъ бы то ни было, но всѣ свидѣтели единодушно удостовѣрили роковую роль на погромѣ околоточнаго Кузнецова, который не только подстрекалъ толпу къ погрому, но и самъ руководилъ убійствами и грабежами, всюду появляясь съ револьверомъ въ рукѣ, грозя попадавшимся евреямъ смертью и натравливая на нихъ не только громилъ, но и солдатъ военной охраны, также участвовавшихъ въ погромѣ [1]). Приговоръ суда, коимъ Кузнецовъ присужденъ къ $1^1/_2$ годовому заключенію въ арестантскихъ ротахъ, послужитъ лучшимъ памятникомъ екатеринославской провокаціи.

---

[1]) Дѣло о екатеринославскомъ погромѣ. „Приднѣпр. Край", 21, 24 и 25 окт. 1907 г.

Въ Черниговѣ бездѣйствіе властей во время погрома было признано въ офиціальномъ засѣданіи городской думы, 24 октября, но обстоятельства погрома указываютъ на то, что за этой общей характеристикой роли властей въ октябрьскіе дни скрывается болѣе опредѣленное понятіе. Все населеніе города получило убѣжденіе, что погромъ былъ несомнѣнно организованъ при участіи какихъ-то офиціальныхъ лицъ.

Темныхъ личностей набралось въ городѣ очень много, ихъ часто видѣли въ интимныхъ бесѣдахъ съ городовыми. Городовые за день-два передъ погромомъ усиленно шныряли по базару среди крестьянъ и вели съ ними бесѣды. Одинъ фактъ приглашенія городовымъ крестьянина на погромъ въ воскресенье установленъ съ несомнѣнностью.

Въ самый день погрома, когда толпа народа стояла передъ полицейскимъ управленіемъ и приставъ просилъ ее разойтись, крестьяне кричали: „Сами звали на воскресенье, а теперь кричите—разойдись"!

Всѣ бывшіе въ городѣ крестьяне были убѣждены въ томъ, что губернаторъ „разрѣшилъ грабить жидовъ въ теченіе трехъ дней". Въ консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ крестьянинъ П—нъ изъ Новаго Бѣлоуса заявилъ слѣдующее: когда его односельчане И. Е., М. П. и П. Б. въ воскресенье рано возвращались изъ города домой, ихъ остановилъ на улицѣ какой-то полицейскій чиновникъ и убѣждалъ не расходиться рано, а то мало народу останется и „не выйдетъ дѣла". По утвержденію того же крестьянина, жители с. Н.—Бѣлоуса вернулись въ воскресенье домой съ полной вѣрой, что губернаторъ позволилъ бить и убивать всѣхъ [1]).

Участіе полиціи въ организаціи Керченскаго погрома было установлено при разборѣ въ Одесской судебной палатѣ дѣла четырехъ крестьянъ, обвинявшихся въ этомъ погромѣ. При допросѣ свидѣтелей выяснилось, что обвиняемые дѣйствовали подъ вліяніемъ наущеній полиціи. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно разоблаченіе керченскаго городского головы г. Кристи, случайно открывшаго, что мѣстной жандармской властью была получена шифрованная телеграмма,

---

[1]) Корреспонденція изъ Чернигова. „Право", 1905 г., № 48—49.

въ которой сообщалось о посылкѣ въ Керчь 25 „тайниковъ“ (агентовъ тайной полиціи) для учиненія погрома. О судьбѣ этого разоблаченія стало извѣстно изъ рѣчи депутата М. М. Винавера въ первой Государственной Думѣ, произнесенной имъ 26 іюня во время обсужденія запроса о бѣлостокскомъ погромѣ. М. М. Винаверъ разсказалъ тогда, что, по поводу этого разоблаченія мѣстныя судебныя власти сдѣлали представленіе министру юстиціи о производствѣ выемки изъ телеграфнаго вѣдомства. Бывшій тогда министромъ юстиціи т. с. Манухинъ сообщилъ депутату въ присутствіи его товарища, что онъ передалъ объ этомъ генералу Трепову, который заявилъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ и что нужно произвести слѣдствіе. Но прошло съ тѣхъ поръ 8 мѣсяцевъ и М. М. Винаверъ узналъ, что и телеграмма о „тайникахъ“ и свѣдѣнія о ней исчезли изъ самаго дѣла.

То же самое установлено разборомъ дѣла о нижегородскомъ погромѣ, слушавшагося 7—11 декабря 1906 года въ нижегородскомъ окружномъ судѣ. Здѣсь, по словамъ „Права“, была раскрыта и организація погрома. Свидѣтели установили, что всѣ избивающіе были вооружены одинаковыми новенькими дубинами. Послѣ погрома, чернорабочіе и хулиганы, принимавшіе въ немъ участіе, жаловались, что имъ обѣщали дать денегъ больше, да надули. Погромъ начался послѣ того, какъ полицеймейстеръ подошелъ къ кучкѣ погромщиковъ и что-то имъ сказалъ. Казаки помогали громить; они сваливали человѣка на землю нагайками, а затѣмъ набрасывалась толпа и избивала на смерть [1].

Въ закончившемся въ іюнѣ 1907 г. процессѣ о житомирскомъ погромѣ, рядъ свидѣтелей, занимающихъ видное общественное положеніе, подтвердилъ организацію погрома и установилъ фактъ распространенія прокламацій съ призывомъ убивать евреевъ; прокламаціи были выпущены за подписью „Ерема“, подъ которой скрывался одинъ чиновникъ губернскаго правленія. Провоцированіе погрома выразилось въ упорно распространявшихся слухахъ, будто евреи собираются вырѣзать христіанъ и взорвать православный и католическій соборы. Предъ самымъ погромомъ пущена

[1]) „Право“, № 52 за 1906 г.

была въ обращеніе легенда о стрѣльбѣ евреевъ въ царскій портретъ, опровергнутая съ первыхъ словъ рядомъ свидѣтелей.

Группа свидѣтелей-крестьянъ вмѣстѣ со священникомъ и сельскимъ старостою удостовѣрила чрезвычайно важное обстоятельство. Съ самаго начала погрома въ окрестныя села Барышевку, Соколовку и Александровку пришли изъ Житомира гонцы со страшными сообщеніями, что евреи вырѣзали и рѣжутъ христіанъ и что требуется помощь. Возбужденные крестьяне, наскоро вооружившись вилами и кольями, съ сельскимъ старостой изъ Барышевки во главѣ, спѣшно двинулись въ городъ спасать оставшихся въ живыхъ православныхъ. Староста наивно разсказываетъ, какъ онъ запасся большимъ „дрючкомъ".

— Прибывъ въ городъ, мы убѣдились,—говоритъ онъ, — что произошелъ большой обманъ. Оказывается, насъ звали на погромъ и грабежи. Многіе остались въ городѣ, а другіе вернулись [1]).

Но не довольно ли. Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно для того, чтобы судить, какую роль играла полиція во время октябрьскихъ погромовъ. Что касается остальныхъ, не перечисленныхъ здѣсь, погромныхъ мѣстъ, то почти нѣтъ ни одного изъ нихъ, въ которомъ не было бы указаній, вродѣ только что приведенныхъ.

Полицейская провокація была разлита въ октябрьскіе дни повсюду. Не избѣжали ея и обѣ столицы, гдѣ полиція дѣйствовала по тому же шаблону, что и ея провинціальные коллеги.

Въ Петербургѣ, по сообщенію „Нашей Жизни", полиція ходила по лавкамъ Сѣнного рынка и убѣждала приказчиковъ, говоря, что свободы добиваются „жиды да поляки", что „русскій человѣкъ всегда стоялъ и стоитъ за царя"; при этомъ, обѣщались деньги. Въ результатѣ, ночью, 18-го октября, приказчиками было организовано избіеніе проѣзжающихъ по Сѣнной площади студентовъ и штатскихъ; избито было около 40 чел.; въ этомъ избіеніи помогали и дворники спасскаго переулка (что возлѣ Сѣнного рынка),

---

[1]) „Рус. Слово" 20 и 21 іюня 1907 г. Телеграфный отчетъ о житомирскомъ процессѣ.

городовые же, стоявшіе возлѣ Спасской церкви, невозмутимо оставались на своихъ мѣстахъ, не вмѣшиваясь въ разыгрывавшіяся на ихъ глазахъ сцены.

По поводу этого избіенія, въ „Руси“ было напечатано „торговцемъ съ Сѣнной“ письмо, уличающее полицію въ организаціи погрома. Письмо это рисуетъ настолько характерные для разсматриваемаго явленія штрихи, что мы приведемъ его цѣликомъ:

„М. Г. Я читалъ въ вашей газетѣ обвиненіе торговцевъ Сѣнной площади за нѣкоторые безпорядки 18 октября и въ избіеніи студентовъ у семеновскаго моста. Означенное обвиненіе грустно ложится на тѣхъ торговцевъ, которые вовсе этого не желаютъ. Я тоже торговецъ Сѣнной площади, и мнѣ слышать подобное обвиненіе всѣхъ личностей грустно и обидно; и такихъ есть много. Нужно искать главныхъ виновниковъ въ избіеніи студентовъ и ихъ обвинять, а найти этихъ виновниковъ очень просто: это—полиція. Я очевидецъ всего этого, сообщаю фактъ. Приставъ и околоточный надзиратель ходили по Сѣнной по торговцамъ, торгующимъ мясомъ, рыбой и др. продуктами и мануфактурными товарами, просили дать отпоръ манифестантамъ краснаго флага и указывали, что это дѣлаютъ жиды и студенты, которыхъ надо бить. Конечно, торговцы съѣстными продуктами не должны ослушиваться полицію, ради ихъ боязни быть запротоколенными за гнилые продукты, почему просьба полиціи бить жидовъ и студентовъ принята сочувственно со словами: „постараемся“.

Это было сдѣлано на дѣлѣ. Кто были подчиненные полиціи, а кто были подчиненные своимъ хозяевамъ, а кто были просто мало свѣдующіе и увлеченные подстрекателями со стороны хозяевъ и полиціи, а главное, болѣе всего виновата полиція, что не вразумила торговцевъ къ спокойному водворенію порядка. Даже г. градоначальникъ, бывши на крестномъ ходу 23 октября на Сѣнной площади, не внушилъ торговцамъ Сѣнной, какъ вести порядокъ, а сказалъ небольшую рѣчь, т. е. благодарилъ торговцевъ Сѣнной за ихъ чувство къ государю, а главное—объ избіеніи студентовъ 18 и 19 октября не внушалъ ни единымъ словомъ. По отъѣздѣ г. градоначальника, мнѣ хвастались торговцы-мясники и рыбники, что, молъ, намъ градоначальникъ ска-

залъ „спасибо“ и приставъ благодарилъ, что мы дали трепку студентамъ. Это такъ было фактомъ и сущая правда, но только то неправда—не всѣ торговцы исполняли просьбу полиціи, какъ у васъ, г. редакторъ, обвиняются всѣ торговцы Сѣнной площади. Были и сейчасъ есть много торговцевъ, которые противъ этого поступка“.

То же самое происходило и въ Москвѣ. Московскіе газеты сообщали, что 21-го октября по Замоскворѣчью и по Моховой улицѣ ходили по домамъ полицейскіе и чрезъ дворниковъ приглашали обывателей принять участіе въ назначенной въ тотъ день грандіозной манифестаціи „тѣхъ, кто за царя“, съ обязательнымъ участіемъ дворниковъ. Зная, для какой цѣли организовывались всегда патріотическія манифестаціи, легко догадаться, къ чему клонились приглашенія полиціи. Еще яснѣе намѣренія полиціи выражены въ слѣдующемъ документѣ, опубликованномъ „Московскою газетою“:

„Телеграмма городского полицейскаго телеграфа, полученная 18 октября 1905 года въ 12 час. 40 мин. вечера. Срочно. Циркулярно. Гг. приставамъ. Внушить всѣмъ околоточнымъ и городовымъ, чтобы они въ случаѣ патріотическихъ манифестацій не оказывали сопротивленія, а наоборотъ—содѣйствовали бы охраненію порядка. Градоначальникъ баронъ Медемъ“.

Еще со времени Плеве населеніе знаетъ, что̀ скрывается подъ скромными словами: „не препятствовать патріотическимъ манифестаціямъ“, и поэтому Москва не безъ основанія съ тревогою ждала погрома, организованнаго съ широкимъ столичнымъ размахомъ.

Ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ приготовленія полиціи ни къ чему, однако, не привели: большихъ погромовъ въ столицахъ не было, несмотря на то, что они нѣсколько разъ назначались, а въ Петербургѣ на 30 октября были составлены даже списки домовъ и квартиръ, въ которыхъ жили намѣченные для истребленія евреи и извѣстные дѣятели, принимавшіе видное участіе въ освободительной борьбѣ. Все въ обѣихъ столицахъ ограничилось неистовствами полиціи и войскъ на улицахъ, во время демонстрацій, на митингахъ, частичными погромами, вродѣ погрома на Сѣнной въ Петербургѣ, да безобразіями поощрявшихся безнаказанностью

хулигановъ, дѣлавшихъ въ октябрьскіе дни небезопаснымъ проживаніе на окраинахъ. Повидимому, болѣе широкая организація здѣсь „взрывовъ народнаго негодованія“—по образцу провинціи—не входила въ разсчеты тѣхъ, кому „сіе вѣдать надлежитъ“: Какъ то неудобно было устраивать массовое кровопусканіе на глазахъ Европы — иностранныхъ пословъ, корреспондентовъ заграничныхъ газетъ и многочисленныхъ колоній иностранцевъ.

IV.

Провокація.

II.

Если въ октябрьскіе дни погромщики подготовляли истребленіе населенія за спиною послѣдняго, и, во время погромовъ тайное руководительство громилами и подстрекательство ихъ предпочитали открытому выступленію, то въ серіи погромовъ 1906 года и эта церемонія была ими оставлена, и организацію погромовъ они вели совершенно открыто. Особенно рѣзко это бросается въ глаза въ бѣлостокскомъ и сѣдлецкомъ погромахъ.

Думская комиссія, производившая разслѣдованіе бѣлостокскаго погрома, въ своемъ докладѣ [1]) Государственной Думѣ прежде всего обратила вниманіе на планомѣрность погрома. „О погромѣ знали, къ погрому готовились, погромомъ грозили и даже указывали день его, слѣдовательно, онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, не вспышкой на національной или религіозной почвѣ“. И выдумки о злодѣйствахъ евреевъ, распространявшіяся низшими полицейскими чинами до погрома, и пріуроченіе погрома ко дню христіанскихъ религіозныхъ процессій, когда фанатичная толпа особенно чутко и религіозно настроена, и настроеніе, господствовавшее среди солдатъ и низшихъ полицейскихъ чиновъ и выражавшееся во время погрома въ безразсудной жесто-

[1]) Коммисія по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ. Докладъ о Бѣлостокскомъ погромѣ. (Изъ матеріаловъ I-й Госуд. Думы).

кости, и одновременное возникновеніе погрома во всѣхъ частяхъ города изъ-за произведенныхъ будто бы въ процессію выстрѣловъ—все говоритъ о предварительной подготовкѣ и организаціи погрома. Кѣмъ же былъ подготовленъ и организованъ погромъ?—спрашиваетъ комиссія. Разсматривая поведеніе мѣстныхъ властей, думская комиссія недоумѣваетъ, чѣмъ вызваны были по меньшей мѣрѣ странныя дѣйствія гродненскаго губернатора г. Кистера. „Еще до погрома,— говоритъ она, — представители еврейскаго общества сообщаютъ ему о тревожномъ состояніи города и предполагаемомъ погромѣ, указываютъ на пристава Шереметова, какъ на лицо, которое даже опредѣлило день начала погрома,—на лицо, облеченное властью и враждебное еврейскому населенію. Но губернаторъ говоритъ представителямъ, настаивавшимъ на удаленіи Шереметова, что это единственный у него смѣлый и энергичный чиновникъ. Наступаетъ день погрома Губернаторъ днемъ пріѣзжаетъ въ Бѣлостокъ и продолжительное время остается на вокзалѣ, затѣмъ ѣдетъ въ полицейское управленіе на свиданіе съ Богаевскимъ, а потомъ быстро исчезаетъ изъ Бѣлостока и направляется въ городъ Вильну къ ген.-губернатору. Проѣзжая по городу, губернаторъ видитъ раненыхъ, трупы на улицѣ, а на вокзалѣ производится избіеніе хулиганами евреевъ, но онъ не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ къ прекращенію, онъ точно чуждъ всему этому, онъ точно безсиленъ и не облеченъ властью“. Силясь разгадать это поведеніе губернатора, комиссія дѣлаетъ два предположенія: или губернаторъ зналъ о готовящемся погромѣ и не прекратилъ уже возникшій погромъ въ силу того, что онъ долженъ произойти, такъ какъ это нужно, такъ приказано; или же губернаторъ самъ былъ лишенъ власти кѣмъ-то другимъ, тайно, негласно и притомъ, безъ вѣдома его самого. Далѣе, коммиссія обращаетъ вниманіе на то, что несмотря на обѣщаніе министра внутреннихъ дѣлъ (Столыпина), данное членамъ думы гг. Якубсону и Шефтелю утромъ 2-го іюня—немедленно послать телеграмму о принятіи „дѣйствительныхъ мѣръ“—мѣры не были приняты, и съ 5 ч. дня 2-го іюня до утра 3-го іюня въ Бѣлостокѣ было особенно много разстрѣляно евреевъ. „Значитъ, говоритъ комиссія, на мѣстѣ не находили нужнымъ считаться съ этими министерскими предписаніями, а не

находили нужнымъ потому, что была какая-то особая власть, которая для нихъ была больше, чѣмъ власть министра, которая болѣе гарантировала имъ безнаказанность и санкціонировала ихъ преступную дѣятельность. Сводя къ одному итогу дѣятельность губернатора и недѣйствительность „дѣйствительныхъ мѣръ“ министра, нужно признать, что въ организаціи погрома участвовала какая-то тайная власть, можетъ быть извѣстная, а можетъ быть и неизвѣстная явной власти“.

Обращаясь къ мѣстнымъ бѣлостокскимъ властямъ, комиссія подтверждаетъ, что съ перваго же момента погрома полиція не только не принимала никакихъ мѣръ къ прекращенію его, но въ лицѣ низшихъ агентовъ своихъ разжигала темныя силы, распуская слухи о злодѣяніяхъ евреевъ въ отношеніи участниковъ религіозной процессіи, сама принимала дѣятельное участіе въ учиненіи погрома и разграбленіи имущества; приняла на себя роль опредѣлителя качествъ революціонера и распоряжалась разстрѣливаніемъ этихъ лицъ; предводительствовала шайками хулигановъ при разгромѣ магазиновъ и допускала хулигановъ совершать убійства и звѣрства надъ евреями.

Наконецъ, военныя власти, неизвѣстно, на основаніи чьего распоряженія, приняли полную власть надъ городомъ до введенія военнаго положенія, предоставили въ распоряженіе городовыхъ вооруженныхъ солдатъ, которые, частью по указанію городовыхъ, частью — хулигановъ, а частью — по собственному побужденію, разстрѣливали безоружныхъ евреевъ, не только не оказывавшихъ никакого сопротивленія, но въ страхѣ скрывавшихся на чердакахъ, въ садахъ, сараяхъ и проч.

Подъ этими крайне осторожными выраженіями парламентской комиссіи, сознававшей, какое громадное значеніе будутъ имѣть ея выводы, скрывается гораздо болѣе яркая дѣйствительность, говорящая о самой беззастѣнчивой провокаціи, ведшейся передъ погромомъ.

Комиссія установила, что еще 30 мая въ одной изъ полковыхъ канцелярій фельдфебелямъ было приказано сообщить солдатамъ, что 1 іюня будутъ православная и католическая процессіи, что евреи бросятъ бомбу и будетъ погромъ.

Когда же пріѣзжали отряды войска въ городъ, то солдаты-евреи не попали въ нихъ, а были оставлены въ лагеряхъ [1]).

Еще до погрома была выработана дислокація войскъ, городъ былъ раздѣленъ на сѣверную и южную части, и назначены командующіе каждой части: сѣверною — полковникъ Войцеховскій, южною—подполковникъ Буковскій. Все было приготовлено и предусмотрѣно.

Войска подготовлялись къ погрому не только путемъ офиціальныхъ приказовъ, но и при помощи усиленной пропаганды, носившей, впрочемъ, также почти офиціальный характеръ — на прокламаціяхъ, которыми забросаны были солдаты бѣлостокскаго гарнизона, стояла внушительная помѣтка: „Дозволено цензурою. Одесса, 14 января 1906 года, Типографія штаба одесскаго военнаго округа“. Излишне говорить, что прокламаціи были направлены противъ евреевъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ призывали солдатъ къ истребленію ихъ. Приводимая въ докладѣ о Бѣлостокскомъ погромѣ одна изъ такихъ прокламацій неистово взываетъ:

„Уже они, братцы, и знамя свое выбросили у насъ на Руси, знамя красное, и сбираютъ подъ нимъ разный темный людъ, кого подкупомъ, аль обманомъ, иль другими посулами, и прутъ противъ нашего Батюшки-Царя, чтобы сломить въ немъ силу русскую, а затѣмъ объявить на Руси своего царя жидовскаго или сіонскаго. А потомъ, братцы, они и вѣру нашу христіанскую порушатъ, какъ порушили и убили Христа“...

Заканчивается эта прокламація яростнымъ призывомъ: „Прочь, долой всю вражью жидовску новизну! Русскій солдатъ! На врага! Впередъ! Впередъ! Впередъ! Идетъ! Идетъ! Идетъ“! [2]).

А вотъ характеристика администраціи, дѣлаемая думской комиссіей. Послѣ убійства полицеймейстера Деркачева, котораго любило все населеніе, въ томъ числѣ и еврейское, выдающееся положеніе въ бѣлостокской полиціи занялъ приставъ Шереметовъ, ненавидѣвшій евреевъ. Еврейской депутаціи, явившейся для возложенія вѣнка на гробъ Дер-

---

[1]) Докладъ о Бѣлостокскомъ погромѣ. Приложеніе № 2; матеріалы, собранные членами думской коммисіи. Показаніе № 30, стр. 16.

[2]) Докладъ о Бѣлостокскомъ погромѣ. Приложеніе № 1.

качева, Шереметовъ, противившійся возложенію вѣнка, безъ обиняковъ заявилъ: „Если вы все-таки возложите вѣнокъ на гробъ, то будете черезъ два дня жалѣть объ этомъ, все еврейское населеніе будетъ жалѣть объ этомъ". Такъ же относился къ евреямъ и губернаторъ г. Кистеръ. Явившейся къ нему еврейской депутаціи онъ заявилъ, что полиція ненавидитъ евреевъ, что убійцы Деркачева, несомнѣнно, евреи. „Мнѣ ежедневно, говорилъ губернаторъ, приходится разсматривать политическія дѣла, и все это дѣла евреевъ; евреи и въ солдатъ стрѣляютъ, и злоба въ войскахъ растетъ, и можетъ наступить моментъ, когда съ разросшейся въ войскѣ злобой нельзя будетъ справиться". При этомъ губернаторъ объявилъ, что за четвергъ, 1 іюня, онъ ручается, но за будущее—нѣтъ, и т. д. Такихъ же взглядовъ былъ и мѣстный генералъ фонъ-Бадеръ, командовавшій войсками бѣлостокскаго гарнизона.

Словомъ, въ томъ, что погромъ былъ подготовленъ властями, не сомнѣвался никто. Въ Бѣлостокѣ это убѣжденіе было настолько непоколебимо, что городская дума, въ частномъ засѣданіи 5 іюня, созванномъ по поводу погрома, единогласно установила „отсутствіе національной вражды, чью-то провокацію и содѣйствіе погрому со стороны полиціи и войскъ", о чемъ телеграфировалъ члену государственной думы М. М. Винаверу одинъ изъ участниковъ думской комиссіи, депутатъ Якубсонъ.

Насколько основательно было это убѣжденіе, столь широко распространенное въ населеніи Бѣлостока, показываетъ безчисленный рядъ собранныхъ думскою комиссіей свидѣтельскихъ показаній, изъ коихъ мы приведемъ здѣсь показанія только однихъ свидѣтелей-христіанъ и то лишь небольшой части ихъ. Хотя показанія многихъ евреевъ гораздо болѣе ярки и подробны, но, въ виду исключительнаго положенія еврейскаго населенія, мы этихъ показаній не приводимъ, во избѣжаніе обвиненій въ односторонности и пр. [1]).

---

[1]) Въ напечатанныхъ комиссіею показаніяхъ, имена и фамиліи свидѣтелей не обозначены, но комиссія удостовѣряетъ, что въ хранящихся при дѣлахъ комиссіи подлинникахъ, въ каждомъ показаніи обозначены имена, фамиліи и мѣстожительство; показанія грамотныхъ подписаны ими.

Желѣзнодорожный служащій показалъ, что дежурный по станціи Бѣлостокъ Б. Ж. Д.—Егоровъ, въ присутствіи жандармской полиціи и контролера телеграфа Ріо, говорилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ человѣкъ въ цивильномъ платьѣ съ двумя полицейскими, прежде, чѣмъ возвращалась католическая процессія, стрѣлялъ вверхъ. Потомъ онъ вошелъ на паперть и, когда католическая процессія поравнялась, опять выстрѣлилъ, и полиція не мѣшала [1]).

Такіе же выстрѣлы были произведены городовымъ. Объ этомъ разсказалъ свидѣтель, бывшій очевидцемъ. Когда католическій крестный ходъ приблизился къ церкви и раздались крики: „стрѣляютъ, бьютъ окна камнями", свидѣтель замѣтилъ полицейскаго, стоящаго на тротуарѣ, рыдающаго и скорбно жалующагося, что жиды, напавъ на православный крестный ходъ, бросили бомбу, причемъ убита бомбой его жена, а крестъ и хоругви поломаны напавшими евреями. „Тотчасъ же вблизи меня, разсказываетъ свидѣтель, послѣдовалъ выстрѣлъ. Я, встревоженный, отскочилъ и осматриваюсь, откуда стрѣляютъ. Быстро выстрѣлъ повторился и въ тотъ моментъ я замѣтилъ, что тотъ же рыдающій полицейскій стрѣляетъ вверхъ въ воздухъ, вывернувъ руку за свою спину. Дымъ отъ выстрѣловъ окружилъ полицейскаго. Тогда я обратился къ нему съ замѣчаніемъ, что ходъ приближается и онъ можетъ своими выстрѣлами кого нибудь ранить. Въ отвѣтъ полицейскій бросилъ мнѣ такую фразу: „идите поскорѣе, а то здѣсь будетъ не дай Богъ что". Вслѣдъ за этимъ начался бой оконъ въ еврейскихъ домахъ" [2]).

О такомъ же фактѣ, хотя произошедшемъ уже послѣ погрома, членъ думской комиссіи депутатъ Араканцевъ получилъ изъ Соколки телеграмму отъ 18 іюня 1906 г. слѣдующаго содержанія: „16 іюня, около 11 час. ночи, въ Бѣлостокѣ, на Моэсовскомъ переулкѣ, раздались револьверные выстрѣлы. Дежурный поручикъ угличскаго полка Петровъ отправился немедленно съ отрядомъ на развѣдку. Увидѣлъ двухъ городовыхъ №№ 176 и кажется 17, которые на окликъ не отозвались. Настигнувъ ихъ, поручикъ полу-

[1]) Приложеніе къ думскому докладу, № 1. Показаніе подъ № 5.

[2]) Приложеніе № 2, показаніе № 63.

чилъ отвѣтъ, что стрѣляли на сосѣдней Столецкой улицѣ. Заподозрѣвъ неправду, офицеры изслѣдовали револьверы городовыхъ и обнаружили свѣжіе слѣды сейчасъ произведенныхъ выстрѣловъ, въ чемъ городовые тутъ же и сознались и были отправлены офицеромъ въ полицію. Усматривая въ этомъ одинъ изъ актовъ провокаціи, населеніе боится дальнѣйшихъ подобныхъ попытокъ“ [1]). Телеграмма эта получена г. Араканцевымъ отъ лицъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, лично ему знакомыхъ и пользующихся уваженіемъ Бѣлостока, о чемъ г. Араканцевъ заявилъ въ засѣданіи Г. Думы 22 іюня.

Послѣ того, какъ рѣзня на улицахъ Бѣлостока уже была вызвана, полиція прибѣгала къ всевозможнымъ пріемамъ, чтобы втянуть въ нее какъ можно больше громилъ.

Въ то время, какъ одинъ свидѣтель стоялъ въ 5 час. вечера 1-го іюня на балконѣ гостинницы „Метрополь“ за опущенной гардиной, подошедшій къ толпѣ старшій околоточный надзиратель Б. сталъ сообщать ей, что въ „звѣринцѣ“ христоубійцы разрѣзали на 4 куска трехъ женщинъ и гвоздями прибили къ деревьямъ въ лѣсу. „Отомстите за это жидамъ, нужно за каждую женщину убить по тысячѣ жидовъ“—взывалъ онъ. А на утро этотъ же околоточный, въ гостиницѣ, говорилъ, что „жиды-революціонеры хотѣли ограбить всѣ богатые дома и только при помощи рабочихъ намъ удалось прекратить грабежъ со стороны жидовъ“; что „евреи, въ числѣ до 2 тысячъ человѣкъ, собрались и стрѣляли въ войска и убили много солдатъ“ [2]).

Городовые говорили громиламъ: „если вы не будете евреевъ бить, то они васъ будутъ бить“, причемъ указывали имъ еврейскіе дома. Послѣ этого толпа громилъ человѣкъ въ 100 двинулась по Александровской улицѣ, а вторая сначала разсѣялась, а потомъ снова собралась на Свинской площади [3]).

Православный рабочій, разсказывая о томъ, какъ полиція еще до погрома старалась поссорить рабочихъ-христіанъ съ рабочими-евреями на почвѣ конкуренціи въ работѣ,

---

[1]) Приложеніе № 1, стр. 19.
[2]) Приложеніе къ докладу думской комиссіи, № 4. Показаніе № 4.
[3]) Приложеніе № 1, показаніе № 29.

показалъ, что „много работалъ въ этомъ направленіи и помощникъ военнаго генералъ-губернатора полковникъ Тяжельниковъ, который на пожарномъ дворѣ сказалъ сходкѣ христіанскихъ работниковъ, что хотя онъ насилія вообще не допуститъ, но что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы христіане сами разсчитались съ еврейскими рабочими и какъ угодно разрѣшили наболѣвшій вопросъ о работѣ“ [1]).

Чтобы покончить съ бѣлостокскимъ погромомъ, отмѣтимъ еще одну подробность, лучше всего рисующую провокаторскія тенденціи, если можно такъ выразиться, господствовавшія во время этого погрома. Упомянутый выше г. Ан—скій разсказываетъ, что не прошло и получаса послѣ пріѣзда его къ гостиницѣ, въ которой онъ остановился, какъ вблизи раздался выстрѣлъ (это было 3 іюня, когда погромъ уже почти прекратился). Тотчасъ же распространился слухъ, что стрѣляли изъ ближайшаго дома анархисты. Солдаты уже приготовились стрѣлять, но въ это время изъ дома, гдѣ раздался выстрѣлъ, выбѣжалъ адвокатъ г. Рубановскій и, остановивъ подъѣзжавшаго губернатора, указалъ ему офицера, который только что стрѣлялъ. Офицеръ отвѣчаетъ: „это доска упала, а не выстрѣлъ былъ“. Губернаторъ уѣхалъ, а въ квартиру Рубановскаго ворвался другой офицеръ владимірскаго полка прапорщикъ Миллеръ и, выстрѣливъ въ дочь его, тяжело ранилъ ее — „за доносъ“. Произошло это на глазахъ г. Ан—скаго. Командиръ владимірскаго полка во всеподданнѣйшемъ докладѣ о событіяхъ въ Бѣлостокѣ отрицалъ этотъ фактъ, отрицало его и „Новое Вр.“. Но въ государственной думѣ, когда тамъ происходило обсужденіе запроса о бѣлостокскомъ погромѣ, депутатъ И. Н. Пустошкинъ, опираясь на свидѣтельство своего брата—офицера бѣлостокскаго гарнизона, на ротмистра Рубинштейна и др. лицъ, удостовѣрилъ, что этотъ фактъ имѣлъ мѣсто и что дочь г. Рубановскаго умерла отъ полученной раны.

Въ доставленныхъ думской комиссіи дополнительныхъ матеріалахъ о погромѣ, тотъ же депутатъ г. Пустошкинъ приводитъ показаніе двухъ лицъ, бесѣдовавшихъ съ пол-

[1]) Тамъ же, показаніе № 41.

ковникомъ мѣстнаго гарнизона. Названный полковникъ сообщилъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, что изъ департамента полиціи въ Бѣлостокѣ еще до погрома было получено сообщеніе о томъ, что нужно ждать погрома, который хотятъ организовать революціонеры. На вопросъ одного изъ свидѣтелей, давшихъ это показаніе, какъ могли знать самый день погрома, полковникъ отвѣтилъ, что, естественно ожидали погрома въ тотъ день, такъ какъ этотъ день по своей праздничной обстановкѣ являлся для погрома самымъ благопріятнымъ. Сопоставляя это сообщеніе съ приказомъ, отданнымъ фельдфебелямъ въ полковой канцеляріи, не трудно догадаться, кому нуженъ былъ погромъ и откуда исходили погромные лозунги.

Впрочемъ, въ такихъ сопоставленіяхъ и догадкахъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ въ распоряженіи думской комиссіи имѣются показанія свидѣтелей, прямо говорящія о предварительной подготовкѣ погрома и о заранѣе назначенномъ для него днѣ.

Лицо, служащее по судебной части, показало, что погромъ въ Бѣлостокѣ былъ назначенъ на 1-е іюля, о чемъ свидѣтелю говорилъ еще 23 мая покойный полицеймейстеръ Деркачевъ. Приставъ Шереметовъ, въ бесѣдѣ съ тѣмъ же свидѣтелемъ, того же 23 мая, сообщилъ ему, что ему точно извѣстно, что въ высшихъ сферахъ рѣшено всѣхъ до единаго жидовъ въ Бѣлостокѣ и даже во всей Россіи перестрѣлять и перерѣзать 1 и 2 іюня [1]).

Военный полицейскій чинъ въ отставкѣ Ч. высказалъ комиссіи такой взглядъ на произошедшую катастрофу: „Погромъ въ Бѣлостокѣ—чисто провокаторскій и подготовленный давно. Главный провокаторъ—Шереметовъ. Еще до убійства Деркачева чуть было не случилось погрома: 21 мая на базарѣ солдатъ не заплатилъ за стаканъ минеральной воды, далъ жиду въ морду и сталъ кричать: „Нашихъ бьютъ“! Пріѣхалъ полицеймейстеръ и предупредилъ погромъ. Деркачева за это убили. Для погрома былъ избранъ день процессіи въ расчетѣ на крестьянъ, но кресть-

---

[1]) Приложеніе къ докладу думской комиссіи, № 3, показаніе № 46.

*

яне тотчасъ же разъѣхались, и грандіозный погромъ не удался“ [1]).

Любопытно разсказъ одного католика, показавшаго, что стоявшій у своего дома полковникъ Ласиніусъ говорилъ, что былъ циркуляръ по войскамъ, въ которомъ предупреждали, что евреи собираются захватить банкъ и всѣ учрежденія [2]). Другому свидѣтелю, также католику, полицейскіе еще раньше говорили, что, „евреи будутъ строить погромъ и что надо къ этому подготовиться“ [3]). Объ этомъ же происходили разговоры всюду: на фабрикахъ, среди прислуги, среди солдатъ, не говоря уже о низшей полицейской братіи. Мы привели здѣсь немногія показанія изъ цѣлой груды ихъ, собранной думской комиссіей, но и этихъ показаній болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы судить, какого происхожденія былъ бѣлостокскій погромъ.

И думская коммиссія, основываясь на собранномъ ею огромномъ матеріалѣ, не могла придти къ инымъ заключеніямъ, чѣмъ тѣ, которыя она представила Госуд. Думѣ. Вотъ эти заключенія:

1) Никакой племенной, религіозной или экономической вражды между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ Бѣлостока не существовало.

2) Нескрываемая вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась также и войскамъ на почвѣ обвиненія евреевъ въ участіи въ освободительномъ движеніи.

3) Погромъ былъ подготовленъ заранѣе, и объ этомъ задолго было извѣстно какъ администраціи, такъ и самому населенію.

4) Ближайшій поводъ къ погрому былъ такъ же заранѣе пріуготовленъ, предсказанъ властями и посему онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ вспышка религіознаго или національнаго фанатизма.

5) Дѣйствія войскъ и гражданскихъ властей во время погрома представляются явнымъ нарушеніемъ установленныхъ на сей предметъ законовъ, а равно и правилъ 7 февраля 1906 г. Это было систематическое разстрѣливаніе

---

[1]) Тамъ же, показаніе № 38

[2]) Приложеніе № 1, показаніе № 12.

[3]) Тамъ же, показаніе № 4.

мирнаго еврейскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, подъ видомъ усмиренія революціонеровъ, ибо никакихъ революціонныхъ дѣйствій, какъ толпы, такъ и отдѣльныхъ лицъ, которыя дали бы основанія для принятія мѣръ усмиренія,—не установлено.

6) Гражданскія и военныя власти не только бездѣйствовали, не только содѣйствовали погрому, но во многихъ случаяхъ, въ лицѣ низшихъ агентовъ, производили его сами въ видѣ убійствъ, истязаній и грабежей.

7) Офиціальныя донесенія въ изложеніи причинъ, поводовъ и хода событій (о стрѣльбѣ въ войска и христіанское населеніе, о революціонныхъ нападеніяхъ и т. п.), не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Казалось бы, къ этимъ суровымъ обвиненіямъ трудно было бы что нибудь прибавить,—до такой степени безпощадно они вскрываютъ внутреннее содержаніе погрома. Но дѣйствительность показала, что и здѣсь было сказано еще далеко не послѣднее слово. Сѣдлецкій погромъ прибавилъ новыя краски къ только что представленной картинѣ, а дорисовали картину, какъ это ни странно, уже не общественные избранники, не народные представители, разогнанные къ тому времени изъ Таврическаго дворца тѣми же властями, къ которымъ они предъявили только что приведенныя обвиненія, а... агенты правительства. Это были не тѣ немногіе правительственные чиновники, которые, вродѣ кн. Урусова и г. Кутлера, не выдержавъ „чистоты правительственной программы", отряхнули прахъ съ ногъ своихъ у пороговъ министерскаго кабинета и перешли въ „непріятельскій станъ". Нѣтъ, это были вѣрнѣйшіе слуги правительства, служившіе ему не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Но обстоятельства сѣдлецкихъ событій были таковы, что при всемъ своемъ желаніи угодить правительству и представить все дѣло въ обычномъ для правительственныхъ сообщеній о погромахъ видѣ „усмиренія войсками революціонеровъ", они этого сдѣлать не могли: факты были слишкомъ очевидны и скрыть ихъ не было никакой возможности, да и систему совершенной обнаженности дѣйствій они, повидимому, не одобряли. Мы говоримъ о жандармскомъ ротмистрѣ г. Пѣтуховѣ и чиновникѣ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ г. Губонинѣ, представившихъ

своему подлежащему начальству — варшавскому генералъ-губернатору и г. Столыпину — доклады о съдлецкомъ погромѣ.

Рапортъ ротмистра Пѣтухова хотя и не былъ офиціально опубликованъ правительствомъ, но, попавъ сначала на столбцы заграничной печати, а затѣмъ, перепечатанный русскими газетами и журналами, сдѣлался достояніемъ гласности и впослѣдствіи былъ приложенъ въ качествѣ документа къ запросу о сѣдлецкомъ погромѣ, внесенному во вторую сессію Государственной Думы. Отсюда мы и заимствуемъ описаніе сѣдлецкаго погрома.

Въ документѣ г. Пѣтухова мы имѣемъ рѣдкій случай узнать характеристику главнаго дѣятеля и виновника погрома, что способствуетъ полному уясненію всей картины сѣдлецкой трагедіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея былъ подполковникъ Тихановскій, назначенный 10 августа начальникомъ военной охраны г. Сѣдлеца. На слѣдующій же день послѣ своего назначенія, г. Тихановскій такъ отрекомендовалъ себя всему мѣстному начальству, что населеніе всего города могло считать себя обреченнымъ на истребленіе.

„11 августа, въ 12 ч. дня, разсказываетъ ротмистръ Пѣтуховъ [1]), я былъ потребованъ въ губернское жандармское управленіе, гдѣ находился уже полковникъ Вырголичъ, ротмистры Потоцкій и Григорьевъ, и. д. сѣдлецкаго полицеймейстера штабсъ-капитанъ Протопоповъ и начальникъ охраны подполковникъ Тихановскій. Происходило совѣщаніе о болѣе раціональной охранѣ города и о производствѣ въ Сѣдлецѣ повальныхъ обысковъ; послѣднее требовалось телеграммой главнаго начальника края. Подполковникъ Тихановскій тутъ же требовалъ указать ему нѣсколько почтенныхъ гражданъ Сѣдлеца, которые хотя сами и не принимаютъ активнаго участія въ революціонномъ движеніи, но такъ или иначе способствуютъ ему. Подполковникъ Тихановскій высказалъ намѣреніе посадить этихъ лицъ въ тюрьму, считая ихъ заложниками, и хотѣлъ объявить имъ, что, въ

---

[1]) Матеріалы II й Госуд. Думы. Запросъ о Сѣдлецкомъ погромѣ. № 108. Рапортъ жандарм. ротмистра Пѣтухова варшавскому ген.-губернатору.

случаѣ покушенія на кого-либо изъ служащихъ, они будутъ лишены жизни. Подполк. Тихановскій заявилъ, что онъ все беретъ на себя. На вопросъ же, какимъ образомъ заложники будутъ лишены жизни, онъ обратился къ полицеймейстеру съ вопросомъ, не найдется ли у него стражника, который, прикинувшись сумасшедшимъ, перестрѣляетъ заложниковъ въ тюрьмѣ, либо подсыплетъ имъ въ кушанье мышьяку. „На терроръ революціи мы должны отвѣтить еще болѣе сильнымъ терроромъ",—добавилъ подполковникъ Тихановскій. Никакія убѣжденія не дѣйствовали на него, онъ твердо стоялъ на своемъ, заявляя, что все беретъ на себя".

Какъ собирался г. Тихановскій производить повальные обыски, можно судить по его приготовленіямъ: онъ требовалъ, чтобы всѣ доктора были въ это время въ больницахъ, обѣщалъ приготовить лазаретныя линейки и настаивалъ на томъ, чтобы пожарная команда была наготовѣ. На вопросъ, къ чему всѣ эти приготовленія, Тихановскій заявилъ, что „могутъ быть убитые и раненые, такъ какъ пощады не будетъ и употребленіе оружія будетъ поощрено, могутъ случиться и пожары". Предвкушали кровопролитіе и драгунскіе офицеры, которые, узнавъ о предполагавшемся обыскѣ, потирали руки и громогласно заявляли: „Ужъ мы устроимъ имъ погромчикъ, пощады не будетъ". О томъ же шли толки и среди солдатъ.

Повальные обыски, назначенные на 13 августа, были, однако, отмѣнены, по причинѣ недостатка для этой операціи войскъ, хотя ротмистръ Пѣтуховъ уже выдалъ Тихановскому списки „извѣстныхъ своею преступною дѣятельностью лицъ", съ указаніемъ адресовъ.

Тѣмъ не менѣе, Тихановскій продолжалъ готовиться къ погрому и занимался составленіемъ инструкцій для войскъ; въ одной изъ такихъ инструкцій, между прочимъ, говорилось, что, съ наступленіемъ „тревоги" въ городѣ, телеграфъ прекращаетъ пріемъ частныхъ телеграммъ—„для того, чтобы жители не могли посылать телеграммъ о прекращеніи дѣйствія войскъ, когда мы будемъ ихъ проучать"—объяснилъ Тихановскій Пѣтухову.

Все еще не оставляя мысли о повальныхъ обыскахъ, Тихановскій говорилъ полицеймейстеру: „Пусть ротмистръ Пѣтуховъ и не думаетъ, что у насъ будутъ арестованные,

а отмѣченные въ его спискѣ навѣрное среди арестованныхъ не окажутся“.

О самомъ погромѣ, фактическую сторону котораго мы описали со словъ депутаціи сѣдлецкихъ гражданъ и подписавшихъ запросъ членовъ Государственной Думы, ротмистръ Пѣтуховъ разсказываетъ:

„26 августа, около 8½ часовъ вечера, въ городѣ раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, въ отвѣтъ на которые немедленно открылась безпорядочная стрѣльба войскъ, не разбиравшихъ, стрѣляютъ ли изъ даннаго дома или нѣтъ. Такъ, въ первую ночь, ружейными пулями побито на 30 руб. стеколъ въ общежитіи при женской гимназіи, откуда ужъ навѣрное не стрѣляли. Побиты стекла и въ домѣ, гдѣ помѣщается губернское жандармское управленіе. Войско безпощадно расправлялось съ мирными жителями; я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ приведено было въ полицейское управленіе нѣсколько человѣкъ, преимущественно пожилыхъ и старыхъ людей, и какъ солдаты съ увлеченіемъ, на глазахъ подполковника Тихановскаго, пропускали ихъ сквозь строй прикладовъ. При мнѣ же, стоявшій недалеко отъ полиціи драгунскій солдатъ безъ всякой причины стрѣлялъ въ окна квартиры члена окружнаго суда Мудрова. Я былъ также свидѣтелемъ, какъ драгунъ явился за патронами, и подполковникъ Тихановскій сказалъ ему: „Мало убитыхъ“.

Унтеръ-офицеры жандармскаго управленія, которыхъ, при ихъ дѣятельности, трудно было бы чѣмъ нибудь удивить, и тѣ докладывали ротмистру Пѣтухову, что войска, подъ видомъ обысковъ (въ которыхъ участвовали жандармы), „просто грабятъ и зря бьютъ людей“. О грабежахъ, учиненныхъ солдатами, г. Пѣтуховъ приводитъ цѣлый рядъ показаній пострадавшихъ отъ грабежа лицъ, съ указаніемъ свидѣтелей и даже грабителей. Между прочимъ, поступило много заявленій о томъ, что солдаты, вламываясь въ квартиру, ничего не искали, а просто требовали денегъ, нежелавшихъ же подчиниться требованію тутъ же убивали или арестовывали. Поступали заявленія и о провокаторскихъ выстрѣлахъ со стороны стражниковъ. Одно изъ такихъ заявленій ротмистръ Пѣтуховъ также приводитъ въ своемъ рапортѣ.

Въ заключеніе, ротмистръ Пѣтуховъ сообщаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ погромомъ на населеніе.

„Все населеніе, говоритъ онъ, поголовно убѣждено, что все происшедшее въ Сѣдлецѣ было только провокаціей драгунъ и отчасти полиціи, придуманной подполковникомъ Тихановскимъ". Весьма непонятнымъ представляется жителямъ тотъ фактъ, что всѣ потери войскъ ограничились однимъ раненымъ въ палецъ солдатомъ. По этому поводу жители довольно основательно заявляютъ, что если бы революціонеры, дѣйствительно, хотѣли нанести какой нибудь вредъ постамъ и патрулямъ, то въ первый моментъ потери войскъ во всякомъ случаѣ были бы...

Всю вину за происшедшее въ Сѣдлецѣ ротмистръ Пѣтуховъ возлагаетъ не на одного подполковника Тихановскаго, не имѣвшаго даже и юридическаго права распоряжаться въ городѣ на правахъ главнокомандующаго, но и на бывшаго тогда временнаго ген.-губернатора, ген.-м. Энгельке, фактически передавшаго всю свою власть ему, а также и на губернатора, какъ на постояннаго хозяина губерніи, упустившаго изъ рукъ власть въ столь серьезное время и не взявшаго ее обратно въ руки, когда того настоятельно требовали обстоятельства.

Мы привели здѣсь только наиболѣе выпуклыя мѣста рапорта г. Пѣтухова, но и въ этихъ короткихъ выдержкахъ документъ этотъ производитъ сильное впечатлѣніе. До сихъ поръ намъ приходилось имѣть дѣло только съ разоблаченіями частныхъ лицъ или общественныхъ организацій, враждебныхъ правительству, или же съ такими разслѣдованіями погромовъ, какъ одесское и кіевское, гдѣ правительственные разслѣдователи не задавались спеціальною цѣлью разоблаченія; если же въ отчетахъ ихъ и оказались разоблаченными нѣкоторыя лица, то это вышло какъ бы помимо желанія разслѣдователей, вынужденныхъ къ тому подавляющими фактами. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ рапортъ ротмистра Пѣтухова. Здѣсь разоблачитель—не только агентъ правительства, но, по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, онъ представляетъ плоть отъ плоти, кость отъ кости людей типа подполковника Тихановскаго. Не забудемъ, что г. Пѣтуховъ, если и противился варварскому поголовному обыску, придуманному Тихановскимъ, то только потому, что для этого было недостаточно войскъ. Но разъ обыски были рѣшены, то онъ, не задумываясь, далъ Тихановскому

списки считавшихся имъ неблагонадежными людей, хотя зналъ, что онъ обрекаетъ ихъ этимъ на неминуемую гибель отъ руки Тихановскаго. Видя уже начавшуюся безсмысленную стрѣльбу по жителямъ, ротмистръ Пѣтуховъ просилъ подполковника Тихановскаго прекратить ее, но сдѣлалъ это не потому, что ему жаль было безвинныхъ жертвъ, а изъ опасенія, что „войска утомятся", о чемъ онъ безъ стѣсненія пишетъ въ своемъ рапортѣ. Наконецъ, пытаясь отыскать причины всего произошедшаго въ Сѣдлецѣ, г. Пѣтуховъ дѣлаетъ, хотя и совершенно нелѣпую, но понятную въ его положеніи жандарма догадку, не было ли все это провокаціею со стороны революціонеровъ, „хорошо знавшихъ настроеніе войскъ и желавшихъ, быть можетъ, вызвать то, что произошло, съ цѣлью дискредитировать власти и войска въ глазахъ общества и склонить на свою сторону симпатіи жителей Сѣдлеца".

Передъ нами, слѣдовательно, не человѣкъ, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, а самый обыкновенный жандармскій офицеръ съ присущею этому сословію психологіей, дозволяющею ему искать революцію даже тамъ, гдѣ о ней не можетъ быть и рѣчи. И однако, этотъ жандармскій офицеръ возмущенъ до глубины души сѣдлецкимъ погромомъ и, особенно, поведеніемъ подполковника Тихановскаго, и съ трудомъ скрываетъ свое негодованіе въ офиціальномъ рапортѣ по начальству, обязывающемъ его быть сдержаннымъ и безстрастнымъ. Если такое впечатлѣніе все это произвело на жандарма, вмѣстѣ съ Тихановскимъ вырабатывавшаго планъ набѣга на жителей Сѣдлеца, то нельзя сомнѣваться, что здѣсь были перейдены границы всего возможнаго и что въ сѣдлецкомъ погромѣ мы имѣемъ дѣло съ колоссальнѣйшимъ преступленіемъ.

Весьма характерную картину представляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи гомельскій погромъ. Гомельскій погромъ произвелъ гораздо большую сенсацію результатами разслѣдованія, чѣмъ самымъ фактомъ погрома. Въ самомъ дѣлѣ, организаторы этого погрома не постарались даже придать ему видъ массоваго движенія, какъ это дѣлалось при другихъ погромахъ. Чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ г. Савичъ, командированный для разслѣдованія, го-

ворить въ своемъ отчетѣ [1]), что громилъ изображали здѣсь 10—15 поджигателей, „къ которымъ уже во время разгрома присоединились неблагонадежные и недисциплинированные элементы“. По обычаю всѣхъ казенныхъ разслѣдователей, г. Савичъ старается внушить мысль, что въ погромѣ виноваты сами евреи, т. е. революціонеры; но факты противоположнаго характера такъ обнаженно торчатъ изъ всѣхъ обстоятельствъ гомельскаго погрома, что г. Савичу вскорѣ приходится сойти съ этой неблагодарной позиціи и признать, что погромъ былъ дѣломъ рукъ совсѣмъ другихъ элементовъ. Но дѣлаетъ это г. Савичъ такъ дипломатично, что нуженъ особый навыкъ въ чтеніи „бумагъ“, подобной его рапорту, чтобы не заблудиться въ лабиринтѣ казенной фразеологіи. Согласно этой фразеологіи, „возникновенію и учиненію безпорядковъ,“ т. е. гомельскому погрому, содѣйствовали: „гомельская революціонная партія, неустройство мѣстной полиціи, слабость и непорядки въ расположенныхъ въ г. Гомелѣ войсковыхъ частяхъ, плохое состояніе городской пожарной команды, неправильныя дѣйствія помощника начальника мог. жанд. управленія по гомельскому уѣзду и появленіе въ г. Гомелѣ за послѣднее время отдѣленія тайнаго общества „союза русскихъ патріотовъ“.

Разсмотримъ всѣ эти категоріи виновниковъ.

Гомельская революціонная партія. Для характеристики ея г. Савичъ не жалѣетъ рѣшительно никакихъ красокъ, не останавливаясь даже передъ утвержденіемъ, что еврейская „крайняя партія Бундъ“ числитъ въ своемъ составѣ „главнымъ образомъ несовершеннолѣтнихъ“. Безчисленныя преступленія крайнихъ еврейскихъ партій и вызвали ненависть населенія, а затѣмъ погромъ. Какого же рода были эти преступленія? „Послѣднимъ передъ безпорядками 13—14 января преступленіемъ означеннаго рода (т. е. насилія и т. п.) было убійство револьверными выстрѣлами 11 января помощника пристава Асонова неизвѣстными злоумышленниками“. Отсюда и пошелъ погромъ, начавшійся сейчасъ же послѣ похоронъ Асонова.

Но если Асоновъ былъ убитъ неизвѣстными, то есте-

---

[1]) Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи и т. д. Т. I, стр. 376 и далѣе.

ственно возникаетъ вопросъ: причемъ тутъ гомельская революціонная партія, которой г. Савичъ приписываетъ содѣйствіе возникновенію погрома? На этотъ вопросъ отвѣта въ его рапортѣ нѣтъ и причина такого утвержденія такъ и осталась секретомъ г. Савича. Не находимъ мы объяснененія и разгадки этого секрета и въ документѣ весьма компетентнаго въ этомъ вопросѣ лица—въ приложенномъ къ рапорту г. Савича письмѣ начальника жандармскаго губернскаго управленія полковника Полякова, сообщающаго о произведенномъ имъ совмѣстно съ полицеймейстеромъ, въ ночь съ 31 января на 1 февраля, повальномъ обыскѣ въ г. Гомелѣ—„на предметъ отобранія оружія".

„Обысканы были, доноситъ г. Поляковъ, двѣ улицы, самыя выдающіяся по населенію изъ сорганизованнаго еврейскаго пролетаріата—Гумянная, Кузнечная—и цѣлый участокъ подъ названіемъ „Кагальный Ровъ", но, къ сожалѣнію, безъ результата". Мы понимаемъ „сожалѣніе" г. Полякова, „который по долгу службы" долженъ быть солидаренъ съ петербургскимъ ревизоромъ въ его стремленіи приписать погромъ гомельскимъ революціонерамъ. Но не можемъ понять, какъ могъ г. Савичъ пускаться въ выводы о виновности евреевъ въ погромѣ, при наличности только двухъ установленныхъ фактовъ: 1) что помощникъ пристава Асоновъ былъ убитъ неизвѣстными злоумышленниками и 2) что при повальномъ обыскѣ въ Гомелѣ у „революціонеровъ" не было найдено никакого оружія.

Что касается второй причины погрома, выставленной г. Савичемъ — неустройство мѣстной полиціи, слабость и непорядки въ расположенныхъ въ Гомелѣ войсковыхъ частяхъ и плохое состояніе городской пожарной команды, то выше, въ главѣ о дѣятельности и поведеніи полиціи и войскъ во время погромовъ, мы достаточно отчетливо и притомъ на основаніи матеріаловъ предварительнаго слѣдствія, показали, какова была подкладка этихъ „слабости и непорядка" въ полиціи и войскахъ—и тѣ, и другія были активными участниками погрома, главными его двигателями и покровителями штатскихъ громилъ. Это избавляетъ насъ отъ необходимости распространяться о значеніи полиціи и войскъ въ гомельскомъ погромѣ. Правда, г. Савичъ нѣсколько иначе характеризуетъ роль полиціи и войскъ: онъ

жалуется на то, что силы ихъ были слишкомъ слабы, что городовые получали слишкомъ маленькое жалованье, да къ тому же, „между гомельскою полиціею, мѣстнымъ жандармскимъ начальствомъ и уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ постоянно происходили раздоры на почвѣ служебной и личной, сопровождавшіеся или публичными пререканіями, или доносами, явными и тайными“. Отсюда и пошелъ, по утвержденію г. Савича, погромъ, ибо ни полиція, ни войска не въ силахъ были его предотвратить или остановить. По странной разсѣянности, г. Савичъ забылъ только упомянуть о томъ, что полиція и войска сами громили гомельскихъ евреевъ и, конечно, не могли ни предотвратить своихъ преступленій, ни остановить ихъ. Неточенъ г. Савичъ и въ своемъ донесеніи о раздорахъ, будто бы царившихъ между гомельской полиціей и военнымъ начальствомъ: какъ мы видѣли, оба эти вѣдомства дѣйствовали на погромѣ вполнѣ солидарно...

Нѣсколько иначе относится г. Савичъ къ мѣстнымъ казакамъ, дѣятельность которыхъ была настолько выпукла, что даже скромность г. казеннаго разслѣдователя не позволила ему умолчать объ ихъ удивительномъ поведеніи.

„О распущенности таманскихъ казаковъ, находящихся въ Гомелѣ, и объ учиняемыхъ ими безпорядкахъ и правонарушеніяхъ—разсказываетъ г. Савичъ—свидѣтельствуютъ, дѣйствительно, какъ многочисленныя заявленія мѣстныхъ жителей, имѣющіяся въ полиц. управленіи, такъ равно разслѣдованія генерала Фаленберга и должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ, начальника могилевскаго жандармскаго управленія, его бывшаго помощника по могилевскому уѣзду и исполняющаго въ настоящее время эту должность ротмистра Кожина. Между прочимъ, послѣдній, въ бытность мою въ г. Гомелѣ, 26 января командированъ былъ мною для немедленнаго прекращенія безпорядковъ, совершавшихся казаками въ одной изъ улицъ на окраинѣ города, въ квартирѣ мѣщанина Бѣлинькаго, о чемъ заявила мнѣ прибѣжавшая за помощью сосѣдка этого мѣщанина. Вызванный затѣмъ, по распоряженію моему, на мѣсто происшествія полицеймейстеръ доложилъ, что четыре казака въ нетрезвомъ состояніи, въ томъ числѣ одинъ урядникъ, пытались изнасиловать 18-лѣтнюю дѣвушку, дочь названнаго

мѣщанина, но съ прибытіемъ властей скрылись". Не скрываетъ г. Савичъ и участіе казаковъ въ грабежахъ: 3 казака, при осмотрѣ ихъ, были уличены, по своеобразной терминологіи г. Савича, „въ присвоеніи поднятыхъ на пожарѣ вещей". Въ такой же деликатной формѣ, хотя и совершенно вскользь, говоритъ г. Савичъ и объ участіи въ грабежахъ солдатъ: „нѣсколько нижнихъ чиновъ заподозрѣны въ присвоеніи подобранныхъ на пожарѣ вещей". Итакъ, полиція и войска въ погромѣ не участвовали, магазиновъ не поджигали и не грабили, погрому же помѣшать не могли по своей слабости и малочисленности (въ день погрома охрана Гомеля была ввѣрена сотнѣ драгунъ, сотнѣ казаковъ и ротѣ пѣхотнаго полка). Куда дѣвалась въ рапортѣ г. Савича истина о дѣйствительной роли полиціи и войскъ—такъ и не обнаружилось бы, если бы такъ „некстати" не было произведено предварительное слѣдствіе. Что касается разсужденій г. Савича о слабости полиціи и войскъ, то натянутость ихъ рѣзко бросается въ глаза даже въ его рапортѣ, при сопоставленіи 10—15 громилъ, истреблявшихъ гомельчанъ, съ сотнею драгунъ, сотнею казаковъ, ротою пѣхоты и всѣмъ штатомъ гомельской полиціи.

Значительно больше правды заключается въ характеристикѣ послѣднихъ двухъ изъ перечисленныхъ г. Савичемъ причинъ погрома—неправильныхъ дѣйствій помощника начальника могилевскаго жандармскаго управленія по Гомельскому уѣзду и появленія въ Гомелѣ отдѣленія тайнаго общества „Союза русскихъ патріотовъ". Подъ скромнымъ названіемъ „неправильныхъ дѣйствій" помощника начальника жандармскаго управленія ротмистра графа Подгоричани-Петровича, г. Савичъ разумѣлъ весьма правильно организованныя провокаторскія дѣйствія названнаго чина, о чемъ очень краснорѣчиво разсказываетъ его начальникъ полковникъ Поляковъ въ письмѣ отъ 2 февраля 1906 г., адресованномъ г. Савичу:

„Графъ Подгоричани-Петровичъ, сообщаетъ полковникъ Поляковъ, наконецъ, 1 февраля уѣхалъ, оставивъ, по своей небрежности, кое-какіе недочеты, но что особенно мнѣ непріятно, что онъ обнаружилъ предъ вами и мною склонность къ безцеремонной лжи. Вы припомните, что при послѣднемъ посѣщеніи вашемъ канцеляріи моего помощника, онъ до-

ложилъ вамъ, въ моемъ присутствіи, что выданные имъ револьверы, въ числѣ 25 штукъ, гомельской патріотической организаціи уже ему возвращены, между тѣмъ, какъ при фактически произведенной мною повѣркѣ оружія, задержаннаго на станціи Гомель въ іюлѣ 1905 г. ротмистромъ Шебеко въ числѣ 75 штукъ, оказалось налицо лишь 37 револьверовъ, о чемъ и составленъ мною, на всякій случай, актъ. Куда дѣвались остальные 38 револьверовъ—неизвѣстно. Когда же я настоятельно предложилъ графу Подгоричани объяснить мнѣ, куда исчезло оружіе, то получилъ отъ него слѣдующее объясненіе. Въ половинѣ декабря 1905 г., когда члены партіи патріотовъ настоятельно требовали отъ него оружія для самозащиты, онъ будто бы былъ вынужденъ исполнить ихъ требованія и осуществилъ это слѣдующимъ образомъ: однажды вечеромъ онъ взялъ изъ ящика около 25 револьверовъ, завернулъ въ узелокъ и лично отнесъ извѣстному лицу, гдѣ, позвонивъ, дождался, когда ему отворили дверь, просунулъ туда руку и отворявшему отдалъ названный узелокъ и затѣмъ, никѣмъ не замѣченный, графъ быстро удалился. Кому отнесены были револьверы, графъ Подгоричани назвать не пожелалъ. Точно такой же тайной было облечено и исчезновеніе изъ его канцеляріи хорошо оборудованной типографіи, отобранной по обыску предшественникомъ графа Подгоричани ротмистромъ Шебеко въ 1905 г., но, за прекращеніемъ дѣла, подлежавшей уничтоженію. Послѣ отъѣзда графа я приказалъ временно исправляющему должность моего помощника въ г. Гомелѣ ротмистру Кожину раскрыть во что бы то ни стало эту тайну и типографію, и вотъ сегодня, 2 февраля, типографію эту удалось обнаружить и водворить въ канцелярію для фактическаго уничтоженія. Находилась она у нѣкоего Макасевскаго, служащаго въ городскомъ и страховомъ обществѣ—патріота".

Къ хрустальной ясности этихъ показаній можно было бы ничего не прибавлять, такъ какъ теперь совершенно понятно, что поставленные г. Савичемъ на первомъ планѣ гомельскіе революціонеры, какъ виновники погрома, были притянуты правительственнымъ разслѣдователемъ только для формы, требующей, чтобы во всѣхъ казенныхъ разслѣдованіяхъ о погромахъ виновниками оказывались, во

что бы то ни стало, революціонеры и евреи. Помимо воли г. Савича оказалось, что создателями гомельскаго погрома были ротмистръ графъ Подгоричани-Петровичъ и „союзъ русскихъ патріотовъ". Но, въ интересахъ справедливости, послушаемъ объясненія самого графа, которыя онъ сообщилъ въ собственноручномъ письмѣ къ г. Савичу. Хотя относительно исчезнувшихъ револьверовъ и типографской машины г. Подгоричани-Петровичъ не даетъ никакихъ объясненій, считая это, повидимому, безполезнымъ послѣ открытія ротмистра Кожина, но въ письмѣ имѣются довольно опредѣленныя указанія на роль „союза патріотовъ" и на сношенія его съ этимъ союзомъ. Вотъ что разсказываетъ онъ о цѣли своихъ сношеній съ союзомъ:

„Цѣль этого была двойная: не надѣясь на продажныхъ, весьма опасныхъ агентовъ, я, въ цѣляхъ полученія возможно полезныхъ и своевременныхъ свѣдѣній о революціонномъ движеніи, не могъ упустить случая воспользоваться такимъ союзомъ, члены котораго вращаются во всѣхъ слояхъ общества. Наряду съ этимъ мнѣ казалось, что вліяніе мое на нѣкоторыхъ членовъ союза могло бы дать хорошіе результаты именно съ патріотической точки зрѣнія, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Мнѣ казалось, что общество основалось въ цѣляхъ стремиться лойяльными и культурными средствами къ упорядоченію соціальныхъ и національныхъ вопросовъ въ ненормально развившейся общественной жизни гор. Гомеля. Мнѣ думалось, что крайняя (лѣвая) революціонная партія, подтачивая въ корнѣ интересы большинства русскаго населенія противоположнаго лагеря, обязательно, рано или поздно, но должна вызвать въ противовѣсъ себѣ такую же крайнюю реакціонную партію, каковой въ Гомелѣ и явились „патріоты". Чтобы оказывать, по возможности, доброе, смягчающее вліяніе на этотъ союзъ, я и вошелъ въ общеніе съ нимъ и именно въ цѣляхъ, главнымъ образомъ, предотвратить еврейскій погромъ. Къ сожалѣнію, въ семьѣ не безъ урода, и въ общество вошли люди безнравственные, которые захотѣли дать преступную волю чувствамъ и повели окрестныхъ крестьянъ - погромщиковъ на кровавое дѣло".

Все въ этомъ объясненіи очень характерно: и стремленіе

жандармскаго ротмистра использовать патріотическое общество въ цѣляхъ политическаго сыска, и предположеніе, что „союзъ русскихъ патріотовъ“ задался цѣлью „стремиться лойяльными и культурными средствами къ упорядоченію соціальныхъ и національныхъ вопросовъ“, и утвержденіе автора объясненія, что онъ вошелъ въ союзъ, чтобы оказывать на него „доброе, смягчающее вліяніе“. Послѣ того, какъ мы узнали, что это „вліяніе“ выразилось въ передачѣ почтеннымъ ротмистромъ „союзу“ револьверовъ и типографіи для печатанія погромныхъ прокламацій, трудно, конечно, сомнѣваться въ томъ, что вліяніе его на союзъ было дѣйствительно „смягчающимъ“ и „добрымъ“, но на этомъ не настаиваетъ въ дальнѣйшемъ и самъ г. Подгоричани, вполнѣ раскрывающій карты въ заключительныхъ строкахъ своего объясненія.

„Вступая въ активныя сношенія съ крайней группой людей, я зналъ, что, какъ должностное лицо и какъ гражданинъ, я не вправѣ вообще поддерживать какія бы то ни было тайныя сообщества, но въ тяжелые, полные неизвѣстности, дни 10—14 декабря 1905 года, когда ставилось на карту достоинство правительственныхъ учрежденій, жизнь и спокойствіе всего города, я, по крайнему своему разумѣнію, зная, что совершаю граничащій съ преступленіемъ шагъ, рѣшился поддержать матеріально союзъ, дабы онъ могъ оказать противодѣйствіе, если бы въ городѣ возникла революція“.

Какъ видимъ, „гражданинъ“ Подгоричани преслѣдовалъ вполнѣ опредѣленную цѣль—борьбу съ революціей, а однимъ изъ лучшихъ способовъ подавленія революціи, въ сферахъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, считался погромъ. Поэтому, нѣсколько странными въ заявленіи г. Подгоричани являются ламентаціи его о безнравственныхъ людяхъ изъ „союза патріотовъ“, вовлекшихъ въ погромъ окрестныхъ крестьянъ— все дѣлалось согласно программѣ г. Подгоричани, и ламентаціи его нужно разсматривать, какъ простую формальность.

Погромъ въ Вологдѣ не имѣлъ такого разрушительнаго характера, какъ сѣдлецкій и бѣлостокскій погромы, но и онъ носилъ всѣ признаки провокаціи, въ созданіи которой обвиняютъ жандармскаго ротмистра Пышкина. Объ обстоя-

тельствахъ этого погрома имѣются совершенно достовѣрныя свѣдѣнія, сообщенныя въ засѣданіи Госуд. Думы 8 іюня 1906 г. депутатомъ Набоковымъ. Сообщенныя г. Набоковымъ свѣдѣнія добыты изъ актовъ предварительнаго слѣдствія и оглашены имъ по уполномочію судебнаго слѣдователя. Здѣсь мы знакомимся съ центральной фигурой вологодскаго погрома, жандармомъ Пышкинымъ, и съ внутренними пружинами, приведшими 1 мая въ движеніе погромный механизмъ. По поводу дѣятельности Пышкина имѣются показанія пяти лицъ, которыя слышали, какъ въ офиціальномъ мѣстѣ, въ помѣщеніи, гдѣ живетъ ротмистръ Пышкинъ, онъ по телефону въ 6 час. вечера, въ то время, когда рѣчь шла о защитѣ отъ погрома дома городского головы Клушина, говорилъ съ кѣмъ-то на „ты". По показаніямъ этихъ пяти лицъ, сдѣланнымъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, онъ говорилъ: „Черной сотни не тронь, въ революціонеровъ стрѣляй, патроновъ не жалѣй. Если выйдутъ, еще дадимъ". Когда ротмистръ Пышкинъ приближался съ 30 стражниками къ тому мѣсту, откуда пошелъ разгромъ народнаго дома, черносотенцы обращались къ нему съ просьбою: „Позвольте ихъ бить". Пышкинъ отвѣтилъ имъ, обращаясь въ сторону полицеймейстера: „Просите его, это въ его власти". Наконецъ, во время разгрома народнаго дома Пышкинъ оставался на площади и приказывалъ стражникамъ стрѣлять въ народный домъ и въ противоположный домъ Бартеньева. Между тѣмъ, въ народномъ домѣ, вмѣсто митинга, подъ предлогомъ котораго этотъ домъ громился, оказались только библіотекарша и 6 дѣвочекъ, пришедшихъ за книгами. Въ дѣлѣ есть также указанія на то, что стражники привозили крестьянъ изъ окружныхъ деревень, что крестьяне были напоены водкой; между тѣмъ, оказалось, что стражники дѣйствуютъ по приказанію Пышкина: когда полицеймейстеръ пригрозилъ толпѣ, громившей домъ Клушиныхъ, что онъ прикажетъ стрѣлять, стражники, бывшіе при этомъ, заявили: „Мы будемъ стрѣлять, если прикажетъ ротмистръ".

Оцѣнивая всѣ эти факты, г. Набоковъ говорилъ:

„Совершенно ясно, что губернаторъ, полицеймейстеръ, прокуроръ желали прекратить погромъ; совершенно вѣрно, что они сами при этомъ пострадали, что они уговаривали толпу, что они даже вступали чуть ли не въ драку... А между

тѣмъ, погромъ все-таки произошелъ, произошелъ тогда, когда, повидимому, достаточно было одного залпа, даннаго на воздухъ, чтобы погромъ въ Вологдѣ прекратился. Является естественный вопросъ: какъ это могло произойти? И отвѣтъ на этотъ вопросъ получается, если сопоставить роль ротмистра Пышкина, который является тайнымъ правительствомъ въ г. Вологдѣ, наряду съ ролью явнаго правительства—губернатора, полицеймейстера и прокурора“ [1]).

Несмотря на неопровержимость сдѣланнаго депутатомъ Набоковымъ сообщенія, министръ внутреннихъ дѣлъ въ своей отвѣтной рѣчи опровергалъ его, не смущаясь даже тѣмъ, что это были данныя, установленныя предварительнымъ слѣдствіемъ. Но относительно погрома въ Царицынѣ, произведеннаго также 1 мая, даже и г. Столыпинъ не могъ ничего возразить и призналъ, что обстоятельства этого „происшествія“, какъ онъ назвалъ погромъ, „даютъ основательный поводъ къ нареканію на дѣйствія полиціи“.

---

[1]) Гос. Дума. „Стенографич. отчеты“. 1906 г. Сессія первая. Томъ II, стр. 1138.

V.

Оффиціальная литература о погромахъ.

Таковъ языкъ фактовъ и удостовѣряющихъ ихъ документовъ. Полиція подстрекала къ погрому, военное начальство и высшая администрація не принимали никакихъ мѣръ къ прекращенію погромовъ, генералы, на обязанности которыхъ лежало разгонять громилъ военною силою, поощряли ихъ (Кіевъ и Одесса), внушали подчиненнымъ мысль о желательности и полезности погрома, губернаторы и градоначальники натравливали громилъ на населеніе, издавая для этой цѣли даже прокламаціи (Нейдгардтъ), военныя власти Сѣдлеца и Бѣлостока устроили заранѣе организованное истребленіе евреевъ, полицейскіе чины сами водили громилъ на грабежъ (Кіевъ, Одесса), городовые и солдаты вездѣ грабили, убивали—вездѣ провокація, грабежи, убійства и вездѣ замѣшаны большія и маленькія власти,—вотъ о чемъ говорятъ приведенные факты, вотъ что окровавленнымъ клиномъ врѣзалось въ жизнь нашей истерзанной страны.

Кто же виноватъ во всѣхъ этихъ преступленіяхъ? Кто вдохновляетъ громилъ и ихъ организаторовъ? Кто сумѣлъ внушить большимъ и маленькимъ властямъ такую непоколебимую мысль о безнаказанности, что они открыто совершаютъ преступленія, наказуемыя лишеніемъ правъ и каторгою? Правительство!—былъ единодушный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Увѣренность въ виновности правительства была такъ велика и непоколебима во всемъ русскомъ обществѣ, что никому и въ голову не приходило искать другихъ виновниковъ, другихъ причинъ этого всероссійскаго позорища. Всюду, гдѣ былъ хоть небольшой слѣдъ общественной орга-

низованности, гдѣ хоть слабо бился пульсъ общественной жизни и мысли—населеніе, съ негодованіемъ протестуя и требуя немедленнаго прекращенія убійствъ и грабежей, указывало на правительство, какъ на единственнаго виновника погромовъ.

Чѣмъ же питалась эта твердая увѣренность и не была ли она результатомъ простой сплетни, пущенной врагами правительства? Мы знаемъ, что правительство не только отвергало свое участіе въ погромахъ, но и самые погромы, какъ таковые, оно отрицало, называя ихъ въ 1905 году „взрывомъ народнаго негодованія", а въ 1906 г.—усмиреніемъ революціонеровъ. Но факты намъ показали, что то были ни „взрывы народнаго негодованія", ни „усмиренія революціонеровъ", а самые типичные погромы, и притомъ—заранѣе подготовленные и организованные. Насколько же основательны увѣренія правительства въ его непричастности къ погромамъ? Обратимся снова къ фактамъ и попытаемся въ нихъ найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, памятуя, что одной группировки фактовъ было достаточно, чтобы установить провокаторскую дѣятельность полиціи и обдуманное, умышленное бездѣйствіе прочихъ властей и отчасти войска.

Весьма любопытный и полезный въ этомъ отношеніи матеріалъ представляютъ сообщенія правительства, офиціальныя извѣщенія и донесенія мѣстныхъ властей, публиковавшіяся правительствомъ вмѣсто правительственныхъ сообщеній.

Такъ, объ одесскомъ погромѣ въ „Правит. Вѣстникѣ" было напечатано, почему-то—подъ рубрикой: „Отъ главнаго управленія по дѣламъ печати", сообщеніе градоначальника Нейдгардта. Въ этомъ сообщеніи г. Нейдгардтъ объявляетъ, что погрома въ Одессѣ не было, а было возмущеніе русскаго народа по поводу революціонныхъ эксцессовъ, чинившихся еврейскою молодежью. Для усугубленія впечатлѣнія, г. Нейдгардтъ сообщаетъ, что представители общественныхъ организацій и комитетовъ, являвшіеся къ нему, грозили разоружить полицію „захватнымъ правомъ"; что чрезъ два часа послѣ этого было убито, ранено, обезображено и обезоружено 34 городовыхъ, вслѣдствіе чего полицейская охрана покинула посты; что во время погрома громилы всѣ были безоружны, а евреи чуть ли не поголовно вооружены, вслѣдствіе чего „русскіе люди" понесли значительный уронъ отъ

евреевъ и революціонеровъ; что войска, „которыхъ вообще для Одессы мало, безустанно боролись и бѣгали по улицамъ"; что цѣпь полицейскихъ постовъ была снята насиліемъ революціонеровъ и т. п. [1]). Ни о своей дѣятельности во время погрома, ни о „дѣятельности" громилъ, ни о тѣхъ ужасахъ, которые переживала Одесса въ дни погрома, г. Нейдгардтъ ничего не сообщаетъ—по вполнѣ понятной причинѣ: малѣйшія подробности могли выдать истину, которую скрылъ въ своемъ сообщеніи г. Нейдгардтъ.

Мы не будемъ разбирать этого сообщенія г. Нейдгардта и доказывать его лживость, какъ потому, что оно говоритъ само за себя, такъ и потому, что по предыдущему изложенію обстоятельствъ одесскаго погрома, достовѣрность котораго подтверждена документами, легко установить отсутствіе истины въ большинствѣ заявленій бывшаго одесскаго градоначальника.

Но этимъ сообщеніемъ г. Нейдгардтъ не ограничилъ своего стремленія представить одесскій погромъ въ ложномъ свѣтѣ. Въ дѣлѣ объ одесскомъ погромѣ имѣется еще болѣе любопытный документъ—представленная г. Нейдгардтомъ сенатору Кузьминскому записка.

Въ этой запискѣ г. Нейдгардтъ старается оправдаться въ предъявленныхъ ему обвиненіяхъ въ бездѣйствіи власти и свалить всю вину на самихъ евреевъ, на хулигановъ и на военныя власти. Мы не будемъ здѣсь приводить содержанія этой записки, какъ потому, что и безъ этого легко представить, что могъ сказать Нейдгардтъ въ свое оправданіе, такъ, въ особенности, и потому, что лучшее представленіе о содержаніи и характерѣ этого документа можно получить изъ ниже приводимой характеристики аргументовъ г. Нейдгардта, сдѣланной сенаторомъ Кузьминскимъ.

Приступая къ разсмотрѣнію объясненій Нейдгардта, г. Кузьминскій прежде всего вынужденъ былъ констатировать, что объясненіе „почти всецѣло основано на невѣрно приводимыхъ фактахъ и непровѣренныхъ указаніяхъ". А вотъ и качество самыхъ объясненій:

1) Нейдгардтъ утверждаетъ, что имъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ „къ немедленному прекращенію смуты, без-

[1]) «Правит. Вѣстн.» отъ 12 ноября 1905 г., № 245.

чинствъ и насилій мятежныхъ группъ", происходившихъ 18—22 октября. Сенаторъ Кузьминскій устанавливаетъ, что онъ „никакихъ къ тому мѣръ не принималъ съ момента появленія 18 октября на улицахъ города мятежныхъ скопищъ", мѣры же, принятыя имъ, относятся къ событіямъ, происходившимъ до 18 октября, и никакого отношенія къ погрому не имѣли и не могли способствовать предотвращенію или прекращенію его.

2) Утвержденіе Нейдгардта о томъ, что, 18 октября войска, убранныя ген. Каульбарсомъ, были вызваны на улицу и принимали участіе въ прекращеніи отдѣльныхъ случаевъ столкновеній по его, Нейдгардта, распоряженію—не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, на что указываетъ сообщеніе ген. Каульбарса о томъ, что въ тотъ день требованія о содѣйствіи войскъ отъ градоначальника не поступало, и войска дѣйствовали по приказанію военнаго начальства или требованію чиновъ полиціи.

3) Еще меньше правдивости было въ объясненіяхъ Нейдгардта по поводу снятія имъ полицейскихъ постовъ. Сначала онъ мотивировалъ это 34 случаями убійствъ, истязаній и обезоруженія постовыхъ городовыхъ и единогласнымъ ихъ заявленіемъ о томъ, что на посты они не могутъ стать. Когда же разслѣдованіемъ была установлена совершенная невѣрность этихъ указаній, то Нейдгардтъ сталъ объяснять снятіе постовъ тѣмъ, что городовые сами съ утра 18 октября стали покидать посты, потому что они были напуганы многочисленными убійствами городовыхъ, происходившими въ „потемкинскіе" дни. Однако, и это объясненіе не было ничѣмъ подтверждено.

4) Указаніе Нейдгардта на то, что, по объясненіямъ студента Нутиса и товарища прокурора Каменскаго, полицейскіе патрули принимали мѣры къ прекращенію безпорядковъ и разгромовъ, опровергается дѣйствительнымъ содержаніемъ объясненій названныхъ лицъ, изъ коихъ Нутисъ, напротивъ, удостовѣрилъ, что городовые дѣйствовали заодно съ толпою и участвовали въ совершаемыхъ ею насиліяхъ, а Каменскій лично видѣлъ, какъ проходившіе патрули и разъѣзды не останавливали грабителей и относились безучастно къ насиліямъ толпы.

5) На обвиненіе въ томъ, что онъ допустилъ 19 октября

хожденіе патріотическихъ манифестацій, несмотря на то, что зналъ о столкновеніяхъ ихъ съ населеніемъ—Нейдгардтъ отвѣчалъ ссылкою на свидѣтеля Данашевскаго, будто бы показавшаго, что патріотическая манифестація подошла къ дому градоначальника на обратномъ пути изъ собора въ крайне озлобленномъ состояніи, вызванномъ произведенною въ нее стрѣльбою. Этимъ обстоятельствомъ Нейдгардтъ хотѣлъ объяснить, почему онъ не могъ воспрепятствовать появленію манифестаціи на улицѣ. Между тѣмъ, провѣркою установлено, что именно этотъ свидѣтель удостовѣрилъ, что на обращенную изъ толпы къ градоначальнику горячую рѣчь, онъ отвѣчалъ: „Спасибо, братцы, теперь идите помолиться“—„изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ,—заключаетъ сенаторъ Кузьминскій,—что группа манифестантовъ еще только шла въ соборъ и, слѣдовательно, предупредить столкновеніе было возможно“ [1]). И т. д. и т. д.

„Несоотвѣтствіями дѣйствительности“, вродѣ только что приведенныхъ, переполнена записка Нейдгардта — а между тѣмъ, этотъ же документъ, полный лжи, разоблаченной правительственнымъ же чиновникомъ, легъ въ основаніе опубликованнаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ офиціальнаго сообщенія.

Еще меньше истины заключало напечатанное также въ „Правит. Вѣстникѣ“ сообщеніе правительства о разстрѣлѣ войсками мирнаго митинга въ Минскѣ, описанномъ нами выше. Въ этомъ сообщеніи разсказывается о томъ, какъ толпа манифестантовъ осадила солдатъ, не знавшихъ, куда дѣваться отъ летѣвшихъ въ нихъ камней, какъ оба офицера, командовавшіе отрядами солдатъ, были насильственно похищены и присоединены къ манифестантамъ, какъ солдаты, озлобленные дѣйствіями толпы, стали въ нее стрѣлять и несмотря на приказаніе подполковника Кургановича прекратить стрѣльбу—„повидимому, неразслышанное солдатами“—продолжали стрѣльбу, какъ солдаты другихъ отрядовъ такъ же открыли стрѣльбу и также не разслышали приказанія своихъ командировъ прекратить стрѣльбу, какъ командиры стали приподнимать стволы стрѣлявшихъ ружей,

---

[1]) Кіевскій и одесскій погромы и т. д., стр. 200—206.

„чтобы отклонить выстрѣлы вверхъ“, какъ, наконецъ, 142-мя выстрѣлами „вверхъ“ было убито 50 чел. и ранено около 120 [1]).

Уже самый тонъ этой реляціи, проникнутой суетливымъ желаніемъ во чтобы то ни стало оправдаться, не внушаетъ довѣрія къ ней, но стоитъ только внимательнѣе вчитаться въ смыслъ этого своеобразнаго канцелярскаго произведенія, чтобы сразу понять, что въ немъ совершенно отсутствуетъ истина. Можно ли представить себѣ положеніе, при которомъ двѣ роты вооруженныхъ солдатъ, притомъ озлобленныхъ противъ толпы и въ теченіе 8-ми минутъ не только уложившихъ 170 чел., но и разогнавшихъ 15-тысячный митингъ, не могли воспрепятствовать послѣдовательному похищенію толпою сначала одного ихъ командира, затѣмъ другого, а когда это похищеніе состоялось и офицеры были увлечены въ толпу, выставлены на столъ и шашки ихъ были украшены красною матеріею, то послѣ этого „солдаты начали по одиночкѣ входить въ зданіе вокзала и заперли за собою дверь“? Казалось, это и былъ именно тотъ моментъ, когда самые сдержанные солдаты должны были вступиться за своихъ командировъ и во что бы то ни стало отбить ихъ у толпы. Но солдаты предпочли „удалиться въ зданіе вокзала“, а невооруженная толпа, знавшая, что солдаты вооружены и будутъ стрѣлять, стала на нихъ наступать, хотя солдаты ничего противъ нея не предпринимали. Но еще удивительнѣе, что солдаты, проявившіе такую пассивность, вдругъ открыли, какъ одинъ человѣкъ, стрѣльбу по толпѣ пачками, несмотря на то, что имъ этого не только никто не приказывалъ, но даже запрещалъ главный ихъ командиръ подполковникъ Кургановичъ. При этомъ, солдаты не только „не слышали“ его приказаній прекратить стрѣльбу, но даже не видѣли его желанія „отклонить выстрѣлы вверхъ“, когда онъ собственноручно поднималъ дула ихъ ружей. Не менѣе замѣчательно и то, что подполковникъ Кургановичъ, подошедшій къ солдатамъ настолько близко, что могъ хватать за ихъ ружья, не могъ ни командой, ни мимикой, ни окрикомъ дать солдатамъ понять, что онъ запрещаетъ имъ стрѣлять; при этомъ, совершенно то же самое происходило и съ другимъ отрядомъ солдатъ—2-й ротой и ея команди-

---

[1]) „Правит. Вѣстн.“, № 253 за 1905 г. (24 ноября).

ромъ. Чтобы убѣдить публику въ томъ, что командиры дѣйствительно отклоняли дула солдатскихъ ружей вверхъ, правительственное сообщеніе докладываетъ даже о „слѣдахъ пуль на верхней части стѣны, внутри зданія". А между тѣмъ, въ результатѣ этой стрѣльбы „вверхъ" оказалось 50 убитыхъ и 120 раненыхъ, при чемъ солдатами было сдѣлано только 142 выстрѣла, какъ выяснилось при повѣркѣ оставшихся патроновъ.

Фантастичность этого сообщенія опровергнута фактами, единодушно засвидѣтельствованными, и очевидцами, и печатью, и минскою городскою думою. Правительственное сообщеніе ни словомъ не обмолвилось объ этихъ фактахъ. А факты эти говорятъ о томъ, что упомянутыхъ двухъ офицеровъ толпа насильственно не похищала, а лишь дружески привлекла ихъ къ участію въ митингѣ.

Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ инцидентѣ прокуроръ минскаго окружнаго суда въ своемъ представленіи прокурору виленской судебной палаты:

„Когда толпа, увидѣвъ солдатъ съ ружьями, стала кричать и требовать, чтобы ихъ убрали, капитанъ Пучковскій приказалъ солдатамъ отойти назадъ, а самъ вышелъ впередъ и, успокаивая толпу, говорилъ: „Господа, тише, чтобы все обошлось безъ крови". При этомъ, онъ разводилъ руками и раскланивался, какъ бы привѣтствуя толпу. Толпа пришла въ восторгъ. Десятки рукъ сразу подняли Пучковскаго и стали качать съ криками „ура, да здравствуетъ армія". Затѣмъ, его пронесли къ трибунѣ, причемъ дорогой Пучковскій со многими цѣловался, а одинъ еврей изъ толпы даже поцѣловалъ у него руку. На трибунѣ его поставили подъ краснымъ флагомъ, который держала стоявшая на трибунѣ дѣвушка съ распущенными волосами. Когда капитана Пучковскаго несли въ толпѣ, то кто-то вынулъ у него изъ ноженъ шашку, нацѣпилъ на нее кусокъ красной матеріи и носилъ въ толпѣ. Офицера той же 12-й роты поручика Бѣляева, вышедшаго на подъѣздъ вслѣдъ за капитаномъ Пучковскимъ, также подняли на руки и понесли къ трибунѣ, гдѣ поставили рядомъ съ Пучковскимъ. Здѣсь офицеры подали другъ другу руки и поцѣловались. Тогда же толпа подхватила еще двухъ офицеровъ, случайно бывшихъ на площади, прапорщиковъ Анюхина и

Пчелина, и также отнесла ихъ на рукахъ на трибуну. Всѣхъ ихъ потомъ бережно отнесли назадъ и поставили на подъѣздѣ" [1]).

Вообще, утвержденіе правительственнаго сообщенія о какихъ бы то ни было насильственныхъ или агрессивныхъ дѣйствіяхъ толпы противъ войска опровергается документально засвидѣтельствованными показаніями участниковъ минской катастрофы. Такъ, подполковникъ Кургановичъ на допросѣ у судебнаго слѣдователя показалъ, что никакихъ насилій толпы надъ офицерами и нижними чинами онъ не видѣлъ [2]). Къ солдатамъ толпа относилась не только не враждебно, но съ восторгомъ, встрѣчавшихся ей солдатъ она качала съ криками „ура"; къ часовымъ, стоявшимъ на подъѣздѣ, подходили многіе изъ толпы и уговаривали ихъ бросить ружья и присоединиться къ толпѣ, указывая на то, что офицеры уже побратались съ народомъ. „Вообще, заканчиваетъ прокуроръ вышеупомянутое свое представленіе, слѣдствіемъ вполнѣ установлено, что изъ толпы по войскамъ не стрѣляли и не предпринимали никакихъ насильственныхъ противъ войскъ дѣйствій"... [3]). А, вѣдь, въ правительственномъ сообщеніи категорически утверждается, что изъ толпы стрѣляли въ солдатъ изъ револьверовъ!

Такую же достовѣрность имѣетъ и сообщеніе правительства о томъ, что въ бѣжавшую отъ воинскихъ залповъ толпу стрѣляли городовые, „вышедшіе на улицу изъ зданія 4-й полицейской части изъ опасенія ея разгрома". Судя по этому сообщенію, можно подумать, что толпа нападала на участокъ или, вообще, участку грозила какая-нибудь опасность. Въ дѣйствительности же, никакихъ покушеній на участокъ не было, а городовой Якубовичъ, убившій изъ толпы 4-хъ человѣкъ и въ томъ числѣ помощника присяжнаго повѣреннагс Ентыса, даже не былъ въ участкѣ, а, какъ удостовѣрено свидѣтелями, вышелъ изъ своего дома [4]).

Вообще, желаніе правительства представить минское

---

[1]) Матеріалы къ исторіи русск. контръ-революціи, стр. 315.
[2]) Тамъ же, стр. 320.
[3]) Тамъ же, стр. 309. Курсивъ нашъ.
[4]) Тамъ же, стр. 322.

истребленіе мирной толпы въ видѣ столкновенія вооруженной толпы съ войсками и полиціей едва ли можно считать удавшимся, такъ какъ въ обширномъ dossier о минскомъ разстрѣлѣ нѣтъ ни одного документа, хоть косвенно подтверждающаго такую версію. Наоборотъ, существеннѣйшій документъ, послужившій основаніемъ для привлеченія Курлова къ отвѣтственности—отношеніе прокурора виленской судебной палаты на имя оберъ прокурора 1-го департамента правит. сената—говоритъ о совершенно противоположномъ: „Настроеніе толпы, говорится въ отношеніи, было повышенное, но, по удостовѣренію массы свидѣтелей, въ общемъ веселое, радостное. Неприличныя выходки съ солдатами и офицерами носили характеръ дружескій, выражали желаніе „побрататься"... „Войска открыли стрѣльбу безъ предупрежденія какъ словеснаго, такъ и сигналами на трубѣ, горнѣ или барабанѣ. Стрѣльба была для всѣхъ совершенною неожиданностью, неоправдываемою происходившимъ... Толпа побѣжала послѣ перваго залпа, но ихъ дано было нѣсколько; послѣ того, войска стрѣляли бѣглымъ огнемъ... Убивали людей, прятавшихся въ вокзалѣ по угламъ, подъ лѣстницею. Большинство убитыхъ и раненыхъ получили пораненія въ спину, сзади" [1]. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ умалчивается въ правительственномъ сообщеніи, между тѣмъ какъ они-то и уничтожаютъ всю его достовѣрность. Правительство, вмѣсто показанія свидѣтелей, данныхъ во время формальнаго слѣдствія, включило въ свое офиціальное сообщеніе свѣдѣнія, опровергаемыя свидѣтельскими показаніями, и тѣмъ лишило свое сообщеніе всякой достовѣрности.

Причины, по которымъ правительство поступило такъ, вмѣсто того, чтобы правдиво оповѣстить населеніе о случившемся и предать виновниковъ суду, лежатъ въ отношеніи „октябрьскаго" правительства къ погромамъ, какъ къ одному изъ видовъ контръ-революціи. Но истинная причина минскаго разстрѣла, оказывается, была совершенно иная, и объ этомъ мы узнаемъ изъ рапорта минскаго губернатора Курлова въ правит. сенатъ. „Кровавое столкновеніе противо-

[1]) Тамъ же, стр. 303.

правительственныхъ партій съ войсками 18 октября поколебало ихъ увѣренность, что войска противъ нихъ не будутъ дѣйствовать, о чемъ, между прочимъ, мнѣ заявляли бывшіе у меня депутаты, и остановили дальнѣйшее развитіе преступныхъ демонстрацій, послѣдствіемъ которыхъ легко могъ быть еврейскій погромъ“ [1]). Такимъ образомъ, самъ Курловъ опровергаетъ сообщеніе правительства о томъ, что толпа своимъ поведеніемъ вынудила войска стрѣлять. Стрѣляли и убили и изувѣчили болѣе 170 человѣкъ только для того, чтобы, во-первыхъ, доказать, что войска еще не отказываются стрѣлять въ народъ, а во-вторыхъ—чтобы предотвратить погромъ: человѣколюбивый минскій губернаторъ предпочиталъ, отправить солдатскими пулями на тотъ свѣтъ нѣсколько сотъ евреевъ, чѣмъ видѣть хоть одну жертву еврейскаго погрома. Какъ, однако, неблагодарны евреи, жаловавшіеся на то, что администрація нигдѣ не предпринимала мѣръ къ предупрежденію погромовъ! Г. Курловъ доказалъ имъ, что гораздо безопаснѣе для нихъ было объ этомъ не хлопотать...

Произошелъ вологодскій погромъ—и правительство снова выступило съ офиціальнымъ сообщеніемъ. Это сообщеніе [2]) построено по тому же шаблону, что и другія правительственныя сочиненія этого рода: погрома не было, а были безпорядки, ближайшимъ поводомъ для которыхъ послужило будто бы насильственное закрытіе магазиновъ и лавокъ праздновавшими 1-е мая манифестантами. Прибывшіе въ этотъ день на базаръ окрестные крестьяне лишены были изъ-за этого возможности сдѣлать необходимыя закупки и поэтому бросились на манифестантовъ, подожгли народный домъ, разгромили квартиру частнаго лица, типографію газеты и пытались разграбить домъ городского головы. „Быстрому прекращенію безпорядковъ мѣшало отсутствіе въ городѣ войскъ и малочисленность полицейскаго наряда“. Вспомнимъ рѣчь депутата Набокова объ этомъ погромѣ—и оцѣнимъ по достоинству сообщеніе правительства. Г. Набоковъ, почерпнувшій свои свѣдѣнія изъ матеріаловъ предварительнаго слѣдствія, удостовѣрилъ, что погромъ никакой связи съ закрытіемъ

[1]) Тамъ же, стр. 343.

[2]) „Правит. Вѣстн.“, 13 мая 1906 г., № 107.

лавокъ не имѣлъ; во время погрома, на площади находился цѣлый отрядъ стражниковъ, но имъ не приказано было стрѣлять въ громилъ; прекратить погромъ было очень легко, что доказалъ отрядъ милиціонеровъ: отъ одного ихъ выстрѣла въ воздухъ громилы въ ужасѣ разбѣжались—при чемъ же тутъ недостатокъ войскъ и малочисленность полиціи, о которыхъ говорится въ правительственномъ сообщеніи? Стражники, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ громилъ, стрѣляли въ тотъ домъ, который громился, а сообщеніе говоритъ о малочисленности стражниковъ, но ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что дѣлали стражники; между тѣмъ, фактъ стрѣльбы ихъ въ народный домъ и въ домъ Бартеньева, подвергшіеся погрому, не отрицался и министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Столыпинымъ, дававшимъ по этому поводу объясненія въ Государственной Думѣ; г. министръ сообщилъ только въ утѣшеніе депутатамъ, что стрѣляли въ народный домъ стражники пѣшіе, а не конные. Наконецъ, правительственное сообщеніе совершенно умалчиваетъ не только о роли, но даже о существованіи въ Вологдѣ ротмистра Пышкина, являвшаго собою альфу и омегу вологодскаго погрома. Отрицать существованіе ротмистра Пышкина невозможно, какъ невозможно отрицать факта—вѣдь г. Пышкинъ фигурируетъ въ качествѣ persona grata въ матеріалахъ предварительнаго слѣдствія о погромѣ. Замалчивая его въ своемъ сообщеніи, правительство совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представило вологодскій погромъ: вѣдь безъ ротмистра Пышкина погрома въ Вологдѣ не было бы. Но ни Пышкина, ни погрома нѣтъ только въ правительственномъ сообщеніи, въ дѣйствительности же оба они были.

Правительство скрыло истину во всѣхъ приведенныхъ сообщеніяхъ, но дѣлало это, такъ сказать, прилично, прибѣгая большею частью къ умолчаніямъ о дѣйствительныхъ фактахъ и къ сообщеніямъ о фактахъ несуществовавшихъ. Читая эти сообщенія, истинную цѣнность ихъ могли видѣть только тѣ, кто былъ знакомъ со всѣми обстоятельствами погромовъ. Но могъ ли обыватель удержать въ своей памяти все, что произошло въ теченіе трехъ октябрьскихъ дней въ 150 городахъ и мѣстечкахъ! На это и были разсчитаны правительственныя сообщенія и, конечно, на извѣстные слои населенія они произвели свое впечатлѣніе.

Этотъ „успѣхъ“, повидимому, поощрилъ составителей казенныхъ донесеній, и въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ они отъ системы умолчанія перешли къ системѣ открытой, безцеремонной лжи. Яркимъ образчикомъ этой системы являются сообщенія о погромѣ въ Бѣлостокѣ. Ихъ было много, этихъ сообщеній, и всѣ они какъ бы конкурировали другъ съ другомъ въ лживости. Они настолько типичны для характеризуемой здѣсь системы, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ. Начнемъ съ офиціальныхъ телеграммъ петербургскаго телегр. агентства, разсылавшихся во всѣ газеты:

3 іюня напечатана была телеграмма изъ Гродны: „Офиціально. 2 іюня. Вчера въ Бѣлостокѣ шли процессіи православная и католическая. На Институтской улицѣ *Евреи* обстрѣливали процессію съ балкона. Солдаты отвѣтили выстрѣлами. Паломники разсыпались по Николаевской ул. и базару. *Евреями брошены въ паломниковъ бомбы. Во время паники въ процессіи затоптаны дѣти. По слухамъ, разорванъ бомбой ксендзъ, православному священнику оторвало ногу.* Обстрѣляны казначейство и почта. Почта не ходитъ“ [1]).

Затѣмъ въ „Правит. Вѣстн.“ появились слѣдующія два сообщенія:

„1 сего іюня, въ первомъ часу дня, въ городѣ Бѣлостокѣ, во время хода православной процессіи, на углу Александровской и Институтской улицъ, изъ третьяго этажа домовъ Рахитиса и Маковскаго сдѣлано было въ процессію нѣсколько выстрѣловъ, коими три женщины и двое дѣтей *были убиты* [2]) и нѣсколько человѣкъ ранены. Кромѣ того, произведены были отдѣльные выстрѣлы на Тыкоцкой улицѣ въ католическую процессію, не причинившіе, однако, никому вреда. На Базарной площади брошены были двѣ бомбы, отъ взрыва коихъ никто не пострадалъ. Послѣ этого въ городѣ возникли безпорядки, которые продолжались въ теченіе всего дня. Во многихъ мѣстахъ произошли *кровавыя столкновенія между евреями и христіанами*, и толпа начала громить еврейскія лавки. Для содѣйствія полиціи были вызваны войска, но *ихъ стали обстрѣливать* съ черда-

---

[1]) „Нов. Вр.“, 3 іюня 1906 г. Курсивъ вездѣ нашъ.

[2]) Курсивъ вездѣ нашъ.

ковъ, верхнихъ этажей и крышъ домовъ, на что войска съ своей стороны отвѣчали выстрѣлами. Къ семи часамъ вечера былъ водворенъ относительный порядокъ, хотя и послѣ того слышались выстрѣлы и имѣли мѣсто отдѣльные случаи насильственныхъ дѣйствій. 2 іюня безпорядки и столкновенія между евреями и христіанами возобновились; въ полицейское управленіе были произведены выстрѣлы нѣсколькими лицами, забравшимися на чердакъ противоположнаго дома; пострадавшихъ при этомъ не было. Такъ же, какъ и наканунѣ, происходила стрѣльба въ войска. Погромъ еврейскихъ лавокъ прекращенъ, порядокъ возстановляется. Число пострадавшихъ до настоящаго времени точно не опредѣлено, но во всякомъ случаѣ ихъ предполагается нѣсколько десятковъ". [1])

Второе сообщеніе, появившееся какъ бы въ дополненіе къ первому, гласило:

„Происходившіе въ Бѣлостокѣ погромы 2 іюня къ вечеру совершенно прекратились. Въ теченіе ночи революціонеры обстрѣливали полицейскій участокъ и полицейское управленіе, засѣвъ въ противоположныхъ домахъ, но были прогнаны выстрѣлами войскъ, причемъ подожгли означенныя зданія. Дѣйствіе пожарной команды было затруднено безпрестанными взрывами боевыхъ патроновъ, находившихся въ одномъ изъ горѣвшихъ зданій. Изъ состава войскъ въ эту ночь никто не пострадалъ. На слѣдующій день, 3 іюня, гродненскій губернаторъ объѣхалъ городъ и посѣтилъ городскія больницы, какъ христіанскую, такъ и еврейскую, причемъ оказалось, въ общей сложности, шестьдесять раненыхъ, убитыхъ же насчитывается около семидесяти. Губернаторомъ издано объявленіе къ жителямъ о томъ, что всякое насиліе будетъ подавляться самыми суровыми и рѣшительными мѣрами, и имъ же даны соотвѣтственныя личныя указанія собравшимся представителямъ еврейскаго общества. Организована раздача нуждающимся съѣстныхъ припасовъ, привезенныхъ по распоряженію губернатора изъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ настоящее время въ городѣ наступило полное успокоеніе. Въ виду введенія военнаго положенія, городъ Бѣлостокъ съ уѣздомъ

---

[1]) „Прав. Вѣстн.", 4 іюня 1906 г., № 124.

переданы 4 іюня утромъ въ вѣдѣніе временнаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Бадера" [1]).

Въ то же время въ газетахъ не переставали печататься офиціальныя телеграммы петербургскаго агентства. Вотъ двѣ изъ нихъ:

„Вильна. 2-го іюня. Офиціально. Въ виду напряженнаго настроенія въ Бѣлостокѣ и особенно послѣ убійства полицеймейстера, губернаторъ, имѣя основанія ожидать безпорядковъ во время религіозныхъ процессій 1-го іюня, принялъ по соглашенію съ военнымъ начальствомъ всѣ мѣры къ поддержанію спокойствія. Были высланы войска въ количествѣ полутора баталіоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи. Во время шествія процессіи, въ которой принимали участіе громадныя толпы народа изъ окрестностей города, по улицамъ, въ нихъ изъ домовъ произведены были выстрѣлы. Число убитыхъ и раненыхъ невозможно пока установить. Убиты, между прочимъ, двое дѣтей, несшихъ иконы, и три женщины. На Базарной площади, въ 50 шагахъ отъ одной процессіи, брошены были двѣ бомбы, не причинившія вреда. Эти злодѣянія дали оскорбленнымъ въ религіозныхъ чувствахъ христіанскимъ рабочимъ и крестьянамъ поводъ къ немедленной расправѣ съ нѣкоторыми лицами, выбѣжавшими изъ домовъ, изъ - которыхъ произведены были выстрѣлы, а затѣмъ, къ нападенію на другіе еврейскіе дома. Вмѣшательствомъ войскъ и губернатора погромъ былъ ограниченъ сравнительно незначительнымъ размѣромъ. По полученному сегодня донесенію губернатора, безпорядки, прекратившіеся вечеромъ, утромъ возобновились съ новой силой. Брошено нѣсколько бомбъ. Полицейское управленіе обстрѣливалось толпой, войска отвѣчали выстрѣлами".

„Гродно. (Офиціально). 2-го іюня. Вчера въ Бѣлостокѣ крестьянами разгромлена главная улица города — Липовая. Товаръ истреблялся безъ грабежа. По всему городу стрѣльба. Евреи стрѣляютъ изъ оконъ, солдаты отстрѣливаются, крестьяне дерутся палками. Войска оцѣпили городъ и не пускаютъ въ него крестьянъ

[1]) „Прав. Вѣст.", 6 іюня 1906 г., № 125.

изъ деревень. Прибывшая сегодня кавалерія разгоняетъ громилъ. Раненыхъ много. Число убитыхъ сравнительно невелико. Точныхъ подробностей пока нѣтъ“ [1]).

Затѣмъ идутъ донесенія мѣстнаго генерала Бадера.

Генералъ Бадеръ телеграфировалъ военному министру 9 іюня:

„Вашему превосходительству доношу: 1-го іюня, крестьяне, озлобленные бомбами и выстрѣлами въ православную и католическую процессіи, начали громить еврейскія лавки и нѣкоторыя квартиры. Благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ и немедленному вызову войскъ гарнизона, погромъ скоро прекращенъ. 2 іюня были только отдѣльные случаи погромовъ. Христіанъ убито 3, ранено 7; евреевъ убито 78, ранено 84. Ночью 3-го іюня и особенно 4-го іюня анархисты и бундисты обстрѣливали разные правительственные дома и вокзалъ желѣзной дороги. Вслѣдствіе надлежащаго отпора, эти аггрессивныя дѣйствія евреевъ прекратились. Поведеніе войскъ примѣрное, благодаря чему удалось такъ скоро прекратить погромъ; нареканія въ газетахъ ложь. Жители успокаиваются. Много имущества возвращено. Положеніе пока серьезное. Раненыхъ солдатъ трое. Генералъ Бадеръ“.

Рапортомъ отъ 10 іюня тотъ же генералъ доносилъ:

„Петербургъ. (Офиціально). Рапортъ военному министру временнаго генералъ-губернатора города Бѣлостока и бѣлостокскаго уѣзда отъ 10 іюня: „Въ 2 часа дня 1-го іюня на Александровской улицѣ шла православная процессія. Когда она поворачивала на Институтскую улицу, у дома Янкеля Рахитиса, находящіеся на углу неизвѣстные евреи бросили бомбу и начали стрѣлять изъ револьверовъ. Бомбою убитъ одинъ христіанинъ, ранено двое. Пулями убито 3 и ранено 3. Сейчасъ же прибыла рота, которая находилась въ полицейскомъ управленіи, и начала обстрѣливать домъ. Процессія продолжала идти дальше. Послѣ этого были брошены двѣ бомбы на Липовой улицѣ, по пути слѣдованія католической процессіи, и все время евреи продолжали стрѣлять изъ оконъ и балконовъ, послѣ чего христіане на-

[1]) „Нов. Вр.“, 3 іюня, 1906 г. Курсивъ нашъ. Телеграмма изъ Вильны приведена съ нѣкоторыми сокращеніями.

чали громить лавки и избивать евреевъ. Были вызваны еще войска. Всего—болѣе двухъ полковъ пѣхоты и вся кавалерія. Евреи стрѣляли по христіанамъ, на что отвѣчали войска. 2 іюня были только отдѣльные случаи погромовъ но тоже цѣлый день продолжалась стрѣльба. Евреи на окраинахъ города и въ близъ лежащихъ деревняхъ нападали на христіанъ. Ночью со 2-го на 3-е іюня и особенно съ 3-го на 4-е іюня происходила усиленная стрѣльба. Злоумышленники обстрѣливали преимущественно правительственныя учрежденія, какъ-то: государственный банкъ, почту, казначейство, штабъ 4-й кавалерійской дивизіи, полицейское управленіе и полицейскій участокъ. 5-е и 6-е іюня прошли спокойно, благодаря тому, что сады и фабрики, откуда прежде стрѣляли злоумышленники, были заняты войсками. Въ общемъ, съ 1-го по 5-е іюня убито евреевъ 78, а ранено—84. Нижнихъ чиновъ ранено 4. Во время погрома, если и бывали случаи, что одиночные люди и мелкія команды безъ офицеровъ недостаточно энергично противодѣйствовали громиламъ, то въ общемъ войска дѣйствовали правильно, и только благодаря ихъ самоотверженной работѣ, а также тому, что они не допустили въ городъ жителей окрестныхъ селеній, порядокъ былъ возстановленъ сравнительно быстро. Чтобы препятствовать наплыву крестьянъ и рабочихъ загородныхъ фабрикъ, я направилъ кавалерійскія части для занятія дорогъ. Генералъ-лейтенантъ фонъ-Бадеръ".

Эта коллекція донесеній и краткихъ военныхъ реляцій была завершена длиннымъ правительственнымъ сообщеніемъ, снова напечатаннымъ въ „Правит. Вѣстникѣ". Три четверти этого документа посвящено описанію революціоннаго движенія въ Бѣлостокѣ, описаніе же самаго погрома заключается въ слѣдующихъ строкахъ [1]):

„Погромъ производился по преимуществу отдѣльными небольшими кучками громилъ изъ среды городского и сельскаго населенія, нападавшими на еврейскіе дома и магазины въ тѣхъ по преимуществу мѣстахъ, гдѣ не имѣлось войскъ. Въ огромномъ большинствѣ слу-

---

[1]) „Правит. Вѣстн." 21 іюня 1906 г., № 138. Курсивъ нашъ.

чаевъ, разгромы эти прекращались своевременно прибывшими войсковыми частями, и къ шести часамъ вечера городъ былъ очищенъ отъ погромщиковъ и на главнѣйшихъ въѣздахъ выставлены воинскіе патрули для недопущенія жителей окрестныхъ селеній, устремившихся въ городъ, какъ только разнеслась вѣсть о погромѣ. Стихнувшій къ вечеру погромъ вновь вспыхнулъ на слѣдующій день, выразившись въ попыткахъ разграбленія лавокъ, и затѣмъ, въ неожиданномъ нападеніи многочисленной толпы на евреевъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, гдѣ, за сосредоточеніемъ войскъ въ центрѣ города, оставался лишь совершенно ничтожный по численности караулъ. Затѣмъ, съ половины этого дня возникли нападенія на войска со стороны мѣстныхъ революціонныхъ организацій, закончившіяся лишь ночью на 4-е іюня. Нападенія эти выражались въ обстрѣливаніи воинскихъ патрулей и зданій полицейскихъ участковъ и штабовъ 16-й пѣхотной и 4-й кавалерійской дивизій и государственнаго банка, причемъ получили пораненія три нижнихъ чина; въ отвѣтъ на это, войска обстрѣливали дома, изъ которыхъ были направлены выстрѣлы, причемъ, конечно, жертвами стрѣльбы могли дѣлаться не только лица, виновныя въ вооруженномъ нападеніи, но и мирные жители, находившіеся въ этихъ домахъ.

Всѣ полученныя путемъ разслѣдованія данныя приняты уже въ основаніе мѣръ, направленныхъ къ возстановленію нормальной дѣятельности мѣстныхъ властей. Что касается лицъ, виновныхъ въ учиненіи самаго погрома, пособниковъ ихъ и подстрекателей, то для обнаруженія, сужденія и наказанія ихъ судебныя учрежденія, безъ сомнѣнія, воспользуются всей полнотой предоставленной имъ власти, причемъ со стороны правительства оказано будетъ всякое содѣйствіе къ тому, чтобы ни одно лицо, виновное въ печальныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Бѣлостокѣ, не избѣгло ни суда, ни наказанія.

Отвергая съ глубокимъ негодованіемъ распространяемые въ обществѣ слухи о томъ, что еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ былъ подготовленъ съ вѣдома и при участіи мѣстной администраціи и войскъ, правительство долгомъ считаетъ

выразить свое убѣжденіе въ томъ, что причину этого печальнаго событія слѣдуетъ искать прежде всего въ дѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ организацій, которыя непрерывнымъ рядомъ преступныхъ посягательствъ, направленныхъ противъ властей и противъ частныхъ лицъ, довели мирное населеніе до крайняго озлобленія и разстроили полицію, не имѣвшую вслѣдствіе этого возможности предупредить и во-время остановить начавшіеся безпорядки".

Какъ видимъ, правительство и его агенты не поскупились на сообщенія, но, читая ихъ, нетрудно угадать причины такой готовности посвятить населеніе въ подробности бѣлостокскаго погрома. Всѣ приведенныя сообщенія весьма далеки отъ истины, и, распространяя ихъ черезъ офиціальное телеграфное агентство, черезъ „Правит. Вѣстн." и частныя газеты, власти, повидимому, стремились какъ можно глубже вселить въ сознаніе публики распространяемую ложь. Въ этомъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на подчеркнутыя слова и фразы приведенныхъ сообщеній. Извѣстіе, сообщенное въ первой изъ приведенныхъ телеграммъ, оказалось настолько лживымъ, что передавшее его „офиціально" агентство на слѣдующій же день само отреклось отъ него и разослало объ этомъ офиціальную же телеграмму о томъ, что „телеграмма изъ Гродны отъ 2 іюня, въ которой сообщается, будто въ Бѣлостокѣ евреи бросили въ паломниковъ бомбы и будто во время паники въ процессіи затоптаны дѣти, разорванъ ксендзъ, а православному священнику оторвало ногу, прислана не офиціально, а частнымъ корреспондентомъ, который собралъ неточныя свѣдѣнія и многія подробности передалъ по ложнымъ слухамъ". Это опроверженіе, конечно, не могло остановить дѣйствія яда злонамѣренной лжи, пущенной наканунѣ въ народъ, и пусть спб. агентство выдало бы головою хоть всѣхъ своихъ лгущихъ и клевещущихъ корреспондентовъ, вліяніе пущенной клеветы исправить уже было невозможно—въ тотъ же день, подъ впечатлѣніемъ этой телеграммы, въ Лапахъ и Староселкахъ (близъ Бѣлостока) были произведены еврейскіе погромы. Тенденція этой телеграммы для всѣхъ ясна: необходимо было всюду пустить слухъ, что евреи

совершили неслыханное злодѣяніе и кощунство, и тѣмъ оправдать бѣлостокское кровопусканіе; козломъ отпущенія явился никому невѣдомый корреспондентъ, а агентство умыло руки, использовавъ ироническій совѣтъ Беранже: „Calomniez, calomniez—il en restera toujours quelque choze“.

Но и въ послѣдующихъ сообщеніяхъ и правительства, и пет. телегр. агентства, и ген. Бадера повторяется почти та же ложь, облеченная лишь въ нѣсколько болѣе приличную форму. И здѣсь мы находимъ сообщенія объ убитыхъ дѣтяхъ, несшихъ икону, объ убитыхъ бомбою и пулями паломникахъ, о евреяхъ, стрѣлявшихъ въ процессію и бросившихъ въ нее бомбу, о нападеніяхъ евреевъ на христіанъ и войска, тогда какъ парламентскою комиссіею категорически установлено, что никто въ процессіи не былъ убитъ, а были только ранены одинъ мужчина и 3 женщины, что дѣти вовсе не пострадали, что бомба брошена была не въ процессію, а на Суражской улицѣ, съ цѣлью помѣшать хулиганамъ проникнуть туда; что стрѣляли въ процессію не евреи, а неизвѣстныя лица, которыхъ рѣшительно никто не видѣлъ, что не евреи нападали на войска и христіанъ, а наоборотъ, войска и хулиганы изъ русскаго населенія истребили 75 евреевъ, ранили 60 и разграбили 69 квартиръ и лавокъ. Легенда о брошенныхъ евреями въ процессію бомбахъ была вскорѣ опровергнута и духовнымъ вѣдомствомъ, разославшимъ всѣмъ православнымъ священникамъ Гродненской губерніи циркуляръ за № 278, начинающійся слѣдующими словами: „Бывшій на этихъ дняхъ погромъ въ г. Бѣлостокѣ и неправильное освѣщеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ погромъ, распространились свѣдѣнія, что будто евреями была брошена бомба въ христіанскую процессію съ крестнымъ ходомъ, чего въ дѣйствительности не было“... [1])

Въ приведенной выше офиціальной телеграммѣ изъ Гродно, повидимому, съ цѣлью представить погромъ въ видѣ борьбы населенія съ революціонерами, сообщено, что „товаръ истреблялся безъ грабежа“. Но лживость этого сообщенія опровергается тутъ же телеграммою ген. Бадера отъ 9 іюня, въ которой сообщается: „много имущества возвращено“. Да и

---

[1]) „Бѣлостокскій погромъ“. Русское свободное издательство. Москва. 1906 г., стр. 60.

докладъ парламентской комиссіи категорически устанавливаетъ лживость сообщенія о безкорыстіи погромщиковъ, будто не грабившихъ разгромленныя лавки.

Власти такъ заврались, что имъ приходилось опровергать ихъ же коллегамъ. Ложь ихъ была такъ груба и аляповата, такъ неуклюже торчала изъ-за канцелярской формы офиціальныхъ донесеній бравыхъ служакъ, что бросалась въ глаза даже непосвященнымъ въ „маленькіе секреты" бюрократіи. Когда въ печати появился приведенный нами рапортъ бѣлостокскаго ген.-губернатора фонъ Бадера военному министру отъ 10 іюня, одна изъ московскихъ газетъ напечатала слѣдующее обращеніе къ этому генералу:

„Когда генералъ-лейтенантъ Его Императорскаго Величества обращается офиціальнымъ рапортомъ къ военному министру, то лгать въ этомъ рапортѣ, казалось бы, неприлично.

Мы спрашиваемъ генералъ-лейтенанта фонъ-Бадера:

1) Если бомбу въ процессію бросили, какъ онъ заявляетъ, „неизвѣстные", то откуда ему извѣстно, что эти неизвѣстные—евреи?

2) Если евреи все время стрѣляли въ войска и въ христіанъ, то почему, по его же показанію, ранено нижнихъ чиновъ 4, христіанъ ранено двое, одинъ убитъ, а евреевъ въ то же время, по его же словамъ, убито 78 и ранено 84?

3) Почему между убитыми и ранеными нѣтъ ни одного громилы, ни одного убійцы и грабителя, а есть множество женщинъ, дѣтей, стариковъ и старухъ? Въ кого же стрѣляли войска?

4) „Евреи на окраинахъ города и въ близъ-лежащихъ деревняхъ нападали на христіанъ".

Не укажетъ ли генералъ фонъ-Бадеръ, гдѣ, на кого именно нападали евреи и кто отъ этихъ нападеній пострадалъ?

Ваше превосходительство, вы ошиблись,—Бѣлостокъ не Манчжурія, и ваша реляція можетъ быть провѣрена и уже провѣрена. Прилично ли, ваше превосходительство, въ офиціальномъ рапортѣ такъ лгать?" [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 41. Къ сожалѣнію, авторъ книги не указалъ названія газеты.

Генералъ Бадеръ, однако, и глазомъ не моргнулъ на это обращеніе и „гордо“ промолчалъ на брошенное ему обвиненіе во лжи. Что могъ онъ сказать въ свое оправданіе?

Обратимся теперь къ правительственному сообщенію, заключительную часть котораго мы сейчасъ приводили. Въ сообщеніи этомъ говорится, между прочимъ, что оно составлено на основаніи собранныхъ командированнымъ въ Бѣлостокъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ камергеромъ Фришемъ данныхъ и „другихъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства“. Мы не знаемъ, какого рода матеріалы были представлены правительству г. Фришемъ— они не были опубликованы,—но о „другихъ“ данныхъ легко догадаться по приведеннымъ образцамъ донесеній мѣстныхъ властей. Повидимому, данныя эти были въ большой враждѣ съ истиной, потому что сообщеніе правительства переполнено большими „неточностями“. Оно говоритъ неправду, утверждая, что на еврейскія лавки и магазины нападали преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было войскъ: разслѣдованіемъ парламентской комиссіи установлено, что войска въ лучшемъ случаѣ бездѣйствовали, не препятствуя разгрому, а во многихъ случаяхъ—сами участвовали въ грабежѣ и убійствахъ. „Наблюдались, какъ обычное, говоритъ въ своемъ докладѣ Г. Думѣ эта комиссія, такія явленія: хулиганы, вмѣстѣ съ городовыми, громили лавки и расхищали товаръ, а солдаты шли позади и обстрѣливали улицы, если на нихъ появлялся какой либо еврей, хулиганы же оставались невредимыми и продолжали дѣлать свое дѣло. Грабили не только хулиганы и городовые, но нерѣдко и солдаты“... „Начиная съ четверга и до субботы, по улицамъ шла положительно канонада по невидимому непріятелю. Въ этой стрѣльбѣ мишенью служили исключительно евреи“...

Также невѣрно утвержденіе правительства, что на вокзалѣ, въ моментъ появленія тамъ громилъ, „оставался лишь совершенно ничтожный по численности караулъ“, который не могъ будто бы защитить евреевъ отъ избіенія. И здѣсь правительственную неточность исправляетъ парламентская комиссія. „Съ первыхъ же моментовъ погрома, въ городѣ и на вокзалѣ появились войска—пѣхота и драгуны; на вокзалѣ находился комендантъ, нѣсколько жандармскихъ офицеровъ; въ буфетѣ были офицеры сосредоточенныхъ въ городѣ пол-

ковъ угличскаго, казанскаго и владимірскаго". Разсказывая объ избіеніяхъ хулиганами пріѣзжавшихъ въ поѣздахъ евреевъ, комиссія снова прибавляетъ: „все это происходило на глазахъ массы солдатъ, жандармовъ, коменданта, офицеровъ". Совершенно то же самое установлено было и на судѣ, во время разбирательства въ іюлѣ 1907 г. дѣла о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ. Свидѣтели, разсказывая объ этомъ погромѣ, утверждали, и обвинительный актъ установилъ, что погромъ происходилъ „на глазахъ многочисленныхъ драгунъ, конныхъ и спѣшившихся, вооруженныхъ солдатъ и жандармовъ. По словамъ свидѣтеля Куректа, спасшагося отъ побоевъ на чердакѣ и изъ окна наблюдавшаго картину погрома, и многихъ другихъ свидѣтелей, никто изъ солдатъ не пытался прекратить ужасную травлю, а иные даже хохотали". Свидѣтель-христіанинъ, желѣзнодорожный чиновникъ г. Бибило показалъ, что на перронѣ вокзала, въ залѣ у входа, на площади стояли *усиленные* наряды, былъ ротмистръ жандармовъ Трапицынъ, стояли въ полномъ вооруженіи конные и спѣшившіеся драгуны и пѣхотные солдаты— и всѣ спокойно смотрѣли, какъ били, увѣчили, убивали умиравшихъ людей *небольшія* кучки громилъ [1]).

Невѣрно и утвержденіе правительства о неожиданности нападенія хулигановъ на евреевъ на вокзалѣ. Этимъ сообщеніемъ, повидимому, имѣлось въ виду придать наибольшую достовѣрность увѣренію, что на вокзалѣ войскъ было мало именно вслѣдствіе неожиданности нападенія и, кстати, оправдать малочисленность войскъ этою „неожиданностью". Въ правительственномъ сообщеніи рѣчь идетъ о нападеніи на вокзалъ *2-го іюня*, между тѣмъ какъ извѣстно, что хулиганы производили избіенія евреевъ на вокзалѣ и 1-го іюня—это установлено и въ процессѣ о погромѣ на вокзалѣ. Такимъ образомъ, ясно, что нападеніе 2-го іюня не могло быть неожиданнымъ; слѣдовательно, ссылка на „неожиданность" для оправданія малочисленности военнаго караула на вокзалѣ—явно невѣрна. Съ другой стороны, мы знаемъ также, что военный караулъ на вокзалѣ не былъ малочисленнымъ. Наконецъ, извѣстно также и изъ пока-

---

[1]) „Товарищъ", 14 іюля 1907 г. Отчетъ о процессѣ. (Курсивъ нашъ).

занія вышеупомянутаго свидѣтеля Бибило, и изъ доклада парламентской комиссіи, что хулиганы явились на вокзалъ небольшими кучками, а не многочисленною толпою, какъ увѣряетъ правительственное сообщеніе. Все это совершенно неопровержимо доказываетъ, что власти имѣли полную возможность немедленно прекратить погромъ на вокзалѣ, но не желали этого: вспомнимъ уже приводившееся нами раньше сообщеніе парламентской комиссіи о томъ, что тѣхъ евреевъ, которымъ удавалось проскочить черезъ толпу хулигановъ и добѣжать до мостика, ведущаго черезъ рельсы въ городъ, стоявшіе на мостикѣ солдаты не пускали и, такимъ образомъ, предавали ихъ въ руки громилъ. Казалось бы, и этихъ фактовъ болѣе чѣмъ достаточно для доказательства, что увѣренія властей, будто они не располагали достаточными силами для того, чтобы прекратить избіеніе евреевъ на вокзалѣ—чистая выдумка. Но, для полноты картины, считаемъ нелишнимъ добавить, что находившіеся на вокзалѣ во время погрома комендантъ полковникъ Шреттеръ, жандармскій ротмистръ Трапицынъ, драгунскій корнетъ Померанцевъ и начальникъ станціи Чаповъ признаны виновными въ этомъ погромѣ наравнѣ съ судившимися въ іюлѣ убійцами, по поводу чего имѣется постановленіе судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ г. Бокитько о привлеченіи названныхъ лицъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ подсудимыми [1]). Не за старанія ли этихъ почтенныхъ лицъ спасти избиваемыхъ евреевъ тянутъ ихъ къ суду? Чтобы покончить съ аргументомъ правительственнаго сообщенія о малочисленности войскъ, будто бы мѣшавшей властямъ прекратить на вокзалѣ погромъ, вспомнимъ о всеподданнѣйшемъ рапортѣ командира Владимірскаго пѣхотнаго полка полковника Петрова, который точно устанавливаетъ, донося объ этомъ Государю, что на вокзалѣ во время погрома находилась 16 рота названнаго полка. Если бы, кромѣ этой роты, состоящей изъ 100 вооруженныхъ солдатъ, на вокзалѣ не было бы ни драгунъ, ни жандармовъ, то и тогда эта охрана, даже не прибѣгая къ стрѣльбѣ, могла бы разогнать не только небольшія кучки громилъ, разбойничавшихъ на вокзалѣ, но и „многочисленную толпу",

[1]) „Товарищъ", 13 іюля 1907 г. Отчетъ о процессѣ.

о которой съ явнымъ уклоненіемъ отъ истины говорится въ правительственномъ сообщеніи.

Нужно ли, наконецъ, доказывать невѣрность правительственнаго сообщенія о нападеніяхъ на войска „со стороны мѣстныхъ революціонныхъ организацій“? Громадное количество убитыхъ стариковъ, женщинъ, дѣтей и совершенно мирныхъ молодыхъ евреевъ лучше всего разоблачаетъ эту басню, выдуманную для того, чтобы оправдать звѣрское истребленіе мирныхъ жителей правительственными войсками. Въ докладѣ парламентской комиссіи совершенно категорично установлено и доказано, что не революціонеры (которыхъ во всѣхъ приведенныхъ сообщеніяхъ отождествляютъ съ евреями) нападали на войска, а войска, въ лицѣ небольшихъ отрядовъ солдатъ, предводительствуемыхъ полицейскими или хулиганами, врывались въ дома, гдѣ скрывались мирные евреи, и убивали ихъ тамъ пулями, закалывали штыками, избивали прикладами, нерѣдко производя грабежъ. Тѣ случаи такихъ нападеній, которые мы привели выше со словъ думскаго доклада, весьма наглядно иллюстрируютъ ложь офиціальнаго сообщенія [1]. Но еще вы-

[1]) По поводу щедро сыпавшихся изъ офиціальныхъ сферъ обвиненій бѣлостокскихъ революціонеровъ въ бросаніи бомбъ въ процессію и въ стрѣльбѣ и нападеніяхъ на войска, представители соц.-революціонеровъ-максималистовъ и анархическихъ группъ: „Черное Знамя“ и „Хлѣбъ и Воля“ сдѣлали въ Бѣлостокѣ писателю г. Ан—скому слѣдующее заявленіе, опубликованное имъ въ № 23 „Восхода“ за 1906 г.: „Мы заявляемъ передъ всѣмъ міромъ, что никто изъ нашихъ группъ, ни одинъ соц.-революц. или анархистъ - одиночка не бросилъ никакой бомбы въ православную процессію, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла до начала погрома. Помимо того, что мы, какъ революціонеры, никогда не могли бы бросить бомбы или стрѣлять въ толпу мирныхъ людей, мы не могли этого сдѣлать въ данномъ случаѣ потому, что знали, что подобный актъ вызоветъ желательный для полиціи погромъ. Мы, вмѣстѣ съ этимъ, заявляемъ, что въ теченіе четверга и пятницы, когда городъ обстрѣливался подъ предлогомъ, что анархисты обстрѣливаютъ правительственныя зданія мы не сдѣлали ни одного выстрѣла иниціативнаго характера. Мы стрѣляли въ солдатъ и хулигановъ, но только тогда, когда они нападали. За эти дни нами была брошена только одна бомба. Она была брошена въ четвергъ, черезъ два часа послѣ начала погрома, на углу Суражской улицы, когда хулиганы и солдаты направились къ этой улицѣ. Бомба эта была малоразрушительнаго характера и ею раненъ былъ легко одинъ только бросавшій ее“.

пуклѣе и явнѣе становится эта ложь при представленіи о томъ, что въ войскахъ еще задолго до погрома, въ теченіе мая мѣсяца, велась тайная и явная пропаганда идей о необходимости истребленія евреевъ, и день этого истребленія былъ назначенъ на 1 іюня. Случаи этой пропаганды мы приводили со словъ той же парламентской комиссіи, при описаніи бѣлостокскаго погрома, здѣсь же мы ограничимся небольшою цитатою рѣчи депутата профессора Щепкина, произнесенной имъ 23 іюня 1906 г. въ Государственной Думѣ во время доклада парламентской комиссіи о погромѣ. „У насъ, сказалъ проф. Щепкинъ, есть свидѣтельскія показанія солдатъ, имена которыхъ мы, конечно, не вправѣ называть, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ послѣдніе дни мѣсяца мая во всѣхъ полкахъ, и особенно—въ углицкомъ и владимирскомъ, шла агитація, которая велась нѣкоторыми офицерами, агитація, направленная противъ евреевъ. Наканунѣ погрома, 31 мая, солдаты пришли къ одному знакомому еврею и уговаривали его на 1 іюня уѣхать изъ Бѣлостока. Еврей спрашиваетъ: „откуда вы это знаете“?

— А у насъ ротный командиръ 12 роты Владимірскаго полка говорилъ, что главный вредъ въ Россіи отъ евреевъ, что если евреевъ не истребить, то и аграрнаго вопроса нельзя разрѣшить, почему они и должны постараться 1 іюня по поводу процессіи истребить какъ можно больше евреевъ [1]).

Выгораживаетъ правительство и бѣлостокскую полицію, о которой въ правит. сообщеніи говорится, что она „не имѣла возможности предупредить и во время остановить начавшіеся безпорядки“, потому что озлобленіе мирнаго

Если къ этому прибавить, что при окончательномъ освидѣтельствованіи раненой въ процессіи Анны Демидюкъ и вскрытіи убитаго тамъ же Казубая, комиссія изъ шести врачей, четверо изъ которыхъ—христіане, установила, что Демидюкъ, раненая будто бы бомбой, брошенной въ процессію 1-го іюня, пострадала не отъ бомбы, а отъ пули, какъ и Казубай (см. объ этомъ приложеніе № 1 къ докладу думской коммиссіи)—если принять все это во вниманіе, то нельзя не признать бросаніе бомбы въ процессію 1 іюня миѳомъ, исходящимъ изъ тѣхъ же источниковъ, что и вся остальная ложь о бѣлостокскихъ евреяхъ.

[1]) Стенографич. отчетъ о засѣданіи Госуд. Думы I сессіи 1906 г.

населенія противъ революціонеровъ (читай—евреевъ) было слишкомъ велико. Повидимому, только потому, что она не имѣла возможности бороться съ погромомъ, полиція, въ лицѣ городовыхъ и околоточныхъ, водила по городу отряды солдатъ и указывала имъ дома, въ которыхъ скрывались евреи, требуя ихъ истребленія, а нерѣдко и собственноручно истребляя ихъ. По той же, повидимому, причинѣ, приставъ Шереметовъ, на похоронахъ полицеймейстера Деркачева грозилъ евреямъ погромомъ, точно предсказавъ, что погромъ будетъ черезъ два дня. Потому же губернаторъ Кистеръ не только не принялъ никакихъ мѣръ къ обузданію полиціи и къ прекращенію погрома, но даже почти не заглядывалъ въ Бѣлостокъ во время погрома (хотя мѣстныя власти и доносили, что губернаторъ объѣзжалъ городъ, подвозилъ съѣстные припасы для пострадавшихъ и т. п.).

Такова была правда офиціальныхъ сообщеній о Бѣлостокскомъ погромѣ.

Палата не обошла молчаніемъ офиціальной лжи и лучшіе ораторы ея подвергли сообщеніе уничтожающей критикѣ. Въ засѣданіи Государственной Думы 26 іюня депутатъ М. М. Винаверъ, критикуя правительственное сообщеніе и напомнивъ объ ужасахъ бѣлостокской трагедіи, спрашивалъ:

„И почему министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ себя вправѣ скрыть эти ужасы въ оповѣщеніи передъ страной? Если это невѣрно, отчего онъ не сказалъ—это неправда? Отчего онъ умолчалъ? Развѣ вы не слышали о тѣхъ ужасахъ, которые были въ Бѣлостокѣ, ничего не слышали, что тамъ дѣтей разстрѣливали, вырывали ихъ у родителей и черезъ ребенка убивали отца? Все это обходится молчаніемъ. Значитъ, то, что дѣлалось въ Бѣлостокѣ представителями администраціи, очевидно, нужно правительству, если оно это скрываетъ, если оправдываетъ своимъ молчаніемъ. Значитъ, вамъ нужно имѣть на мѣстѣ не власть, которая исполняетъ ваши открытыя велѣнія, вамъ нужна ватага убійцъ, которую вы прикрываете ложью правительственыхъ сообщеній!“

„Вы истину замолчали,—восклицаетъ ораторъ, обращаясь къ министерской ложѣ.—Да, если бы вы ограничились во-

обще только молчаніемъ? Вы сдѣлали хуже. Вы прибѣгли къ дальнѣйшему средству, тоже исходящему изъ центра. Вы выпустили рядъ правительственныхъ сообщеній. Я не обинуясь, скажу, что этими правительственными сообщеніями министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ область той же самой литературы, которую ранѣе распространялъ г. Лавровъ и другіе, ему подобные. (Аплодисменты)" [1]).

Еще рѣзче говорилъ по этому поводу депутатъ Ѳ. И. Родичевъ. Онъ гнѣвно упрекалъ правительство за то, что оно не только само не позаботилось о раскрытіи истины о бѣлостокскомъ погромѣ, но не захотѣло оказать въ этомъ содѣйствіе и парламентской комиссіи, членамъ которой, благодаря этому, пришлось дѣйствовать, какъ корреспондентамъ любой газеты. Вмѣсто того, чтобы сказать всю правду, правительство ведетъ полемику въ своихъ сообщеніяхъ и скрываетъ отъ депутатовъ истину. Почему?—вопрошаетъ ораторъ. Потому, что они не желаютъ истины. „Они, съ запальчивостью заявилъ Родичевъ, систематически принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы истина обнаружена не была".

Они приняли всѣ мѣры, чтобы скрыть это дѣло, всѣ способы, чтобы въ каждомъ административномъ дѣлѣ истина никогда не раскрылась. Всѣ эти способы русской власти въ теченіе долгихъ лѣтъ употребляются. „Всякій русскій чиновникъ знаетъ, что есть правда, которой онъ сказать не смѣетъ и не долженъ, и есть ложь, за произнесеніе которой онъ будетъ награжденъ. Самый составъ нынѣшняго кабинета служитъ залогомъ этому. Всякій чиновникъ, посланный въ Бѣлостокъ, знаетъ, что, если онъ пошлетъ ложное донесеніе министру вн. д., если даже впослѣдствіи ложь, явна ложь его донесеній, будетъ и обнаружена, это ему не помѣшаетъ сдѣлаться коллегой г. Столыпина и, будучи разоблаченнымъ, остаться таковымъ. (Апплодисменты лѣвой). Всякій чиновникъ мин. вн. д., всякій губернаторъ знаетъ, что той правды, которую здѣсь сказалъ кн. Урусовъ, никто изъ нихъ сказать не посмѣетъ: онъ будетъ раздавленъ. Если же онъ представитъ ложь и клевету, покрывающую обнару-

---

[1]) Стенографич. отчеты засѣданій Госуд. Думы, стр. 1737 и 1738.

женное преступленіе, онъ будетъ награжденъ, и, въ худшемъ случаѣ, ему дадутъ въ награду большую сумму денегъ и переведутъ его на другое мѣсто. Все мин-во вн. д. знаетъ, что лучшій способъ сдѣлаться ближайшимъ помощникомъ г. Столыпина въ званіи министра вн. д.—начать свою карьеру съ ложныхъ доносовъ и продолжать ее при помощи поученія своихъ подчиненныхъ, какъ организуются ложныя показанія. Такимъ способомъ, господа, дѣлали карьеру при Муравьевѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, а при Столыпинѣ дѣлаютъ въ департаментѣ полиціи. (Аплодисменты лѣвой). И это имъ отлично извѣстно. Это не можетъ быть неизвѣстно и министру внутреннихъ дѣлъ. Въ настоящее время такому лицу предоставлено все слѣдствіе, всѣ дознанія о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ мы говоримъ. Что вы думаете, министръ Столыпинъ разсчитываетъ отъ него получить правду? (Аплодисменты лѣвой и голоса: „Нѣтъ, нѣтъ, никогда"). Намъ говорятъ, полицейская власть деморализована. Не полицейская только, а всякая власть въ Россіи давно деморализована, систематически деморализована тѣмъ режимомъ насилія и лжи, отъ котораго отречься она не имѣетъ силы, отречься не имѣетъ патріотизма"[1]).

Но не одни Винаверъ и Родичевъ оцѣнили по достоинству офиціальную ложь; почти каждый депутатъ, говоря о бѣлостокскомъ погромѣ, считалъ долгомъ остановиться на офиціальныхъ сообщеніяхъ для того, чтобы доказать ихъ лживость.

Если власти позволяли себѣ такъ открыто игнорировать истину во время засѣданія Государственной Думы, запросы которой всегда висѣли дамокловымъ мечомъ надъ правительствомъ, то легко себѣ представить, какъ онѣ поступали послѣ разгона Думы. Сѣдлецкій погромъ былъ произведенъ какъ разъ въ періодъ междудумья, когда министерство г. Столыпина представляло собою и законодательную, и исполнительную власть. Мы знаемъ, какъ обставленъ былъ сѣдлецкій погромъ и кто былъ его организаторомъ— знаемъ это по докладу ротмистра Пѣтухова. Но докладъ этотъ тщательно скрывался правительствомъ и попалъ въ русскую печать лишь черезъ заграничную прессу. Это уже

---

[1]) Стенографич. отчеты о засѣданіяхъ Г. Думы, стр. 1740.

доказываетъ, что въ докладѣ г. Пѣтухова была изложена правда. Сокрытіе этой правды стоитъ лжи сообщенія о бѣлостокскомъ погромѣ. Правда, центральное правительство, послѣ неудачи съ Бѣлостокомъ, не рѣшилось подмѣнить правды ротмистра Пѣтухова своей ложью о Сѣдлецѣ. Но это невольное умолчаніе было съ лихвою вознаграждено мѣстными властями, по части лжи о сѣдлецкомъ погромѣ перещеголявшими даже правительственное сообщеніе о Бѣлостокѣ. Вся сѣдлецкая трагедія, такъ лихо разыгранная подполковникомъ Тихановскимъ въ сотрудничествѣ съ мѣстной полиціей, была безъ всякихъ обиняковъ представлена въ видѣ доблестнаго сраженія съ революціонерами, внезапно напавшими на войска. Въ этомъ именно духѣ въ мѣстномъ офиціозѣ — „Варшавскомъ Дневникѣ", играющемъ въ Варшавѣ роль петербургскаго „Правит. Вѣстника", былъ напечатанъ рядъ сообщеній подъ видомъ писемъ „нашего" и „спеціальнаго" корреспондента. Повидимому, въ разсчетѣ на совершенное сокрытіе истины и на прочное храненіе подъ казеннымъ сукномъ доклада ротмистра Пѣтухова, „корреспондентъ" наполнилъ свои донесенія безпардонною ложью, почти дословно воспроизведенною впослѣдствіи въ приказахъ военнаго начальства, приводимыхъ нами ниже. Не будемъ повторять здѣсь эту ложь, отмѣтимъ лишь тѣ мѣста ея, которыя не попали въ „приказы" [1]). Такъ, „корреспондентъ" сообщаетъ, что дубненскій пѣхотный резервный полкъ, при повторныхъ обыскахъ, нашелъ въ нѣкоторыхъ домахъ оружіе, револьверы, патроны; были произведены новые аресты". То же самое говоритъ онъ и о результатахъ повальнаго обыска въ домахъ обстрѣлянныхъ артиллеріей: „задержано болѣе 200 лицъ, нѣкоторые изъ нихъ были взяты съ оружіемъ въ рукахъ". А въ цитированной нами выше докладной запискѣ гражданъ Сѣдлеца, представленной предсѣдателю совѣта министровъ, заявлено, что изъ арестованныхъ во время погрома 300 обывателей, ни одному не приписывалось участія въ вооруженномъ возстаніи, *„ибо ни у одного арестованнаго оружія не найдено"*. Это подтвердилъ и сѣдлецкій ген.-губернаторъ г. Сыкаловъ. Да и при обходѣ депутаціей горожанъ, съ полиціей и въ со-

---

[1]) „Варшав. Дн." 1/14 сент. 1906 г.

провожденіи военнаго караула, домовъ, указанныхъ подполковникомъ Тихановскимъ, какъ убѣжища революціонеровъ, будто бы стрѣлявшихъ оттуда въ войска, никого, кромѣ одного старика и двухъ женщинъ евреекъ, найдено не было, о чемъ было доложено начальнику охраны.

Говоря о разгромѣ многихъ магазиновъ, производившемся съ наступленіемъ ночи „неизвѣстными лицами", „корреспондентъ" прибавляетъ: „но погромъ имѣлъ больше характеръ разрушенія, чѣмъ желанія присвоить чужое добро". Но какъ же согласовать съ этимъ сообщеніемъ секретный приказъ по сѣдлецкому гарнизону отъ 30 авг. 1906 г. за № 77, предписывающій начальникамъ частей, „въ виду происходившихъ грабежей, всѣхъ нижнихъ чиновъ, возвращающихся въ казармы, тщательно осматривать, а такъ же немедленно произвести обыскъ въ частяхъ и донести списки нижнихъ чиновъ и описи отобранныхъ у нихъ вещей"? Или г. „корреспондентъ" такъ твердо былъ убѣжденъ въ силѣ правительственныхъ секретовъ, что не боялся разоблаченія его лжи? Впрочемъ, ложь официальнаго корреспондента разоблачена и въ докладѣ ротмистра Пѣтухова, въ которомъ достаточно категорично заявлено, что „фактъ грабежа солдатами во всякомъ случаѣ вполнѣ установленъ".

„За всѣ дни убито около 30 революціонеровъ и ранено около 150"—продолжаетъ свои донесенія „корреспондентъ". Этими „революціонерами", какъ мы знаемъ изъ докладной записки сѣдлецкихъ гражданъ, были мирные жители въ возрастѣ отъ 4 до 72 лѣтъ, въ томъ числѣ 9 женщинъ и 10 отцовъ семействъ.

„Необходимо добавить, что за эти дни въ городѣ было 7 пожаровъ, скоро потушенныхъ. Есть основаніе предполагать, что поджоги были учинены революціонерами, видимо желавшими отвлечь войска отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ засѣли революціонеры". Лучшей оцѣнкой этой выдумки заврашагося „корреспондента" служитъ сообщеніе ротмистра Пѣтухова о томъ, что „уже въ первую ночь драгуны обращались за керосиномъ для поджоговъ къ жандармскимъ унтеръ-офицерамъ Андреюку и Зайцу, и на вопросъ, какъ они смѣютъ это дѣлать, солдаты отвѣтили: „такъ велѣно"; или о томъ, что „керосинъ для поджоговъ солдатами брался также и изъ лампъ уличныхъ фонарей".

Оставимъ, однако, офиціальнаго „корреспондента" въ нечистотахъ его лжи и обратимся къ болѣе крупнымъ агентамъ правительства. Но и въ ихъ донесеніяхъ, или, вѣрнѣе, приказахъ, мы найдемъ не больше правды, чѣмъ въ выдумкахъ „корреспондента"; правительственный механизмъ былъ налаженъ въ этомъ отношеніи вполнѣ хорошо и всѣ его части, начиная отъ маленькихъ винтиковъ и кончая крупными колесами и валами, дѣйствовали совершенно согласно (если не считать случайно и, надо полагать, временно, испортившейся „гайки" въ лицѣ жандармскаго ротмистра Пѣтухова).

Намъ неизвѣстно ни одного донесенія сѣдлецкихъ военныхъ и гражданскихъ властей своему начальству объ обстоятельствахъ сѣдлецкаго погрома, потому что растлѣвающее вліяніе гласности не успѣло еще коснуться этихъ документовъ. Но о степени ихъ правдивости можно судить по двумъ приказамъ, являющимся какъ бы отвѣтомъ на посланныя донесенія. Мы говоримъ о приказѣ временнаго генералъ-губернатора сѣдлецкой губерніи, отданномъ 19 сент. 1906 г. по войскамъ охраны этого района, и о приказѣ по войскамъ варшавскаго военнаго округа отъ 7 февраля 1907 г. Вотъ эти документы:

„Приказъ войскамъ охраны района сѣдлецкой губерніи. 19 сент. 1906 г. № 33.

Считаю долгомъ службы объявить искреннюю благодарность бывшему начальнику охраны г. Сѣдлеца, подполковнику Тихановскому, за его беззавѣтную преданность службѣ и порученному ему дѣлу, при исполненіи коего онъ выказалъ неусыпную дѣятельность, всестороннюю обдуманность и выдающуюся энергію въ исполненіи намѣченнаго, результатомъ чего было энергическое подавленіе возмущенія и тѣ рѣшительныя дѣйствія войскъ охраны, которыя заслужили офиціально переданное мнѣ одобреніе ихъ дѣйствій его высокопревосходительствомъ командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа.

Подлинный подписалъ: временный генералъ-губернаторъ сѣдлецкой губерніи, генералъ-лейтенантъ. Съ подлиннымъ вѣрно: вр. и. д. начальника штаба, капитанъ Прохоровъ" [1]).

---

[1]) Изъ запроса Гос. Д. о сѣдлецкомъ погромѣ, № 108.

Не будь въ этомъ приказѣ упомянуто имя главнаго дѣйствующаго лица сѣдлецкаго погрома—подполковника Тихановскаго, можно было бы и не догадаться, что въ приказѣ рѣчь идетъ именно о сѣдлецкомъ погромѣ, потому что какому же здравомыслящему человѣку придетъ въ голову, что возможно благодарить за беззавѣтную преданность „дѣлу", которое состояло въ истребленіи нѣсколькихъ десятковъ человѣческихъ душъ и разореніи чуть ли не половины всего города; затѣмъ, рѣчь идетъ здѣсь о „порученномъ" дѣлѣ, а чья же фантазія могла бы себѣ представить возможность порученія, повидимому, офиціальнаго, такого жестокаго, безчеловѣчнаго дѣла. Выходило бы, что начальство поручило своему подчиненному офицеру совершить небывалое преступленіе и потомъ благодарило его за то, что преступленіе выполнено со всестороннею обдуманностью и выдающеюся энергіей. Мы знаемъ, что уголовный законъ считаетъ проявленіе такихъ качествъ при совершеніи преступленій обстоятельствомъ, отягчающимъ вину преступника, а здѣсь мы видимъ, что это, наоборотъ, послужило поводомъ для сугубой благодарности. Но упоминаніе имени Тихановскаго и похвалы за подавленіе возмущенія не оставляютъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ о подвигѣ сѣдлецкихъ „героевъ". Для чего опубликована эта благодарность — ясно всякому, кто знакомъ съ обстоятельствами сѣдлецкаго погрома. Организація его подполковникомъ Тихановскимъ такъ очевидна, что выступить съ открытымъ опроверженіемъ этого было невозможно; замолчать, значило—признаться въ укрывательствѣ совершеннаго преступленія. Оставался единственный логическій и честный выходъ—отдать подъ судъ виновниковъ погрома, но этотъ выходъ, повидимому, былъ несовмѣстимъ съ господствующей политикой и шелъ бы въ разрѣзъ съ усвоенной до сихъ поръ властями линіей поведенія.

Въ этомъ безвыходномъ положеніи военныя власти нашли выходъ, назвавъ погромъ — подавленіемъ возмущенія. Какъ страусъ, прячущій голову подъ крыло и воображающій, что его никто не видитъ, онѣ, выдумывая эту басню, надѣялись шумихою своей терминологіи внушить публикѣ нелѣпую мысль о возмущеніи сѣдлецкихъ „революціонеровъ". Но этимъ пріемомъ онѣ окончательно

выдали себя. Всякому понятно, что даже самые легкомысленные или отчаянные революціонеры, зная, какими приготовленіями занимались войска въ теченіе двухъ съ лишнимъ недѣль, не рѣшились бы нападать на военную охрану, готовую дать энергичный отпоръ и болѣе сильному врагу. Ясно, слѣдовательно, что басня о возмущеніи, о вооруженномъ мятежѣ выдумана исключительно съ цѣлью оправдать совершенныя въ Сѣдлецѣ убійства и грабежи.

Эту же самую басню повторилъ командующій войсками варшавскаго военнаго округа ген. Скалонъ, придавшій облюбованному имъ миѳу характеръ приказовъ, издающихся полководцами во время военныхъ дѣйствій. Приводимъ цѣликомъ и этотъ своеобразный документъ:

„26 августа прошлаго года, около $9^1/_2$ ч. веч., по часовому у окна арестованныхъ на гауптвахтѣ въ г. Сѣдлецѣ былъ неизвѣстными злоумышленниками открытъ огонь изъ револьверовъ, который вскорѣ былъ направленъ и на вышедшій изъ гауптвахты караулъ, при чемъ у одного нижняго чина была прострѣлена фуражка, а другому пуля ударила въ шейку приклада ружья и контузила палецъ. Караулъ въ свою очередь отвѣтилъ огнемъ по чердачнымъ помѣщеніямъ сосѣднихъ домовъ. Одновременно съ этимъ былъ обстрѣлянъ также и караулъ, находившійся во дворѣ полицейскаго управленія, а затѣмъ послышались револьверные выстрѣлы и въ другихъ частяхъ города; вызванныя по сигналу „тревога“ войска сѣдлецкаго гарнизона, 6 эскадроновъ 39-го драгунскаго нарвскаго полка, и 6 ротъ 9-го пѣхотнаго либавскаго полка, по распоряженію начальника охраны города, подполковника 39 драгунскаго нарвскаго полка Тихановскаго, подавляя револьверный огонь залпами и отстрѣливаясь отъ злоумышленниковъ, приступили къ обыску домовъ и садовъ, откуда производилась стрѣльба, но, благодаря этой чуждой войскамъ и вообще трудной задачѣ и пересѣченной мѣстности, обыски эти не привели къ желательнымъ результатамъ. Между тѣмъ, стрѣльба злоумышленниковъ изъ чердачныхъ помѣщеній домовъ и изъ-за заборовъ шла по прежнему и держала нижнихъ чиновъ въ напряженномъ состояніи.

Около 1 часу дня 27 августа прибыла въ Сѣдлецъ кадровая резервная батарея 48 артиллерійской бригады, воз-

вращавшаяся изъ Рембертова въ Радинъ, при чемъ прибытіе ея въ Сѣдлецъ въ виду событій было ускорено, а въ 2 часа ночи 28 августа прибылъ вызванный изъ г. Бѣлы 195 пѣхотный резервный дубненскій полкъ. На своемъ пути отъ вокзала къ центру города полкъ былъ встрѣченъ револьверными выстрѣлами со стороны садовъ, огородовъ и пустырей.

Такъ какъ отвѣтная стрѣльба войскъ по чердачнымъ помѣщеніямъ каменныхъ домовъ оставалась безрезультатной, а сами войска истомлялись тяжелой службой, то въ 7 ч. утра того же 28 августа было приказано взводу артиллеріи открыть огонь гранатами (безъ ударной трубки, а только со втулкой, во избѣжаніе пожаровъ и напрасныхъ жертвъ) по тѣмъ домамъ, откуда особенно упорно велась стрѣльба злоумышленниками. Это произвело надлежащее впечатлѣніе, и мятежной стрѣльбѣ былъ положенъ конецъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣйствій войскъ при подавленіи этого организованнаго революціоннаго мятежа, я долженъ по справедливости признать, что либавцы и нарвцы, находясь безсмѣнно на тяжелой и опасной службѣ болѣе 30 часовъ, а затѣмъ и пришедшіе къ нимъ на подмогу дубненцы и артиллеристы дѣйствовали по долгу службы и присяги. Были отдѣльные случаи насилій и нарушеній правъ собственности со стороны нижнихъ чиновъ, но отвѣтственность за нихъ и пала на этихъ отдѣльныхъ лицъ.

Сравнительно быстрое подавленіе этого мятежа, угрожавшаго при его успѣхѣ очень серьезными послѣдствіями для края, отношу къ доблести упомянутыхъ войскъ сѣдлецкаго гарнизона, а въ особенности къ энергіи и распорядительности начальника охраны города подполковника 39-го драгунскаго нарвскаго полка Тихановскаго и командира кадровой резервной батареи 48-й артиллерійской бригады подполковника Волжинскаго, за что молодцамъ нижнимъ чинамъ 6-го пѣхотнаго либавскаго, 195-го пѣхотнаго резервнаго дубненскаго, 39-го драгунскаго нарвскаго полковъ и кадровой резервной батареи 48-й артиллерійской бригады объявляю свое сердечное спасибо, а подполковникамъ Тихановскому и Волжинскому и гг. офицерамъ названныхъ частей войскъ приношу мою искреннюю благодарность.

Бывшему же временному сѣдлецкому ген.-губернатору

ген.-маiору Энгельке не могу поставить въ заслугу отсутствiе съ его стороны всякой инициативы и устраненiе себя въ моменты, требовавшiе особой распорядительности и находчивости“ [1]).

Какъ ни старался здѣсь ген. Скалонъ облечь повторяемую имъ ложь въ форму непреложной достовѣрности—изъ его приказа, писаннаго, конечно, не для „доблестныхъ войскъ“, а исключительно для публики, ничего путнаго ни для него, ни для его коллегъ не вышло. Едва ли нашелся хоть одинъ человѣкъ, который повѣрилъ утвержденiю ген. Скалона, что на войска было произведено внезапное нападенiе революцiонеровъ. Вѣдь при нападенiи, да еще внезапномъ, терпитъ уронъ прежде всего сторона, подвергшаяся нападенiю, а уронъ войскъ сѣдлецкаго гарнизона отъ этого нападенiя ограничился прострѣленною у одного солдата фуражкою и контуженнымъ пальцемъ — у другого; это — результатъ обстрѣла караула у гауптвахты, другого караула—во дворѣ полицейскаго управленiя и стрѣльбы „въ другихъ частяхъ города“. Между тѣмъ, войска, только „отстрѣливаясь“ отъ злоумышленниковъ, уложили 32 евреевъ. Любопытнѣе всего то, что въ приказѣ г. Скалона ничего не сообщается о томъ, куда же дѣвались тѣ револьверы, огнемъ которыхъ осыпали революцiонеры войска. Обыски домовъ и садовъ, откуда производилась стрѣльба, не привели къ желательнымъ результатамъ, т. е. оружiя и стрѣлявшихъ изъ него тамъ найдено не было—„благодаря этой чуждой войскамъ и вообще трудной задачѣ и пересѣченной мѣстности“ — объяснено въ приказѣ. Но при чемъ же тутъ пересѣченная мѣстность, если извѣстно, что городъ былъ оцѣпленъ войсками, никого не выпускавшими, а обыски были повальные—при такихъ условiяхъ и оружiе, и люди не могли быть не найдены, если бы они дѣйствительно были. Остается, въ такомъ случаѣ, только предположенiе, что ген. Скалонъ повѣрилъ въ истинность распространеннаго во всемъ Западномъ краѣ еврейскаго афоризма, гласящаго: „если Богъ захочетъ, такъ и вѣникъ выстрѣлитъ“. И весь приказъ со всѣми его громыхающими фразами объ „организованномъ мятежѣ“, о дѣйствiи войскъ „по долгу

---

[1]) Тамъ же.

службы и присяги“, благодаря которому „мятежъ былъ подавленъ сравнительно быстро“, „объ энергiи и распорядительности начальника охраны“ и т. п., есть не что иное, какъ пошлая повѣсть о стрѣляющемъ вѣникѣ. Въ ней есть все, за исключенiемъ истины, и если бы ген. Скалонъ сказалъ въ своемъ приказѣ хоть маленькую долю правды, вродѣ фактовъ стрѣльбы войскъ въ больницу, убiйства молящагося еврея, поджоговъ и грабежей, совершенныхъ драгунами во славу русскаго оружiя, то ему пришлось бы заключить свой приказъ не благодарностью подполковнику Тихановскому, прочимъ офицерамъ и „молодцамъ нижнимъ чинамъ“, а объявленiемъ объ отдачѣ ихъ подъ судъ.

Этотъ приказъ, появившiйся 7 февраля 1907 г.—вскорѣ послѣ опубликованiя доклада ротмистра Пѣтухова и какъ бы въ отвѣтъ на него — когда русское общество ждало исполненiя обѣщанiя г. Столыпина о разслѣдованiи сѣдлецкаго погрома и наказанiи виновниковъ его,—не былъ опровергнутъ правительствомъ, до сихъ поръ не исполнившимъ обѣщанiя г. Столыпина.

Повидимому, этимъ приказомъ ликвидировалось все дѣло о сѣдлецкомъ погромѣ, ликвидировалось во славу сѣдлецкихъ убiйцъ и грабителей и въ посрамленiе... стрѣляющихъ вѣниковъ.

VI.

Какъ правительство разслѣдовало погромы.

Мы привели почти всѣ наиболѣе типичныя сообщенія правительства и его агентовъ о погромахъ, но можемъ ли мы на основаніи этихъ документовъ признать, что увѣренія правительства о непричастности его и его агентовъ къ погромамъ—основательны? Нѣтъ—вотъ единственный отвѣтъ, который можно здѣсь дать. Несомнѣнно, правительство печатало приведенные документы съ единственною цѣлью—реабилитировать себя въ глазахъ населенія, опровергнуть взводимыя на него обвиненія. Ни того, ни другого оно, однако, не достигло, наоборотъ—оно еще больше скомпрометировало себя стараясь прикрыть истинную сущность погромовъ и оправдать ихъ настоящихъ виновниковъ. Объясненія правительства доказали, что оно не только не осуждаетъ совершенныхъ его агентами во время погромовъ преступленій, но во многихъ случаяхъ старается представить эти преступленія въ видѣ патріотическихъ подвиговъ, исполненія долга службы и присяги и т. п.

Но не въ одномъ только желаніи обѣлить активныхъ погромщиковъ и укрыть ихъ отъ возмездія и общественнаго негодованія повинно правительство. Своими дѣйствіями оно доказало явное свое нежеланіе разслѣдовать причины погромовъ и обнаружить истинныхъ виновниковъ ихъ. Если оно отрицало виновность тѣхъ лицъ, на которыхъ единодушно указывало все общество, приводя безспорныя улики, то уже одно чувство собственнаго достоинства и желаніе поддержать свой престижъ обязывало правительство произвести безпристрастное разслѣдованіе. Но не сумѣвъ оправ-

дать уличенныхъ погромщиковъ, оно ничего не сдѣлало для реабилитаціи ихъ слѣдственнымъ путемъ. Почти каждое свое сообщеніе о погромахъ правительство заканчивало торжественнымъ обѣщаніемъ произвести разслѣдованіе и наказать виновныхъ, но какъ оно выполнило свои обѣщанія, объ этомъ намъ разскажетъ краснорѣчивый языкъ фактовъ.

Какъ разслѣдовались октябрьскіе погромы? Отвѣтъ на это могутъ дать много разъ цитированные нами отчеты сенаторовъ Турау и Кузьминскаго о кіевскомъ и одесскомъ погромахъ.

Обоимъ имъ дано было весьма узкое порученіе выяснить, могли ли быть силою мѣстныхъ властей предотвращены безпорядки и каково было участіе администраціи въ дѣлѣ ихъ подавленія. Такимъ образомъ, вопросъ объ участіи администраціи въ самомъ погромѣ былъ совершенно исключенъ изъ программы разслѣдованія, чѣмъ заранѣе предрѣшался вопросъ о непричастности ея къ погрому. Еслибы въ такихъ узкихъ рамкахъ разслѣдованіе было поручено не правительственнымъ чиновникамъ, какими въ данномъ случаѣ являлись сенаторы Турау и Кузьминскій, а судебнымъ слѣдователямъ или даже представителямъ какой нибудь авторитетной общественной организаціи, то и въ такомъ случаѣ трудно было бы выяснить не только истинныхъ виновниковъ погромовъ и тайныхъ ихъ организаторовъ, но и явныхъ подстрекателей громилъ, хотя бы они и принадлежали къ составу мѣстныхъ властей. Чего же можно было ожидать отъ разслѣдованій гг. Турау и Кузьминскаго, поставленныхъ въ такія узкія рамки. Но и въ такихъ ограниченныхъ предѣлахъ, разслѣдователи, облеченные большими полномочіями, могли бы собрать богатый матеріалъ, разоблачающій если не прямо, то косвенно, дѣйствительныхъ виновниковъ и организаторовъ погрома. Для этого необходимо было, чтобы сами разслѣдователи были воодушевлены желаніемъ пролить свѣтъ истины на это темное дѣло и, во всякомъ случаѣ—чтобы они были безпристрастны. Но этихъ условій въ командировкѣ гг. Турау и Кузьминскаго не было. Результаты произведеннаго ими разслѣдованія совершенно отчетливо говорятъ или о существованіи у нихъ предвзятаго взгляда на причины погромовъ, или о томъ, что этотъ взглядъ былъ внушенъ имъ

свыше въ качествѣ директивы, какъ непремѣнное условіе командировки. Только одною изъ этихъ причинъ, или даже обѣими вмѣстѣ, можно объяснить тотъ странный пріемъ, который употребленъ былъ обоими сенаторами при разслѣдованіи.

Оба они, и особенно г. Турау, прежде всего занялись разслѣдованіемъ вопроса о томъ, насколько сильно выразилось участіе евреевъ въ революціонномъ движеніи, охватившемъ въ октябрьскіе дни Кіевъ и Одессу. Зная основной тезисъ правительства, старающагося доказать въ своихъ сообщеніяхъ, что погромы явились вездѣ результатомъ взрыва народнаго негодованія противъ участниковъ освободительнаго движенія, въ рядахъ которыхъ евреи занимали первенствующее мѣсто, не трудно догадаться о происхожденіи этого любопытства ревизующихъ сенаторовъ и о томъ выводѣ, который они сдѣлаютъ изъ своихъ изслѣдованій. Дѣйствительно, сенаторъ Турау, прежде, чѣмъ перейти въ своемъ отчетѣ къ выводамъ о виновности въ попустительствѣ мѣстныхъ властей, устанавливаетъ, на основаніи „хода кіевскихъ событій въ ихъ исторической послѣдовательности“, что „ближайшей причиной еврейскаго погрома было то крайнее возбужденіе противъ евреевъ, которое въ послѣднее время глубоко проникло въ сознаніе мѣстнаго русскаго населенія, особенно въ нижніе его слои“; „отношенія русскихъ съ евреями обострялись на почвѣ постоянно оскорбляемаго національнаго чувства“ (стр. 70).

Г. Кузьминскій не ссылается даже на историческую послѣдовательность событій и безъ обиняковъ заявляетъ, что октябрьскіе волненія и безпорядки (правительство и его агенты старательно замѣняютъ вездѣ, гдѣ возможно, этими терминами выраженіе „погромъ“) были вызваны причинами безусловно революціоннаго характера и завершились разгромомъ евреевъ исключительно вслѣдствіе того, что представители именно этой народности принимали преобладающее участіе въ революціонномъ движеніи и своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій довели до крайняго озлобленія русскую часть городского населенія“ (стр. 220).

Вполнѣ понятно, что при такой точкѣ зрѣнія на погромы сенаторы не могли видѣть въ погромахъ ничего, кромѣ любезнаго сердцу пославшаго ихъ правительства „взрыва

народнаго негодованія“, а отсюда уже вытекало и отношеніе ихъ къ виновникакъ погромовъ, къ тѣмъ лицамъ, по преступному содѣйствію и попустительству которыхъ было пролито столько невинной крови. Несмотря, напримѣръ, на то, что одесскій градоначальникъ былъ уличенъ въ дѣйствіяхъ, которыя иначе, какъ провокаторскими, назвать нельзя, сенаторъ Кузьминскій отрицалъ въ своемъ отчетѣ виновность Нейдгардта въ провокаціонныхъ дѣйствіяхъ и ограничился привлеченіемъ его къ суду по обвиненію лишь въ противозаконномъ бездѣйствіи власти. Генералъ Каульбарсъ, разрѣшавшій манифестаціи черносотенцевъ и хулигановъ послѣ того, какъ было извѣстно, что онѣ обращались въ шайки громилъ и убійцъ; обращавшійся къ собранію городовыхъ съ публичнымъ заявленіемъ о томъ, что погрому евреевъ нужно сочувствовать—остался совершенно въ сторонѣ отъ суда и о привлеченіи его къ отвѣтственности г. Кузьминскій даже не упоминаетъ въ своемъ отчетѣ, равно какъ и о прочихъ военныхъ и гражданскихъ властяхъ г. Одессы. Говорится въ отчетѣ вскользь о привлеченіи къ судебной отвѣтственности еще нѣсколькихъ классныхъ и нижнихъ чиновъ одесской городской полиціи, но ни именъ ихъ, ни служебнаго положенія г. Кузьминскій не приводитъ, благодаря чему осталось неизвѣстнымъ, кто изъ нихъ привлеченъ къ суду и въ какомъ преступленіи каждый изъ нихъ обвинялся. При этомъ, всѣ эти лица не были даже отстранены до суда отъ своихъ должностей и оставались служить угрозою безопасности еврейскаго населенія.

Почти такой же результатъ получился отъ разслѣдованія сенатора Турау въ Кіевѣ. Изъ всей мѣстной администраціи были привлечены къ уголовной отвѣтственности только полицеймейстеръ Цихоцкій, приставъ Лященко и его помощникъ Пирожковъ, притомъ, обвиненіе имъ было предъявлено только—въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, тогда какъ Лященко и Пирожковъ были уличены въ пострекательствѣ громилъ и даже въ прямой провокаціи, а Цихоцкій—въ умышленномъ допущеніи погрома. Что касается начальника военной охраны Кіева генерала Драке, уличеннаго въ допущеніи разгрома училища Бродскаго, и ген. Безсонова, явно сочувствовавшаго погрому и не только неприказавшаго войскамъ разогнать громилъ, но и поощрявшаго черносо-

тенцевъ, разбивавшихъ еврейскія лавки и квартиры, то относительно этихъ лицъ г. Турау даже и не упомянулъ въ своемъ постановленіи о преданіи виновниковъ суду, хотя въ отчетѣ своемъ онъ посвятилъ отдѣльныя главы описанію преступленій генераловъ Драке и Безсонова.

Привлеченіе къ строгой отвѣтственности виновниковъ вологодскаго погрома было торжественно обѣщано и въ правительственномъ сообщеніи, и въ заявленіи предсѣдателя совѣта министровъ, а тогда—министра внутр. дѣлъ г. Столыпина, сдѣланномъ имъ въ засѣданіи Государственной Думы въ отвѣтъ на запросъ о вологодскомъ погромѣ. Г. Столыпинъ сказалъ тогда, что если слѣдствіе подтвердитъ взводимыя на должностныхъ лицъ обвиненія, то они будутъ преданы суду. Ему было тогда же заявлено, что судебнымъ слѣдствіемъ установлена причастность къ погрому жандармскаго ротмистра Пышкина, и депутатъ Набоковъ сообщилъ даже данныя этого слѣдствія, но о преданіи Пышкина суду ничего не было извѣстно и онъ все время оставался даже на своей должности, а въ 1907 году былъ переведенъ въ Оренбургъ съ повышеніемъ.

Совершенно неожиданный результатъ дало разслѣдованіе о гомельскомъ погромѣ. Хотя разслѣдовавшій его членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Г. Г. Савичъ и считалъ главными виновниками погрома гомельскихъ революціонеровъ и съ этой точки зрѣнія и разсматривалъ событія 13—14 января, тѣмъ не менѣе, онъ вынужденъ былъ признать, что погромъ произвели члены „союза русскихъ патріотовъ“ совмѣстно съ нижними чинами мѣстной воинской команды, объ участіи которыхъ въ погромѣ говорится и въ приказѣ командующаго войсками виленскаго военнаго округа генералъ-лейтенанта Кржнвицкаго. Призналъ г. Савичъ прикосновенность къ погрому и жандармскаго ротмистра графа Подгоричани-Петровича, равно какъ и связи его съ устроившимъ погромъ „союзомъ русскихъ патріотовъ“ и содѣйствіе его „союзу“ въ видѣ снабженія его членовъ револьверами и типографскими принадлежностями для печатанія погромныхъ прокламацій. Наконецъ, въ бездѣйствіи мѣстнаго военнаго начальства, не назначившаго даже наряда для охраны имущества во время погрома, г. Савичъ усмотрѣлъ обстоятельство, способствовавшее увеличенію размѣровъ гомель-

скаго бѣдствія. Судебное слѣдствіе, данныя котораго мы приводили выше, дало еще болѣе опредѣленные результаты: оно установило участіе драгунъ и казаковъ въ грабежѣ, разгромѣ и поджогахъ еврейскаго имущества, подстрекательство полиціи, во главѣ которой находился полицеймейстеръ Чешко, и участіе въ погромѣ опредѣленныхъ лицъ изъ „союза русскихъ патріотовъ". Казалось бы, въ этихъ двухъ разслѣдованіяхъ имѣлись всѣ данныя для привлеченія всѣхъ уличенныхъ погромщиковъ къ отвѣтственности. Но такъ казалось только негодующему обществу, власть же имущіе разсудили иначе: они признали, что виновныхъ въ этомъ дѣлѣ нѣтъ, а на нѣтъ—и суда нѣтъ. Изъ привлеченныхъ судебною властью двухъ громилъ изъ „союза патріотовъ": Стефана Иванова Рымарева и Александра Адольфова Шванда, первый былъ освобожденъ отъ суда за недоказанностью предъявленныхъ къ нему обвиненій, второй же скрылся и дѣло о немъ „пріостановлено" впредь до его явки. Изъ доклада г. Савича видно, что къ суду былъ привлеченъ еще нѣкто Гавріилъ Губкинъ, и, кромѣ того, по пяти дѣламъ о кражахъ съ пожаровъ—еще шесть человѣкъ. Всѣ эти лица были задержаны 13 января 1906 г. и заключены подъ стражу. Александръ Швандъ, хотя и скрылся послѣ погрома, но, ко времени представленія г. Савичемъ его рапорта, т. е. къ 6 февраля, былъ разысканъ на станціи Тростинѣ Харьково-Никол. жел. дороги, куда и была послана телеграмма объ арестованіи Шванда. Такимъ образомъ, всѣ обвиняемые должны быть налицо, ибо они были заключены подъ стражу. Но когда дѣло дошло до суда, то ихъ не оказалось и обвиненіе предъявлять было некому. Куда дѣвались арестованные громилы—неизвѣстно. Зато правосудіе вознаграждено тѣмъ, что было арестовано пять евреевъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они стрѣляли въ войска и полицейскаго чиновника. Это—члены еврейской самообороны, защищавшіе жизнь и имущество гомельчанъ отъ громилъ и за это схваченные тою самою полиціей, которая была уличена въ погромѣ. Эти пять евреевъ ужъ конечно не „скрылись", ибо никто не заинтересованъ въ ихъ безнаказанности. Намъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось ихъ дѣло, но, судя по тому, какъ жестоко карало правосудіе членовъ одесской самообороны, можно съ увѣренностью сказать, что

эти пять евреевъ явятся, а можетъ быть уже и явились, искупительной жертвой за преступленія всѣхъ гомельскихъ громилъ и ихъ вдохновителей.

Таковы результаты судебнаго слѣдствія. Но не лучшие результаты дало и слѣдствіе административное, произведенное г. Савичемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, въ своемъ „довѣрительномъ“ письмѣ къ премьеръ-министру графу С. Ю. Витте отъ 24 февраля 1906 г., за № 3001, сообщая о принятыхъ имъ, вслѣдствіе рапорта г. Савича, мѣрахъ для устраненія причинъ, вызвавшихъ гомельскій погромъ, между прочимъ, писалъ, что имъ предписано могилевскому губернатору закрыть „союзъ русскихъ патріотовъ“, а начальнику штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ указано на необходимость увольненія изъ корпуса ротмистра Подгоричани-Петровича—„въ виду несоотвѣтственной дѣятельности въ качествѣ помощника начальника мѣстнаго жандармскаго управленія“. Такой исходъ разслѣдованія можно было бы привѣтствовать, какъ дѣйствительную попытку администраціи вырвать съ корнемъ дурную траву, отравляющую населеніе. Но бумага г. Дурново осталась только бумагою, а мѣры, о которыхъ онъ писалъ, приняты не были: „союзъ русскихъ патріотовъ“ благополучно существуетъ въ Гомелѣ и понынѣ, и даже принималъ дѣятельное участіе въ выборной кампаніи передъ III-ей Думой, а о судьбѣ графа Подгоричани извѣстно было изъ рѣчи депутата Винавера въ Государственной Думѣ 26 іюня 1906 г., что онъ, вмѣсто увольненія изъ корпуса жандармовъ, былъ „переведенъ на теплыя воды въ Ялту“.

Послѣ бѣлостокскаго погрома было торжественно заявлено, что „со стороны правительства оказано будетъ всякое содѣйствіе къ тому, чтобы ни одно лицо, виновное въ печальныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Бѣлостокѣ, не избѣгло ни суда, ни наказанія“. Но уже самое содержаніе правительственнаго сообщенія, которое заканчивалось этимъ обѣщаніемъ, не предвѣщало ничего хорошаго. Дѣйствительность еще скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, подтвердила лживость этого обѣщанія: еще на камняхъ Бѣлостока не успѣла высохнуть кровь убитыхъ 1-го іюня евреевъ, какъ бѣлостокскому гарнизону, участвовавшему въ этихъ дѣйствіяхъ, командиромъ корпуса была выражена

благодарность „за усмиреніе мятежа“ и за быстрое прекращеніе безпорядковъ. Любопытнѣе всего, что приказъ о благодарности прибылъ въ Бѣлостокъ одновременно съ генераломъ Балуевымъ, командированнымъ командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа для разслѣдованія дѣйствій войскъ бѣлостокскаго гарнизона во время погрома. Общество недоумѣвало: чему же вѣрить—тому ли, что войска вели себя безпримѣрно хорошо и имъ, ради поощренія, выражена благодарность высшаго начальства, или тому, что даже само высшее начальство находило поведеніе войскъ настолько сомнительнымъ, что сочло нужнымъ произвести разслѣдованіе? Правительство не считало нужнымъ объяснить это противорѣчіе, и общество оставалось въ недоумѣніи цѣлый годъ. Только судебный процессъ объ избіеніи евреевъ на бѣлостокскомъ вокзалѣ, начатый въ апрѣлѣ и отложенный до іюня 1907 г., разъяснилъ это недоумѣніе. На судѣ, благодаря заявленіямъ адвокатовъ, выступавшихъ со стороны гражданскихъ истцовъ, выяснилось, что ни одинъ изъ представителей военной власти, бывшихъ на вокзалѣ во время погрома и допустившихъ избіеніе на ихъ глазахъ евреевъ, не былъ привлеченъ военнымъ начальствомъ къ отвѣтственности, несмотря на состоявшееся постановленіе объ этомъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, и скамью подсудимыхъ занимали лишь нѣсколько громилъ изъ подонковъ бѣлостокскаго населенія. Повидимому, разслѣдованія со стороны военныхъ властей вовсе не было и пріѣздъ въ Бѣлостокъ ген. Балуева былъ лишь пустою декораціею, или-же въ основу разслѣдованія была положена выраженная авансомъ благодарность корпуснаго командира.

Не лучшіе результаты дало и судебное слѣдствіе, начатое одновременно съ разслѣдованіями чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ камергера Фриша, чиновника министерства юстиціи г. Силина и представителя военнаго вѣдомства ген. Балуева. Слѣдствіе, порученное судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ г. Шульцу, обѣщало пролить яркій свѣтъ на внутреннія пружины бѣлостокскаго погрома, тѣмъ болѣе, что г. Шульцъ широко оповѣстилъ все населеніе о своей миссіи, приглашая объявленіями всѣхъ пострадавшихъ и свидѣтелей дать ему показанія. Но, неизвѣстно по какой причинѣ, приглашенія г. Шульца оказа-

лись „непріемлемыми“: корреспондентъ „Рѣчи“ г. Климковъ сообщалъ въ своей газетѣ, что пріемная г. Шульца охранялась казаками, которые грубо не допускали желающихъ дать показанія. Казаки категорически заявляли, что къ слѣдователю „не велѣно пущать“, и предлагали изложить показанія письменно. Кому нужно было охранять г. Шульца отъ свидѣтельскихъ показаній—знаютъ тѣ, отъ кого зависѣло приставить къ нему казачью охрану, но результатъ этой мѣры извѣстенъ всѣмъ, кто интересовался бѣлостокскимъ погромомъ: судъ надъ виновниками погрома до сихъ поръ еще не состоялся. Лѣтомъ 1907 г. разбиралась часть этого дѣла—объ избіеніи и убійствѣ евреевъ на бѣлостокскомъ вокзалѣ, но и здѣсь мы имѣли случай наблюдать удивительный примѣръ стыдливости властей, постѣснявшихся посадить на скамью подсудимыхъ интеллектуальныхъ виновниковъ проявленныхъ на бѣлостокскомъ вокзалѣ звѣрствъ: уже упоминавшихся—жандармскаго подполковника А. А. Шретера [1]), жандармскаго ротмистра Трапицына, драгунскаго корнета Померанцева и начальника станціи Чапова.

Нѣкоторыя надежды на то, что преступленія военныхъ властей Бѣлостока всплывутъ на свѣтъ Божій и, если не будутъ наказаны, то хоть заклеймены гласностью, возбудило въ свое время сдѣланное вскорѣ послѣ погрома распоряженіе военнаго министра, обратившаго вниманіе на статьи въ газетѣ „Рѣчь“ о преступныхъ дѣйствіяхъ офицеровъ бѣлостокскаго гарнизона. По приказанію военнаго министра, начальникомъ главнаго штаба послана была тогда командующему войсками виленскаго военнаго округа телеграмма съ просьбою назначить строжайшее разслѣдованіе и, въ зависимости отъ результатовъ такого разслѣдованія, или поступить съ офицерами по предоставленной ему власти, или привлечь редактора „Рѣчи“ къ судебной отвѣтственности. Однако, „Рѣчь“ до сихъ поръ не была привлечена, изъ чего можно было бы заключить, что вѣрность ея разоблаченій подтвердилась; но были ли наказаны офицеры—неизвѣстно, равно какъ неизвѣстно даже, было ли произведено разслѣдованіе.

---

[1]) Шретеръ былъ убитъ террористами вскорѣ послѣ процесса.

То же самое почти, безъ малѣйшихъ отступленій отъ бѣлостокскаго образца, было продѣлано послѣ сѣдлецкаго погрома: правительство обѣщаетъ произвести разслѣдованіе и посылаетъ въ Сѣдлецъ чиновника особыхъ порученій Губонина, а командующій войсками района сѣдлецкой Губерніи шлетъ войскамъ благодарность, превознося ихъ высокія качества. Общество, недоумѣвая при видѣ такого противорѣчія, благодушно относитъ это къ несогласованности дѣйствій военныхъ и гражданскихъ властей и терпѣливо ждетъ результатовъ разслѣдованія. Появляется докладъ ротмистра Пѣтухова. Хотя докладъ появился въ печати контрабанднымъ путемъ, помимо воли и желанія правительства, но въ самомъ существованіи такого доклада многіе усматриваютъ, что слѣдствіе ведется, и ждутъ, что хоть теперь-то виновники будутъ наказаны. Но на сцену выступаетъ уже самъ командующій войсками генералъ Скалонъ, и въ печати появляется его приказъ, выражающій всѣмъ виновникамъ погрома самую горячую благодарность.

Совершенно по такому же рецепту велись разслѣдованія и по другимъ погромамъ: громогласно объявлялось о разслѣдованіи, иногда даже посылался чиновникъ для офиціальнаго разслѣдованія, а, втихомолку, уличенные погромщики изъ администраторовъ получали награды въ видѣ повышенія по службѣ, перевода на лучшія должности и т. п.; не въ мѣру же ретивые разслѣдователи, воображавшіе, что они и въ самомъ дѣлѣ должны найти истинныхъ виновниковъ погромовъ, подъ разными предлогами убирались или получали реприманды — вспомнимъ судьбу маріупольскаго слѣдователя Орловскаго, о которомъ мы уже упоминали выше, или минской прокуратуры, на „неправильныя дѣйствія“ которой сенатъ, одновременно съ оправданіемъ г. Курлова, обратилъ вниманіе министра юстиціи. Разумѣется, публика совершенно перестала вѣрить и въ обѣщанія правительства, и въ самыя разслѣдованія, и въ обществѣ установился прекрасно выраженный газетою „Мысль“ взглядъ, что „всѣ эти разслѣдованія — жалкое и постыдное издѣвательство надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ и общественной совѣстью, жалкія и постыдныя декораціи, завѣдомо неспособныя ничего прикрыть.

VII.

Правительство, карающее погромщиковъ.

Но не лучшій результатъ получался и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходило до суда. Начиная съ середины 1907 г., въ судахъ былъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ дѣлъ о погромахъ, въ томъ числѣ и крупныя дѣла о житомирскомъ и симферопольскомъ погромахъ и дѣло о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ, почему-то выдѣленное изъ общаго процесса о бѣлостокскомъ погромѣ. Но что же мы видѣли въ этихъ процессахъ? На скамьѣ подсудимыхъ обыкновенно сидѣли 10—15 или больше громилъ, случайно захваченныхъ полиціею послѣ издававшихся въ концѣ каждаго погрома „строгихъ“ приказаній о задержаніи виновныхъ. Почти повсюду это были сѣрые, ничего не сознающіе подонки городского населенія, шедшіе на погромъ такъ же, какъ они ходили бы на любой промыселъ — лишь бы заплатили. Имъ платили организаторы погромовъ, гдѣ деньгами, гдѣ водкою, а гдѣ— просто голыми обѣщаніями или совѣтами „промыслить на Дерибасовской улицѣ“. Другую категорію подсудимыхъ составляли еще болѣе темные крестьяне, шедшіе на погромъ по приглашенію провокаторовъ, нерѣдко—по приказанію полицейскихъ властей, громившіе и убивавшіе часто совершенно безкорыстно, только потому, что кѣмъ нибудь изъ погромщиковъ имъ внушена была ложная идея о необходимости истреблять евреевъ, будто оскорбившихъ православную вѣру или желающихъ убить царя или тому подобное; многіе попали на скамью подсудимыхъ только потому, что повѣрили почти вездѣ распространявшимся въ октябрьскіе дни передъ погромами слухамъ о томъ, что царь велѣлъ

бить евреевъ и крамольниковъ и грабить еврейскія лавки въ теченіе трехъ дней; наконецъ, здѣсь были и профессіональные воры и грабители, участвовавшіе въ погромахъ только потому, что тамъ представлялся удобный случай безнаказанно грабить чужое добро.

Ѳемида, судящая съ повязкою на глазахъ, судила ихъ строго и нелицепріятно, и не одинъ изъ этихъ несчастныхъ, невѣжественныхъ, вырождающихся людей, невѣдающихъ, какое гнусное дѣло они творили и какому злому богу они служили, не одинъ изъ нихъ понесъ жестокую кару: каторга, лишеніе правъ, арестантскія роты, тюрьма были ихъ удѣломъ.

Но гдѣ же истинные виновники, гдѣ вдохновители этихъ жалкихъ автоматовъ? Гдѣ организаторы погромовъ? Гдѣ провокаторы и подстрекатели наемныхъ убійцъ? Или повязка Ѳемиды создана лишь для того, чтобы они ускользнули отъ ея взора и избѣгли карающаго меча правосудія? И глядя на пустующія черныя скамьи судовъ и судебныхъ палатъ, хотѣлось думать, что эти люди не избѣгнутъ суда, что преступленія ихъ такъ велики, что обыкновенный судъ для нихъ недостаточенъ и потому они выдѣлены изъ общаго суда. Но вотъ со времени октябрьскихъ погромовъ прошло уже болѣе двухъ лѣтъ, бѣлостокскій и сѣдлецкій погромы также давно перевалили за годовщину, а ни одинъ изъ ихъ героевъ еще не получилъ судебнаго возмездія, если не считать двухъ—трехъ полицейскихъ, осужденныхъ за симферопольскій и екатеринославскій погромы.

Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдимъ судьбу хотя бы нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ, и мы убѣдимся, что имъ по меньшей мѣрѣ бабушка ворожитъ. При всей своей снисходительности, даже сенаторы Кузьминскій и Турау не могли обойтись безъ того, чтобы привлечь къ суду одесскаго градоначальника Нейдгардта и нѣсколькихъ его подручныхъ приставовъ, околоточныхъ и городовыхъ, кіевскаго полицеймейстера Цихоцкаго и его сподвижниковъ Лященко и Пирожкова. Лишеніе правъ и арестантскія роты—вотъ что грозило этимъ рыцарямъ погрома. И судъ надъ ними состоялся: „пусть не думаютъ враги правительства, что его провинившіеся слуги остаются безнаказанными“—таковъ былъ лозунгъ преданія ихъ суду. Но гдѣ же результаты этого суда?

Истинныхъ виновниковъ нужно искать не въ заключеніи и ссылкѣ, служащихъ въ Россіи удѣломъ борцовъ за свободу. Г. Нейдгардтъ приговоренъ къ... назначенію его членомъ государственнаго совѣта, а г. Цихоцкій наказанъ... оставленіемъ на службѣ Не будемъ голословны: газета „Рѣчь“ сообщила, что 14 марта 1906 г. въ правительствующемъ сенатѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло бывшаго градоначальника Нейдгардта. По этому дѣлу сенатомъ постановлено слѣдующее рѣшеніе: дѣло противъ г. Нейдгардта производствомъ прекратить и поставить на видъ гг. министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія образъ дѣйствій одесской городской управы и ректора и профессоровъ новороссійскаго университета [1]). Г. Нейдгардтъ, благодаря дѣйствіямъ котораго Одесса захлебнулась въ крови, невиновенъ, а одесская управа и одесскій университетъ, боровшіеся съ погромомъ и принимавшіе мѣры для прекращенія кровопролитія, не заслуживаютъ снисхожденія. Чистота г. Нейдгардта такъ возсіяла послѣ этого приговора, что правительство назначило было его на постъ нижегородскаго губернатора, оказавшійся при баронѣ Фредериксѣ столь доходнымъ. Только непрошенное негодованіе всей страны и вопли „распущенной“ въ то время печати помѣшали г. Нейдгардту возсѣсть на это мѣсто. Но онъ за это вознагражденъ былъ избыткомъ почета: родина Дубасовыхъ, Дурново и Миновъ умѣетъ цѣнить лучшихъ своихъ гражданъ — г. Нейдгардтъ получилъ курульное кресло члена всероссійской „верхней палаты“. Судьба г. Цихоцкаго оказалась еще благополучнѣе: дѣло о его преступленіи не только было прекращено, но онъ былъ даже возстановленъ въ прежней своей должности (см. телеграмму отъ 20 апр. 1907 г. въ газ. „Тов.“ о назначеніи его на прежнюю должность), несмотря на то, что сенаторъ Турау не только раскрылъ его погромную дѣятельность, но и далъ совершенно недвусмысленное заключеніе о его служебномъ безкорыстіи, доставившемъ ему, между прочимъ, стотысячное имѣніе, купленное, впрочемъ,

---

[1]) Цитируемъ по „Праву“ за 1906 г., № 12.

на имя жены г. Цихоцкаго. О его сотрудникахъ Лященко и Пирожковѣ дѣло также было прекращено. Совершенно такъ же закончилось дѣло о минскомъ губернаторѣ Курловѣ, по винѣ котораго разстрѣляно было 170 человѣкъ. Дѣло о немъ слушалось въ правительствующемъ сенатѣ въ одинъ день съ дѣломъ Нейдгардта, при чемъ сенатъ постановилъ „дѣло противъ минскаго губернатора производствомъ прекратить, обративъ вниманіе г. министра юстиціи на неправильность дѣйствій прокурорскаго надзора“. А затѣмъ, все пошло обычнымъ порядкомъ, и карьера г. Курлова катилась, какъ по маслу: онъ получалъ одно назначеніе за другимъ, сначала на губернаторскіе посты, затѣмъ—членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, начальникомъ главнаго тюремнаго управленія. Не былъ забытъ и ближайшій помощникъ г. Курлова по минской бойнѣ—минскій полицеймейстеръ Норовъ, о повышеніи котораго въ рангъ петербургскихъ приставовъ въ концѣ прошлаго года сообщено было во всѣхъ газетахъ.

Чѣмъ окончились дѣла по обвиненію въ бездѣйствіи во время погромовъ тверского губернатора Слѣпцова и томскаго—Азанчевскаго-Азанчеева—намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстно, былъ ли данъ этимъ дѣламъ ходъ. Слѣпцовъ былъ убитъ въ серединѣ 1906 года, причемъ убійство его объяснено было, по слухамъ, именно тѣмъ, что правительство отказалось предать его суду. Г-нъ же Азанчевскій получилъ недавно должность земскаго начальника въ тверской губерніи и, хотя, такимъ образомъ, вмѣсто служебнаго повышенія, онъ занялъ весьма скромное положеніе, но принятіе его снова на службу указываетъ на то, что онъ признанъ отнюдь не вреднымъ администраторомъ и процвѣтаетъ попрежнему. Ничего неизвѣстно также о судьбѣ остальныхъ администраторовъ, причастныхъ къ погромамъ: тверскихъ—полицеймейстера Кирѣевскаго и пристава Успенскаго, ростовскихъ-на-Дону—градоначальника Коцебу и полицеймейстера Прокоповича, керченскаго градоначальника, кишиневскаго губернатора Харузина, оршанскаго пристава Модзалевскаго, кременчугскаго полицеймейстера Иванова, воронежскихъ полицейскихъ Ларіонова и Деринга, кавказскихъ „усмирителей“, генераловъ Алиханова и Тимофеева и цѣлой арміи другихъ тайныхъ и явныхъ погромщиковъ. Былъ ли надъ ними судъ,

будетъ ли или дѣло о нихъ прекращено—ничего достовѣрнаго неизвѣстно, да и неважно это знать, ибо опытъ показалъ, что и судъ ничего не измѣнитъ въ положенiи уличеннаго погромщика: въ лучшемъ случаѣ онъ будетъ привлеченъ къ суду, но судъ его оправдаетъ, а правительство поспѣшитъ возстановить его въ попранныхъ правахъ. Какъ мало надеждъ надо возлагать въ такихъ случаяхъ на судъ, можно судить по заявленiю компетентнаго въ этомъ отношенiи лица—бывшаго прокурора, депутата первой Государственной Думы г. Араканцева.

„Мнѣ знакомы фразы администрацiи, говорилъ онъ 22 iюня въ засѣданiи Государственной Думы по поводу Бѣлостокскаго погрома, что судебная власть разберетъ, отыщетъ виновныхъ. Я по прокурорскому опыту знаю, слыхалъ много разъ эту пѣсню. Это скверная пѣсня! Стараются прикрыться зависимой, подчиненной прокуратурѣ, судебной властью, руководимой администрацiей и потерявшей довѣрiе населенiя. Вотъ на такую то слѣдственную власть и любитъ ссылаться министерство внутреннихъ дѣлъ. Во имя справедливости, во имя правды и спасенiя обрывковъ, остатковъ разгромленнаго Муравьевымъ нашего суда, я буду вездѣ кричать, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ удалены войска изъ Бѣлостока, пока не будетъ снято военное положенiе, истинной правды тамъ судебная власть не добьется. Виновникомъ можетъ оказаться только одинъ стрѣлочникъ. Нападутъ на какого-нибудь городового, и будутъ предавать его судебной казни, а настоящiе виновники будутъ сидѣть въ мягкихъ креслахъ, да посмѣиваться“ [1]).

Посмѣиваются, впрочемъ, не только тѣ, которымъ удалось избѣжать суда или получить отъ судебныхъ властей отпущенiе грѣховъ. Въ тѣхъ, весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда въ числѣ попавшихъ на скамью подсудимыхъ громилъ оказывались убѣжденные убiйцы, принципiальные истребители евреевъ и крамольниковъ—„истинные патрiоты“ и члены „союза русскаго народа“—судъ каралъ ихъ, не отличая отъ простыхъ громилъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ предстояло отбывать тяжелое наказанiе. Но, повидимому, такое

---

[1]) Стенографич. отчеты I сессiи Гос. Думы 1906 г., стр. 1602.

положеніе вещей нарушало гармонію, вносило диссонансъ въ общую погромную музыку, и диссонансъ былъ устраненъ и замѣненъ стройнымъ созвучіемъ: всѣ истинно-русскіе убійцы были освобождены отъ наказанія, назначеннаго имъ по суду. Объ этомъ въ газетахъ были напечатаны документально достовѣрныя свѣдѣнія, которыя мы и приведемъ здѣсь, дабы сообщеніе наше не казалось голословнымъ. Нѣкоторыя изъ сообщеній мы приводимъ въ томъ видѣ, какъ они заимствованы газетами, повидимому, изъ офиціальныхъ источниковъ:

1) 21 марта состоялось высочайшее повелѣніе о помиловании трехъ крестьянъ: Честнова, Бѣльдова и Карташева, осужденныхъ приговоромъ тульскаго окружнаго суда по 269[1] ст. ул. о нак. за то, что они 21 октября 1905 года, во время шествія по улицамъ города Тулы патріотической манифестаціи, устроенной по поводу празднованія высочайшаго манифеста 17 октября, приняли участіе въ случайно образовавшихся на пути движенія этой манифестаціи публичныхъ скопищахъ, которыя изъ партійной вражды, основанной частью на экономическихъ, частью на племенныхъ побужденіяхъ, учинили рядъ насилій надъ отдѣльными лицами, заподозрѣнными въ явно недоброжелательномъ отношеніи къ патріотическимъ цѣлямъ манифестаціи. При этомъ, Бѣльдовъ принялъ участіе въ избіеніи мѣщанина Шпанова, котораго толпа била съ особенной жестокостью въ продолженіе получаса, а Честновъ нанесъ тяжкіе побои нѣсколькимъ лицамъ, изъ которыхъ одинъ, Суворовъ, отъ этихъ побоевъ умеръ. Тульскій окружный судъ приговорилъ подсудимыхъ къ заключенію въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ [1]).

2) 28 марта состоялось высочайшее повелѣніе о помилованіи шести крестьянъ Нижегородской губерніи: Клочьева, Букарина, Данилова, Елисѣева, Моисеева и Семенова, обвинявшихся въ томъ, что 10 іюля 1905 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ, они, принявъ участіе въ публичномъ скопищѣ чернорабочаго люда, собравшемся на Острожной площади и прилегающихъ къ ней улицахъ для учиненія насилія надъ явившимися къ народному дому на сходку социалъ-демо-

---

[1]) „Н. Вр.", 6 апр. 1907 г.

кратами, изъ вражды къ послѣднимъ за причиненіе матеріальнаго ущерба торговлѣ и разнымъ отраслямъ труда устройствомъ политическихъ забастовокъ, также и изъ вражды на почвѣ различія политическихъ убѣжденій, а по отношенію къ евреямъ – и племенной, совокупными силами съ другими участниками скопища, силою вторгались въ чужія жилища и нанесли побои болѣе чѣмъ 40 лицамъ разнаго общественнаго положенія, послѣдствіемъ каковыхъ дѣяній были смерть, разстройство здоровья и расхищеніе имущества нѣкоторыхъ лицъ. Нижегородскій окружный судъ, разсматривавшій это дѣло, приговорилъ обвиняемыхъ къ лишенію правъ и заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Сенатъ приговоръ суда утвердилъ, признавъ кассаціонную жалобу подсудимыхъ неосновательной [1]).

3) О такомъ же помилованіи 15 крестьянъ волынской губерніи, приговоренныхъ судомъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію за погромъ, учиненный ими въ гор. Житомірѣ,—сообщаетъ „Волын. Жизнь“ [2]).

4) Изъ Казани „Рѣчи“ телеграфируютъ: „Торговецъ Швалевъ, приговоренный окружнымъ судомъ за убійство, во время еврейскаго погрома, прис. пов. Михайлова-Двинскаго— къ восьмимѣсячному тюремному заключенію съ лишеніемъ правъ, высочайше помилованъ. Судебное наказаніе замѣнено ему двухмѣсячнымъ заключеніемъ, безъ лишенія правъ“ [3]).

5) Въ одесскихъ газетахъ, въ концѣ марта 1907 года сообщалось: „Моисеенко, осужденный одесскимъ окружнымъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей и приговоренный къ 8-мимѣсячному тюремному заключенію за участіе въ антиеврейскихъ безпорядкахъ въ октябрѣ 1905 г., подалъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи. Государь императоръ высочайше соизволилъ на уваженіе просьбы Моисеенко о полномъ его помилованіи [4]).

Г. А. Б. Вентинымъ зарегистрированъ въ его статистической сводкѣ, напечатанной въ „Товарищѣ“, цѣлый рядъ помилованій, дарованныхъ по ходатайству „союза русскаго народа“ слѣдующимъ лицамъ:

---

[1]) Тамъ же.
[2]) „Товар.“ 9 іюня 1907 г.
[3]) „Товарищъ“ 29 ноября 1906 г.
„Общ. Дѣло“ 1 апр. 1907 г., № 1.

6) 4 мѣщанамъ, осужденнымъ въ каторгу за „самосудъ надъ революціонерами".

7) Троимъ, обвинявшимся „въ подстрекательствѣ къ избіеніямъ евреевъ въ октябрьскіе дни, въ нанесеніи имъ смертельныхъ побоевъ" и осужденнымъ за это въ арестантскія роты.

8) Двумъ казакамъ, „убившимъ съ цѣлью грабежа еврейскаго лавочника" и приговореннымъ къ 15 год. каторги (по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ стало извѣстно, что эти казаки помилованы не вполнѣ, а имъ уменьшенъ срокъ наказанія).

9) Городовому, осужденному въ арест. отд. „за убійство адвоката".

10) Приговоренному судомъ за „участіе въ антиеврейскихъ безпорядкахъ" [1]).

11) Въ іюлѣ 1907 г. въ „Рус. Словѣ" телеграммою изъ Одессы сообщалось о помилованіи, по ходатайству „союза русскаго народа", 8 человѣкъ, осужденныхъ по дѣлу объ овидіопольскомъ погромѣ [2]).

12) Телеграммою изъ Симферополя въ началѣ августа 1907 г. сообщено было объ освобожденіи, по высочайшему повелѣнію, осужденныхъ за керченскій погромъ.

13) Четыремъ казакамъ восьмого донского полка, приговореннымъ одесскимъ военнымъ судомъ къ каторжнымъ работамъ за грабежъ на улицѣ во время октябрьскихъ дней, наказаніе высочайше замѣнено тюремнымъ заключеніемъ на 4 мѣсяца [3]).

14) Въ „Харьк. Губ. Вѣдом." напечатано: „По Высочайшему повелѣнію объявлены помилованными, согласно ходатайства о томъ харьковскаго „союза русскаго народа", и освобождены изъ-подъ стражи осужденные харьковскимъ окружнымъ судомъ за убійство еврея Шера, бунтовщика-революціонера, Степанъ Лаптевъ, Николай Головковъ и Владиміръ Лукинъ". [4]).

15) Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго прошенія прис. пов. П. Ѳ. Булацеля о помилованіи обвиненныхъ по дѣлу о

---

[1]) „Товарищъ" 3 апрѣля 1907 г.
[2]) „Товарищъ" 1907 г., 19 іюля.
[3]) „Восходъ", № 23, за 1906 г.
[4]) „Товарищъ", 15 сент. 1907 г.

симферопольскихъ безпорядкахъ — все дѣло о симферопольскомъ погромѣ было доложено Его Величеству, и Государь Императоръ Всемилостивѣйше даровалъ полное помилованіе осужденнымъ симферопольскимъ окружнымъ судомъ, а именно — полицейскому приставу Ильѣ Чупринко, городовымъ Петру Богданову и Архипу Дремову, бывшему приставу Евгенію Спирину, крестьянамъ Конареву, Москаленко, Шулякову, Дагаеву, Любаневу, Разсказову, Ульмезъ-оглу и мѣщанину Виктору Поршневу [1]).

16) 24-го октября 1905 г., въ с. Сурско-Литовскомъ, Екатеринославскаго уѣзда, во время антиеврейскихъ безпорядковъ были тяжело ранены проживавшіе въ этомъ селѣ около 40 лѣтъ почтосодержатель Генехъ Когонъ и его жена Фрума; отъ этихъ ранъ они въ тотъ же день умерли. 19 декабря 1906 г. дѣло это слушалось въ екатеринославскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, причемъ обвинявшіеся въ этомъ преступленіи Гавріилъ и Терентій Бабко, Клочко, Силинъ, Поповъ и Тарабухинъ приговорены были къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы отъ 2 до 4 лѣтъ каждый. Въ настоящее время министерство юстиціи увѣдомило екатеринославскій окружный судъ, что по ходатайству подсудимыхъ и ихъ родителей послѣдовала Высочайшая замѣна опредѣленнаго судомъ наказанія заключеніемъ въ тюрьму и арестантскія роты срокомъ отъ 1 г. 4 мѣс. до 2 лѣтъ каждаго [2]).

Если къ этой коллекціи, далеко не полной, добавить, что извѣстный убійца прив.-доцента В. В. Воробьева, московскій полицейскій приставъ Ермоловъ освобожденъ отъ назначеннаго ему судомъ наказанія (лишеніе правъ и 4-хъ-лѣтнее заключеніе въ арестантскомъ отдѣленіи) и получилъ почетное для него назначеніе на должность корчевскаго уѣзднаго воинскаго начальника [3]); что убійца студента Давыдова въ Петербургѣ корнетъ Оконевъ освобожденъ отъ наказанія [4]); что дѣло объ

---

[1]) „Бирж. Вѣдом.“, 19 сент. 1907 г. (веч. изд.)
[2]) „Приднѣпровскій край“, 19 окт. 1907 г.
[3]) „Товарищъ“ 25 мая 1907 г.
[4]) „Право“ за 1906 г., № 51.

истязанiи курсистки Анны Смирновой петербургскими гвардейскими офицерами, по распоряженiю свыше, прекращено [1]); что въ Елисаветградѣ совершенно неожиданно направлено было къ прекращенiю слѣдствiе по дѣлу объ убiйствѣ союзниками во время погрома торговца Финкеля [2]) что убiйца соцiалъ-демократа Баумана—Михалинъ, дважды признанный присяжными засѣдателями виновнымъ и приговоренный къ лишенiю особыхъ правъ и заключенiю въ арестантское отдѣленiе на $1^1/_2$ года, получилъ полное помилованiе [3]), то получимъ полную картину совершенной безнаказанности убiйствъ и насилiй, если они совершены истинно-русскими людьми или примыкающими къ ихъ союзу по своимъ убѣжденiямъ лицами. А рядомъ съ этимъ мы видимъ, что попытка обороняться отъ ихъ насилiй карается жестокимъ наказанiемъ. Напечатанная въ „Товарищѣ" телеграмма изъ Одессы 10 марта 1907 г. краснорѣчиво это доказала: въ ней разсказывается о томъ, какъ 10 марта въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло 6 евреевъ, участниковъ самообороны, задержанныхъ во время iюньскаго погрома съ оружiемъ въ рукахъ и прокламацiями комитета самообороны, призывавшаго евреевъ въ случаѣ погрома къ стойкой самозащитѣ и вооруженному отпору грабителямъ. Всѣ подсудимые признаны виновными въ принадлежности къ преступному сообществу и приговорены къ каторгѣ отъ 4 до 6 лѣтъ.

Служатъ ли всѣ приведенные факты основанiемъ для обвиненiя властей въ потворствѣ погромщикамъ, въ умышленной къ нимъ снисходительности и въ сугубой суровости ко всему, что направлено противъ погромовъ и погромщиковъ—судить объ этомъ предоставляемъ самимъ читателямъ. Можемъ только сказать съ своей стороны, что „глубокое негодованiе", съ которымъ правительство отвергаетъ въ своемъ сообщенiи о бѣлостокскомъ погромѣ „распространяемые слухи" о томъ, что погромъ былъ подготовленъ съ вѣдома и при участiи мѣстной администрацiи и войскъ—не такъ уже глубоко, судя по приведеннымъ фактамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, могло ли негодовать на такiя обвиненiя

[1]) „Право" 1906 г., № 18.
[2]) „Право" 1907 г. № 15.
[3]) „Рус. Вѣд." 2 окт. 1907 г.

правительство, съ вѣдома котораго, послѣ бѣлостокскаго погрома, мѣстною, а отчасти и столичною администраціею, были принимаемы мѣры вродѣ слѣдующихъ:

1) Бѣлостокскій городской голова г. Малиновскій былъ устраненъ отъ должности за то, что посмѣлъ созвать экстренное засѣданіе городской думы, съ цѣлью провѣрить факты погрома и опровергнуть ложь донесеній генерала Бадера.

2) Бѣлостокскій приставъ Шереметовъ, на котораго рѣшительно весь Бѣлостокъ указывалъ, какъ на главнаго виновника погрома, получилъ послѣ погрома мѣсячный отпускъ съ денежнымъ пособіемъ, а затѣмъ былъ назначенъ на должность помощника пристава петербургской полиціи.

3) Игравшіе наиболѣе видную роль въ погромѣ, пристава Мацевичъ и Бондарукъ и застрѣлившій собственноручно во время погрома множество душъ околоточный Байбакъ получили новыя назначенія, изъ нихъ, первые двое—со значительнымъ повышеніемъ: Мацевичъ назначенъ исправникомъ въ Брестъ, Бондарукъ—исправникомъ же въ Бѣлостокъ, Байбакъ—переведенъ въ Брестъ.

4) Участвовавшему въ погромѣ владѣльцу апретурнаго заведенія Вельтнеру мѣстная администрація оказала исключительное покровительство: такъ какъ послѣ погрома 11 мѣстныхъ фабрикантовъ отказались посылать свои товары для обдѣлки въ заведеніе Вельтнера, то они были приглашены въ полицейское управленіе, гдѣ, въ присутствіи начальниковъ районовъ города, фабричнаго инспектора Ратковскаго и самого Вельтнера, имъ было категорически заявлено, что, въ случаѣ дальнѣйшаго бойкотированія Вельтнера, они будутъ высланы въ 24 часа. Фабриканты подписали предложенное имъ обязательство.

5) Такое же покровительство было оказано двумъ рабочимъ фабрики Триллинга, участвовавшимъ въ погромѣ и уволеннымъ вслѣдствіе этого съ фабрики. Подъ угрозою принятія репрессивныхъ мѣръ, власти потребовали у администраціи фабрики обратнаго принятія названныхъ рабочихъ, но г. Триллингъ предпочелъ закрыть фабрику, гдѣ работало 400 человѣкъ, а самъ уѣхалъ заграницу.

6) Кондуктора трамвая, уволенные за участіе въ погромѣ, были приняты на полицейскую службу въ Бѣлостокѣ же [1]).

[1]) Бѣлостокскій погромъ, стр. 61.

Все это дѣлалось открыто, публично, гласно и, какъ все наиболѣе важное, опубликовывалось телеграфными сообщеніями петербургскаго телеграфнаго агентства, такъ что трудно допустить, что всѣ эти мѣры принимались безъ вѣдома или вопреки желанію самого правительства, тѣмъ болѣе, что распоряженія мѣстной администраціи не были отмѣнены распоряженіемъ изъ Петербурга, а приставъ Шереметовъ до сихъ поръ украшаетъ своею особою ряды столичной полиціи. Такимъ образомъ, заявленіе правительства о „его глубокомъ негодованіи" надо понимать или какъ особый видъ высокаго стиля правительственнаго сообщенія, или какъ ошибку, свидѣтельствующую о нѣкоторой несогласованности дѣйствій столичной власти съ ея заявленіями.

VIII.

Погромный курсъ и погромное настроеніе.

О томъ, какъ высоко стоялъ въ то время въ правительственныхъ кругахъ „погромный курсъ“, какъ лестно было званіе погромщика и какъ компрометтировало малѣйшее подозрѣніе въ несочувствіи погрому или, horribile dictu!—въ состраданіи къ жертвамъ погрома, ярко свидѣтельствуетъ небольшой по внѣшнему виду, но заслуживающій огромнаго вниманія эпизодъ.

Въ газетѣ „Дума“ было напечатано и перепечатано „Военнымъ Голосомъ“ сообщеніе о томъ, какъ на мрачномъ фонѣ бѣлостокскихъ жестокостей выдѣлился человѣколюбивый поступокъ подполковника Невзорова, укрывавшаго у себя евреевъ, спасавшихся отъ громилъ. Казалось бы, подполковнику Невзорову оставалось только гордиться, что онъ не былъ солидаренъ въ этомъ случаѣ съ войсками бѣлостокскаго гарнизона. Но огласка его гуманнаго поступка кровно его обидѣла, и 20 іюня 1906 г. въ „Новомъ Времени“ появилось слѣдующее письмо:

„М. Г. Прошу напечатать въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующее заявленіе:

Въ № 129 газеты „Военный Голосъ“, въ отдѣлѣ „Хроника“, было напечатано сообщеніе, перепечатанное изъ газеты „Дума“: Среди мрачныхъ ужасовъ Бѣлостока свѣтлые факты. Заявляю, что въ этомъ сообщеніи ни слова правды: никого я не посылалъ къ знакомымъ евреямъ, которыхъ у меня нѣтъ, съ предложеніемъ переѣхать ко мнѣ въ казарму, и никакихъ „гостей-иновѣрцевъ“ у меня не было... Удивленъ, что газета „Военный Голосъ“ занимается перепечатываніемъ разныхъ „газетныхъ утокъ“; мнѣ кажется,

чтобы газета хоть сколько-нибудь уважалась, нужно перепечатывать съ разборомъ... провѣривши факты, а не съ плеча—все, что попало. Бѣлостокъ, 16 іюня. Подполковникъ Невзоровъ“.

Подполковникъ Невзоровъ былъ оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ: ему приписали поступокъ, порочащій его честное имя, и онъ спѣшитъ опровергнуть клевету: никого онъ отъ погрома не спасалъ, никакихъ „иновѣрцевъ“ у себя не укрывалъ и знакомыхъ евреевъ вовсе не имѣетъ! О томъ, составляетъ ли защита гонимыхъ и избиваемыхъ—честный, гуманный поступокъ, не существуетъ двухъ мнѣній даже у папуасовъ—всякій дикарь, не имѣющій понятія объ этикѣ и гуманности, отлично понимаетъ, что защищать слабаго отъ насилія—поступокъ добрый и достойный. Въ Россіи, принадлежащей къ семьѣ культурныхъ странъ, это понятіе, оказалось, не раздѣлялось, и повидимому, не однимъ подполковникомъ Невзоровымъ: въ томъ же „Нов. Времени“ 28 іюня напечатано было другое аналогичное письмо, авторомъ котораго явился уже студентъ горнаго института, баронъ Врангель. Недовольство его корреспондентомъ, сообщившимъ въ „Бир. Вѣд.“ о его гуманномъ поступкѣ, такъ сильно, что онъ называетъ его сообщеніе „сплошнымъ и наглымъ вымысломъ“. Повидимому, и г. Невзоровъ, и г. Врангель, протестуя такъ энергично, дѣлали это не изъ боязни отвѣтственности, такъ какъ даже въ эпоху погромовъ, отрицательное къ нимъ отношеніе и укрывательство преслѣдуемыхъ евреевъ, особенно, если это дѣлалось не демонстративно, если не поощрялись, то и не были обложены никакимъ наказаніемъ. Ради чего же такъ взволновались эти господа? Единственно возможный отвѣтъ на этотъ естественный вопросъ можетъ дать характеристика состоянія умовъ въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія. Постоянные погромы, поощреніе погромщиковъ, благосклонное отношеніе властей къ погромамъ создали такую погромную атмосферу, въ особенности, въ кругахъ, близкихъ къ бюрократическому міру, что погромъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ политическаго символа и обозначалъ собою несочувствіе освободительному движенію. Сочувствовать погромамъ, быть солидарнымъ съ погромщиками, значило—быть благонадежнымъ въ глазахъ началь-

ства; не сочувствовать имъ, защищать евреевъ отъ громилъ и даже имѣть знакомство съ евреями, значило—быть за одно съ ненавистными правительству крамольниками, быть неугоднымъ начальству. Да иного настроенія въ бюрократическомъ мірѣ и не могло создаться послѣ столь демонстративно выраженнаго военнымъ начальствомъ одобренія бѣлостокскаго и сѣдлецкаго погромовъ и нежеланія гражданскихъ властей наказать виновныхъ. Несомнѣнно, только такимъ образомъ можно объяснить выходку г. Невзорова, принадлежащаго именно къ военному міру Бѣлостока и опасающагося за свою репутацію „хорошаго" служаки; такова же, повидимому, психологія и студента барона Врангеля, можетъ быть настолько тѣсно связаннаго съ міромъ бѣлостокской бюрократіи или съ кругомъ погромной мѣстной аристократіи, что сознаться въ совершенномъ имъ гуманномъ поступкѣ было равносильно разрыву съ этимъ міромъ, а можетъ быть—и чему нибудь худшему.

Что погромная атмосфера господствовала среди всѣхъ слоевъ представителей власти—въ этомъ достаточно убѣждаетъ сдѣланный нами анализъ обстоятельствъ всѣхъ описанныхъ здѣсь погромовъ. Можно смѣло сказать, что эта атмосфера, эта подготовленность мѣстныхъ властей и была той основой, на которой создалась и расцвѣла погромная дѣйствительность. Содѣйствіе распространенію погромныхъ идей и призывовъ къ погромамъ, противодѣйствіе борьбѣ съ погромами и разоблаченіямъ погромщиковъ красной нитью проходятъ по всей дѣятельности мѣстной, а нерѣдко и центральной власти. Сообщеніями о безчисленномъ множествѣ фактовъ такого рода пестрятъ всѣ газеты конца 1905 и всего 1906 г. Приводимые ими до чрезвычайности разнообразные факты происходятъ всѣ изъ очень однообразнаго источника—отъ административныхъ лицъ и учрежденій всѣхъ ранговъ и степеней. Въ Екатеринославѣ, напримѣръ; печатаніе черносотенныхъ воззваній разрѣшалось мѣстнымъ цензоромъ Паскалемъ, причемъ извѣстно было, что эти воззванія раздавались солдатамъ и призывали къ избіенію „жидовъ" и поляковъ [1]). Въ Орлѣ, въ типографіи

[1]) „Право", 1906 г., № 11.

губернскаго правленія напечатана была такая же прокламація подъ названіемъ: „Полезные уроки не должны забываться“; на ней значится помѣтка: „печатать разрѣшается“ [1]. Въ Петергофѣ, по иниціативѣ одного гвардейскаго корнета, на частной квартирѣ была открыта цѣлая типографія (тайная), изъ которой черносотенная литература распространялась въ частяхъ войскъ, расположенныхъ въ городѣ [2]. Знаменитыя погромныя прокламаціи д. с. с. Лаврова, какъ выяснилось на судѣ, были разрѣшены не только отдѣльнымъ цензоромъ Соколовымъ, но и петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ въ полномъ составѣ, а прокламація того же Лаврова, призывающая къ избіенію „жидовъ и жидовскаго министра Витте“, была напечатана даже въ типографіи петербургскаго градоначальства. Въ Суджѣ мѣстный воинскій начальникъ раздаетъ солдатамъ листки, рекомендующіе безпощадно истреблять крамольниковъ („Страна“) и т. д. Все это дѣлается какъ будто частнымъ образомъ, по собственной инициативѣ, безъ всякаго участія правительства, но разоблаченіе такихъ дѣйствій въ печати почти никогда не влечетъ за собою преслѣдованія виновныхъ; исключеніе было сдѣлано лишь для д. с. с. Лаврова, который былъ привлеченъ къ суду, потому что его дѣяніемъ была затронута личность премьеръ-министра.

Пользуясь такъ широко печатнымъ словомъ въ погромныхъ цѣляхъ, власти подвергали газеты непрерывнымъ преслѣдованіямъ за разоблаченія ихъ погромной дѣятельности. Послѣ бѣлостокскаго погрома, петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати было возбуждено, по словамъ „Реформы“, 45 дѣлъ противъ редакторовъ издающихся въ Петербургѣ органовъ печати за сообщеніе „завѣдомо ложныхъ свѣдѣній“ о дѣйствіяхъ администраціи и войскъ во время погрома въ Бѣлостокѣ. Послѣ одесскаго погрома, Нейдгардтъ, пользуясь военнымъ положеніемъ, приказалъ всѣмъ одесскимъ газетамъ „поставить крестъ“ на всѣхъ событіяхъ 18—22 октября, и газеты, вмѣсто описанія погрома, помѣстили заявленіе о томъ, что онѣ не имѣютъ возможности „освѣтить совершенныя въ Одессѣ преступленія во

[1]) „Право“, 1906 г., № 13.
[2]) „Право“, 1906 г., № 35.

всей ихъ полнотѣ, съ указаніемъ истинныхъ ихъ виновниковъ". Такое же заявленіе должна была напечатать „Южная Россія" относительно погрома въ Николаевѣ. Нечего и говорить, что въ остальной провинціи газеты были придавлены еще болѣе, и о многихъ погромахъ, благодаря этому, и до сихъ поръ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній.

Замѣчательно, что погромный духъ, царившій въ правящихъ сферахъ, не только не скрывался, а въ нужныхъ случаяхъ даже афишировался. Когда властямъ трудно было справиться съ слишкомъ высокимъ подъемомъ революціоннаго настроенія какой либо мѣстности, власти начинали угрожать евреямъ погромомъ. Пріемъ этотъ унаслѣдованъ ими отъ покойнаго Плеве, который однажды объявилъ собраннымъ имъ для этого случая, кажется въ Петербургѣ, еврейскимъ нотаблямъ, что если они не повліяютъ на своихъ единовѣрцевъ, участвующихъ въ революціонномъ движеніи, то онъ не можетъ гарантировать спокойствія россійскому еврейству; кишиневскій погромъ, пережитый передъ этимъ, былъ еще такъ памятенъ, что намекъ былъ понятенъ безъ комментаріевъ. О такомъ же пріемѣ разсказалъ въ Г. Думѣ 26 іюня депутатъ Винаверъ. „Когда я сидѣлъ въ гомельскомъ процессѣ, сообщилъ г. Винаверъ, ко мнѣ обращались старики евреи и разсказывали, что когда они обращались къ властямъ за помощью, имъ говорили: „Мы сейчасъ же прекратимъ погромы, если вы выдадите намъ вашихъ демократовъ"" [1]).

Одесскій градоначальникъ Нейдгардтъ, заявившій себя наиболѣе яркимъ представителемъ полицейской школы Плеве, однимъ изъ первыхъ послѣдовалъ примѣру своего учителя и, пригласивъ къ себѣ, наканунѣ одесскаго погрома, почетныхъ евреевъ, заявилъ имъ: „если ваша молодежь не перестанетъ бунтовать, то васъ всѣхъ ждетъ ужасный погромъ". Ни одно изъ обѣщаній правительства не было выполнено такъ блестяще, какъ эта угроза.

Къ такому же пріему прибѣгнулъ командированный для усмиренія въ Полтаву ген.-адъютантъ Пантелѣевъ,

[1]) Стенографич. отчеты I сессіи Г. Думы, стр. 1739.

обратившійся къ вызванной имъ еврейской депутаціи со слѣдующей рѣчью: „Знайте, что Россія съ 17 октября усыновила евреевъ. Она дала имъ больше, чѣмъ они сами ожидали (!), и, несмотря на это, они продолжаютъ принимать самое активное участіе въ революціи. Я васъ предупреждаю, что если это будетъ продолжаться, евреямъ плохо придется. Вы, какъ депутаты, обязаны всячески вліять на еврейскую массу для ея успокоенія" („Веч. Газ.").

Ярославскій губернаторъ даже волненія въ мѣстной гимназіи вмѣнилъ въ вину евреямъ и заявилъ имъ, что если ихъ „жидовскія махинаціи" не прекратятся, то онъ ихъ вышлетъ изъ города „въ 24 секунды". Это было въ концѣ 1906 года, когда погромное настроеніе было уже въ упадкѣ и высылка въ „24 секунды" была дѣйствительнѣе угрозы погромомъ. Но особенно широко практиковались полиціею угрозы еврейскими погромами во время второй выборной кампаніи. Одесская полиція, вкупѣ съ „союзниками", безъ обиняковъ заявила евреямъ, что если депутатомъ отъ Одессы будетъ избранъ О. Я. Пергаментъ, то въ Одессѣ снова будетъ погромъ. Въ чертѣ осѣдлости, евреевъ-избирателей приглашали въ полицію и „дружески" совѣтовали имъ отказаться отъ участія въ выборахъ, не ручаясь, въ противномъ случаѣ, за безопасность еврейскаго населенія. Что эти угрозы не были пустымъ звукомъ, показываетъ слѣдующій случай: въ Мелитополѣ членами „союза русскаго народа" были избиты выборщики—евреи. Арестованные, по распоряженію губернатора, „союзники" подали ему прошеніе, въ которомъ заявляютъ, что избіенія производились по распоряженію исправника Матюшина. Главари союза Найденовъ и Ключниковъ,—передаетъ „Право" со словъ газеты „Сегодня"—удостовѣряютъ въ прошеніи, что исправникъ пригласилъ ихъ передъ выборами въ полицейское управленіе и предложилъ организовать изъ среды членовъ союза русскаго народа группу избивателей. За успѣхъ Матюшинъ обѣщалъ имъ хорошее вознагражденіе [1]).

---

[1]) „Право", 1907 г., № 15.

IX.

За кулисами правительственнаго механизма.

Такова картина погромнаго положенія. Все въ ней, кажется, совершенно ясно и, ознакомившись съ нею въ томъ видѣ, какъ она нарисована здѣсь, можно только удивляться, что „дѣло“ было такъ хорошо налажено, что по всей странѣ въ октябрьскіе дни прокатилась такая грандіозная волна погромовъ. Вѣдь она захватила около 150 городовъ, въ участіе въ избіеніяхъ и грабежахъ вовлечено было нѣсколько десятковъ тысячъ громилъ, сотни тысячъ истинно русскихъ людей были мобилизованы для организаціи патріотическихъ манифестацій, служившихъ вездѣ первою ступенью погрома, и почти повсюду, гдѣ тайное, а гдѣ явное участіе принимала полиція и отчасти—войска. Кто могъ двинуть эту грандіозную машину, кто выработалъ планъ ея дѣйствій и такъ мастерски его выполнилъ? Мы видѣли, что правительство старательно выгораживало главныхъ дѣятелей погрома, не брезгая для этого даже офиціальной ложью; тѣмъ изъ сознательныхъ, хотя и мелкихъ погромщиковъ, которые все-таки, по своей неосторожности, не могли избѣжать суда и приговорены были къ наказаніямъ, оно выхлопотало полное помилованіе; болѣе отличившихся мундирныхъ погромщиковъ оно награждало повышеніями и благодарностями; на дѣятельность тѣхъ изъ громилъ, которые держатъ въ постоянномъ страхѣ еврейское населеніе, какъ это тянется, напримѣръ, уже болѣе двухъ лѣтъ въ Одессѣ, оно смотритъ

благосклонно и при всякомъ удобномъ случаѣ старается оправдать ихъ передъ возмущеннымъ обществомъ. Словомъ, центральное правительство, въ лицѣ совѣта министровъ и подчиненныхъ ему органовъ, всѣми своими дѣйствіями, о которыхъ здѣсь говорилось, показало, что оно сочувствуетъ погромамъ, считаетъ ихъ желательными, какъ средство для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, и всячески имъ покровительствуетъ. Но мы до сихъ поръ не знаемъ, кто же руководитъ погромами, организуетъ ихъ, объединяетъ дѣятельность мѣстныхъ погромщиковъ, является ихъ душою. Что погромы на мѣстахъ возникаютъ не самостоятельно, а въ зависимости отъ чьей-то воли—въ этомъ можно было убѣдиться на чрезвычайномъ однообразіи октябрьскихъ погромовъ, осуществлявшихся какъ бы по циркулярному предписанію. Что организація погромовъ имѣетъ какую-то связь съ правительствомъ, съ его тактикой—въ этомъ убѣждало какъ желаніе правительства представить всѣ погромы въ видѣ контръ-революціоннаго движенія, такъ и дѣйствительное совпаденіе погромовъ съ моментами наивысшаго напряженія борьбы правительства съ революціей. Словомъ, всѣми чувствовалась рука какой-то власти, направлявшей погромы, но никто этой руки не видѣлъ, никто не могъ ее схватить, чтобы вывести за нее на свѣтъ Божій ея обладателя.

Вскорѣ послѣ октябрьскихъ погромовъ, въ печати сдѣлана была попытка приподнять завѣсу съ этой тайны, обнаружить создателей погромовъ, но за приподнятой завѣсой оказалась непроницаемая для внѣшняго міра перегородка, изъ-за которой едва только видны были неясные силуэты. Мы говоримъ объ извѣстныхъ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ послѣ октябрьскихъ дней въ газетѣ „Наша Жизнь“ промышленникомъ г. Ф. Львовымъ. Г. Львовъ въ весьма категорической формѣ, не оставлявшей сомнѣній въ его освѣдомленности, заявилъ, что въ сановномъ мірѣ существуетъ правильно функціонирующая погромная организація, тѣсно примыкающая къ правительству и имѣющая въ немъ крѣпкіе корни въ лицѣ многихъ крупныхъ бюрократовъ. Во главѣ этой организаціи стоялъ хорошо извѣстный генералъ Е. В. Богдановичъ, явная дѣятельность котораго заключалась въ распространеніи патріотическихъ прокламацій, ри-

сунковъ и т. п., выпускавшихся имъ въ огромномъ количествѣ за счетъ казенныхъ субсидій. Все погромное дѣло было сосредоточено въ домѣ Богдановича, на Б. Морской подъ № 51, а въ организацію, въ качествѣ главныхъ дѣятелей на мѣстахъ, входили: одесскій градоначальникъ Нейдгардтъ, его братъ, Богдановичъ — сынъ, Кіевскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ, помощникъ кавказскаго намѣстника ген. Ширинкинъ, московскій градоначальникъ баронъ Медемъ, губернаторы: Роговичъ, Азанчевскій-Азанчеевъ и мн. др. — словомъ, всѣ наиболѣе выдающіеся дѣятели октябрьскихъ погромовъ. При содѣйствіи этихъ лицъ, ген. Богдановичъ, послѣ ряда поѣздокъ по всей Россіи, организовалъ изъ членовъ общества хоругвеносцевъ огромную боевую дружину, имѣвшую вездѣ своихъ членовъ и цѣлый рядъ подотдѣловъ. Ядро организаціи составили 6000 хоругвеносцевъ, а „остальную силу — черносотенцевъ — имъ должны были доставить „участки“. Въ началѣ октября, еще до развитія всеобщей забастовки, въ Петербургъ съѣхались представители этой дружины, такъ называемые „сотенные“. На совѣщаніяхъ ихъ вырабатывался планъ ряда повсемѣстныхъ погромовъ, съ контръ-революціонною цѣлью. Погромами предполагалось показать преданность народа самодержавію, ненависть къ революціи и патріотизмъ, а въ высшихъ сферахъ—подкрѣпить колеблющееся настроеніе и удержать ихъ отъ уступокъ. Но въ то время, какъ главный штабъ погромной арміи засѣдалъ въ Петербургѣ, по всей Россіи разлилась желѣзнодорожная забастовка, разъединившая погромныхъ генераловъ съ ихъ арміей. Волей-неволей погромы пришлось отложить, а въ это время, „высшія сферы“, не выдержавъ революціоннаго натиска, заколебались и, не видя обѣщанной поддержки, уступили—появился манифестъ 17 октября. Но погромщики не падали духомъ. Часть ихъ еще въ день опубликованія манифеста попала въ Москву, воспользовавшись, при помощи охраннаго отдѣленія, санитарнымъ поѣздомъ, который забастовавшіе желѣзнодорожники пропустили изъ Москвы въ Петербургъ еще 14 октября; изъ Москвы „сотенные“ разъѣхались по своимъ мѣстамъ и, не успѣвъ организовать погромовъ пре-

дупредительныхъ, какъ это предполагалось, устроили рядъ карательныхъ „контръ-революцій“ [1]).

Несмотря на категоричность заявленій г. Львова, называвшаго по именамъ главныхъ погромщиковъ и съ точностью указавшаго многіе ихъ шаги, все, сообщенное г. Львовымъ, казалось такъ чудовищно даже для нашей бюрократіи, такъ необычно, что это разоблаченіе прошло какъ-то мало замѣченнымъ: нѣсколько газетъ перепечатали его, немного поговорили и скоро забыли о немъ: развернувшаяся по всей линіи борьба революціи съ загнанной въ тупикъ реакціей мало благопріятствовала въ то время распутыванію хитросплетенной сѣти закулисныхъ интригъ бюрократіи, а вѣрить на слово г. Львову, повидимому, никто не рѣшался. Между тѣмъ, г. Львовъ доставилъ свою записку съ разоблаченіями графу Витте и сообщилъ ему и секретарю его Н. И. Вуичу, что раскрыть погромную организацію возможно, обративъ вниманіе на нѣкоего князя Путятина и жандармскаго ротмистра Модль, тѣсно связанныхъ съ погромною лабораторіей. Замѣчательно при этомъ, что ни одинъ изъ упомянутыхъ г. Львовымъ дѣятелей ни словомъ не откликнулся на его разоблаченія и не потребовалъ у него объясненій—повидимому, всеобщее возбужденіе, благодаря которому записка г. Львова прошла мало замѣченной, было какъ нельзя болѣе на руку названнымъ имъ лицамъ и они не хотѣли портить своими публичными выступленіями создавшагося благопріятнаго для нихъ положенія.

Какъ оказалось вскорѣ, разоблаченія г. Львова заслуживали гораздо большаго вниманія, чѣмъ то, которое было имъ удѣлено, и послѣдующія событія показали, что въ словахъ автора сенсаціонной записки было много правды, хотя правда была сказана и не вся. Устроивъ октябрьское кровопусканіе, погромщики не почили на лаврахъ и продолжали свою работу, оказавшуюся столь плодотворной для нихъ. Революціонное движеніе послѣ октябрьскихъ погромовъ не только не пошло на убыль, какъ они ожидали, но разлилось еще

---

[1]) См. газ. „Наша Жизнь“ отъ 19 ноября 1905 г., № 338. „Реакціонные заговорщики“ Ф. А. Львова, и газету „Бирж. Вѣд.“, гдѣ въ одномъ изъ іюньскихъ №№ 1906 г. Львовъ повторилъ свои разоблаченія.

болѣе широко и глубже захватило народныя массы. Растерявшееся правительство боролось съ революціей, какъ могло, стараясь свести на нѣтъ октябрьскія обѣщанія, но ни жестокости министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, ни хитрость графа Витте, заигрывавшаго одновременно и съ революціей, и съ реакціей, ни военное положеніе, въ которомъ было объявлено чуть ли не полъ-Россіи, не могли успокоить волны нароставшаго десятилѣтіями народнаго негодованія. Наряду съ репрессіями, правительство вынуждено было продолжать уступки. Такою уступкою было изданіе избирательнаго закона 11 декабря 1905 г. Для погромщиковъ было ясно, что борьбу нужно продолжать. И они продолжали ее съ такою смѣлостью, какая могла быть проявлена при полной увѣренности въ безнаказанности ихъ черной работы. Дѣятельность погромной организаціи вскорѣ была обнаружена уже въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ. Хотя разоблаченіе касалось только одного ея района, но сдѣлано оно было вполнѣ документально и при томъ лицомъ офиціальнымъ, игравшимъ видную роль въ бюрократическомъ мірѣ. Рѣчь идетъ о рапортѣ чиновника департамента полиціи с. с. Макарова министру внутреннихъ дѣлъ о погромной дѣятельности властей г. Александровска и о поощреніи ихъ департаментомъ полиціи. Рапортъ былъ сообщенъ, какъ и вся переписка департамента полиціи, секретно, и поэтому, г. Макаровъ составлялъ его совершенно откровенно, съ полнымъ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ и съ точнымъ обозначеніемъ чиселъ, №№ бумагъ изъ переписки департамента и всѣхъ обстоятельствъ, неоглашаемыхъ, обыкновенно, этимъ учрежденіемъ. Но документъ этотъ попалъ въ редакцію „Рѣчи“ и былъ полностью воспроизведенъ ею въ № 63, отъ 5 мая 1906 г. (впослѣдствіи выяснилось, что рапортъ переданъ редакціи самимъ А. А. Лопухинымъ, заявившимъ объ этомъ въ своемъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпину). Воспроизводимъ его и мы безъ всякихъ сокращеній, такъ какъ малѣйшая подробность этого замѣчательнаго документа имѣетъ значеніе для характеристики положенія и лицъ и учрежденій, имена которыхъ связаны съ погромной дѣятельностью. Вотъ этотъ документъ:

„Министру внутреннихъ дѣлъ

завѣдующаго особымъ отдѣломъ департамента полиціи, чиновника особыхъ порученій 5-го класса при министрѣ, статскаго совѣтника Макарова

рапортъ отъ 15-го февраля 1906 года.

По полученіи 11-го сего февраля въ особомъ отдѣлѣ департамента полиціи извѣстнаго вашему высокопревосходительству, адресованнаго на имя предсѣдателя совѣта министровъ, письма литератора Оболенскаго о готовящемся въ г. Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, избіеніи евреевъ, я, въ виду доложенныхъ мною вашему высокопревосходительству 6-го числа текущаго мѣсяца свѣдѣній о составленіи, отпечатаніи и распространеніи департаментомъ полиціи воззваній, возбуждающихъ одни классы населенія противъ другихъ, остановился на мысли о томъ, не организовано ли, дѣйствительно, какъ утверждаетъ Оболенскій, ожидаемое въ г. Александровскѣ избіеніе евреевъ должностными лицами и не дѣйствовали ли послѣднія подъ руководствомъ или съ вѣдома чиновъ департамента полиціи. Разсмотрѣвъ дѣла особаго отдѣла департамента полиціи по Екатеринославской губерніи, я обнаружилъ въ нихъ два донесенія департаменту помощника начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія по Александровскому и Павлоградскому уѣздамъ ротмистра Будоговскаго отъ 27-го ноября и 5-го декабря 1905 года за №№ 1054 и 1061, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что избіеніе евреевъ въ г. Александровскѣ подготовляется, что преступная агитація съ этой цѣлью ведется по иниціативѣ ротмистра Будоговскаго и что чинами департамента полиціи, которые о семъ были своевременно освѣдомлены, не только не было принято мѣръ къ прекращенію означенной агитаціи, но дѣятельность ротмистра Будоговскаго даже поощрялась. При вышеуказанныхъ донесеніяхъ, ротмистромъ Будоговскимъ были представлены 6 литографированныхъ и 2 печатныхъ воззванія, послѣднія со штемпелемъ: „александровская народная партія 17 октября“. Печатныя воззванія озаглавлены: одно—„ко всѣмъ истинно-русскимъ людямъ, гражданамъ земли русской“, другое—„сочувствуетъ ли русскій

народъ революціи и республикѣ",—и излагаютъ разъясненія народу „преступныхъ", „своекорыстныхъ" цѣлей революціонеровъ, отождествленныхъ въ воззваніяхъ съ евреями, и описанія того, какъ 19-го октября минувшаго года патріотически настроенная толпа въ г. Нѣжинѣ заставляла революціонеровъ, студентовъ и евреевъ пѣть народный гимнъ и присягать передъ потретомъ Государя Императора. По общему тону и нѣкоторымъ отдѣльнымъ фразамъ, воззванія представляютъ изъ себя агитаціонныя средства къ возбужденію одной части населенія противъ другой. Одно мимеографированное воззваніе заключаетъ въ себѣ критику общественной дѣятельности нѣкоторыхъ гласныхъ александровскаго уѣзднаго земства, въ воззваніи поименованныхъ, и призывъ противъ нихъ. Остальныя мимеографированныя воззванія, изъ коихъ нѣкоторыя подписаны „александровскій союзъ русскихъ людей 17 октября", а одно—„александровская русская боевая дружина", отличаются крайнимъ возбужденіемъ населенія противъ „революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и жидовъ". Въ нихъ первые называются братьями и холопами „жидовъ", доказывается, что революціонное движеніе ведется исключительно евреями; они заканчиваются призывами: „прочь коварное дьявольское навожденье. Прочь жиды и ихъ братья-ученики, соціалъ-демократы и революціонеры, долой жидовъ и ихъ братьевъ, соціалъ-демократовъ и революціонеровъ". Воззваніе же александровской боевой дружины: „Ко всѣмъ истинно-русскимъ людямъ" заключаетъ въ себѣ открытый призывъ къ избіенію революціонеровъ и евреевъ. Въ немъ, послѣ упоминанія о томъ, что Россію ведутъ къ гибели „соціалъ-демократы, революціонеры и жиды", говорится: „Мало ли намъ, что уже въ Петербургѣ захватили власть революціонеры и не даютъ Царю объявить законъ о дарованныхъ свободахъ". „Вотъ уже на этихъ дняхъ эти изверги рода человѣческаго соціалъ-демократы и революціонеры ранили Царя-Батюшку нашего, который отъ горя уже успѣлъ посѣдѣть". „Вотъ уже нѣмецкій государь послалъ свои военныя суда къ Петербургу". „Мы, русскіе люди, погибнемъ, если сейчасъ же не соединимся въ дружины и дружными напорами не отразимъ нашего врага, соціалъ-демократовъ и жидовъ", „еще не поздно, но скоро будетъ поздно, и врагъ нашъ внутрен-

ній разорветъ нашу дорогую родину на части и отдастъ ее на съѣденіе жидамъ". „Такъ вставай, сказано въ воззваніи, подымайся великій русскій народъ, образуй дружины, запасайся оружіемъ, косами, вилами и иди на защиту своего Царя, родины и вѣры православной. Но, помните, что врагъ нашъ, кто стоитъ за жидовъ, за нынѣшнія политическія забастовки, ходитъ съ красными флагами и называетъ себя соціалъ-демократомъ и революціонеромъ. Итакъ, истинно-русскіе люди: кто за Царя, родину и вѣру православную, тотъ по первой тревогѣ собирайтесь съ оружіемъ, косами и вилами на площади у народнаго дома и вступайте подъ русскія трехцвѣтныя знамена сформированной Александровской русской боевой дружины, которая ринется съ портретомъ Царя и Святой иконой на враговъ нашихъ красно-флажниковъ".

Представляя вышеописанныя воззванія департаменту полиціи, ротмистръ Будоговскій въ донесеніяхъ своихъ за №№ 1054 и 1061 сообщаетъ, что воззванія эти разбрасываются „Александровскимъ союзомъ 17-го октября" въ г. Александровскѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ „въ значительномъ количествѣ", что они „приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ", что весь составъ означеннаго патріотическаго союза ему, ротмистру Будоговскому, извѣстенъ, и что онъ „употребляетъ все свое вліяніе на выпускъ подобныхъ же воззваній и въ селахъ своего района", что, по его мнѣнію, „благотворно повліяетъ на крестьянъ и удержитъ ихъ отъ насилій надъ помѣщиками". Подобныя донесенія поступали въ департаментъ полиціи отъ ротмистра Будоговскаго и ранѣе, какъ то видно изъ помѣты на его донесеніи за № 1054, сдѣланной прикомандированнымъ къ особому отдѣлу департамента чиновникомъ особыхъ порученій Пятницкимъ, но донесеній этихъ я въ дѣлахъ особаго отдѣла не нашелъ, несмотря на то, что чиновникомъ особыхъ порученій Пятницкимъ, при представленіи донесенія ротмистра Будоговскаго за № 1054 завѣдывавшему политической частью департамента полиціи Рачковскому, а донесенія за № 1061—завѣдывавшему особымъ отдѣломъ департамента полиціи Тимофееву (нынѣ—чиновникъ для порученій при дворцовомъ комендантѣ) были сдѣланы на донесеніи помѣты: на первомъ: „прилагаемыя воззванія Але-

ксандровскаго союза 17 октября безусловно заключаютъ въ себѣ натравливаніе противъ евреевъ“, а на второмъ: „еще рядъ воззваній, направленныхъ противъ евреевъ“. Донесенія эти не вызвали по поводу означенныхъ воззваній никакихъ распоряженій ни со стороны д. с. с. Рачковскаго, ни со стороны с. с. Тимофѣева, а вмѣстѣ съ тѣмъ ротмистръ Будоговскій былъ представленъ къ награжденію.

Изъ письма литератора Оболенскаго на имя ст.-секр. гр. Витте ваше высокопревосходительство изволите знать, что агитація къ истребленію евреевъ, веденная Александровскимъ союзомъ 17 октября, подъ вліяніемъ помощника начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія ротмистра Будоговскаго, дѣйствовавшаго по молчаливому одобренію д. с. с. Рачковскаго и с. с. Тимофѣева, достигла своей цѣли и избіеніе еврейскаго населенія г. Александровска ожидается 19-го сего февраля. Такія дѣйствія поименованныхъ должностныхъ лицъ, ведущія къ возникновенію среди населенія имперіи междуусобной розни и создающія условія, благопріятныя для усиленнаго развитія и успѣха революціоннаго движенія, составляютъ преступленія, предусмотрѣнныя 341 ст. улож. о нак. Въ виду чего я объ изложенномъ считаю долгомъ доложить на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства“.

Итакъ, мы имѣемъ неподлежащій никакому сомнѣнію офиціальный документъ, удостовѣряющій, что агентъ департамента полиціи ротмистръ Будоговскій подготовляетъ избіеніе евреевъ и соціалъ-демократовъ и доноситъ департаменту, что „онъ употребляетъ все свое вліяніе“ на подготовку такого избіенія не только въ г. Александровскѣ, но и въ селахъ своего района—съ цѣлью удержать крестьянъ отъ насилій надъ помѣщиками. Чины департамента полиціи—д. с. с. Рачковскій и с. с. Тимофѣевъ, отъ которыхъ зависѣло унять Будоговскаго и возбудить противъ него преслѣдованіе, не только этого не сдѣлали, но представили Будоговскаго къ наградѣ. Да и могли ли они поступить иначе, если въ самомъ департаментѣ составлялись, печатались и распространялись департаментомъ погромныя прокламаціи, о чемъ с. с. Макаровъ говоритъ въ самомъ началѣ своего рапорта. Повидимому, департаментъ и былъ частью той погромной организаціи, о которой говорилъ въ своей запискѣ

г. Львовъ. Надо отдать справедливость настойчивости александровскихъ погромщиковъ въ ихъ стремленіи во что бы то ни стало вызвать въ Александровскѣ погромъ: въ своемъ рвеніи они не остановились передъ героическимъ средствомъ — ложью о томъ, что „соціалъ-демократы и революціонеры ранили царя-батюшку нашего, который отъ горя уже успѣлъ посѣдѣть“. Здѣсь нужно удивляться не тому, что дѣйствующіе подъ покровительствомъ департамента полиціи погромщики прибѣгаютъ къ явной лжи, очевидной даже для тѣхъ, кому они стараются ее внушить—достаточно вспомнить ложь о японскихъ 18 милліонахъ, пущенную агентами правительства послѣ 9 января, чтобы знать, какими средствами борются они съ революціей; удивительнѣе всего здѣсь то, что департаментъ полиціи — центральный органъ полицейскаго управленія всей Имперіи, не гнушался не только людьми, прибѣгающими къ такимъ средствамъ, но даже и самыми ихъ средствами, не дѣлающими чести изобрѣтательности даже деревенскихъ провокаторовъ. Повидимому, въ затѣянномъ всероссійскомъ „предпріятіи“ рѣшено было не стѣсняться никакими средствами, какъ бы они ничтожны и нелѣпы ни были. Достаточно было заявленія, что наглая ложь разбросанныхъ „въ значительномъ количествѣ“ погромныхъ прокламацій „приноситъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ“, чтобы распространитель этой лжи, ротмистръ Будоговскій, въ департаментѣ былъ представленъ къ наградѣ. И ротмистръ Будоговскій, посылая въ департаментъ свои донесенія, несомнѣнно зналъ, что они будутъ встрѣчены тамъ благосклонно, ибо какой же чиновникъ сталъ бы сообщать начальству о совершенномъ имъ преступленіи, если бы не былъ заранѣе увѣренъ въ томъ, что его за это преступленіе похвалятъ.

Въ рапортѣ с. с. Макарова только мимоходомъ упомянуто о печатавшихся въ департаментѣ полиціи погромныхъ прокламаціяхъ и о распространеніи ихъ по Россіи. Но намекъ былъ такъ многозначителенъ, а обстоятельства дѣятельности Будоговскаго и его сообщниковъ такъ краснорѣчиво говорили объ участіи въ погромахъ департамента полиціи, что въ засѣдавшей во время опубликованія рапорта Макарова Государственной Думѣ это не могло пройти

незамѣченнымъ, и министру внутреннихъ дѣлъ (П. А. Столыпину) 8 мая былъ предъявленъ Думою запросъ, въ которомъ были сгруппированы обвиненія департамента полиціи не только по поводу разоблаченія Макарова, но и по поводу первомайскихъ погромовъ въ Вологдѣ, Царицынѣ, Калязинѣ и др. городахъ, такъ какъ обстоятельства этихъ погромовъ давали основаніе предполагать причастность департамента полиціи и къ этимъ событіямъ. Столыпинъ, воспользовавшись предоставленнымъ положеніемъ о Госуд. Думѣ правомъ отвѣчать на запросы черезъ мѣсяцъ, представилъ свои объясненія думѣ только 8 іюня. Отвѣтъ г. Столыпина совпалъ съ днями наивысшаго проявленія общественнаго негодованія по адресу исполнительной власти, такъ какъ это происходило вскорѣ послѣ бѣлостокскаго погрома, и разсчетъ г. Столыпина на то, что истекшій мѣсяцъ притупитъ остроту запроса—не оправдался: ему пришлось выслушать отъ депутатовъ много горькихъ словъ, много такихъ обвиненій, крошечная частица которыхъ, будучи предъявленною западно-европейскимъ министрамъ, заставила бы ихъ сгорѣть со стыда и уйти въ отставку. Но г. Столыпинъ стоически выдержалъ натискъ и съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ на запросъ, хотя въ его отвѣтѣ оказалось очень мало убѣдительности. По поводу обвиненія въ печатаніи и разсылкѣ департаментомъ полиціи погромныхъ прокламацій, г. Столыпинъ объяснилъ, что въ срединѣ декабря жандармскій офицеръ Коммиссаровъ отпечаталъ на конфискованной по одному политическому дѣлу машинѣ воззваніе къ солдатамъ, приглашающее солдатъ свято исполнить свой долгъ при столкновеніяхъ съ мятежниками. Это воззваніе было послано въ Вильну въ количествѣ 200—300 экземпляровъ. Кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ другого воззванія къ избирателямъ Государственной Думы. Но въ это время начальству стало извѣстно о дѣятельности офицера; ему пригрозили будто бы увольненіемъ, наборъ воззванія къ избирателямъ уничтожили и послали въ Вильну телеграмму объ уничтоженіи воззванія къ солдатамъ. Что касается дѣятельности ротмистра Будоговскаго, то г. Столыпинъ не отрицалъ, что Будоговскій распространялъ воззванія, о которыхъ говорится въ рапортѣ Макарова, но объяснялъ это личными связями Будоговскаго съ мѣст-

ными черносотенными организаціями. По прекращеніи безпорядковъ, т. е. 14 декабря, въ Александровскомъ уѣздѣ новыя воззванія противъ революціонеровъ и евреевъ болѣе не распространялись, Будоговскій же былъ вызванъ въ Петербургъ и получилъ строгое внушеніе, хотя—добавилъ министръ—юридически онъ за свои дѣйствія отвѣтственности не подлежалъ, такъ какъ воззванія его, призывавшія къ погрому, къ таковому не привели.

Обращаясь къ обвиненію департамента полиціи въ организаціи этихъ дѣйствій Будоговскаго, а также въ бездѣйствіи по этому же поводу, г. Столыпинъ приписываетъ несвоевременное прекращеніе департаментомъ дѣйствій Будоговскаго тому, что упомянутыя Макаровымъ донесенія Будоговскаго о его „стараніяхъ" были получены 3—10-го декабря, т. е. въ разгаръ московскаго возстанія, когда завѣдующій политическою частью Рачковскій находился въ Москвѣ, а затѣмъ, послѣ 14 декабря, былъ освобожденъ отъ завѣдыванія политическою частью. Когда именно былъ вызванъ Будоговскій для внушенія, министръ не говоритъ, но прибавляетъ, что послѣ 14 декабря не только ожидавшіеся въ Александровскѣ погромы не имѣли мѣста, но вообще не произошло никакихъ безпорядковъ.

Наконецъ, что касается высочайшей награды, пожалованной Будоговскому по представленію его начальства, то онъ получилъ ее не за агитацію, о которой не было извѣстно, а за то, что Будоговскій „рѣшилъ, опираясь на сочувствующія ему общественныя группы, подавить безпорядки" [1]).

Такова сущность объясненій министра внутреннихъ дѣлъ. Мы умышленно привели рѣчь г. Столыпина не въ стенографическомъ изложеніи, а лишь въ извлеченіяхъ, чтобы, освободивъ объясненія отъ его своеобразной цвѣтистой фразеологіи, представить ихъ въ неприкрашенномъ видѣ. Освобожденныя, такимъ образомъ, отъ одеждъ министерскаго краснорѣчія, объясненія правительства устанавливаютъ слѣдующіе факты: 1) департаментъ полиціи печаталъ погромныя прокламаціи и разсылалъ ихъ по Россіи; 2) агентъ департамента, съ цѣлью борьбы съ революціоннымъ дви-

---

[1]) Стеногр. отчеты Г. Думы, стр. 1126 и 1127.

женіемъ, натравливалъ населеніе на революціонеровъ и евреевъ, приглашая истреблять ихъ путемъ погрома; 3) правительство, найдя не только допустимымъ, но и заслуживающимъ похвалы этотъ видъ служебнаго усердія, поощрило за это своего агента наградою. Въ оправданіе этихъ фактовъ, которые онъ мягко называетъ „неправильными дѣйствіями жандармскихъ офицеровъ“, г. Столыпинъ ссылался на „ужасныя событія“, которыя переживала Россія, на недостатокъ у Будоговскаго войскъ для усмиренія революціонеровъ, на то, что послѣдствіемъ дѣйствій департаментскаго жандарма и ротмистра Будоговскаго „не было массы убійствъ невинныхъ людей“, и въ заключеніе обѣщалъ „принять самыя энергичныя мѣры, чтобы подобное не повторялось“.

Но едвали это обѣщаніе кого нибудь убѣдило послѣ того, какъ г. Столыпинъ сталъ увѣрять, что все дѣлается во исполненіе долга и закона. Старые законы несовершенны, но выходъ изъ заколдованнаго круга, образуемаго несовершенствомъ законовъ, г. министръ видитъ только одинъ: „Примѣнять существующіе законы до созданія новыхъ, ограждая всѣми способами и по мѣрѣ силъ права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя сказать часовому, стоящему на посту: „У тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и постороннихъ; брось ружье“. На это честный часовой отвѣтитъ: „Покуда я на посту, покуда мнѣ не дали новаго ружья, я буду стараться умѣло дѣйствовать старымъ“ [1]).

Сопоставляя съ этой метафорой дѣятельность Будоговскаго и его товарищей, не легко было отдѣлаться отъ опасенія, что эти господа будутъ съ прежней энергіей дѣйствовать оставленнымъ въ ихъ рукахъ „кремневымъ ружьемъ“.

Съ такого опасенія началъ свою знаменитую рѣчь въ томъ же засѣданіи Государственной Думы и князь Урусовъ. „Я полагаю, сказалъ этотъ депутатъ, что извѣстіе о скрывавшейся въ тайникахъ департамента полиціи „бостонкѣ“, какъ назвалъ ее министръ внутреннихъ дѣлъ, мы разсматриваемъ не столько, какъ фактъ прошлаго, съ точки

---

[1]) Стеногр. отчеты, стр. 1129.

зрѣнія отвѣтственности виновныхъ лицъ, сколько, какъ тревожный вопросъ относительно возможности дальнѣйшаго участія правительственныхъ чиновниковъ, хотя бы и меньшинства ихъ, въ подготовленіи тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыми мы за послѣднее время печально прославились и которыя, къ стыду нашему, продолжаютъ разыгрываться, какъ показываютъ недавнія обстоятельства, возбуждая негодованіе всѣхъ, кому дорога человѣческая жизнь и кому дорого достоинство русскаго государства" [1]).

Что для такихъ опасеній были серьезныя основанія, показывали событія 1 мая въ Вологдѣ, Царицынѣ и т. п., и бѣлостокскій погромъ. Къ этимъ событіямъ нельзя было притянуть ни одну изъ приведенныхъ г. Столыпинымъ датъ, на основаніи которыхъ онъ хотѣлъ установить, что послѣ обнаруженія въ департаментѣ полиціи печатной бостонки, а въ Александровскѣ и его уѣздѣ—департаментскихъ провокаторовъ, не было ни одного погрома. Мы видимъ, что послѣ уничтоженія бостонки и сдѣланнаго Будоговскому внушенія, обладателями „кремневаго ружья" былъ устроенъ цѣлый рядъ массовыхъ кровопусканій, а въ Вологдѣ объявился даже свой Будоговскій въ лицѣ жандармскаго ротмистра Пышкина. Сѣдлецкій погромъ еще рельефнѣе подтвердилъ это. Ясно, что не въ одной только обнаруженной бостонкѣ и не въ одномъ только уличенномъ Будоговскомъ и его коллегахъ заключалась опасность, и что сила разоблаченій г. Львова оставалась непоколебленной. Существовала какая-то тайная организація, парализовать дѣйствія которой не могли ни министръ Столыпинъ со всей своей „полнотой власти", ни внушительный запросъ Государственной Думы.

Но покровъ таинственности спадалъ съ этой организаціи все болѣе и болѣе, и неясные контуры ея, набросанные г. Львовымъ, стали принимать все болѣе отчетливыя очертанія. Въ то время, какъ вся страна, убѣжденная въ существованіи какого-то заговора противъ спокойствія и безопасности цѣлыхъ городовъ, отданныхъ во власть Будоговскихъ и Пышкиныхъ, мучительно искала разгадки окутывавшей ее кровавой таинственности, съ думской трибуны

---

[1]) Стенографич. отчеты, стр. 1129.

раздался голосъ депутата князя Урусова. Онъ открыто заявилъ о существованіи какой-то погромной всероссійской организаціи, однородной и широко задуманной. Рѣчь его, полностью переданная по телеграфу во всѣ уголки Россіи, произвела потрясающее впечатлѣніе и, казалось тогда, положила прочное начало раскрытію роковой тайны. Мы не будемъ приводить здѣсь всего, что говорилъ въ этомъ засѣданіи думы князь Урусовъ—рѣчь его слишкомъ памятна всѣмъ —приведемъ лишь фактическую основу его разоблаченій.

„Въ январѣ 1906 г., разсказывалъ депутатъ, къ одному изъ лицъ, занимавшему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ второстепенное положеніе, но извѣстному въ качествѣ противника погромной политики—я говорю не о себѣ—стали поступать въ большомъ количествѣ образцы воззваній, чистой работы, широко распространяемыхъ въ главныхъ центрахъ юга и запада Россіи, а также тревожныя жалобы съ указаніемъ на подготовленіе погромовъ въ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и другихъ городахъ. Гомельскій январскій погромъ подтвердилъ основательность высказываемыхъ опасеній и побудилъ упомянутое лицо употребить всѣ средства къ предупрежденію остальныхъ погромовъ, что и удалось сдѣлать, благодаря распоряженіямъ тогдашняго предсѣдателя совѣта министровъ. При этомъ отчасти выяснилась, хотя и въ нѣкоторомъ туманѣ, слѣдующая картина дѣятельности „погромныхъ дѣлъ мастеровъ“.

Группа лицъ, составляющихъ какъ бы боевую дружину одного изъ нашихъ самыхъ „патріотическихъ“ собраній, въ связи и въ единеніи съ лицами, близко стоящими къ редакціи одной, не петербургской газеты, задумала борьбу съ революціей. Будучи „патріотами“ въ томъ смыслѣ, какой недавно придалъ здѣсь этому слову представитель тверской губ., и людьми „истинно-русскими“, они причину смуты усматривали въ инородцахъ—полякахъ, армянахъ и обывателяхъ черты еврейской осѣдлости. Русское населеніе, а также особо русскіе солдаты призывались къ расправѣ съ крамольниками въ десяткахъ тысячъ воззваній самаго возмутительнаго содержанія. Воззванія эти въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ отвозились членами сообщества на мѣста и вручались вѣрнымъ мѣстнымъ сочленамъ и союзникамъ,

среди которыхъ было очень много чиновниковъ, состоящихъ на государственной службѣ; тѣ въ свою очередь распространяли эти воззванія осмотрительно и съ толкомъ. Получались оригинальныя, съ точки зрѣнія охраненія единства власти, послѣдствія: помощникъ полицеймейстера (говорю для примѣра), зналъ объ этихъ воззваніяхъ, но не посвящалъ въ это своего начальника — полицеймейстера. Или наоборотъ—приставъ, скажемъ, 1-го участка былъ удостоенъ довѣрія, котораго приставъ 2-го участка былъ лишенъ. У кого-нибудь изъ служащихъ въ жандармскомъ управленіи или въ охранномъ отдѣленіи появлялись какія-то особыя суммы, къ нимъ начинали ходить какіе-то неизвѣстные люди, въ городѣ ходили слухи о какихъ-то приготовленіяхъ; къ губернатору ѣздили напуганные люди, губернаторъ ихъ успокаивалъ, чувствуя, однако, что далеко не все спокойно. Изъ министерства летѣли телеграммы о принятіи мѣръ къ охранѣ спокойствія, и мѣры часто принимались, но распоряженіямъ, дѣлаемымъ въ этомъ смыслѣ, далеко не всѣ довѣряли. Случалось, что чины полиціи совершенно добросовѣстно полагали, что мѣры принимаются такъ, для вида, для приличія, но что имъ извѣстна настоящая цѣль правительства; они читали между строкъ и слушали поверхъ губернаторскаго приказа какой-то голосъ издалека, которому болѣе вѣрили. Словомъ, шла невѣроятная путаница, полная дезорганизація и деморализація власти.

А въ это время въ Петербургѣ въ домѣ № 16, на Фонтанкѣ, работалъ въ какой-то отдаленной комнатѣ департамента полиціи печатный станокъ. Къ станку былъ приставленъ (а не самъ сталъ—подчеркнулъ кн. Урусовъ) жандармскій офицеръ—Коммисаровъ, который съ нѣсколькими помощниками въ штатскомъ платьѣ усердно готовилъ ранѣе упомянутыя воззванія. Тайна существованія этой подпольной типографіи, организованной именно тѣми, кому надлежитъ находить и улавливать тайныя типографіи, была такъ хорошо соблюдена и дѣйствія ея организаторовъ были столь конспиративны, что не только въ министерствѣ, но и въ самомъ департаментѣ полиціи мало кто о ней зналъ. Между тѣмъ, работа сообщества, органомъ котораго служила типографія, очевидно шла успѣшно, такъ какъ на вопросъ лица, случайно напавшаго на слѣдъ организаціи, о ходѣ дѣла,

Коммисаровъ отвѣчалъ: „Погромъ устроить можно какой угодно, хотите—на 10 человѣкъ, а хотите—и на 10 тысячъ". Господа, эта фраза историческая (въ залѣ среди депутатовъ большое движеніе). Къ свѣдѣнію депутатовъ-кіевлянъ добавлю, что въ Кіевѣ на 3 февраля былъ назначенъ погромъ на „10 тысячъ", но его удалось предотвратить.

Предсѣдатель совѣта министровъ испыталъ, какъ говорятъ, сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда ему сообщены были разсказанные сейчасъ факты. Онъ вызвалъ къ себѣ Коммисарова, который доложилъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и, вѣроятно, о полномочіяхъ, а черезъ нѣсколько часовъ въ департаментѣ не было болѣе ни станка, ни воззваній, ни Коммисарова, ни его помощниковъ—осталась пустая комната. И вотъ почему никто, въ томъ числѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не будетъ имѣть возможности удовлетворить законное желаніе Думы — узнать имена тѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія организаціи, обезпечивали ей безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ и даже имѣли такую власть, что находили возможнымъ добиваться повышенія и наградъ для тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались наиболѣе дѣятельными" ¹).

Въ дальнѣйшемъ, кн. Урусовъ говорилъ о томъ, какая опасность угрожаетъ государству при существованіи порядка, при которомъ власть правительства парализуется этими таинственными силами и не можетъ гарантировать странѣ ни спокойствія, ни безопасности, пока на дѣла управленія и на судьбы страны оказываютъ вліяніе люди—„по воспитанію—вахмистры и городовые, а по убѣжденіямъ—погромщики".

Вчитываясь внимательно въ рѣчь кн. Урусова, можно убѣдиться, что все, что въ ней разсказано—сенсаціонно, потрясающе, но не ново: почти все это было сказано въ свое время въ запискѣ г. Львова. Но этимъ именно и важна на нашъ взглядъ рѣчь кн. Урусова. По своему недавнему прошлому, князь Урусовъ находился въ тѣсномъ соприкосновеніи съ

---

¹) Стеногр. отчеты Гос. Думы, стр. 1130 и 1131. (Приводимъ рѣчь кн. Урусова съ незначительными сокращеніями).

верхами правящей бюрократіи, и въ качествѣ — сначала кишиневскаго губернатора, а затѣмъ—товарища министра внутреннихъ дѣлъ, не могъ не быть посвященъ въ нѣкоторыя ея тайны, въ закулисную жизнь. И вотъ, мы видимъ, что этотъ человѣкъ, съ публичной трибуны, съ которой все сказанное мгновенно разлетается по всему міру, не только повторяетъ, но еще усугубляетъ почти всѣ тѣ обвиненія, которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ были предъявлены бюрократіи совершенно частнымъ лицомъ. Обвиненіе, брошенное кн. Урусовымъ въ лицо бюрократіи, не могло быть замолчано—и общество ждало на него отвѣта. Въ самой рѣчи кн. Урусова всѣ видѣли только начало открытаго имъ похода противъ бюрократіи и ждали дальнѣйшихъ разоблаченій, безъ которыхъ рѣчь кн. Урусова могла утратить остроту своей обличительности. Въ самомъ дѣлѣ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сказалъ очень много для борющагося съ правительствомъ народнаго представителя, но очень мало—для человѣка, знающаго тайны правительства. Онъ ссылался на лицо, раскрывшее всѣ махинаціи погромщиковъ, но лицо это не назвалъ; онъ упоминалъ о группѣ лицъ, составляющихъ боевую погромную дружину, но ни одного изъ нихъ не перечислилъ по имени; онъ говорилъ о какой-то „не петербургской газетѣ", принимающей съ боевою дружиною участіе въ борьбѣ съ революціей, но газеты этой не назвалъ; онъ указывалъ на прикосновенность къ этимъ махинаціямъ мѣстной администраціи въ лицѣ губернатора, полицейскихъ чиновъ, но никого по имени не назвалъ. А между тѣмъ, видно было, что князь Урусовъ знаетъ и не можетъ не знать болѣе того, что онъ сказалъ. Газета „Мысль", сдѣлавшая извѣстныя разоблаченія погромной дѣятельности чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Лаврова и вообще отличавшаяся большою освѣдомленностью о нѣкоторыхъ секретахъ правительственнаго механизма, категорически заявляла, что утвержденіе г. Львова, будто на одномъ подлинникѣ черносотеннаго воззванія, доставленномъ въ казенную типографію, князь Урусовъ видѣлъ собственноручную резолюцію Трепова: „Печатать", съ собственноручною же подписью Трепова,—правда.

Съ своей стороны, „Мысль“ утверждаетъ, что подлинникъ воззванія былъ принесенъ и показанъ чиновникомъ Макаровымъ князю Урусову и Лопухину, что кн. Урусовъ показывалъ его графу С. Ю. Витте, что графъ Витте не рѣшился предпринять по этому поводу никакого серьезнаго разслѣдованія, ибо опасался, что замѣшаннымъ въ дѣло окажется не одинъ только Д. Ф. Треповъ. „Пусть—заявила газета—кн. Урусовъ опровергнетъ, если можетъ, это утвержденіе! Отсутствіе такого опроверженія будетъ признаніемъ факта“ [1]).

Князь Урусовъ не отвѣтилъ на этотъ вызовъ и, вообще, не пошелъ дальше въ своихъ разоблаченіяхъ, ограничившись своею думской рѣчью. Какъ бы то ни было, заявленіе князя Урусова проливало сильный свѣтъ на темныя дѣла сановной шайки, хотя самая шайка и не была обнаружена. Послѣ рѣчи кн. Урусова получили болѣе реальное значеніе и разоблаченія г. Ф. Львова, а сдѣланныя вслѣдъ за тѣмъ г. Викторомъ Черновымъ въ „Мысли“ разоблаченія „погромной лабораторіи“ Лаврова еще болѣе дополнили картину. Ниже мы познакомимъ читателя съ сущностью разоблаченій г. Чернова, а пока возвратимся къ засѣданію Государственной Думы 8 іюня, гдѣ продолжалось обсужденіе отвѣта правительства на запросъ, сдѣланный Думою по поводу рапорта чиновника Макарова.

Ударъ, нанесенный правительству кн. Урусовымъ, былъ въ этотъ день далеко не единичнымъ. Лучшіе думскіе ораторы—М. М. Винаверъ, Ѳ. И. Родичевъ, В. Д. Набоковъ поочередно всходили на трибуну и подвергали уничтожающей критикѣ и объясненія правительства и создавшійся подъ его эгидою погромный режимъ. Изъ всѣхъ названныхъ ораторовъ, наиболѣе сильное впечатлѣніе произвелъ депутатъ М. М. Винаверъ, который своей рѣчью буквально раздавилъ правительство и потрясъ палату. Онъ не только подвергъ уничтожающей критикѣ объясненія министра внутреннихъ дѣлъ, но и сдѣлалъ разоблаченія, которыя для кабинета г. Горемыкина были, пожалуй, даже болѣе внушительны,

---

[1]) Викторъ Черновъ. „Тайные совѣтники и явные погромщики“— „Мысль“, 23 іюня 1906 г.

чѣмъ разоблаченія князя Урусова, направленныя черезъ голову кабинета въ камарилью.

Отвѣчая на объясненія министра внутреннихъ дѣлъ, оправдывавшаго погромную агитацію Будоговскаго его желаніемъ уничтожить такимъ путемъ революцію, М. М. Винаверъ заявилъ: „Когда министръ внутреннихъ дѣлъ, въ заключеніе, приведя эти факты, связалъ свою рѣчь съ тѣмъ, что страна нуждается во власти, что власть направлена ко благу гражданъ, что она призвана охранять жизнь, спокойствіе и порядокъ, то стало страшно, потому что вы, значитъ, разумѣете, что этими средствами, средствами, которыя мы выставляемъ, какъ позоръ, вы думаете охранять жизнь и спокойствіе гражданъ. Для насъ эти явленія—не вопросъ о мелкихъ провинностяхъ отдѣльныхъ чиновниковъ, не вопросъ о томъ, ходитъ ли чиновникъ на собранія, принимаетъ ли онъ участіе въ политической жизни. Для насъ дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что были пущены въ ходъ средства, которыхъ никогда и нигдѣ въ мірѣ не примѣняла власть, именующая себя государственною.

Во всей исторіи культурнаго человѣчества вы не найдете страны, въ которой власть дерзнула бы сказать: Я, призванная охранять жизнь, спокойствіе и порядокъ, я, виновная, даже, если только бездѣйствую и не охраняю жизни гражданъ, когда на нее посягаютъ другіе, я сама сдѣлаю эту жизнь гражданъ орудіемъ, я принесу ее въ жертву для торжества моихъ политическихъ замысловъ,—и сдѣлаю не открыто, а тайно, крадучись,—вложу ножъ въ руки однихъ гражданъ и сдѣлаю ихъ убійцами другихъ, моихъ же гражданъ! Да развѣ вы не видите, что вы или ваши предшественники сдѣлали взаимное уничтоженіе гражданъ нормальнымъ средствомъ политической борьбы. Въ этомъ заключается весь трагизмъ положенія и этотъ трагизмъ обостряется тѣмъ, что вы его даже не понимаете“ [1]).

Говоря о погромной заразѣ, разлившейся послѣ кишиневскаго погрома, устроеннаго при Плеве въ 1903 году, ораторъ подвергъ анализу положеніе, создавшееся вслѣдствіе повсемѣстной провокаціи властей. Достаточно было появиться въ какой нибудь мѣстности самой невинной организаціи,

---

[1]) Стеногр. отчеты, стр. 1133 и далѣе.

какимъ нибудь зачаткамъ политической дѣятельности, для того, чтобы мѣстная власть считала себя въ правѣ подавлять эти явленія, набрасывая одну часть населенія на другую. Если желательна твердая власть, то желательно также, чтобы она пользовалась тѣми средствами, какія подобаютъ государственной власти. Министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ только простыми средствами политической пропаганды, когда чиновники въ его вѣдомствѣ на мѣстѣ распространяютъ воззванія, призывающія къ погрому, какъ сказано въ воззваніяхъ Будоговскаго, „противъ жидовъ и ихъ учениковъ и братьевъ соціалъ-демократовъ“, когда они кричатъ: долой жидовъ и ихъ братьевъ соціалъ-демократовъ! когда чиновники эти воззванія не только распространяютъ, но объ этихъ своихъ подвигахъ доводятъ до свѣдѣнія начальства въ донесеніяхъ,—это онъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, заявляетъ своему начальству: я, вашъ чиновникъ, употребилъ такое средство для политической борьбы. Значитъ, онъ должно быть знаетъ, что это будетъ хорошо принято, что оно желательно тамъ, наверху. „Въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ,—пишетъ чиновникъ дальше,—эти распространенныя мною въ значительномъ количествѣ воззванія окажутъ существенную пользу“. Онъ употребляетъ все свое вліяніе на выпускъ подобныхъ воззваній въ селахъ своего района. Онъ убѣжденъ, что „эти воззванія благотворно повліяютъ на крестьянъ и удержатъ ихъ отъ насилій надъ помѣщиками“. Приводя эту цитату изъ донесеній ротмистра Будоговскаго по начальству, г. Винаверъ замѣчаетъ, что это не частная переписка двухъ друзей, это и не политическая исповѣдь, это—бумага за номеромъ, писанная по начальству и попавшая въ надлежащія руки. Что же начальство дѣлаетъ? Эта бумага направляется въ особый отдѣлъ департамента полиціи. Такъ именуется совершенно своеобразное учрежденіе, которое стоитъ внѣ всякой связи съ нормальными, извѣстными всѣмъ намъ органами власти. Оно существуетъ тайно и имѣетъ право сноситься со всякими мелкими чиновниками, отъ которыхъ оно получаетъ непосредственныя донесенія, и можетъ отсюда, слѣдовательно, руководить какими угодно дѣйствіями на мѣстѣ черезъ эту тайную машину. И вотъ, въ этотъ особый отдѣлъ, скрытый отъ глазъ всѣхъ

обывателей, направляются донесенія вверхъ и приказы внизъ. Мы имѣемъ тексты двухъ такихъ донесеній. Ихъ открылъ чиновникъ Макаровъ, завѣдующій этимъ отдѣломъ. Первое изъ нихъ было прислано въ ноябрѣ, именно 27—ораторъ напоминаетъ, что 27 ноября—это было за 2 недѣли до московскаго возстанія. Второе было отъ 5 декабря. Начальникомъ отдѣла былъ тогда чиновникъ Тимофеевъ. Онъ передалъ эти воззванія извѣстному чиновнику Рачковскому, завѣдывавшему полиціей. И вотъ, оказывается, что бумага перебывала въ рукахъ одного чиновника, другого, затѣмъ дошла до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. На этихъ бумагахъ были сдѣланы помѣтки. На одной была помѣтка: „Это воззваніе союза 17 октября и безусловно натравливаетъ населеніе противъ евреевъ". Эта бумага ходила изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока чиновникъ Макаровъ случайно не набрелъ на нее въ февралѣ мѣсяцѣ и не передалъ ее куда слѣдуетъ. Затѣмъ прошли еще мѣсяцы, и только, когда въ маѣ мѣсяцѣ она была оглашена въ печати, о нихъ узнало русское общество. Что же дѣлали власти за это время?—спрашиваетъ ораторъ. Тутъ было сказано, что Будоговскій получилъ предупрежденіе. А что получили господа Рачковскій, Тимофеевъ? Вѣдь они знали объ этомъ, они знали, что подвластный имъ чиновникъ на мѣстѣ распространяетъ воззванія, натравливающія одну часть населенія на другую, что онъ это считаетъ долгомъ службы. А вѣдь они не сдѣлали ни одного шага для того, чтобы остановить его, чтобы раскрыть преступленіе. Наоборотъ, они приняли его донесеніе и поставили помѣтку. Что же, а они преданы суду? Имъ тоже сдѣлано предупрежденіе? Министръ говоритъ, что послѣ московскаго возстанія Рачковскій оставилъ свой постъ вице-директора департамента полиціи. А отвѣтитъ ли министръ сейчасъ и извѣстно ли ему, что Рачковскій, бывшій вице-директоромъ и переименованный въ чиновники особыхъ порученій, въ тотъ же день сѣлъ за тотъ же вице-директорскій столъ? И, какъ исполнялъ, такъ и исполняетъ эту должность теперь, только подъ именемъ чиновника особыхъ порученій? Извѣстно ли ему, министру, и пожелаетъ ли онъ отвѣтить, что Рачковскому по случаю его переименованія были пожалованы 75.000 рублей? Извѣстно ли министру внутреннихъ дѣлъ, что господинъ

Тимофеевъ, завѣдующій особымъ отдѣломъ въ департаментѣ полиціи, судьба котораго представляетъ нѣкоторый интересъ, ибо этотъ человѣкъ былъ юрисконсультомъ московскаго градоначальника, когда градоначальникомъ былъ генералъ Треповъ; былъ завѣдующимъ особымъ отдѣломъ департамента полиціи, когда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ Треповъ; который состоялъ и состоитъ при дворцовомъ комендантѣ, когда дворцовымъ комендантомъ состоитъ генералъ Треповъ (общій смѣхъ)—что этотъ чиновникъ Тимофеевъ и теперь пользуется властью? Этотъ Тимофеевъ и Рачковскій и министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, которымъ всѣ эти свѣдѣнія были извѣстны, являются ли они, по мнѣнію нынѣшняго министерства, чиновниками, исполняющими завѣты власти, направленные къ охранѣ спокойствія и жизни гражданъ? „Отчего они не преданы суду?—вопрошаетъ г. Винаверъ. Вѣдь они стояли во главѣ управленія и знали, что подвѣдомственные имъ чины разбрасываютъ прокламаціи, возбуждаютъ одну часть населенія противъ другой, заражаютъ воздухъ ядомъ убійства, и, зная все это, молчали? Отчего же вы о нихъ не вспомнили, когда „предупреждали“ ротмистра Будоговскаго? Господа народные представители! Факты, которые я привелъ, въ достаточной мѣрѣ показываютъ, каковъ истинный источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ, откуда все направляется, при чьемъ содѣйствіи распложаются ротмистры Будоговскіе“!

Здѣсь депутатъ Винаверъ напомнилъ собранію о гомельскомъ погромѣ 13 января 1906 г., гдѣ организаторомъ и вдохновителемъ былъ также ротмистръ—помощникъ начальника жандармскаго управленія гр. Подгоричани-Петровичъ, снабдившій громилъ револьверами и типографіей для печатанія погромныхъ прокламацій.

Какія же вы имѣете средства для того, чтобы остановить распространеніе этого бѣдствія?—ставитъ ораторъ вопросъ правительству. Но, продолжаетъ г. Винаверъ, „вмѣсто того, чтобы отвѣтить: вотъ зло, и вотъ мои средства противъ него, министръ отвѣчаетъ, что онъ съ одной стороны ротмистра Будоговскаго наградилъ, а съ другой стороны его предупредилъ. Не въ правѣ ли мы сказать, что мы находимся въ большомъ смущеніи передъ этимъ отчетомъ? Власть можетъ и должна быть сильна и тверда. Власть можетъ и

должна охранять жизнь и спокойствіе гражданъ. Но для этого она прежде всего не должна колебать свои собственные нравственные устои. А вы вырвали съ корнемъ эти устои, потворствуя преступленію, какъ орудію власти; это орудіе развратило тѣхъ, кто еще не былъ въ конецъ развращенъ. И никакая перемѣна къ лучшему потому невозможна, пока не будетъ обновлена вся наша разлагающаяся, прогнившая до корней, администрація.

Далѣе, вы разрушили устои твердой власти, потому что вамъ нужно было для производства своихъ экспериментовъ создать почву безправія. Тамъ, гдѣ приходится управлять путемъ возстановленія гражданъ противъ гражданъ, нужно ослабить однихъ, чтобы легче выставлять ихъ подъ ножъ другихъ. И вы это сдѣлали мастерски. Вы разводили въ теченіе 20 лѣтъ и продолжаете разводить теперь эти бациллы безправія, ими кишитъ теперь уже воздухъ всей Россіи. Въ этой гнилой атмосферѣ рождаются тѣ ужасы, смыслъ которыхъ такъ страшенъ для насъ, и такъ чуждъ вамъ. Если вы полагаете, что вы этимъ укрѣпляете власть, то вы глубоко заблуждаетесь. Тотъ порядокъ управленія, который вы поддерживаете, не есть проявленіе власти твердой и сильной, и имя ему—анархія. Когда собирается гдѣ нибудь кучка незрѣлыхъ юношей, которая провозглашаетъ анархическіе принципы, вы на эту безумствующую молодежь сыплете громы, ополчаетесь пулеметами. А я думаю, что та анархія, которая бродитъ въ юныхъ умахъ и гнѣздится въ подпольѣ, въ потаенныхъ углахъ и закоулкахъ, во сто разъ менѣе вредна, чѣмъ ваша открытая, ваша сановная анархія“ [1]).

Несмотря на то, что министру внутреннихъ дѣлъ дано было слово послѣ рѣчи М. М. Винавера, онъ ничего не могъ возразить на его обвиненія. Единственное его возраженіе заключалось въ заявленіи, что г. Рачковскій мѣста вице-директора департамента полиціи не занимаетъ и на дѣла департамента б о л ь ш о г о вліянія не имѣетъ.

То, что г. Столыпинъ такъ слабо возражалъ депутатамъ Винаверу и Урусову, объяснялось тогда совершенной справедливостью сдѣланныхъ ими заявленій, отрицать которую правительство не могло, въ виду полнаго соотвѣтствія сдѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 1134—1136.

ланныхъ разоблаченій съ дѣйствительностью. Правда, казалось нѣсколько страннымъ, что правительство такъ поспѣшно соглашалось признать справедливость предъявленныхъ ему обвиненій, но склонность министровъ укрываться за своеобразной бюрократической фразеологіей, всегда дающей возможность отговариваться „долгомъ присяги", „вѣрностью долгу службы" и т. п., въ то время еще не была такъ извѣстна депутатамъ, какъ стала она извѣстной во второй думѣ, и поэтому, признаніе фактовъ, вмѣняемыхъ правительству Урусовымъ и Винаверомъ, было истолковано, какъ нѣкоторая добросовѣстность министра внутреннихъ дѣлъ, исполнившаго свое обѣщаніе „говорить безъ недомолвокъ и совершенно правдиво все, что мнѣ извѣстно".

Дальнѣйшія событія, однако, показали, что ни г. Урусовъ, ни г. Винаверъ не сказали всего, что было обнаружено въ дѣятельности департамента полиціи и его чиновъ. Князь Урусовъ, можетъ быть, и зналъ болѣе того, что онъ сказалъ, но не счелъ нужнымъ или возможнымъ идти далѣе въ своихъ разоблаченіяхъ, г-нъ же Винаверъ, не имѣющій отношенія къ бюрократическому міру, вѣроятно, и не располагалъ болѣе подробными свѣдѣніями. А между тѣмъ, они существовали, и нужно удивляться, что П. А. Столыпинъ, потребовавшій у палаты мѣсячной отсрочки для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для его отвѣта на запросъ, сообщилъ государственной думѣ отвѣтъ, не дававшій даже и приблизительнаго представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей. Это обстоятельство даетъ основаніе думать, что г. Столыпинъ или зналъ больше того, что онъ сказалъ въ думѣ въ отвѣтъ на запросъ, или, что онъ воспользовался истекшимъ мѣсяцемъ не для того, чтобы сдѣлать свой отвѣтъ болѣе полнымъ и точнымъ, а лишь для отсрочки непріятнаго для правительства отвѣта.

Какъ бы то ни было, но въ моментъ преній въ Государственной Думѣ по вопросу объ организаціи правительственными чиновниками погромовъ, правительству было извѣстно объ этомъ гораздо больше, нежели сказано въ думѣ 8 іюня и, можетъ быть, этимъ и объясняется поспѣшность г. Столыпина, съ какою онъ согласился признать почти всѣ высказанныя по этому поводу обвиненія, опасаясь возможности еще большихъ разоблаченій въ случаѣ, если бы споръ объ этомъ затянулся.

Въ этомъ насъ убѣждаютъ разоблаченія, сдѣланныя бывшимъ директоромъ департамента полиціи А. А. Лопухинымъ въ его извѣстномъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпину. Письмо это появилось въ печати долго спустя послѣ засѣданія думы 8 іюня—только въ началѣ 1907 года, и за это время успѣлъ разыграться еще одинъ, самый замѣчательный по своимъ особенностямъ, погромъ—сѣдлецкій. Тѣмъ не менѣе, и при такомъ опозданіи, этотъ документъ представлялъ такой же острый интересъ, какъ и въ прошломъ году.

Значительные размѣры письма г. Лопухина лишаютъ насъ возможности привести его цѣликомъ, но, въ виду выдающейся важности этого документа, мы познакомимъ читателя съ его содержаніемъ возможно полнѣе. Съ первыхъ же строкъ своего письма, г. Лопухинъ признаетъ фактъ „систематическаго подготовленія властями еврейскихъ и иныхъ погромовъ", и это признаніе въ устахъ бывшаго директора департамента полиціи дѣлало бы письмо г. Лопухина важнымъ историческимъ документомъ даже въ томъ случаѣ, если бы оно ничего, кромѣ этого признанія, не заключало. Но въ письмѣ имѣются свѣдѣнія, рисующія совершенныя въ департаментѣ полиціи преступленія далеко не въ такомъ невинномъ видѣ, какъ это было представлено думѣ г. Столыпинымъ. Изъ соображеній тактической ли вѣжливости, или какихъ либо другихъ, г. Лопухинъ дѣлаетъ видъ, что онъ только дополняетъ свѣдѣнія, представленныя г. Столыпинымъ государственной думѣ:

„Я былъ далекъ отъ мысли, говоритъ онъ въ предисловіи, что при вызванномъ запросомъ Государственной Думы изслѣдованіи по поводу рапорта Макарова истина можетъ быть скрыта отъ вашего превосходительства. Между тѣмъ, изъ газетныхъ отчетовъ о происходившемъ 8 іюня засѣданіи государственной думы я не могъ не убѣдиться, что въ матеріалѣ, доставленномъ вамъ для составленія объясненій, которыя ваше превосходительство представили думѣ, обстоятельства дѣла были совершенно извращены. Въ виду этого считаю долгомъ настоящимъ письмомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства имѣющіяся у васъ данныя".

Въ дѣйствительности, г. Лопухинъ не только дополняетъ, но и уличаетъ г. Столыпина въ нежеланіи сказать всю правду.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самый разсказъ г. Лопухина, сущность котораго сводится къ слѣдующему.

Въ январѣ 1907 г. къ автору письма обращались евреи, указывавшіе на подготовлявшіеся въ разныхъ мѣстахъ еврейскіе погромы и просившіе объ оказаніи содѣйствія къ предотвращенію этихъ бѣдствій. Выясненіе этихъ указаній подтвердило ихъ, привело г. Лопухина къ убѣжденію въ участіи власти въ подготовленіи погромовъ и навело его на слѣдъ типографіи департамента полиціи. Въ это время авторъ письма былъ вызванъ предсѣдателемъ совѣта министровъ графомъ Витте, которому онъ сообщилъ о своемъ убѣжденіи относительно причастности властей къ погромной провокаціи и о спеціально существующей для этой провокаціи типографіи департамента полиціи. Графъ Витте поручилъ г. Лопухину возможно подробнѣе провѣрить сообщенныя свѣдѣнія. Разслѣдованіе г. Лопухина выяснило слѣдующее:

„Послѣ изданія манифеста 17 октября 1905 г., когда, благодаря послѣдовавшимъ за этимъ законодательнымъ актомъ во многихъ городахъ безпорядкамъ, въ умѣренныхъ кругахъ общества появились признаки реакціи, завѣдывающій политическою частью департамента полиціи, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Рачковскій, съ цѣлью усиленія реакціи, предпринялъ изданіе соотвѣтствующихъ воззваній. Они печатались въ то время жандармскими офицерами въ помѣщеніи губернскаго жандармскаго управленія на станкѣ, отобранномъ по обыску у революціоннаго кружка. У меня въ рукахъ, говоритъ г. Лопухинъ, было одно, напечатанное такимъ способомъ воззваніе. Оно было обращено къ рабочимъ, носило подпись: „Группа русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Петербурга“ и пыталось подорвать довѣріе рабочихъ къ ихъ крайнимъ по направленію руководителямъ увѣреніями, что эти руководители расхищаютъ деньги, собранныя рабочими на политическую борьбу. Это было не единственное воззваніе, отпечатанное въ жандармскомъ управленіи. Производя изслѣдованіе, я не могъ получить другихъ, такъ какъ они всѣ уже разошлись. Затѣмъ, когда служившій ранѣе революціонному кружку печатный станокъ оказался орудіемъ недостаточнымъ, на средства д-та полиціи

была пріобрѣтена усовершенствованная ручная печатная машина, отрабатывающая до 1000 экземпляровъ въ часъ. Она была поставлена въ секретномъ отдѣленіи д-та полиціи, завѣдываніе ея работой было поручено ротмистру Комиссарову, при ней состояло два наборщика. На этой машинѣ въ декабрѣ 1905 г. и въ январѣ 1906 г. было отпечатано не одно, а значительное количество воззваній, различныхъ по изложенію, однородныхъ по содержанію. Въ нихъ, рядомъ съ осужденіемъ революціоннаго движенія, доказывалось, что виновниками его являются преимущественно инородцы, прежде всего евреи, къ борьбѣ съ которыми воззванія и возбуждали. Въ моихъ рукахъ было 3 образца отпечатанныхъ въ типографіи д-та полиціи воззваній; ими, какъ я выяснилъ, не исчерпывались провокаціонныя изданія этой типографіи: четвертый въ то время (21 янв.) былъ только набранъ. Онъ заключалъ въ себѣ самыя уродливыя обвиненія противъ евреевъ и призывалъ къ бойкоту ихъ при выборахъ въ Государственную Думу. Изъ отпечатанныхъ же воззваній, видѣнныхъ мной, одно представлялось наиболѣе преступнымъ: въ немъ авторы его, противъ „поляковъ, армянъ, жидовъ", возбуждали армію, такъ какъ воззваніе было обращено къ солдатамъ: каждый образецъ воззваній отпечатывался въ тысячахъ экземпляровъ. Только что упомянутое воззваніе къ солдатамъ было послано для распространенія въ Вильну съ чиновникомъ особыхъ порученій при виленскомъ генералъ-губернаторѣ, Шкотѣ въ количествѣ около 5 тыс. экз. Шкотъ частью ихъ самъ разбросалъ ночью по улицамъ города, остальные же передалъ виленскому полицеймейстеру, который около 15 января прислалъ въ д-тъ полиціи телеграмму съ просьбой, въ виду успѣха воззваній къ солдатамъ, прислать новую партію ихъ. Таковая была отпечатана вновь въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и послана виленскому полицеймейстеру. Тѣ же воззванія къ солдатамъ были также въ тысячахъ экземпляровъ посланы для распространенія въ Курскъ командированному туда врачу Михайлову, состоявшему по приглашенію д. с. с. Рачковскаго на службѣ въ д-тѣ полиціи по вольному найму. Михайловъ 19 или 20 января также потребовалъ изъ д-та полиціи телеграммой присылки новой партіи тѣхъ же воз-

званій, въ виду особаго успѣха ихъ среди солдатъ. Кромѣ того, издававшіяся въ департаментѣ полиціи воззванія распространялись въ Петербургѣ черезъ доктора Дубровина и находящійся подъ его предсѣдательствомъ „союзъ русскаго народа", въ Москвѣ—черезъ редактора-издателя „Московскихъ Вѣдомостей" Грингмута, которому транспортъ воззваній былъ переданъ въ декабрѣ 1905 г. въ Москвѣ лично д. с. с. Рачковскимъ. Провокаціонныя воззванія департамента полиціи распространялись и въ иныхъ мѣстахъ черезъ полицію и жандармовъ".

Всѣ эти свѣдѣнія г. Лопухинъ въ январѣ же сообщилъ графу Витте. Послѣдній вызвалъ къ себѣ ротмистра Комиссарова, который подтвердилъ сообщенныя Лопухинымъ свѣдѣнія. Самому же г. Лопухину Комиссаровъ объяснилъ, что дѣйствовалъ по приказанію завѣдывающаго политическою частью департамента полиціи Рачковскаго, а затѣмъ образцы воззваній до набора ихъ представлялъ для прочтенія директору департамента полиціи Вуичу и только послѣ отмѣтки послѣдняго о прочтеніи проекта воззванія отдавалъ его въ наборъ.

По настойчивому требованію графа Витте, дѣятельность департаментской типографіи была прекращена. При этомъ, говоритъ г. Лопухинъ, для того, чтобы имѣть поводъ отказать Рачковскому въ исполненіи требованія печатать воззванія вопреки приказанію предсѣдателя совѣта министровъ, ротмистръ Комиссаровъ сломалъ печатный станокъ, который затѣмъ изъ помѣщенія департамента полиціи былъ перенесенъ въ квартиру ротмистра Комиссарова.

Далѣе, авторъ письма сообщаетъ г. Столыпину, что отъ него (министра) было скрыто, что прокламаціи, призывающія къ избіенію евреевъ, распространялись въ г. Александровскѣ и послѣ прекращенія въ этомъ городѣ безпорядковъ, то есть послѣ 14 декабря 1905 г.; въ доказательство, г. Лопухинъ представилъ экземпляръ такой прокламаціи, призывавшей населеніе города избивать евреевъ 27 января (т. е. въ годовщину возникновенія войны съ Японіей); эта прокламація распространялась 25 и 26 января 1906 г.

„Отъ вашего превосходительства, продолжаетъ г. Лопухинъ, было скрыто также, что чиновникъ особыхъ порученій

Рачковскій завѣдывалъ политической частью д-та полиціи до 20-хъ чиселъ апрѣля; будучи по Высочайшему распоряженію освобожденъ отъ этой обязанности, онъ по писанному приказанію начальства завѣдывалъ всѣми охранными отдѣленіями, ему было предоставлено право давать направленіе всѣмъ дѣламъ д-та полиціи, которыя онъ признаетъ нужнымъ взять въ свое вѣдѣніе, и на него тѣмъ же приказаніемъ было возложено порученіе использовать въ видахъ правительства общественныя силы и организаціи. Вашему превосходительству было доложено невѣрно, что ротм. Будоговскій для внушенія былъ вызванъ въ Петербургъ по обнаруженіи его преступленія и что д-томъ полиціи немедленно по полученіи свѣдѣній о подготовленіи еврейскихъ погромовъ самостоятельно посылались телеграммы о принятіи предупредительныхъ мѣръ. Ротмистръ Будоговскій былъ вызванъ въ Петербургъ не по полученіи его декабрьскихъ донесеній объ успѣхѣ его пропаганды въ Александровскѣ, а лишь въ концѣ февраля или въ мартѣ исключительно вслѣдствіе рѣшительныхъ настояній предсѣдателя совѣта министровъ графа Витте о необходимости прекращенія дѣятельности правительственныхъ организаторовъ погромовъ. Также какъ и телеграммы о предупрежденіи погромовъ посылались только по требованіямъ гр. Витте что мнѣ хорошо извѣстно, вслѣдствіе того, что свѣдѣнія объ организаціи погромовъ гр. Витте получались почти исключительно отъ меня".

На этомъ заканчивается фактическая часть письма г. Лопухина. Мы видимъ, что ни одного слова изъ объясненій г. Столыпина въ Думѣ письмо это не подтверждаетъ, а наоборотъ, доказываетъ, что все объясненіе министра ни въ чемъ не соотвѣтствовало дѣйствительности. Г. Столыпинъ говорилъ, что при участіи департамента полиціи и въ самомъ департаментѣ была отпечатана на конфискованномъ станкѣ всего только одна прокламація, которая была послана только въ Вильну въ количествѣ 200 экземпляровъ, причемъ жандармскіе офицеры занимались этимъ самостоятельно, по своей инициативѣ, между тѣмъ, оказалось, что прокламаціи печатались не только на конфискованномъ станкѣ, но еще и на машинѣ, купленной для этого на средства департа-

мента полиціи; прокламацій было отпечатано не одна, а много, разсылались онѣ въ большомъ количествѣ и не только въ Вильну, но во многіе города и даже въ Москву и Петербургъ, причемъ иниціаторами этого дѣла были не жандармскіе офицеры, дѣйствовавшіе будто бы въ интересахъ возстановленія порядка, а Рачковскій, преслѣдовавшій цѣли усиленія реакціи. Высшее начальство не только было освѣдомлено о совершавшихся преступленіяхъ, но въ лицѣ директора департамента полиціи Вуича, просматривавшаго прокламаціи передъ ихъ печатаніемъ, само принимало въ нихъ участіе, а въ Вильнѣ генералъ-губернаторскій чиновникъ Шкотъ даже самъ разбрасывалъ ночью по городу прокламаціи. И ротмистръ Будоговскій совершалъ свои преступленія въ Александровскѣ не потому, что въ департаментѣ объ этомъ не знали, а потому, что его къ этому оттуда поощряли. Вызванъ былъ Будоговскій въ Петербургъ для внушенія не тогда, когда обнаружены были его преступленія, т. е. не по полученіи его декабрьскихъ донесеній, а лишь въ началѣ февраля или въ мартѣ и, исключительно, по настоянію и требованію графа Витте. Телеграммы о предупрежденіи погромовъ также посылались не по иниціативѣ департамента полиціи, а по требованію графа же Витте.

Возражая на заявленіе депутата Винавера о Рачковскомъ, г. Столыпинъ утверждалъ, что Рачковскій былъ освобожденъ отъ завѣдыванія политическою частью департамента полиціи послѣ 14 декабря 1905 г., оказалось же, что, переименованный изъ вице-директоровъ въ чиновники особыхъ порученій, Рачковскій оставался на своей должности до 20 чиселъ апрѣля 1906 г. и, хотя онъ былъ освобожденъ отъ этой обязанности по Высочайшему повелѣнію, но по письменному приказанію начальства не только остался на своемъ посту, но еще получилъ порученіе „использовать въ видахъ правительства общественныя силы и организаціи“. При этомъ, вліяніе Рачковскаго въ этомъ смыслѣ было такъ сильно въ департаментѣ, что для исполненія приказанія главы правительства о прекращеніи департаментской провокаціи пришлось прибѣгнуть къ обману Рачковскаго, умышленно сломавъ печатную машину, чтобы не было физической возможности исполнить требованія Рачковскаго о продолженіи печатанія прокламацій. Слѣдовательно, и въ

единственномъ возраженіи г. Столыпина депутату Винаверу о томъ, что Рачковскій въ департаментѣ полиціи съ 14 декабря большого вліянія не имѣлъ—не было ни слова правды.

Все думское засѣданіе 8 іюня произвело потрясающее впечатлѣніе на общество и пролило много свѣта на темное царство, таившее контръ-революціонные замыслы. Раскрытыя княземъ Урусовымъ и М. М. Винаверомъ закулисныя тайны департамента полиціи многое выяснили, что казалось до тѣхъ поръ непонятнымъ. Но реальное значеніе и самого запроса Думы, и объясненій по нему правительства, и произнесенныхъ въ отвѣтъ на него депутатами рѣчей оказалось весьма скромнымъ. Въ этомъ отношеніи, гораздо болѣе крупную роль сыгралъ источникъ всѣхъ сдѣланныхъ въ Думѣ разоблаченій—рапортъ с.с. Макарова, благодаря которому всплыли закулисныя дѣла чиновъ департамента полиціи. Но и онъ почти ничего не измѣнилъ въ существовавшемъ положеніи вещей, кромѣ, развѣ, уничтоженія тайной погромной типографіи департамента полиціи и освобожденія ротмистра Комиссарова отъ фабрикаціи погромныхъ прокламацій. Такой ничтожный результатъ не стоилъ бы поднятаго шума, тѣмъ болѣе, что дѣятельность Будоговскаго, Подгоричани-Петровича, Комиссарова, Рачковскаго и подобныхъ имъ „служакъ" не оставляла сомнѣній, что работа департаментской типографіи можетъ быть съ успѣхомъ перенесена на мѣста, ибо всѣ эти господа не только не были уволены, но получили даже повышенія и награды [1]), располагавшія ихъ къ еще большему усердію. Однако, нельзя отрицать большого значенія думской кампаніи по погромному вопросу въ томъ отношеніи, что съ этихъ поръ явилась возможность новыхъ разоблаченій, и разоблаченія, какъ мы видѣли, послѣдовали со стороны лица, въ освѣдомленности котораго сомнѣнія быть не могло. Кромѣ того, указанія, сдѣланныя княземъ Урусовымъ, давали ту нить, по которой, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно было добраться до сердца и головы погромной организаціи, а пока давали возможность легко разбираться въ отдѣльныхъ явленіяхъ, связь которыхъ съ

---

[1]) Газеты сообщали, что ротмистръ Комиссаровъ получилъ въ награду 10,000 руб. изъ „секретнаго фонда".

*

обнаруженными гг. Львовымъ, Макаровымъ, Савичемъ обстоятельствами невозможно было бы установить безъ этихъ разоблаченій.

Однимъ изъ такихъ явленій была разоблаченная „Мыслью“ дѣятельность д. с. с. Лаврова. Выступая то подъ именемъ калужскаго землевладѣльца, то подъ титуломъ состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то подъ псевдонимомъ „А. Калужскій“, г. Лавровъ распространялъ воззванія, призывавшія къ истребленію евреевъ, и привлекалъ разныхъ вліятельныхъ лицъ къ участію въ распространеніи его воззваній, къ пропагандѣ погромовъ и къ агитаціи въ пользу объединенныхъ выступленій населенія противъ евреевъ. Въ этой дѣятельности Лавровъ являлся не рядовымъ юдофобомъ, агитирующимъ противъ евреевъ за свой страхъ и совѣсть, а несомнѣннымъ членомъ той погромной организаціи, о которой говоритъ въ своей запискѣ г. Львовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій документъ, опубликованный „Мыслью“ [1]), не разъ доказавшей свою освѣдомленность въ области замысловъ погромщиковъ:

Калужскій землевладѣлецъ,
Дѣйствительный ст. сов. Алексѣй Михайловичъ Лавровъ.
Октября 12-го 1905 г.
Знаменская ул.,
№ 12.

„Ваше Сіятельство, глубокоуважаемый князь Михаилъ Михайловичъ.

Отечество наше въ опасности; захваченная въ преступныя руки евреевъ печать толкаетъ въ безвѣріе интеллигентные классы и тяжелымъ кошмаромъ спускается на народъ. Всѣ погрязли въ своихъ личныхъ дѣлахъ и отвратились отъ общей матери, Россіи. Евреи захватываютъ всѣ нервы нашей государственной жизни. Золото—земной Богъ жидовъ, обѣщанный имъ мессія, дѣлается въ ихъ рукахъ все-

---

[1]) „Мысль“, 1906 г., № 3 (22 іюня).

державіемъ. Многіе русскіе люди, забывши, что въ годину несчастій Россія только и была сильна самодержавіемъ, готовы отказаться отъ него. Гдѣ же спасеніе Россіи? Въ единеніи людей долга и чести, которые самоотверженно, открыто поведутъ народъ на этого одолѣвающаго Русь врага, какъ Мининъ и Пожарскій подняли его на защиту отечества. Содѣйствовать пробужденію этого сознанія и имѣетъ цѣлью настоящая записка. Придите же Вы, Ваше Сіятельство, на помощь патріотическому дѣлу и распространеніемъ этого призыва помогите народностямъ Россіи прозрѣть и освободить себя отъ нынѣшняго гнета евреевъ и еще худшаго въ будущемъ. Если каждый, любящій свое отечество, каждый священникъ, каждая волость будутъ имѣть этотъ призывъ къ борьбѣ съ еврействомъ, то подобно тому, какъ капля долбитъ камень, добрыя слова пробудятъ народы Россіи и сплотятъ ихъ воедино для борьбы съ общимъ упорнымъ врагомъ.

Покорно прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности Вашего Сіятельства вѣрнаго слуги. А. Лавровъ“.

При другихъ обстоятельствахъ, это посланіе, адресованное какому-то невѣдомому князю Михаилу Михайловичу, могло бы остаться совершенно незамѣченнымъ, но послѣ опубликованія разоблаченій г. Львова и рѣчи князя Урусова, циркуляръ г. Лаврова рѣзко бросался въ глаза и пріобрѣталъ значеніе важнаго документа. Дата „12 октября 1905 г.“ весьма краснорѣчиво напоминаетъ о тѣхъ приготовленіяхъ, которыми заняты были „сотенные“ боевой погромной дружины передъ октябрьскими погромами, а обращеніе къ вліянію „князя Михаила Михайловича“ на народности Россіи подтверждаетъ сдѣланную по этому поводу въ „Мысли“ догадку, что „князь Михаилъ Михайловичъ“ занимаетъ высокій постъ въ провинціальной администраціи. Объ этомъ можно догадываться и по признаніямъ самого Лаврова въ одномъ изъ его погромныхъ произведеній, разсылавшихся имъ при печатномъ циркулярномъ письмѣ, аналогичномъ только что приведенному нами. Въ этомъ произведеніи, называющемся „Дружескій совѣтъ евреямъ“, г. Лавровъ на каждомъ шагу считаетъ нужнымъ указывать на свое знакомство и сношенія съ высокопоставленными лицами. „Раз-

говаривая съ однимъ изъ губернаторовъ западныхъ губерній"..., „Одинъ мой знакомый градоначальникъ, прочтя мою записку"..., „Также я слышалъ отъ могилевскаго губернатора"..., „Бывшій с.-петербургскій градоначальникъ Фуллонъ сказалъ мнѣ"..., „Бывшій же директоръ департамента полиціи замѣтилъ"..., „Мнѣ пришлось выслушивать лестные отзывы отъ покойнаго благороднѣйшаго графа П. П. Шувалова"..., и т. д. [1]). Обладая кругомъ такихъ знакомствъ, кстати, весьма напоминающимъ составъ той компаніи, о которой говорилъ въ своей запискѣ г. Ф. Львовъ, г. Лавровъ имѣлъ полную возможность обращаться со своими воззваніями къ лицамъ, занимающимъ вліятельныя должности въ администраціи, каковыя лица только и могли быть ему полезными въ дѣлѣ „объединенія народностей Россіи противъ одолѣвающаго Русь врага".

Г. Лавровъ не ограничивался привлеченіемъ высокопоставленныхъ лицъ къ погромной дѣятельности; онъ и самъ непосредственно работалъ „въ народѣ", неутомимо провоцируя его къ погромамъ. Этотъ видъ дѣятельности чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ чрезвычайно напоминаетъ по стилю дѣятельность его сотоварища по служебному вѣдомству, ротмистра Будоговскаго. По крайней мѣрѣ, прокламаціи его, по методу изложенія, или, проще говоря, по безцеремонной лживости, очень напоминаютъ прокламаціи Будоговскаго о „жидахъ", покушающихся „убить нашего батюшку-царя, который отъ горя успѣлъ уже посѣдѣть". Одна такая прокламація была напечатана въ типографіи с.-петербургскаго градоначальства и случайно, благодаря тому, что въ ней былъ затронутъ графъ Витте, послужила даже поводомъ для привлеченія Лаврова къ уголовной отвѣтственности. Въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу [2]) говорится, что представленный г. Лавровымъ оригиналъ прокламаціи, озаглавленной: „Къ русскому народу. Причина всѣхъ несчастій въ Россіи. Мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ"—состоялъ изъ нѣсколькихъ гектографированныхъ листовъ, къ которымъ былъ подклеенъ печатный листокъ, вырванный изъ какой-то книги

---

[1]) „Мысль", 1906 г., № 6 (25 іюня).

[2]) „Право", 1906 г., № 37.

и носившій на себѣ штемпель министерства внутреннихъ дѣлъ—и здѣсь это вѣдомство оказалось прикосновеннымъ! Впрочемъ, не обошлось и безъ благосклоннаго участія цензуры: на оригиналѣ имѣлись оттиски печати петербургскаго цензурнаго комитета: „Дозволено цензурою, 15 февраля 1906 г.“ и подпись скрѣпою по листамъ: „старшій цензоръ Соколовъ“; кромѣ того, на право печатанія воззванія было выдано разрѣшительное свидѣтельство цензурнымъ комитетомъ. Цензура торжественно пріобщилась къ политической провокаціи. Чтобы оцѣнить по достоинству лепту цензуры, внесенную въ это человѣконенавистническое дѣло, нужно познакомиться хоть съ небольшимъ образчикомъ проповѣди г. Лаврова, одобренной петербургскою цензурою. Вотъ этотъ образчикъ:

„Знаете ли, братцы, крестьяне и рабочіе, — такъ начинается прокламація—кто главный виновникъ всѣхъ нашихъ несчастій? Знаете ли, что жиды всего міра, ненавидящіе Россію, армяне и, затѣмъ, Германія и Англія составили союзъ и рѣшили раззорить Россію до тла, раздѣлить ее на мелкія царства и раздать ее врагамъ народа русскаго, это нашу-то матушку—Русь, русскимъ потомъ и кровью политую и пріобрѣтенную. Затѣмъ хотятъ, позднѣе, хитростью, обманомъ отобрать землю у русскаго мужика, а его самого обратить въ раба жидовскаго, поповъ его разстричь, а православныя церкви и монастыри обратить въ жидовскіе хлѣва и свинятники. И вотъ, чтобы раззорить страну, они во время войны ежечасно предавали насъ и продавали нашимъ врагамъ, отчего мы и терпѣли пораженія. А теперь рѣшили раззорить единственныхъ защитниковъ русскаго народа и его вѣры, православныхъ русскихъ помѣщиковъ, фабрикантовъ и купцовъ, чтобы потомъ безъ помѣхи жидъ все на Руси забралъ бы въ свои руки, некому было за русскій народъ заступиться“.

Далѣе говорится: „Такъ не вѣрьте же, братья, сладкимъ рѣчамъ и обѣщаніямъ жидовъ и ихъ наемныхъ продавщиковъ. Не блага они нашего желаютъ — они за деньги помогаютъ жидамъ превратить Русь въ развалину, развалину эту купить за небольшія деньги и основать въ ней царство жидовское съ рабами христіанскими. Какъ только явятся къ вамъ эти христопродавцы, истерзайте вы ихъ и избейте,

чтобы не было у нихъ больше охоты приходить къ вамъ. Сейчасъ русскіе честные люди хлопочутъ у государя, чтобы онъ скорѣе согналъ съ президентскаго мѣста главнаго врага русскаго народа и главнаго помощника жидовскаго съ его жидовской женой".

Никакое дѣяніе россійской цензуры не могло съ такою рельефностью охарактеризовать ея истинныя тенденціи, какъ одобреніе ею этой прокламаціи. До сихъ поръ, у всякаго россійскаго обывателя было совершенно опредѣленное представленіе о цензурѣ, какъ объ органѣ правительственной власти, призванномъ ограждать эту власть отъ потрясенія печатнымъ словомъ ея основъ. Но цензура выполняла это назначеніе, и выполняла съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, лишь до тѣхъ поръ, пока правительство оставалось реакціоннымъ. Но вотъ, правительству, подъ вліяніемъ событій, пришлось пойти на уступки и даже усвоить либеральную внѣшность. Казалось бы, и отъ цензуры, которая, несмотря на увѣренія правительства о ея отмѣнѣ, сохранилась во всей своей неприкосновенности, можно было ожидать, что она, выполняя свое прежнее назначеніе, будетъ ограждать правительственную власть отъ посягательствъ со стороны печати. И она, дѣйствительно, дѣлала это съ ожесточеніемъ, какого не обнаруживала во времена самой мрачной реакціи. Но это ожесточеніе всецѣло было направлено только противъ оппозиціи слѣва: конфискація газетъ, журналовъ и книгъ, судебныя преслѣдованія писателей сыпались на „лѣвую" печать, какъ изъ рога изобилія. За то реакціонная печать, поносившая правительство за его либерализмъ и обвинявшая правительство даже въ стремленіи къ либеральнымъ реформамъ, пользовалась сугубымъ покровительствомъ цензуры. Преслѣдуя лѣвую печать за нападки ея на жестокости правительства, потоками проливающаго народную кровь, цензура, въ лицѣ всего петербургскаго цензурнаго комитета, своею подписью, „съ приложеніемъ казенной печати", одобрила приглашеніе погромщиковъ „истерзать и избивать" евреевъ и агитацію „истинно-русскихъ людей" за изгнаніе „съ президентскаго мѣста главнаго врага русскаго народа и главнаго помощника жидовскаго съ его жидовской женой".

Если вспомнить, что такія же дѣйствія цензуры были

обнаружены и въ Бѣлостокѣ, и въ Екатеринославѣ, и въ Орлѣ и что извѣстія о разрѣшеніи цензурою погромныхъ прокламацій приходили отовсюду, то можно смѣло констатировать, что цензурное вѣдомство, какъ и департаментъ полиціи, очутилось на службѣ у погромщиковъ.

Въ то время, какъ правительство упорно отказывалось пролить истинный свѣтъ на происхожденіе погромовъ и ограничивалось только голословнымъ отрицаніемъ своей причастности къ нимъ, въ самыхъ офиціальныхъ кругахъ, повидимому, терялась увѣренность въ отсутствіи связи между политикой правительства и повсемѣстными кровопусканіями, сопровождавшими всякое выдающееся повышеніе революціоннаго настроенія страны. Бѣгство изъ рядовъ сановной бюрократіи въ лагерь оппозиціи такого крупнаго бюрократа, какъ князь Урусовъ, многими ставилось въ связь съ прозрѣніемъ его во взглядѣ на роль правительственной власти въ погромной контръ-революціи. Выступленіе князя Урусова въ Госуд. Думѣ еще болѣе укрѣпило это мнѣніе. За княземъ Урусовымъ послѣдовалъ А. А. Лопухинъ, котораго, послѣ опубликованія его письма къ Столыпину, стали также причислять къ оппозиціи. Были и другіе признаки „раскола“ въ бюрократическомъ лагерѣ. На это указываетъ появившійся въ печати въ началѣ 1906 года отрывокъ изъ офиціальной записки, посвященный выясненію все того же вопроса — о связи погромовъ съ общею политикою правительства. Что за записка, изъ которой взятъ этотъ отрывокъ, кѣмъ она составлена и для какой цѣли — осталось невыясненнымъ до сихъ поръ, но что она составлялась лицомъ, принадлежащимъ къ офиціальному міру и занимающимъ въ этомъ мірѣ положеніе, дающее ему доступъ къ секретнымъ документамъ—въ этомъ убѣждало ея содержаніе, основанное всецѣло на подлинныхъ документахъ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ датъ, номеровъ и т. п. признаковъ ихъ достовѣрности [1]). Приводимыя въ этой запискѣ факты и основанныя на нихъ заключенія автора представляютъ большой

[1]) Въ книгѣ: „Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи, Т. I. Погромы по офиціальнымъ документамъ“, эта записка напечатана полностью, подъ заглавіемъ: „Правительство и контръ-революція“. Она снабжена слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора книги: „По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, печатаемая записка составлена была лицомъ, остав-

интересъ не только въ смыслѣ характеристики настроенія, господствовавшаго въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ правящей бюрократіи, но и въ отношеніи нѣкоторыхъ разоблаченій, проливающихъ новый свѣтъ на поведеніе властей послѣ 17-го октября. Поэтому, будетъ не безполезно остановиться на нѣкоторыхъ сообщеніяхъ и выводахъ автора этой записки.

Говоря о прокатившейся въ октябрѣ волнѣ погромовъ, авторъ записки констатируетъ создавшееся у населенія твердое убѣжденіе, что всѣ эти погромы провоцировались и направлялись одной и той же рукой, и притомъ—рукой властной. Голосъ народа и печать утверждали, что погромы являлись результатомъ провокаціи правительства, пущенной въ ходъ для того, чтобы не дать осуществиться обѣщаніямъ манифеста. „Къ сожалѣнію, говоритъ по этому поводу авторъ, населеніе имѣло весьма серьезныя основанія такъ думать". Утвержденіе это авторъ основываетъ на разсмотрѣніи многихъ фактовъ, удостовѣренныхъ офиціальными документами, которые онъ тутъ же приводитъ [1]).

Занимались ли высшіе чины правительства на мѣстахъ организаціей своихъ сторонниковъ?

На этотъ вопросъ авторъ даетъ положительный отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ основанъ на секретной перепискѣ Д. Ф. Трепова съ тульскимъ губернаторомъ и митавскимъ генералъ-губернаторомъ. Первый изъ нихъ, „довѣрительнымъ" письмомъ отъ 4 сентября 1905 г. сообщалъ Трепову, что на 2 сентября имъ разрѣшено собраніе лицъ, „вполнѣ благонамѣренныхъ, съ цѣлью объединенія въ интересахъ правительственныхъ". Но, опасаясь обвиненія въ пристрастіи къ другимъ, неправительственнымъ группамъ, онъ находилъ необходимымъ разрѣшать и ихъ собранія. На письмѣ этомъ Треповъ положилъ резолюцію: „Сего взгляда не раздѣляю. Правительство обязано поддерживать друзей и не поощрять

шимся намъ неизвѣстнымъ, по порученію графа Витте, въ ноябрѣ 1905 г. Записка, составленная, какъ видно изъ текста, по документамъ департамента полиціи, имѣла, повидимому, цѣлью, доставить матеріалъ для возможности успѣшной борьбы съ генераломъ Д. Треповымъ и кругомъ лицъ, его поддерживавшихъ. Использована, однако, эта записка, насколько намъ извѣстно, не была".

[1]) „Къ исторіи нашей контръ-революціи" (изъ офиціальной записки). „Право", № 17 за 1906 г.

враговъ правительства". Въ полномъ соотвѣтствіи съ этой резолюціей, митавскій ген.-губернаторъ Бекманъ доносилъ Трепову 20 октября: „Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаю попытки сплачивать умѣренные слои общества къ организованному отпору домогательствамъ крайнихъ элементовъ".

Какъ обставлялись патріотическія манифестаціи, и не было ли въ ихъ обстановкѣ такихъ особенностей, которыя заставляли бы думать, что онѣ инспирированы полицейскими властями?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ приводитъ переписку съ Треповымъ бакинскихъ, тифлисскихъ и варшавскихъ властей, изъ которой видно, что власти всячески покровительствовали организаціи патріотическихъ манифестацій, снабжали ихъ царскими портретами, національными флагами, военными оркестрами, военной охраной, вовлекали въ эти процессіи кадетовъ, юнкеровъ и солдатъ; все это дѣлалось въ то время, когда всякія манифестаціи и сборища были строжайше воспрещены; въ Баку манифестаціи не были отмѣнены начальствомъ даже послѣ того, какъ германскій консулъ Релль черезъ германскаго посла телеграфно просилъ петербургскія власти не допускать никакихъ демонстрацій, въ виду того, что это грозило опасностью столкновеній. Въ отвѣтъ на эту просьбу, министерство внутреннихъ дѣлъ только телеграфировало намѣстнику Кавказа: „Германскій повѣренный въ дѣлахъ проситъ оградить личность, имущество германскихъ подданныхъ въ Баку. Не откажите въ зависящихъ распоряженіяхъ". „А затѣмъ, говоритъ авторъ записки, населеніе увидѣло, что участники этихъ именно патріотическихъ манифестацій производили грабежи и убійства. Къ глубокому прискорбію, правильный или неправильный, выводъ напрашивался самъ собою".

Принимались ли всѣ возможныя мѣры къ прекращенію погромовъ?

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, авторъ приводитъ весьма краснорѣчивые документы. Секретное донесеніе начальника тверского губернскаго жандармскаго управленія департаменту полиціи о разгромѣ Тверской губ. земской управы, секретное донесеніе туда же начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія объ обстоятельствахъ погрома въ Кіевѣ и документы о дѣятельности одесскаго градоначальника

Нейдгардта во время одесскаго погрома убѣждаютъ автора записки въ томъ, что ко всѣмъ совершеннымъ въ этихъ городахъ преступленіямъ были причастны мѣстныя власти.

На основаніи изслѣдованныхъ офиціальныхъ матеріаловъ о погромахъ, авторъ находитъ возможнымъ сказать, что населеніе имѣло весьма серьезныя основанія для обвиненія властей въ организаціи и провокаціи погромовъ. По офиціальной версіи, погромы всюду происходили слѣдующимъ образомъ: толпа патріотическихъ манифестантовъ шла съ портретомъ Е. И. В., въ нее стрѣлялъ какой-нибудь еврей, и толпа разъярялась и кидалась громить и убивать евреевъ, причемъ власти, въ теченіе 1—2 или 3-хъ дней, оказывались безсильными, а затѣмъ, чаще всего, безъ выстрѣла, разгоняли погромщиковъ и водворяли порядокъ. Населеніе указывало прежде всего на странность того, что все происходило такъ однообразно, всюду толпа шла съ портретомъ Е. И. В., чего прежде никогда не дѣлалось, всюду находился такой еврей, который въ нее стрѣлялъ, и опять-таки всюду этотъ выстрѣлъ имѣлъ одинаковыя послѣдствія, вплоть до безсилія властей подавить погромы, которые производились, однако, очень небольшой кучкой людей. И населеніе давало другую версію этихъ погромовъ, которая съ внѣшней стороны дѣйствительно лучше объясняла однообразіе происходившаго повсюду. По этой версіи, толпа патріотическихъ манифестантовъ состояла изъ набранныхъ мѣстной полиціей, часто за деньги, подонковъ населенія—хулигановъ; выстрѣлъ въ нее, чаще всего безвредный, дѣлался полицейскимъ провокаторомъ, и затѣмъ толпа, подъ руководствомъ полиціи, бросалась грабить и убивать до тѣхъ поръ, пока полиція же не давала ей сигнала прекратить.

„Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ записки, факты, даже взятые изъ дѣлъ департамента полиціи, съ полной очевидностью показываютъ, что значительная часть тяжелыхъ обвиненій, взведенныхъ на правительство обществомъ и народомъ, въ ближайшіе послѣ манифеста дни, имѣла подъ собою серьезныя основанія: существовали созданныя высшими чинами правительства (мѣстными властями) партіи „для организованнаго отпора крайнимъ элементамъ“; организовались правительствомъ патріотическія манифестаціи, и въ то же время разгонялись другія; стрѣляли въ мирныхъ

демонстрантовъ и позволяли на глазахъ у полиціи и войскъ избивать людей и жечь губернскую земскую управу; не трогали погромщиковъ и залпами стрѣляли въ тѣхъ, кто позволялъ себѣ защищаться отъ нихъ; сознательно или безсознательно подстрекали толпу къ насиліямъ офиціальными объявленіями за подписью высшаго представителя правительственной власти въ большомъ городѣ, и, затѣмъ, когда безпорядки возникли, не принимали мѣръ къ ихъ подавленію".

Источники, на которыхъ основано это заключеніе, сообщаютъ ему если не авторитетность, то несомнѣнную достовѣрность Но для насъ, послѣ разоблаченій гг. Макарова, кн. Урусова, Винавера и Лопухина, приведенный документъ важенъ не столько своимъ внутреннимъ содержаніемъ, дающимъ уже ранѣе удостовѣренные факты, сколько симптоматическимъ своимъ значеніемъ, говорящимъ о проникновеніи общераспространеннаго убѣжденія въ погромномъ провокаторствѣ властей даже въ бюрократическія сферы.

X.

Изъ области провокаціи.

Въ вышеприведенныхъ очеркахъ мы исчерпали весь доступный намъ матеріалъ, на основаніи котораго можно было бы придти къ какому-либо заключенію о причинахъ и виновникахъ погромовъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ нашимъ выводамъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ изъ области дѣятельности нашего правительства, которыя хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ погромамъ, но, несомнѣно, могутъ помочь въ выясненіи отношенія къ нимъ правительственной власти.

Одно изъ этихъ явленій—участіе правительственныхъ агентовъ въ провокаціи и поощреніе правительствомъ провокаторовъ. Еще въ недавнее время, когда освободительная борьба велась только подпольными организаціями, и о перипетіяхъ этой борьбы можно было писать только въ нелегальныхъ революціонныхъ изданіяхъ, публика въ ея широкой массѣ совершенно не была знакома съ этимъ уродливымъ, антигосударственнымъ явленіемъ, вносящимъ глубокую деморализацію и растлѣніе нравовъ даже въ ту крайне низкую по своему моральному, этическому уровню среду, изъ которой вербуются агенты-провокаторы.

Но революціонный потокъ, смывшій многія перегородки, за которыми скрывались тайны правительственнаго механизма, вынесъ на свѣтъ Божій и это отвратительное чудовище, и печать наполнилась сообщеніями о подвигахъ наемныхъ провокаторовъ. Изъ этихъ сообщеній публика узнала, что политическая провокація, наряду съ цѣлями чисто личнаго, корыстнаго свойства, преслѣдуетъ и цѣли борьбы съ революціей, т. е. тѣ же цѣли, что и организація погромовъ.

Для уловленія въ полицейскія сѣти революціонеровъ, провокаторы не останавливаются ни передъ чѣмъ, даже предъ убійствами и грабежами. Когда страна наводнилась экспропріаторами, провокація обратила свои взоры въ ихъ сторону, и за короткое время создала цѣлый рядъ громкихъ процессовъ экспропріаторовъ. Во всѣхъ этихъ процессахъ рисовалась одна и та же картина: провокаторъ входилъ въ какую нибудь организацію подъ видомъ сообщника или самъ создавалъ организацію, вовлекалъ своихъ „товарищей" въ экспропріацію и, или проводилъ ее до конца и уже будучи арестованнымъ, выдавалъ всѣхъ своихъ „товарищей", или предавалъ всю свою компанію въ руки полиціи, попадаясь для отвода глазъ и самъ, въ разсчетѣ на „удачное бѣгство" или оправданіе по суду „за отсутствіемъ уликъ".

По этой программѣ въ 1906 и 1907 годахъ полиціей, при помощи провокаторовъ, организовано было множество экспропріацій, но только относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ публика узнала, что онѣ искусственно вызваны полицейскими провокаторами. Обстоятельства, при которыхъ совершаются эти искусственныя революціонныя выступленія, настолько характерны для нашихъ полицейскихъ и жандармскихъ властей, что мы не можемъ обойти ихъ здѣсь молчаніемъ и познакомимъ читателя съ нѣкоторыми изъ такихъ выступленій.

Въ началѣ марта мѣсяца, 1907 г., былъ преданъ московскому военно-окружному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, крестьянинъ Толпекинъ по обвиненію въ экспропріаціи. Судъ приговорилъ его къ смерти и приступилъ къ разбору второго дѣла о немъ же, которое также могло окончиться смертнымъ приговоромъ. Но тутъ Толпекинъ, не отрицая своего участія въ экспропріаціи, разсказалъ суду о своей роли въ дѣлѣ, грозившемъ ему смертью. Вотъ его повѣсть, разсказанная „Товарищемъ".

Въ прошломъ году Толпекинъ отбывалъ трехмѣсячное тюремное заключеніе по административному распоряженію. Къ нему явился агентъ охраннаго отдѣленія Козловъ и предложилъ ему не только освобожденіе изъ тюрьмы, но и хорошій доходъ, если онъ выдастъ себя за революціонера и будетъ вмѣстѣ съ настоящими революціонерами и анархистами участвовать въ различныхъ экспропріаціяхъ, а затѣмъ ста-

нетъ выдавать своихъ товарищей охранному отдѣленію. Такимъ образомъ, онъ будетъ имѣть двойную выгоду: и воспользуется тѣмъ, что достанется ему отъ экспропріаціи и, кромѣ того, будетъ получать еще вознагражденіе отъ охраннаго отдѣленія. Толпекинъ согласился, тѣмъ болѣе, что Козловъ выдалъ ему росписку въ томъ, что онъ останется неприкосновеннымъ и никакой отвѣтственности за участіе въ экспропріаціи подлежать не будетъ.

Затѣмъ началось участіе Толпекина въ экспропріаціяхъ. Изъ охраннаго отдѣленія выдавались ему всѣ необходимые революціонные матеріалы: бомбы, револьверы и пр. Передъ каждой экспропріаціей Козловъ извѣщалъ его и самъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ экспропріаціяхъ. Однако, какъ ни старался Толпекинъ разыгрывать роль анархиста, вскорѣ его провокаторская миссія была разъяснена и обнаружились факты его предательства соучастниковъ въ экспропріаціяхъ. Толпекинъ получилъ отъ анархистовъ смертный приговоръ. Испуганный, онъ отправился въ охранное отдѣленіе, но тамъ его всячески старались успокоить, увѣривъ, что бояться анархистовъ ему нечего, такъ какъ его арестуютъ, будутъ судить вмѣстѣ съ ними, но судъ его непремѣнно оправдаетъ. Судить будутъ „только для видимости", чтобы показать анархистамъ, что наговоры на него были вымышлены, а онъ такой же преступникъ, какъ и они.

Подъ вліяніемъ такихъ увѣреній, Толпекинъ совершенно спокойно предсталъ предъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго по первому дѣлу, въ полной надеждѣ на обѣщанное ему оправданіе. И вмѣсто оправданія—смертная казнь, да, быть можетъ, еще двѣ смертныхъ казни, такъ какъ второе дѣло, вѣроятно, также закончится приговоромъ къ повѣшенію [1]).

Послѣ этого, защитѣ стоило большого труда добиться постановленія суда объ обращеніи дѣла Толпекина къ дослѣдованію. Однако, и послѣ дослѣдованія, Толпекинъ получилъ вторично смертный приговоръ суда и, наконецъ, 17 сентября 1907 г., былъ казненъ въ Москвѣ. О томъ же, привлеченъ ли или будетъ ли привлеченъ къ суду интеллектуальный виновникъ экспропріацій „охранникъ" Козловъ—

---

[1]) „Товарищъ", 6 марта 1907 г.

до сихъ поръ ничего неизвѣстно: повидимому, правосудіе считается удовлетвореннымъ принесенною ему жертвою.

Другое подобное же дѣло разбиралось въ маѣ того же года въ Кіевскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и можетъ быть, только благодаря тому, что здѣсь былъ примѣненъ нормальный судъ, дѣло окончилось благополучно для жертвъ провокаціи. Скамью подсудимыхъ здѣсь занимали три безработныхъ: Т. Федоренко, Г. Калупаевъ и Д. Николаевъ, обвиняемыхъ въ покушеніи на экспропріацію въ квартирѣ нѣкоего Гальперина, совершенномъ 21 ноября 1906 г. Съ ними участвовалъ нѣкій Рапопортъ (онъ же Мельникъ и Фридманъ).

На судѣ обвиняемые заявили, что ихъ уговорилъ пойти къ Гальперину Рапопортъ--попросить денегъ на безработныхъ, а на случай нападенія полиціи далъ имъ по револьверу. Но полиція, предупрежденная заранѣе, захватила всѣхъ четырехъ „на мѣстѣ преступленія“. На слѣдующій день ихъ повели изъ тюрьмы на допросъ въ сыскное отдѣленіе, но по дорогѣ Рапопортъ бѣжалъ. Такъ какъ все это было похоже на провокацію, то въ судъ былъ вызванъ для допроса начальникъ кіевскаго сыскного отдѣленія Рудой. Съ появленіемъ Рудого, въ судѣ разыгралась слѣдующая сцена [1]).

— Скажите, свидѣтель—спрашиваютъ предсѣдатель и защитники—Рапопортъ, онъ же Мельникъ, служилъ въ сыскномъ отдѣленіи?

— Ничего подобнаго. Рапопортъ—обыкновенный экспропріаторъ и наряду съ иными лицами, которыя занимаютъ сейчасъ скамью подсудимыхъ, принадлежалъ къ обширной организаціи экспропріаторовъ, совершавшей грабежи во главѣ съ нѣкимъ Караваевымъ, нынѣ пойманнымъ.

— Значитъ,—не агентъ?

— Нѣтъ.

Вызывается свидѣтель—начальникъ кіевской тюрьмы Малицкій.

Первыя же его слова производятъ сенсацію.

Волненіе среди судей, волнуются присяжные засѣдатели и публика, движеніе среди подсудимыхъ.

---

[1]) „Приднѣпр. Край“, 18 мая 1907 г.

— Рапопортъ, онъ же Мельникъ,—агентъ сыскной полиціи и провокаторъ. 21-го ноября въ тюрьму ко мнѣ прислали четырехъ человѣкъ,—вотъ этихъ и Рапопорта. Такъ какъ постановленія судебной власти о задержаніи ихъ при тюрьмѣ не было, я ихъ принять не могъ и обратился по телефону къ начальнику сыскной полиціи, г. Рудому. Послѣдній мнѣ заявилъ, что Рапопортъ—агентъ полиціи, свой человѣкъ, что завтра всѣхъ вызовутъ въ сыскное отдѣленіе и Рапопорту по дорогѣ дадутъ возможность бѣжать, чтобы скрыть правду отъ остальныхъ обвиняемыхъ. На утро всѣхъ дѣйствительно вызвали въ сыскное, а по дорогѣ Рапопортъ бѣжалъ.

Присяжные засѣдатели совѣщались одну минуту и всѣхъ подсудимыхъ оправдали.

Въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ велась провокація въ Петербургѣ. Здѣсь агентъ охраннаго отдѣленія Егановъ, прибывъ изъ Севастополя для выслѣживанія анархистовъ-коммунистовъ, организовалъ цѣлое общество экспропріаторовъ и устроилъ цѣлый рядъ нападеній: на кассира „Краснаго Креста“, на Лѣсной институтъ, на табачную фабрику Лафермъ, на погребъ Шитта, на студента Леонтьева, убитаго по подозрѣнію въ предательствѣ. Къ участію въ этихъ нападеніяхъ Егановъ привлекъ огромную компанію молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, которые, послѣ неудачнаго покушенія Еганова на магазинъ часовъ Абовича, были всѣ переловлены по указаніямъ того же Еганова и преданы въ іюлѣ 1907 г. военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Судъ приговорилъ четырехъ къ смерти, а Еганова—къ 10 лѣтней каторгѣ, но каторга Еганову была замѣнена годичнымъ заключеніемъ въ крѣпости.

Другая компанія экспропріаторовъ попалась при неудавшемся покушеніи на ограбленіе казначея корпуса пограничной стражи, ротмистра Месаксуди. Предпріятіе это было уже вполнѣ налажено и участники вышли 20 сентября 1906 г. въ условленный часъ на „работу“, но были переловлены предупрежденною заранѣе полиціею. Кто изъ нихъ оказался предателемъ—ни на слѣдствіи, ни въ судѣ не выяснилось, но зато выяснилось, что кромѣ этого невѣдомаго провокатора среди участниковъ этой экспропріаціи былъ еще провокаторъ, который не только заявилъ самъ объ этомъ слѣ-

дователю по важнѣйшимъ дѣламъ г. Бурцеву, но и документально доказалъ свою прикосновенность къ охранному отдѣленію. Это былъ студентъ военно-медицинской академіи Аликули-бекъ-Шахъ-Тахтинскій. Онъ имѣлъ намѣреніе предупредить охранное отдѣленіе о замышлявшейся экспропріаціи еще наканунѣ вечеромъ, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ сопутствовавшихъ ему товарищей и отложилъ доносъ до утра. Однако, кто-то изъ соучастниковъ предупредилъ его, и Шахъ-Тахтинскій былъ арестованъ ночью, какъ экспропріаторъ.

Въ началѣ 1907 г., въ Минскѣ на общей квартирѣ были арестованы два анархиста—Кавецкій и Бентковскій. Оба при арестѣ оказали отчаянное сопротивленіе: одного городового убили, околоточнаго и трехъ городовыхъ ранили. На квартирѣ Бентковскаго была обнаружена фабрика бомбъ. Послѣ ареста, полиція раскрыла всю организацію минскихъ анархистовъ и многихъ изъ нихъ арестовала. Но во время допроса одного изъ обвиняемыхъ выяснилось, что Кавецкій, вмѣстѣ съ товарищемъ убивавшій полицейскихъ,—шпіонъ и провокаторъ. Произошло это совершенно случайно: на допросъ былъ вызванъ Кавецкій, но по ошибкѣ, вмѣсто него, тюремная администрація доставила Бентковскаго. Не замѣтивъ ошибки, жандармскій офицеръ вступилъ съ Бентковскимъ въ разговоръ, предназначавшійся для Кавецкаго, вслѣдствіе чего и была обнаружена тайна. Несмотря на строгую изоляцію отъ товарищей, которой Кавецкій былъ послѣ этого подвергнутъ для предохраненія его отъ мести анархистовъ, онъ былъ все-таки убитъ [1]).

Въ августѣ 1906 г., съ цѣлью ограбить желѣзнодорожнаго артельщика, везшаго крупную сумму, группа анархистовъ покушалась напасть на поѣздъ Балтійской жел. дороги, между станціями Елизаветино и Войсковицы. Нападеніе, однако, было предупреждено жандармами, окружившими экспропріаторовъ и вступившими съ ними въ перестрѣлку. Какъ только началась стрѣльба, одинъ изъ анархистовъ крикнулъ жандармамъ: „въ меня не стрѣляйте, я свой“. Однако, онъ былъ убитъ и оказался провокаторомъ

---

[1]) „Русь“, 12 іюня 1907 г.

*

Григорьевымъ, членомъ союза русскаго народа и агентомъ охраннаго отдѣленія [1]).

Но ни въ одномъ изъ дѣлъ объ экспропріаціяхъ не было съ такою рельефностью обнаружено провокаторство полиціи, какъ въ недавно происходившемъ въ Калугѣ, въ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, процессѣ объ ограбленіи въ Калугѣ аптекарскаго магазина Чернобровина, совершенномъ 9 марта 1907 г. [2]).

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли: крестьянинъ Андрей Бровцевъ, мѣщане В. Селивановъ, А. Ковлеръ, С. Панинъ и Н. Гамаюновъ (послѣднему—всего 16 лѣтъ). Судебнымъ слѣдствіемъ было установлено, что Бровцевъ служилъ агентомъ охраннаго отдѣленія въ Калугѣ, Панинъ—сторожъ при зданіи калужскаго отдѣленія государственнаго банка, а Гамаюновъ—безработный слесарь; остальные же двое, по показанію Панина и Гамаюнова, въ экспропріаціи не участвовали, а были оговорены ими по злобѣ. Уже по персонажамъ, участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, можно было догадываться, что здѣсь не все благополучно, что судъ имѣетъ дѣло съ декораціей, приводимой въ дѣйствіе закулиснымъ механизмомъ. И дѣйствительно, такой механизмъ былъ обнаруженъ на судѣ, въ лицѣ вездѣсущаго и вездѣ провоцирующаго жандармскаго ротмистра. Этимъ ротмистромъ оказался въ Калугѣ г. Никифоровъ, о роли котораго обвиняемый Бровцевъ сообщилъ суду въ своемъ послѣднемъ словѣ слѣдующее:

„Экспропріація, въ совершеніи которой обвиняютъ меня и другихъ подсудимыхъ, была подготовлена ротмистромъ Никифоровымъ. Я признаюсь въ томъ, что служилъ агентомъ въ охранномъ отдѣленіи. На службу въ охранку я поступилъ въ декабрѣ 1906 г. и получалъ жалованья 40 р. въ мѣсяцъ. Ротмистръ Никифоровъ, за три дня до совершенія экспропріаціи, просилъ меня устроить это дѣло, вооруженное нападеніе. Я отказывался сначала, опасаясь наказанія. Но ротмистръ сказалъ мнѣ, что даетъ честное слово жандармскаго офицера въ томъ, что ни я, ни другіе участники не понесутъ отвѣтственности. Тогда я началъ подготовлять экспропріацію. Мнѣ нужны были компаньоны, два

[1]) „Рѣчь“, 13 сентября 1907 г.

[2]) „Товарищъ“, 29 сентября 1907 г.

или три. Съ Панинымъ я былъ знакомъ. Я началъ уговаривать его, зная, что онъ человѣкъ слабохарактерный, и онъ согласился. Черезъ него я познакомился съ Гамаюновымъ. Мнѣ удалось и этого склонить, потому что онъ былъ безъ работы и нуждался. 9-го марта мы хотѣли сначала сдѣлать нападеніе на магазинъ Блистанова, но тамъ было много покупателей и офицеръ, и мы побоялись нападать. Потомъ рѣшили экспропріировать магазинъ Чернобровина и намъ это удалось.

Приставъ Данишевскій, хотя и цѣловалъ крестъ и евангеліе, показалъ ложь, когда говорилъ, что ничего не знаетъ о той запискѣ, которую я писалъ Никифорову. Я хотѣлъ написать ее въ квартирѣ, когда пришли меня арестовать, но приставъ Данишевскій не позволилъ и предложилъ написать ее въ участкѣ. Въ участкѣ я написалъ ротмистру записку. Я помню ея содержаніе и могу разсказать его: „Я арестованъ; почему же вы не исполнили обѣщанія". Я передалъ записку Данишевскому".

Арестованъ Бровцевъ былъ не сразу, а лишь послѣ того, какъ онъ осмѣлился проявить недозволительное для охранника благородство. „Послѣ совершенія нападенія, разсказывалъ Бровцевъ суду, я поѣхалъ къ Никифорову и сказалъ, что все сдѣлано. Ротмистръ сказалъ: спасибо. На другой день я пошелъ къ ротмистру. Онъ былъ уже у губернатора и привезъ мнѣ оттуда такія свѣдѣнія: губернаторъ предлагаетъ мнѣ 100 или 150 руб. съ тѣмъ, чтобы я согласился на выдачу хотя бы одного изъ участниковъ экспропріаціи. Я на это не согласился, а на другой день, 11 марта, я былъ арестованъ".

Эти разоблаченія казались столь невѣроятными, что ихъ легко было приписать желанію Бровцева выгородить себя путемъ оговора должностного лица. Но свидѣтельскими показаніями участіе Никифорова въ экспропріаціи было настолько неопровержимо установлено, что заявленію Бровцева трудно было не вѣрить. Такъ, изъ прочитанныхъ на судѣ показаній помощника пристава Данишевскаго, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, видно, что еще въ день экспропріаціи свидѣтель узналъ отъ ротмистра Никифорова такія ея подробности, которыя послѣдній могъ получить только отъ участниковъ. Между прочимъ, Никифо-

ровъ заявилъ Данишевскому, что ему, Никифорову, извѣстно о намѣреніи экспропріаторовъ напасть на магазинъ Блистанова, неосуществленномъ только потому, что они увидѣли тамъ офицера; извѣстно было Никифорову даже, что на Панинѣ во время экспропріаціи была надѣта шапка Бровцева, хотя во время бѣгства отъ погони они успѣли вновь обмѣняться шапками. Свидѣтельница Лебедева, у которой Никифоровъ снималъ квартиру, показала, что къ нему приходили иногда молодые люди. У Бровцева она видѣла револьверъ, данный ему, по словамъ Бровцева, Никифоровымъ. Послѣ задержанія Бровцева, къ Лебедевой пріѣзжалъ Никифоровъ и совѣтовалъ ей не ходить къ слѣдователю, представивъ свидѣтельство о болѣзни, и т. д. Всѣ эти обстоятельства, выяснившіяся на судѣ, такъ настойчиво говорили о провокаціи, что присяжные засѣдатели отказались отвѣчать на вопросы о виновности подсудимыхъ и ходатайствовали объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію, на что судъ согласился и постановилъ допросить ротмистра Никифорова. Любопытно, что ротмистръ Никифоровъ по-прежнему занимаетъ свою должность, и если сопоставить это обстоятельство съ предположеніемъ защитника, прис. повѣреннаго Лисицына, о томъ, что экспропріація понадобилась охранному отдѣленію, какъ поводъ къ продленію срока усиленной охраны, который истекалъ 30 марта, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему защитѣ и присяжнымъ засѣдателямъ стоило такого труда обратить это дѣло къ дослѣдованію и добиться допроса главнаго дѣйствующаго лица — Никифорова.

Какъ видимъ, провокація, организуемая при посредствѣ охранныхъ агентовъ, сдѣлалась такимъ распространеннымъ явленіемъ, что захватила не только столицы и крупные города, но и глухую провинцію, а недавно выяснилось, что отвратительные щупальцы этого чудовища протянулись и къ Финляндіи. Такъ, во время послѣднихъ громкихъ процессовъ экспропріаторовъ въ Гельсингфорсѣ и Выборгѣ, въ судебныхъ документахъ часто упоминалось лицо подъ кличкой „Венгерецъ“, которому принадлежала одна изъ руководящихъ ролей. Онъ являлся иниціаторомъ нѣсколькихъ экспропріацій и, согласно показаніямъ подсудимыхъ, бралъ часто въ свою пользу львиную долю добычи; онъ же брался

передавать крупныя суммы денегъ „русскимъ революціонерамъ". Въ то время, какъ большинство членовъ организованныхъ имъ шаекъ попало на скамью подсудимыхъ, самъ онъ успѣлъ благополучно скрыться. Теперь финляндскимъ властямъ удалось раскрыть настоящее имя этого таинственнаго „Венгерца". Онъ оказался ни кѣмъ инымъ, какъ русскимъ охраннымъ агентомъ, нѣкимъ Спулеромъ, который еще во время свеаборгскаго возстанія пытался заручиться довѣріемъ революціонеровъ, но безуспѣшно. Позднѣе, послѣ бѣгства кап. Кока (бывш. нач. красной гвардіи), онъ пробовалъ втереться въ ряды красногвардейцевъ, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу и взялся за организацію грабительскихъ шаекъ. Большинство довѣрчивыхъ его жертвъ осуждено въ каторжныя работы [1]).

Жандармерія и полиція не всегда ограничиваются подстрекательствомъ низшихъ своихъ агентовъ. Нерѣдко, онѣ выдѣляютъ изъ своей среды и болѣе отвѣтственныхъ „работниковъ" въ лицѣ занимающихъ офиціальныя должности чиновъ. Это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ перспективѣ какой-нибудь крупной провокаціи виднѣются крупныя награды. Гг. жандармскіе ротмистры, гарантирующіе своимъ агентамъ „честнымъ словомъ жандармскаго офицера"... висѣлицы вмѣсто обѣщанныхъ наградъ, охотно берутся лично за такія дѣла, гдѣ можетъ перепасть орденокъ или повышеніе по службѣ.

Особенно характерный видъ такого провокаторства былъ обнаруженъ въ дѣлѣ о перевозкѣ контрабанднымъ путемъ черезъ границу оружія съ революціонными цѣлями. Дѣло это разбиралось со 2 по 4 апрѣля 1907 г. въ виленскомъ военно-окружномъ судѣ, причемъ обвинялись 11 лицъ по 2 ч. 102 ст. уголов. улож., грозящей 10-лѣтней каторгой.

Суть дѣла, изложенная въ обвинительномъ актѣ, заключается въ томъ, что въ виду дошедшихъ до охраннаго отдѣленія слуховъ о перевозкѣ черезъ западную границу оружія, изъ Петербурга былъ командированъ жандармскій корнетъ Л. Е. Пономаревъ для производства дознанія. Въ результатѣ—возникло дѣло о политическомъ „сообществѣ, поставившемъ цѣлью своей дѣятельности насильственное

[1]) „Товарищъ", 24 окт. 1907 г.

измѣненіе установленнаго законами основными образа правленія". По обвинительному акту, составленному на основаніи дознанія корнета Пономарева, участниками этого сообщества оказались таможенные чиновники братья Кудрявцевы, Коппельманъ, Кушель, Поплавскій, Блумбергъ, Назаровъ, Капланъ и Одесскій.

Оказалось, однако, что все это „сообщество" было плодомъ провокаторскаго усердія корнета Пономарева, который, явившись на мѣсто съ цѣлью открыть крамолу во что бы то ни стало, немедленно принялся за организацію требуемаго политическаго сообщества.

Для этой цѣли, переодѣвшись въ штатское платье, онъ перешелъ русскую границу, купилъ въ Эйдкуненѣ въ магазинѣ Миллера партію револьверовъ и патроновъ къ нимъ и вошелъ въ сношеніе съ приказчикомъ этого магазина о перенесеніи купленнаго имъ оружія контрабанднымъ путемъ въ Россію, что взялъ на себя таможенный чиновникъ Кудрявцевъ.

Между тѣмъ, корнетъ Пономаревъ, узнавъ точно о времени перехода границы Кудрявцевымъ, пригласилъ пограничнаго офицера Шестакова и вмѣстѣ съ послѣднимъ задержалъ Кудрявцева съ оружіемъ.

Не довольствуясь этой, такъ удачно раскрытой имъ контрабандой, корнетъ Пономаревъ снова отправился въ Эйдкуненъ, явился въ магазинъ Миллера, заказалъ новую партію револьверовъ въ 50 штукъ и далъ задатокъ.

Однако, торговецъ Миллеръ, узнавъ, что Пономаревъ— то самое лицо, которое вовлекло его приказчика въ контрабанду и притомъ провокаціонную, избилъ Пономарева, разорвавъ на немъ штатское пальто.

Все это подтвердилъ на судѣ жандармскій офицеръ Шестаковъ. Онъ же показалъ, что когда они еще отправлялись ловить контрабанду, Пономаревъ „по секрету" сообщилъ ему, что контрабанду будетъ переносить таможенный чиновникъ. Когда же Петръ Кудрявцевъ былъ ими задержанъ и револьверы отъ него отобраны, Пономаревъ спросилъ: „А гдѣ патроны?" Патроны, о которыхъ такъ хорошо было заранѣе извѣстно Пономареву, оказались у Льва Кудрявцева. Не довѣряя даже жандармскому офицеру, Пономаревъ послѣ ареста, по показанію Шестакова, отвелъ Кудряв-

цева въ сторону и что-то ему нашептывалъ; въ результатѣ этихъ нашептываній явился оговоръ остальныхъ подсудимыхъ, данный подъ угрозами военно-полевымъ судомъ и „перекладиной“.

Не довольствуясь своимъ тріумфомъ по открытію „революціоннаго сообщества“, корнетъ Пономаревъ, для вящщаго, очевидно, успѣха, рѣшилъ впутать въ политическое дѣло и самого. мѣстнаго начальника жандармскаго отдѣленія, полковника Мясоѣдова, для чего подстрекалъ подкупленнаго имъ оборванца подложить въ автомобиль, на которомъ онъ, Мясоѣдовъ, всегда ѣздилъ въ Эйдкуненъ, динамитъ и нѣсколько револьверовъ [1]).

Все это было доказано на судѣ. Несмотря на это и на жалобу полковника Мясоѣдова на Пономарева шефу жандармовъ, Пономаревъ не только не былъ отданъ подъ судъ, но еще получилъ назначеніе на должность помощника начальника охраны Таврическаго дворца, въ которомъ засѣдалъ Россійскій парламентъ. Только послѣ опубликованія въ газетахъ весьма грязнаго прошлаго этого господина и вслѣдствіе общаго негодованія, вызваннаго его болѣе, чѣмъ безцеремоннымъ поведеніемъ въ Таврическомъ дворцѣ, начальство убрало Пономарева, но, конечно, не для того, чтобы избавиться отъ него: такихъ людей наше правительство цѣнитъ и, какъ мы видѣли, щедро вознаграждаетъ; былъ и Пономаревъ вознагражденъ по заслугамъ: онъ получилъ назначеніе на должность адъютанта губернскаго жандармскаго управленія одной изъ южныхъ губерній.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что провокація служитъ для правительства однимъ изъ средствъ борьбы съ революціей; справедливость такого заключенія подтверждаетъ поощреніе, которое оказываетъ правительственная власть провокаторамъ, награждая ихъ за явно преступныя дѣйствія. Съ другой стороны, полицейскіе, жандармы и охранники смотрятъ на провокацію, какъ на вѣрный способъ отличиться передъ начальствомъ и ускорить свое движеніе по служебной лѣстницѣ; мы видѣли, что этимъ способомъ не брезговали даже такіе крупные чины, какъ директоръ департамента полиціи и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутрен-

[1]) „Товарищъ“, 8 апрѣля 1907 г.

нихъ дѣлъ. Нужно ли послѣ этого удивляться и можно ли сомнѣваться, что погромы, на которые правительство также смотрѣло, какъ на борьбу съ революціей, были организованы крупными и мелкими провокаторами, привыкшими покупать свое житейское благополучіе цѣною человѣческой крови.

Другое явленіе изъ области правительственной политики, имѣющее связь съ погромами, представляетъ весьма странное отношеніе правительства къ „союзу русскаго народа". Эта организація, состоящая въ главной своей массѣ изъ самыхъ невѣжественныхъ и реакціонныхъ слоевъ населенія, кладетъ въ основу своей дѣятельности непримиримый націонализмъ и боевое юдофобство. Возгласъ: „Долой жидовъ", „Бей жидовъ" составляетъ одинъ изъ основныхъ лозунговъ „союза русскаго народа". И онъ съ удивительною послѣдовательностью и постоянствомъ всюду осуществляетъ этотъ лозунгъ, совершенно открыто организуя избіеніе евреевъ. Вотъ этому-то союзу, являющемуся въ своей дѣятельности врагомъ порядка и угрозой общественной безопасности, правительство оказываетъ неустанное покровительство и защиту. Оно легализовало этотъ союзъ, несмотря на то, что по своей программѣ онъ стремится къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя путемъ возстановленія неограниченнаго самодержавія; въ лицѣ мѣстныхъ властей, оно содѣйствуетъ успѣшной дѣятельности союза, разрѣшая членамъ носить оружіе, образовывать боевыя дружины и вести отчаянную пропаганду и агитацію противъ евреевъ. Дѣятельность „союзниковъ" въ несчастной, истерзанной Одессѣ и отношеніе къ нимъ мѣстнаго царька, ген. Каульбарса, могутъ служить яркой иллюстраціей описываемаго положенія. Военное положеніе, совершенно задушившее въ Одессѣ общественную жизнь, служитъ на пользу однимъ только союзникамъ. Въ то время, какъ все населеніе здѣсь обезоружено, союзники широко пользуются привилегіей носить оружіе. Расхаживая по улицамъ города цѣлыми бандами, они чуть ли не ежедневно грозятъ населенію погромомъ, и безпощадно избиваютъ резиновыми палками, а нерѣдко и стрѣляютъ изъ револьверовъ въ проходящихъ мирныхъ евреевъ, студентовъ и во всѣхъ, физіономіи которыхъ кажутся имъ подозрительными. Не довольствуясь

этимъ, они обыскиваютъ прохожихъ, арестуютъ ихъ и подвергаютъ истязаніямъ въ своихъ „чайныхъ", врываются въ дома и производятъ тамъ обыски, избивая обитателей, дѣлаютъ на нихъ доносы и т. п. Никакія жалобы на нихъ мѣстнымъ властямъ не помогаютъ и жалобщики сами попадаютъ подъ арестъ, высылаются и даже отдаются подъ судъ, если обнаруживается, что они посмѣли защищаться противъ нападеній союзниковъ. Генералъ Каульбарсъ, къ которому поступаетъ на нихъ масса жалобъ, заявилъ, что „союзъ русскаго народа необходимъ, какъ единственное средство противъ революціонеровъ". Мѣстныя газеты совершенно лишены возможности разоблачать выходки союзниковъ, такъ какъ власти, подъ страхомъ закрытія, запретили имъ это. Когда наглость союзниковъ дошла до того, что отъ избіенія отдѣльныхъ лицъ они перешли къ цѣлымъ погромамъ, грозя безопасности всего населенія, послѣднее, видя, что мѣстныя власти мирволятъ погромщикамъ, обратилось въ министерство внутреннихъ дѣлъ, требуя прекращенія „союзныхъ" разбоевъ; объ этомъ, между прочимъ, телеграфировали въ Петербургъ совѣтъ новороссійскаго университета, предсѣдатель биржевого комитета, собраніе выборщиковъ г. Одессы. Но едва ли и это помогло бы, если бы въ это время не вмѣшались иностранные консулы, потребовавшіе у правительства защиты живущихъ въ Одессѣ иностранцевъ. Только послѣ этого мѣстнымъ властямъ предписано было унять „союзниковъ", но спокойствіе было водворено этимъ не надолго. 7 мая 1907 г. былъ убитъ бомбою приставъ бульварнаго участка Панасикъ. Несмотря на то, что убійцею оказался православный, крестьянинъ Чирковъ, союзники воспользовались этимъ случаемъ для новыхъ преслѣдованій евреевъ. До самаго дня похоронъ Панасика они стрѣляли на улицахъ въ проходившихъ евреевъ и, разсыпавшись по городу, избивали ихъ резиновыми палками. Въ день похоронъ, они пытались устроить настоящій еврейскій погромъ: при прохожденіи похоронной процессіи мимо костела, по Екатерининской улицѣ, провокаторы произвели три револьверныхъ выстрѣла. По указанію союзниковъ, казаки и полиція стали стрѣлять въ сосѣдніе два многоэтажные дома, а затѣмъ вмѣстѣ съ союзниками обыскали ихъ, причемъ всѣ жильцы-евреи были безпощадно

избиты, хотя обыскъ оказался, конечно, безрезультатнымъ. На улицѣ союзники начали громить магазины и гостинницу, но благодаря энергичному вмѣшательству градоначальника, ген. Григорьева, погромъ былъ прекращенъ.

Всѣ эти безчинства блѣднѣютъ передъ безобразіями, учиненными „союзниками“ 23 сентября 1907 г. — въ день похоронъ помощника пристава Дельфинскаго, убитаго во время обыска 20 сентября. Даже въ тенденціозномъ описаніи „Освѣдомит. Бюро“, старающагося представить разбои „союзниковъ“ въ видѣ борьбы ихъ съ революціонерами, событія 23 сентября имѣютъ видъ правильно организованнаго погрома, продолжавшагося почти цѣлый день въ разныхъ частяхъ города. Въ Покровскомъ переулкѣ шайка вооруженныхъ союзниковъ ворвалась въ еврейскій трактиръ Клеймана, ранила выстрѣлами двухъ лицъ, разбила въ дребезги посуду, мебель и окна, а на улицѣ, около трактира, ранила одного еврея кинжаломъ. Разбивая на Преображенской, Успенской и другихъ улицахъ окна магазиновъ, хулиганы вездѣ производили грабежъ, беря вещи и деньги; на углу Еврейской улицы они разрушили книжно-газетный кіоскъ, изорвали въ клочки всѣ книги и газеты и забрали 43 р.; всюду, гдѣ только было возможно, они громили кіоски, фургоны, окна, нигдѣ не упуская случая грабить своихъ жертвъ. Покончивъ разбои въ городѣ, хулиганы отправились на Молдаванку, гдѣ, оглашая воздухъ револьверными залпами, продѣлали все то, что они только-что исполнили въ городѣ. На Арнаутской и Екатерининской улицахъ, союзниками были ранены три еврея. Около еврейской больницы собралась толпа до трехсотъ человѣкъ, разбила камнями два стекла въ больницѣ и ранила еврея. Достойно вниманія, что все это происходило при новомъ градоначальникѣ ген.-лейт. Новицкомъ, обѣщавшемъ населенію Одессы полное умиротвореніе. Внесъ ли онъ это умиротвореніе—объ этомъ можно судить не только по описанному сейчасъ погрому, но и по другимъ безобразіямъ „союзниковъ“ и по отношенію къ нимъ одесской полиціи. Въ напечатанной въ „Товарищѣ“ телеграммѣ отъ 26 сентября 1907 г. сообщалось, что во время засѣданія думы, въ залѣ, среди публики, по вызову Пеликана (товарищъ предсѣдателя мѣстнаго „союза рус. нар.“) присутствуютъ вооруженные

дружинники. Послѣдніе открыто терроризируютъ прогрессивныхъ гласныхъ, требуя подъ угрозой насилій ихъ ухода. Нарядъ дружинниковъ всегда дежуритъ также на думской площади.

Представлявшаяся 29 сентября ген. Новицкому депутація отъ горожанъ разсказала градоначальнику о слѣдующемъ фактѣ, сообщенномъ одному изъ депутатовъ мѣстнымъ мировымъ судьей:

Проходя по улицамъ, этотъ мир. судья увидѣлъ, какъ толпа хулигановъ избиваетъ мирно проходившихъ жителей, и обратился къ стоявшему тутъ же на посту городовому съ вопросомъ, почему онъ не прекращаетъ насилія. На это городовой, отдавая честь судьѣ, отвѣтилъ: „Ничего, ваше благородіе, это наши“ [1]). Полиція, состоящая подъ начальствомъ лица, посланнаго въ Одессу съ миссіею унять союзниковъ и прекратить ихъ безобразія, не только далека отъ выполненія этой миссіи, но при своихъ взглядахъ на хулигановъ изъ союза, какъ на своихъ, близкихъ полиціи людей, и не можетъ относиться ко всѣмъ ихъ безобразіямъ иначе, какъ покровительственно. Генералъ Новицкій не могъ этого не знать и поэтому, его обѣщанія водворить въ Одессѣ порядокъ представляютъ пустой звукъ. Знало это и правительство, посылая въ Одессу ген. Новицкаго, ибо правительству также отлично извѣстно настроеніе одесской полиціи, достаточно убѣдительно доказавшей свои симпатіи къ союзникамъ во время октябрьскаго погрома. Факты показали, что замѣна генерала Григорьева, несочувствовавшаго союзникамъ, генераломъ Новицкимъ, допустившимъ сентябрьскій погромъ въ Одессѣ, была направлена не къ огражденію неприкосновенности и спокойствія одесситовъ и, во всякомъ случаѣ, не говоритъ объ искреннемъ стремленіи правительства положить предѣлъ хулиганскому террору союзниковъ. Наоборотъ, имѣется слишкомъ много признаковъ, говорящихъ о противоположномъ.

О томъ, съ какой снисходительностью относится правительство къ разбоямъ союзниковъ, можно судить уже потому, что цѣлый годъ власти совершенно равнодушно смотрѣли на выходки одесскихъ громилъ, буквально, разорившія Одессу и повергшія ея жителей въ паническій ужасъ.

[1]) „Товар.“, 4 окт. 1907 г.

Только вмѣшательство иностранныхъ консуловъ заставило правительство принять противъ союзниковъ репрессивныя мѣры. Но и принимая эти мѣры, правительство сочло нужнымъ выступить съ оффиціальнымъ заявленіемъ, оправдывающимъ поведеніе союзниковъ. Въ правительственномъ сообщеніи, опубликованномъ по этому поводу 8 марта 1907 г., всѣ безобразія и разбои союзниковъ, терзавшіе Одессу въ теченіе цѣлаго года, скромно названы „случаями уличныхъ безпорядковъ, сопровождавшихся нанесеніемъ побоевъ нѣкоторымъ обывателямъ изъ еврейскаго населенія и нѣсколькимъ студентамъ мѣстнаго университета". Но „союзники", по мнѣнію правительства, тутъ не причемъ; это, просто, результатъ „существующихъ на почвѣ партійныхъ несогласій враждебныхъ отношеній между „союзомъ русскаго народа" и революціонерами". И никакихъ безобразій „союзники" не производили; они только „позволили себѣ рядъ насильственныхъ выступленій, направленныхъ противъ тѣхъ элементовъ населенія, которые, по мнѣнію „союзниковъ", выдѣляли изъ себя представителей террора". Это послѣднее обстоятельство могло бы служить хорошимъ объясненіемъ снисходительности правительства къ союзникамъ, доходящей до защиты ихъ въ особомъ правительственномъ сообщеніи отъ нападокъ негодующаго общества. Но правительство, выступая съ этой защитой, забыло добавить, что союзники нападали въ Одессѣ вовсе не на террористовъ, а на самыхъ мирныхъ обывателей, лишь бы только они смахивали на евреевъ или имѣли видъ учащагося, „лѣваго" рабочаго, или интеллигента; о нападеніяхъ „союзниковъ" на террористовъ до сихъ поръ не было слышно— они предпочитаютъ имѣть дѣло съ безоружными, слабыми прохожими.

Въ этомъ отношеніи, послѣ назначенія ген. Новицкаго, рѣшительно ничего не измѣнилось, и когда правительству пришлось выступить съ офиціальнымъ сообщеніемъ о погромѣ 23 сентября, оно хотя и не рѣшилось прямо оправдывать союзниковъ, какъ оно сдѣлало это въ своемъ мартовскомъ сообщеніи, но такъ сгруппировало факты, предшествовавшіе погрому и слѣдовавшіе за нимъ, что у неопытнаго читателя легко могло создаться убѣжденіе, что союзники— самый мирный народъ, и если они и дѣлаютъ свои шумныя

выступленія, то исключительно ради защиты мирнаго населенія отъ злодѣйствъ революціонеровъ. Вотъ, напримѣръ, какъ составлено послѣднее сообщеніе „Освѣдомит. Бюро“: погромъ произошелъ 23 сентября, но „Освѣдомит. Бюро“ приправляетъ его гарниромъ изъ событій, происходившихъ 20 и 25 сентября: „20 сентября, въ виду свѣдѣній о томъ, что въ домѣ № 7, по Картамышевской улицѣ, назначена преступная сходка, былъ командированъ, для задержанія собравшихся, полицейскій нарядъ, который во второмъ дворѣ дома былъ встрѣченъ залпами, причемъ начальствовавшій нарядомъ, помощникъ пристава Дельфинскій, убитъ наповалъ, а послѣ того, въ чиновъ полиціи брошена бомба, взрывомъ которой легко раненъ городовой. Въ перестрѣлкѣ ранены два злоумышленника и убита еврейка, жившая въ квартирѣ, гдѣ происходила сходка. Участники сходки частью скрылись по крышѣ сосѣдняго дома, частью спрятались въ разныхъ квартирахъ обширнаго дома № 7, имѣющаго семьдесятъ двѣ квартиры. По производствѣ въ этомъ домѣ повальнаго обыска, обнаружены революціонныя изданія, а также свертокъ, содержащій, повидимому, бомбу, и задержаны 49 лицъ, въ томъ числѣ 46 евреевъ“.

Далѣе слѣдуетъ описаніе погрома 23 сентября, произведеннаго какъ бы въ отместку революціонерамъ, а затѣмъ— перечисленіе событій, долженствующихъ обозначать месть революціонеровъ союзникамъ:

„25 сентября, на Костецкой улицѣ, въ четвертомъ часу дня, неизвѣстный еврей тяжело ранилъ двумя пулями агента сыскного отдѣленія, и когда послѣдній былъ доставленъ на дрожкахъ городовымъ въ еврейскую больницу, то находившійся около нея еврейскій мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, ранилъ агента выстрѣломъ въ спину. Того же числа, на разныхъ улицахъ было четыре случая ограбленія прохожихъ и задержанъ на Прохоровской улицѣ еврей съ двумя револьверами и подложнымъ паспортомъ“.

Какое отношеніе имѣетъ убійство пристава Дельфинскаго къ погрому 23 сентября? Убили его революціонеры, а „союзники“ громили исключительно мирныхъ жителей, ничего общаго не имѣвшихъ ни съ революціей, ни съ союзниками. Ставя въ связь эти два событія и объясняя погромъ убійствомъ полицейскаго, правительство этимъ самымъ

какъ бы признаетъ справедливость подобныхъ выступленій союзниковъ и санкціонируетъ косвеннымъ образомъ функціи карательныхъ экспедицій, которыя онѣ себѣ присваиваютъ. Точно также, никакой связи съ погромомъ не имѣютъ перечисляемыя „Освѣдомительнымъ Бюро" событія, происшедшія 25 сентября, но правительству необходимо представить безобразія союзниковъ въ видѣ борьбы ихъ съ преступными элементами города, и оно пока, ничто же сумняшеся, сваливаетъ въ одну кучу и пораненіе революціонерами сыскного агента, и грабежи на улицахъ, и задержаніе еврея съ подложнымъ паспортомъ, какъ бы говоря этимъ, что преступность одесскихъ евреевъ такъ велика, что поневолѣ приходится мириться съ выступленіями союзниковъ. Нечего и говорить о томъ, что подобныя сообщенія, представляя въ глазахъ общества одесскія событія въ извращенномъ видѣ, даютъ союзникамъ полную carte blanche на продолженіе ихъ преступленій.

Но не въ одной Одессѣ союзники пользуются привилегіями безнаказанности. Отношеніе къ нимъ барона Каульбарса и высшихъ властей представляется типичнымъ для администраціи всей Россіи. Всюду власти нѣжно оберегаютъ „союзниковъ" отъ всякихъ непріятностей. Николаевскій генералъ-губернаторъ Ступинъ, послѣ одного случая нападенія на „союзниковъ" въ Николаевѣ расклеилъ на улицахъ города приказъ, въ которомъ объявлялъ, что приказалъ гарнизону при повтореніи подобнаго случая немедленно огнемъ уничтожать до одного всѣхъ нападающихъ. Въ Полтавѣ губернаторъ предложилъ редактору „Полтав. Жизни", подъ угрозой закрытія газеты, не касаться дѣятельности „союза русскаго народа". Когда въ Уфу явился знаменитый нынѣ Тополевъ („Гамзѣй Гамзѣичъ"), привлеченный въ іюнѣ 1907 г. по дѣлу объ убійствѣ депутата М. Я. Герценштейна, и началъ тамъ производить обычныя безобразія, свойственныя „союзникамъ", губернаторъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ обратиться съ жалобою на него... въ „союзъ русскаго народа". Письмо его по этому поводу, адресованное „конфиденціально" въ главный совѣтъ союза, напоминаетъ донесеніе подчиненнаго лица высшему начальству и снабжено даже номеромъ исходящей бумаги (№ 5003). Документъ этотъ настолько характеренъ для описываемаго явленія и

вообще для образа дѣйствій нашего правительства, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„М. Г., Владиміръ Митрофановичъ.

На-дняхъ въ Уфу прибылъ минскій мѣщанинъ Тополевъ, который, явившись ко мнѣ, заявилъ, что онъ командированъ въ Уфу совѣтомъ союза русскаго народа, и просилъ оказать ему содѣйствіе.

Мною было предложено полицеймейстеру оказать всякое законное содѣйствіе г. Тополеву въ выполненіи возложенной на него задачи, но онъ содѣйствіе полиціи отклонилъ на томъ лишь основаніи, что уфимскій полицеймейстеръ—католикъ; предложено было ему, для ознакомленія жителей съ задачами союза русскаго народа, созвать установленнымъ порядкомъ собраніе, но онъ требовалъ, чтобы на собраніе не допускались татары и другіе инородцы, и началъ самолично раздавать привезенныя имъ брошюры. Вообще, велъ себя крайне нетактично какъ по отношенію ко мнѣ, такъ и при выполненіи возложеннаго на него союзомъ порученія.

Будучи направленъ къ полицеймейстеру, Тополевъ ушелъ отъ него и напился пьянымъ до безчувствія, такъ что съ улицы былъ взятъ въ полицейскій участокъ для вытрезвленія; протрезвившись, онъ снова напился и снова былъ взятъ въ участокъ.

Кромѣ того, г. Тополевъ и всей своей внѣшностью производитъ крайне отталкивающее и непріятное впечатлѣніе.

Въ виду всего изложеннаго, лицо это показалось настолько подозрительнымъ, что я вынужденъ былъ по телеграфу запросить совѣтъ союза, дѣйствительно ли Тополевъ командированъ совѣтомъ.

Глубоко сочувствуя союзу русскаго народа, цѣлямъ и задачамъ его и будучи готовъ всегда оказать ему, съ своей стороны, полное содѣйствіе, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу, что такое лицо, какъ Тополевъ, своими нетактичными дѣйствіями много принесетъ вреда дѣлу, которому служитъ союзъ русскаго народа, о чемъ и считаю долгомъ сообщить на ваше усмотрѣніе.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и искренней преданности“.

(Слѣдуетъ подпись г. уфимскаго губернатора).

Въ отвѣтъ на это заявленіе губернатора, товарищемъ

председателя совета союза В. Пуришкевичемъ была отправлена телеграмма:

„Уфа. Губернатору. Сердечно благодарю за сообщенныя сведенія. Лишилъ его полномочій. Пуришкевичъ“ [1]).

Въ такомъ же роде было поведеніе властей всюду, где имъ приходилось иметь дело съ союзниками. И союзники широко пользовались этимъ благоволеніемъ начальства. Они третировали местныя власти, предъявляли дерзкія требованія общественнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ и открыто хвалились своими связями съ высшей администраціей. Пользуясь этими связями, они требуютъ у губернаторовъ и градоначальниковъ закрытія прогрессивныхъ изданій и печатающихъ ихъ типографій. И губернаторы настолько считаются съ этими требованіями, что производятъ разследованія о поведеніи газетъ, на которыя указываютъ союзники, и офиціальными бумагами уведомляютъ ихъ главарей о результатахъ произведеннаго разследованія. Это потворство властей дошло до того, что „союзники“ совершенно перестали признавать второстепенныхъ агентовъ правительства, и въ департаментъ полиціи весною 1907 г. стало поступать изъ разныхъ местъ много жалобъ на то, что члены с. р. н. третируютъ полицію и не исполняютъ ея распоряженій. „Тов.“ разсказываетъ, что когда на собраніи черниговскихъ „истинно-русскихъ“ людей было решено поставить на улице кіоскъ для продажи черносотенной литературы и кто то заметилъ, что управа можетъ не разрешить постановки кіоска,—членъ союза, директоръ народныхъ училищъ Войцеховскій самоуверенно заявилъ: „Наше общество монархически-патріотическое, поэтому управа не сметъ и заикнуться объ отказе“. На собраніи саратовскихъ „монархистовъ“ было отмечено, что „въ царскіе дни въ городе вывешивается мало флаговъ“—и тутъ же создался проектъ: „у кого флаговъ не будетъ, того штрафовать: кто побогаче, съ того 50—100 рублей, кто победнее, съ того 2—3 рубля; деньги все должны идти въ пользу союза русскаго народа“.

Но союзники не удовлетворялись и этимъ и стали предъявлять разныя требованія и директивы центральной правительственной власти. Когда въ печати появился слухъ о томъ,

[1]) „Товар.“, 4 янв. 1907 г.

что совѣтъ министровъ намѣренъ уничтожить процентное ограниченіе евреевъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, союзники обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ запросомъ, на какомъ основаніи онъ намѣренъ стѣснить истинно-русское населеніе, допустивъ неограниченный пріемъ въ школы еврейскихъ дѣтей. И министръ народнаго просвѣщенія въ особомъ, напечатанномъ въ „Правит. Вѣстн.", сообщеніи давалъ по этому поводу союзникамъ объясненія, оправдываясь въ ихъ обвиненіяхъ. Въ другой разъ, когда совѣтъ министровъ, въ періодъ перваго междудумья, обсуждалъ проектъ отмѣны игнатьевскихъ правилъ 1882 года объ ограниченіи евреевъ въ правахъ, союзники предъявили правительству требованіе объ оставленіи вопроса о евреяхъ въ прежнемъ положеніи, въ противномъ же случаѣ они грозили повсемѣстными еврейскими погромами. И проектъ о расширеніи правъ евреевъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Нечего и говорить о томъ, что при такомъ отношеніи къ нимъ правительства, союзники совсѣмъ перестали стѣсняться и въ своихъ газетахъ: „Русское Знамя" и „Вѣче" ведутъ отчаянную пропаганду и агитацію противъ существующаго государственнаго строя, обливая грязью и потоками лжи и клеветы всѣхъ, кто несогласно съ ними мыслитъ. Въ то время, какъ прогрессивная печать послѣ роспуска второй государственной думы буквально была задушена административными репрессіями и облагалась многотысячными штрафами, тюрьмою и закрытіемъ газетъ за малѣйшую критику дѣйствій правительства, за всякое разоблаченіе злоупотребленій властей, газеты союзниковъ невозбранно инсинуировали всѣхъ, кто только былъ не по вкусу ихъ руководителямъ и вдохновителямъ, открыто игнорировали обязательныя постановленія градоначальниковъ и губернаторовъ, воспрещающія печатать невѣрныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ правительства и распространять ложные слухи.

Приводимый ниже отрывокъ изъ писаній „Русск. Знамени" прекрасно характеризуетъ привилегированность „союзнической" печати:

„Для евреевъ насталъ „судный день",—объявляетъ органъ черносотенцевъ.—Увы, не въ настоящемъ смыслѣ расплаты за всѣ ихъ грѣхи,—а только въ религіозномъ. Знаменитый „Янкипуръ"—тотъ жидовскій праздникъ, когда, по народ-

ному повѣрью, чортъ обязательно уноситъ изъ синагоги одного изъ жидовъ, наполняющихъ ее своими громкими пѣснопѣніями. Не знаемъ, желаетъ ли господинъ чортъ дѣйствительно связываться съ жидами, рискуя заразить всѣхъ чертенятъ революціей. Въ сущности, это даже и невѣроятно, ибо вѣдь мы и безъ того уже перешли въ „курсучки", разнося бомбы подъ юбками. А вотъ что достовѣрно, такъ это усиленное исчезновеніе дѣтей передъ каждымъ праздникомъ. Опять въ „Вѣдом. Градонач." появились длинные списки „исчезнувшихъ", скрывшихся или „безъ вѣсти пропавшихъ" Машенекъ и Мишенекъ. И какъ всегда, среди этихъ 5—7—3-хъ-лѣтнихъ исчезнувшихъ дѣтей нѣтъ ни одного Боруха или Хайки! Пропадаютъ исключительно христіанскія дѣти. Какое странное явленіе!

Не правда ли, Русскіе люди?" [1]).

Этотъ отрывокъ не представляетъ собою какого нибудь исключительнаго образца писаній союзниковъ: такими провокаторскими morceaux ежедневно переполняются ихъ газеты (вспомнимъ напечатанныя осенью 1907 г. въ „Русск. Знамени" выдумки о томъ, что холеры въ Россіи нѣтъ, а ее распространяютъ крамольные врачи, желающіе истребить русскій народъ).

Все это дѣлалось, конечно, съ молчаливаго согласія кабинета г. Столыпина, который довелъ свою угодливость „союзу русскаго народа" до того, что представлялъ Государю всѣ ходатайства его главарей о помилованіи союзниковъ, осужденныхъ за участіе въ погромахъ, за убійства, грабежи и пр. И ходатайства эти, какъ мы видѣли, были уважены и всѣ „истинно-русскіе" погромщики были избавлены отъ всякихъ наказаній.

Такимъ образомъ, дѣятельность „союза русскаго народа", какъ можно судить по подвигамъ его членовъ, направлена противъ русскаго общества и является серьезной угрозой его безопасности. Такъ какъ эту организацію, въ виду ея стремленія къ возстановленію стараго, доконституціоннаго строя, нельзя разсматривать, какъ обыкновенную консервативную политическую партію, поддерживающую правитель-

---

[1]) Цитируемъ по „Товарищу", 15 сент. 1907 г.

ство, ибо она не только не поддерживаетъ правительство, но нападаетъ на него за его желаніе хотя бы внѣшнимъ образомъ сохранять конституціонность, то вполнѣ естественно рождается вопросъ, за какія же заслуги правительство такъ чтитъ „союзъ русскаго народа“? Мы знаемъ, что кромѣ отмѣченнаго нами стремленія къ государственному перевороту—будто нераздѣляемаго и неодобряемаго правительствомъ, торжественно и много разъ объявлявшимъ о своемъ намѣреніи держаться началъ 17 октября,—„союзъ русскаго народа“ заявилъ себя непримиримымъ врагомъ евреевъ и доказалъ свое неуклонное стремленіе къ ихъ истребленію. Въ погромахъ 1905 и 1906 гг. союзники играли выдающуюся роль и почти вездѣ, гдѣ обнаружена была провокація погромовъ, участіе въ ней полиціи всегда связывалось съ именемъ „союза русскаго народа“; достаточно вспомнить, что и департаментъ полиціи распространялъ свои погромныя прокламаціи черезъ главарей „союза“—г-на Дубровина въ Петербургѣ и Грингмута—въ Москвѣ, а большинство погромщиковъ, попавшихъ на скамью подсудимыхъ, принадлежало къ числу союзниковъ, вслѣдствіе чего „союзъ“ и хлопоталъ объ ихъ помилованіи. Вполнѣ естественно, поэтому, предположить, что именно за эту дѣятельность „союзъ русскаго народа“ и пользуется благоволеніемъ правительства. Если мы откажемся отъ этого предположенія, то намъ останется обратиться къ единственно возможному предположенію о томъ, что кабинетъ г. Столыпина сочувствуетъ реакціоннымъ стремленіямъ „союза“ и втайнѣ одобряетъ его домогательства уничтожить обѣщанія 17 октября, и что всѣ заявленія правительства о намѣреніи его осуществить всѣ обѣщанныя свободы и довести до конца преобразованія въ духѣ манифеста—лишь пустая фразеологія, разсчитанная на легковѣрность россійской буржуазіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы кончили наше изслѣдованіе. Мы старались собрать все, что было намъ доступно въ мрачномъ мірѣ человѣконенавистничества и злобы, которыми отмѣчены были погромы. Факты и документы, приведенные здѣсь, думается намъ, бросаютъ достаточно яркій свѣтъ въ это темное царство, а подлинность и точность всего собраннаго матеріала позволяютъ безбоязненно опереться на него и сдѣлать естественно вытекающіе изъ него выводы.

Какими причинами были вызваны погромы и кто является ихъ виновникомъ?—вотъ вопросы, которые предстоитъ намъ разрѣшить. Попытаемся дать на нихъ отвѣтъ, поскольку это возможно сдѣлать на основаніи собраннаго матеріала.

Правительство во всѣхъ своихъ заявленіяхъ о погромахъ категорически утверждаетъ, что причины погромовъ лежатъ въ политическомъ движеніи, создавшемся въ странѣ за послѣдніе годы. И, дѣйствительно, анализъ всѣхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ погромами, убѣждаетъ въ томъ, что ни религіозная, ни племенная вражда между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ, которою принято было съ 80-хъ годовъ объяснять еврейскіе погромы, въ данномъ случаѣ не имѣла мѣста. Это доказали и многочисленные процессы о погромахъ, гдѣ этотъ мотивъ почти не выдвигался ни защитою, ни прокуратурою, и разслѣдованія какъ правительственныхъ разслѣдователей (сенаторовъ Турау, Кузьминскаго, Савича), такъ и парламентской комиссіи, и, наконецъ,—то, что октябрьскіе погромы были далеко не чисто еврейскіе—во многихъ городахъ вмѣстѣ съ евреями громилась и христіанская интеллигенція, а въ нѣкоторыхъ—погрому подверглись почти исключительно христіане, принадлежавшіе къ какой-нибудь опредѣленной категоріи людей, слывущихъ въ представленіи реакціонныхъ слоевъ населенія „крамольниками", „демократами", „революціонерами". Такимъ образомъ, правительство, представляя погромы въ видѣ контръ-революціи, было какъ-будто очень близко къ истинѣ.

Погромы, дѣйствительно, имѣли видъ контръ-революціи и вызваны были причинами политическаго свойства. Но въ данномъ случаѣ источникомъ контръ-революціоннаго движенія былъ вовсе не народъ, въ точномъ смыслѣ этого слова. Когда рѣчь идетъ о революціонномъ движеніи въ Россіи, то всякому легко себѣ представить, откуда исходитъ это движеніе: въ немъ участвуютъ разнообразнѣйшіе слои населенія, недовольные существующимъ порядкомъ, но преобладающимъ элементомъ революціи являются обездоленные классы. Всевозможными организованными дѣйствіями, они стараются принудить правительство отстраниться отъ власти для того, чтобы выбрать своихъ представителей власти. Несомнѣнно, такой же характеръ, въ отношеніи революціонеровъ, должно было бы носить и враждебное революціи движеніе—контръ-революція. Недовольные домогательствами революціонеровъ классы организованными дѣйствіями стремятся подавить революцію. Такова ли была контръ-революція, вылившаяся въ форму погромовъ?

По внѣшнему виду она не была такою. Хотя правительство и подчеркиваетъ, что въ погромахъ участвовали рабочіе, крестьяне и т. п., но этимъ оно само опровергаетъ проводимую имъ мысль о контръ-революціонномъ происхожденіи погромовъ, ибо, вѣдь, эти самые элементы шли впереди революціи, составляли основу революціоннаго движенія.

Между тѣмъ, извѣстно, что погромы всюду, дѣйствительно, носили характеръ контръ-революціи, и на авансценѣ ихъ наиболѣе активнымъ элементомъ являлись осколки именно тѣхъ слоевъ населенія, передовые элементы которыхъ находились въ первыхъ рядахъ революціи. Какимъ же образомъ создалось это странное противорѣчіе и въ которомъ изъ заявленій правительства находилась истина: въ томъ ли, что погромы представляли собою контръ-революцію или въ томъ, что въ погромахъ участвовали тѣ же слои населенія, что и въ революціи? Попытаемся разобраться въ этомъ противорѣчіи и опредѣлить истинный составъ дѣйствительныхъ погромщиковъ. Мы знаемъ, что революціею были недовольны крупные землевладѣльцы, помѣстное дворянство и ка-

питалисты: вспомнимъ, что основными требованіями революціоннаго крестьянства и рабочаго класса являются требованія объ уничтоженіи частной собственности, о безвозмездномъ отчужденіи земли въ пользу трудящагося люда, объ уничтоженіи сословныхъ привилегій, объ улучшеніи условій труда въ сельско хозяйственной и обрабатывающей промышленности и т. п. Отъ осуществленія этихъ требованій могли нести денежные убытки и терять обильныя жизненныя блага только нынѣшніе обладатели ихъ, въ ряду которыхъ первенствующее мѣсто занимаютъ знаменитые 130.000 „культурныхъ олигарховъ", какъ называютъ себя помѣстные дворяне. И мы видѣли, съ какою яростью и ожесточеніемъ боролись г.г. „олигархи" за сохраненіе своихъ привилегій и за подавленіе революціи. Слѣдовательно, контръ-революція нужна была имъ и тѣмъ, кто ихъ поддерживалъ, и только они и могли участвовать въ контръ-революціи. Но мы знаемъ, что въ погромахъ участвовали только низшіе слои бѣднаго населенія, только самая обездоленная и въ экономическомъ, и въ культурномъ, и въ моральномъ отношеніяхъ часть населенія, въ интересахъ которой и происходила россійская революція. Въ многочисленныхъ погромныхъ судебныхъ процессахъ мы видѣли на скамьѣ подсудимыхъ только представителей этой части населенія—невѣжественныхъ крестьянъ, босяковъ, чернорабочихъ и т. п. Могли ли эти элементы сознательно, по своей инипіативѣ, идти въ ряды контръ-революціи, борющейся съ защитниками ихъ кровныхъ интересовъ и платящей имъ за это ненавистью и истребленіемъ? Конечно, нѣтъ. Но эти элементы, и только они, были въ рядахъ громилъ, и только они и были дѣйствующими лицами погромной трагедіи, которую правительство называетъ контръ - революціей. Въ такомъ случаѣ, возможно только одно предположеніе, что они дѣйствовали несознательно, что они были кѣмъ-то вовлечены въ это движеніе во имя ложно истолкованныхъ интересовъ.

Имѣются ли основанія для такого предположенія? Мы видѣли изъ описанія погромовъ, что всюду была удостовѣрена ихъ организація, что почти каждый погромъ связанъ съ провокаціонными дѣйствіями мѣстныхъ властей, что за погромы всегда агитировалъ и продолжаетъ агитировать „союзъ русскаго народа", по своимъ задачамъ вполнѣ со-

лидарный со стремленіями „130.000 олигарховъ“, что, наконецъ, къ всероссійской организаціи погромовъ оказался причастнымъ департаментъ полиціи съ его директоромъ Вуичемъ и вице-директоромъ Рачковскимъ во главѣ. Слѣдовательно, на-лицо имѣются всѣ основанія для утвержденія, что прямые участники погромовъ—громилы—не были основою контръреволюціоннаго движенія. Они дѣйствовали несознательно и были вовлечены въ погромы подъ предлогомъ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. На несознательность дѣйствій громилъ указываютъ еще и такіе существенные признаки, какъ повсемѣстное участіе громилъ въ грабежахъ и избіенія и убійства во время погромовъ не революціонеровъ, не дѣйствительныхъ участниковъ освободительной борьбы, а, по большей части, мирнаго еврейскаго населенія, мелкой и крупной еврейской буржуазіи, ничего общаго по своимъ стремленіямъ не имѣющей съ революціей, а нерѣдко и враждебной этому движенію. Если бы громилы дѣйствовали сознательно и громили во имя политической идеи, самостоятельно ими продуманной, то не должно было происходить ни грабежей, ни насилій надъ мирнымъ населеніемъ. Развѣ революціонное движеніе, въ которомъ участвовали несравненно большія массы рабочихъ, крестьянъ и, вообще, элементовъ мало сознательныхъ, сопровождалось такими проявленіями безцѣльной жестокости и низкаго своекорыстія, притомъ, направленныхъ противъ ни въ чемъ неповинныхъ людей? Даже такой, нежелательный на нашъ взглядъ, видъ революціонныхъ выступленій, какъ аграрный терроръ, въ который были вовлечены наименѣе сознательные элементы—крестьяне, не сопровождался не только никакими звѣрствами, но почти не былъ даже отмѣченъ насиліями крестьянъ надъ помѣщиками. А вѣдь въ помѣщикахъ возмутившіеся крестьяне видѣли своихъ исконныхъ угнетателей; разрушая ихъ усадьбы и громя помѣстья, крестьяне руководились не безцѣльной злобой, а совершенно опредѣленной идеей—уничтоженіемъ помѣщичьяго имущества лишить земельныхъ собственниковъ главнаго орудія закабаленія крестьянства. Пусть эта идея была осуществляема неправомѣрно, пусть она вела крестьянъ къ анархіи, но борясь за нее хотя бы и такимъ уродливымъ способомъ, крестьяне не являлись здѣсь злодѣями, душегубами и во-

рами, каковыми было большинство погромщиковъ; они, при всей своей малосознательности, были носителями опредѣленной идеи и во имя нея боролись.

Итакъ, мы знаемъ, что погромы 1905 и 1906 г.г. были явленіемъ политическимъ и противопоставлены были революціонному движенію, какъ опытъ контръ-революціи, но произошли они не самостоятельно, подъ вліяніемъ опредѣленной идеи, а были вызваны какимъ-нибудь вліяніемъ извнѣ, внушены тѣмъ элементамъ, которые были вовлечены въ участіе въ погромахъ.

Кто же оказался ихъ вдохновителемъ и главнымъ виновникомъ происшедшей катастрофы. Мы знаемъ, что вдохновителемъ и организаторомъ погромовъ на мѣстахъ часто являлась полиція и жандармерія, дѣйствовавшія за-одно съ реакціонными вожаками, что департаментъ полиціи не только не противодѣйствовалъ этому, но, какъ это выяснилось изъ рапорта с. с. Макарова и письма д. с. с. Лопухина,—руководилъ провокаторскими дѣйствіями мѣстныхъ вожаковъ погромщиковъ, что существовала тайная погромная организація, объединявшая многихъ сановныхъ бюрократовъ. Но захватывало ли погромное движеніе центральную правительственную власть въ лицѣ совѣта министровъ или хотя одного министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. причастна ли эта власть къ прямой организаціи погромовъ, къ погромной дѣятельности департамента полиціи и прочей погромной компаніи — это до сихъ поръ не установлено, такъ какъ для этого не найдено ни одного документальнаго доказательства.

Во всемъ обществѣ и въ печати, теряющихся въ догадкахъ относительно истиннаго положенія вещей, установилась въ этомъ отношеніи твердая увѣренность только въ томъ, что правительство не проявило никакого желанія бороться съ погромами, что оно не хотѣло ни остановить развитіе этой злокачественной язвы, ни вылечить ее, и, такъ какъ оно само сознавало свое безсиліе, то ради огражденія власти отъ дискредитированія въ глазахъ страны, заняло ту странную позицію, на которой оно стоитъ до сихъ поръ — позицію желающаго водворить въ странѣ порядокъ правительства, но не могущаго предотвратить столкновеній двухъ враждующихъ половинъ страны, такъ какъ эти столкновенія принимаютъ стихійный характеръ.

Наряду съ этимъ, въ обществѣ уживается и другой взглядъ, говорящій о томъ, что организаціей погромовъ занималась высшая сановная аристократія, настроенная болѣе реакціонно, чѣмъ правительство, и, пользуясь своимъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ, за спиною правительства организовавшая контръ-революцію, съ цѣлью заставить страну отказаться отъ конституціонныхъ домогательствъ и вернуться къ положенію, существовавшему до 17 октября. Этой сановной организаціи присвоено даже особое названіе—„камарильи" и „звѣздной палаты". Оба эти взгляда, нераздѣльно одинъ отъ другого и взаимно другъ-друга дополнявшіе, высказывались не только въ обществѣ и въ печати, но и въ отчетѣ думской комиссіи о бѣлостокскомъ погромѣ, и въ Государственной Думѣ, хотя послѣдняя не успѣла окончательно высказаться по этому вопросу [1]).

---

[1]) Въ засѣданіи Госуд. Думы 9 іюня 1906 г., когда продолжалось обсужденіе отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ на запросъ Думы по поводу рапорта с с. Макарова, Г. Дума приняла предложенную проф. Гредескуломъ отъ имени к-д. фракціи формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, осуждающую погромы и отношеніе къ нимъ правительства. Формула эта была такова:

„Выслушавъ объясненія министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи;

усматривая въ происходившихъ и происходящихъ въ Россіи погромахъ и массовыхъ избіеніяхъ мирныхъ гражданъ несомнѣнные признаки общей организаціи и явное соучастіе въ нихъ должностныхъ лицъ, оставшихся безнаказанными;

полагая, что объясненія министра внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуя о безсиліи министерства прекратить упомянутыя явленія, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ полное непониманіе условій, создающихъ неизбѣжность повторенія подобныхъ явленій;

признавая, что только министерство, опирающееся на народное представительство, можетъ имѣть достаточно нравственнаго авторитета и силы для подчиненія своимъ указаніямъ подвѣдомственной администраціи и для устраненія безотвѣтственныхъ постороннихъ вліяній, ведущихъ къ распаду власти и къ анархіи въ управленіи;

приходя къ заключенію, что, пока въ Россіи будетъ существовать безотвѣтственное предъ народнымъ представительствомъ министерство, жизнь, честь и свобода русскихъ гражданъ не будутъ ограждены отъ насилія и произвола, и что только немедленная отставка настоящаго министерства и передача власти кабинету, пользующемуся довѣріемъ Государственной Думы, въ состояніи вывести страну изъ тяжелыхъ и быстро возрастающихъ затрудненій, —

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ" (Стеногр. отчеты, стр. 1177).

Разсмотримъ, насколько основательны эти взгляды.

Относительно роли правительства въ погромахъ мы знаемъ, что въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ оно

Хотя принятіе этой резолюціи состоялось послѣ бѣлостокскаго погрома, но ни объ обстоятельствахъ послѣдняго, ни о роли въ ней властей Г. Дума въ то время еще не имѣла свѣдѣній отъ своихъ депутатовъ. Такимъ образомъ, вотумъ Г. Думы относился къ октябрьскимъ днямъ и, вообще, къ періоду, предшествовавшему сформированію кабинета г. Горемыкина. Поэтому, представляется нѣсколько страннымъ, что Г. Дума обратила остріе своей резолюціи противъ министерства Горемыкина, вмѣсто того, чтобы принятіемъ внесенной соціалъ-демократами формулы, требующей преданія суду всѣхъ фактическихъ виновниковъ погромовъ, направить всю силу высказаннаго парламентомъ осужденія на непосредственныхъ создателей октябрьскихъ кровопролитій. Вотъ почему вышеприведенную резолюцію Г. Думы не слѣдуетъ разсматривать, какъ исчерпывающій взглядъ Г. Думы на погромы документъ. Какъ показали дальнѣйшія событія, Дума, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ самихъ к.-демократовъ, и сама такъ же смотрѣла на принятую ею резолюцію, и въ засѣданіи Г. Думы 29 іюня, гдѣ продолжалось обсужденіе бѣлостокскаго погрома, к.-д-ты внесли, чрезъ депутата Ѳ. Ѳ. Кокошкина, новую резолюцію, включавшую и отвергнутое 9 іюня требованіе соціалъ-демократовъ о преданіи суду всѣхъ отвѣтственныхъ за погромы высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ. Въ этой резолюціи правительству уже приписывается активное участіе въ погромахъ, что можно видѣть изъ нижеслѣдующаго ея текста:

„Выслушавъ докладъ комиссіи по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій властей о событіяхъ въ городѣ Бѣлостокѣ и признавая, что разгромъ мирнаго еврейскаго населенія въ Бѣлостокѣ былъ вызванъ и поддерживался не враждой христіанскаго населенія къ евреямъ, а исключительно планомѣрными дѣйствіями властей;

„что дѣйствія эти должны лечь на отвѣтственность не однихъ мѣстныхъ органовъ власти, но главнымъ образомъ центральнаго правительства, которое путемъ подпольной литературной пропаганды, руководимой чинами министерства внутреннихъ дѣлъ, организовало повсемѣстно въ Россіи военные и полицейскіе кадры, готовые во всякое время кинуться на безоружное еврейское населеніе; что эта пропаганда поддерживается совершенной безнаказанностью и даже поощреніемъ должностныхъ лицъ, организующихъ погромы и участвующихъ въ нихъ;

„что правительственное сообщеніе, замалчивающее истину и стремящееся оправдать убійства мирныхъ жителей правительственными агентами, является полнымъ доказательствомъ того, что само правительство, сознающее свое безсиліе въ борьбѣ съ революціей, стремится къ подавленію ея посредствомъ устрашающихъ экспедицій, направленныхъ противъ мирныхъ гражданъ;

„что правительство, систематически угнетавшее и принижавшее евреевъ, поселившее въ населеніи убѣжденіе въ томъ, что по отноше-

давало завѣдомо невѣрное освѣщеніе этихъ событій, выгораживая виновниковъ погромовъ, скрывая фактъ участія въ нихъ агентовъ правительственной власти и сваливая всю вину на самихъ пострадавшихъ. Когда истинные виновники погромовъ изъ числа представителей администраціи были обнаруживаемы, правительство не только не подвергало ихъ никакимъ наказаніямъ, но награждало ихъ повышеніемъ по службѣ и выражало имъ благодарность: такъ поступило оно съ уличенными погромщиками: Нейдгардтомъ, назначивъ его членомъ Государственнаго Совѣта; Цихоцкимъ, освободивъ его отъ всякаго преслѣдованія и выдавъ ему жалованье за все время, которое онъ состоялъ подъ слѣдствіемъ; Курловымъ, возведеннымъ въ придворное званіе (въ началѣ августа 1907 г. онъ назначенъ шталмейстеромъ); Шереметовымъ, переведеннымъ въ столичную полицію, Будоговскимъ, представленнымъ къ высочайшей наградѣ и получившимъ ее, Коммиссаровымъ, получившимъ назначеніе на видную должность помощника начальника охраннаго отдѣленія въ Петербургѣ, Вуичемъ, назначеннымъ на должность сенатора, и т. д., и т. д. Болѣе мелкихъ погромщиковъ изъ числа не мундирныхъ членовъ

нію къ евреямъ все дозволено, рѣшилось направить свои карательныя-устрашающія экспедиціи именно противъ этой наиболѣе угнетенной и слабой части населенія страны;

„что единственнымъ исходомъ изъ этого безпримѣрнаго въ исторіи культурныхъ странъ положенія и единственнымъ средствомъ предупредить дальнѣйшее распространеніе погромовъ является немедленное преданіе суду всѣхъ отвѣтственныхъ за нихъ высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ, безъ различія ихъ ранга и положенія, и немедленный выходъ нынѣшняго министерства въ отставку, — Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Въ томъ же засѣданіи внесли свою формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ и соціалъ-демократы, въ лицѣ депутата Джапаридзе. Ихъ формула была изложена слѣдующимъ образомъ:

„Выслушавъ докладъ комиссіи о бѣлостокскихъ событіяхъ, Госуд. Дума констатируетъ, что въ г. Бѣлостокѣ съ 1 по 3 іюня сего года надъ жизнью и имуществомъ беззащитныхъ гражданъ-евреевъ гражданскими и военными властями, при содѣйствіи шайки хулигановъ, было произведено насиліе, въ результатѣ котораго оказались десятки уби-

союза русскаго народа, присужденныхъ судами къ различнымъ наказаніямъ, правительство освободило отъ всякаго наказанія, исходатайствовавъ имъ высочайшее помилованіе.

Такіе вопіющіе факты, какъ организація гомельскаго погрома жандармомъ Подгоричани-Петровичемъ, выдававшимъ громиламъ оружіе и снабдившимъ союзниковъ типографіей для печатанія погромныхъ прокламацій; организація керченскаго погрома мѣстными властями при помощи 25 „тайниковъ", присланныхъ откуда-то въ Керчь; организація вологодскаго погрома ротмистромъ Пышкинымъ, и т. п.,—правительствомъ, несмотря на его обѣщанія, до сихъ поръ не разслѣдованы—ибо нельзя же назвать разслѣдованіями то, что послѣ каждаго погрома нѣсколько громилъ были посажены

тыхъ, сотни раненыхъ и разоренныхъ; что погромы, убійства, грабежи были заранѣе планомѣрно организованы мѣстной администраціей при участіи и по инициативѣ высшихъ властей, и что мѣстная администрація, которой, очевидно, со стороны высшаго начальства была гарантирована безнаказанность преступной дѣятельности, систематически разстрѣливала мирное еврейское населеніе или передавала его въ руки убійцъ. Признавая, въ виду этого, что пока государственная власть находится въ рукахъ безотвѣтственной и никакими средствами не гнушающейся правительственной клики, и современный судъ не караетъ истинныхъ виновниковъ погромовъ, единственнымъ средствомъ оградить жизнь и имущество гражданъ можетъ служить вооруженіе самого народа,—Государственная Дума призываетъ населеніе взять охрану своей жизни и имущества въ свои руки и предлагаетъ органамъ мѣстнаго самоуправленія и другимъ общественнымъ учрежденіямъ оказать населенію въ этомъ дѣлѣ самообороны полное содѣйствіе. Считая одновременно съ этимъ необходимымъ: 1) командировать членовъ Государственной Думы въ мѣста, которымъ угрожаетъ наиболѣе серьезная опасность погромовъ; 2) призвать населеніе дать отпоръ національной травлѣ, разжигаемой врагами народа, добиваться полнаго равноправія всѣхъ національностей; 3) напомнить солдатамъ и офицерамъ объ ихъ обязанности защищать населеніе отъ нападающихъ бандъ и 4) заклеймить предъ лицомъ всего русскаго народа пятномъ позора всѣхъ виновниковъ бѣлостокскаго погрома, въ убѣжденіи, что народный судъ не минетъ этихъ преступниковъ и ихъ покровителей,— Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Ни одна изъ этихъ резолюцій не была подвергнута голосованію въ Думѣ, такъ какъ послѣдняя вскорѣ была распущена.

на скамью подсудимыхъ, въ то время, какъ ихъ подстрекатели не только оставлены на свободѣ, но еще награждены.

По всѣмъ прочимъ дѣламъ, и въ томъ числѣ—о бѣлостокскомъ и сѣдлецкомъ погромахъ, разслѣдованія хотя и были произведены, но, несмотря на обнаруженныя ими преступленія должностныхъ лицъ, преступники не только не были наказаны, но, какъ это было послѣ бѣлостокскаго и сѣдлецкаго погромовъ, удостоились благодарности высшаго военнаго начальства, выраженной особыми приказами по войскамъ.

„Союзу русскаго народа", открыто устраивающему погромы, агитирующему противъ еврейскаго населенія и терроризирующему оппозиціонные элементы страны, правительство еще недавно открыто покровительствовало, стараясь представить въ глазахъ населенія всѣ безобразія союзниковъ и ихъ анти-общественную политику—какъ дѣятельность, направленную къ возстановленію мира и спокойствія въ странѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ была обнаружена и документально доказана причастность къ погромамъ правительственныхъ чиновниковъ и департамента полиціи, правительство ничего не сдѣлало для борьбы съ этимъ антигосударственнымъ явленіемъ.

Такъ какъ всѣ эти факты установлены документально, то едва ли можно признать правильнымъ распространенное въ обществѣ мнѣніе о безвластіи правительства, уже приведшемъ къ погромамъ и всегда грозящемъ новыми погромами. Нѣтъ, мы видимъ, что правительство все время обладало всею полнотою власти для того, чтобы положить конецъ погромамъ и подвергнуть виновниковъ преслѣдованію и наказанію. Но оно почти ни въ одномъ случаѣ не воспользовалось властью и ничего не сдѣлало для прекращенія погромовъ.

Бывшій директоръ департамента полиціи А. А. Лопухинъ, своимъ письмомъ на имя П. А. Столыпина внесшій значительную ясность въ вопросъ о причинахъ погромовъ, говоритъ о безсиліи центральной власти, но онъ даетъ и объясненіе этого безсилія. Основою безсилія правительства г. Лопухинъ считаетъ положеніе объ усиленной охранѣ, благодаря которому не полиція и жандармерія

находятся въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ и его центральнаго политическаго органа, а наоборотъ, и министръ и департаментъ полиціи—въ рукахъ у представителей этихъ учрежденій. Вся власть фактически перенесена сверху внизъ положеніемъ объ охранѣ, продолжительностью его примѣненія въ государствѣ. Служебный опытъ въ должности директора департамента полиціи, говоритъ г. Лопухинъ, „даетъ мнѣ основаніе утверждать, что самая опасная сторона означеннаго исключительнаго закона состоитъ въ томъ, что благодаря ему, каждый чиновникъ полиціи, каждый жандармскій офицеръ со своими секретными агентами обращается въ вершителей судьбы каждаго обывателя, а въ суммѣ—всей Россіи. Все примѣненіе положенія объ охранѣ основано на свѣдѣніяхъ чиновъ полиціи и жандармеріи, не имѣющихъ надъ собою никакого контроля на мѣстахъ и не поддающихся контролю центральнаго учрежденія, что приводитъ послѣднее къ необходимости всякія свѣдѣнія изъ этихъ источниковъ принимать на вѣру. Въ полицейскихъ и жандармскихъ чинахъ вселяютъ увѣренность, что все зависитъ отъ нихъ и ихъ свѣдѣній, а не отъ министерства, безсиліе котораго предъ ними и ихъ свѣдѣніями они воочію предъ собою видятъ. Вслѣдствіе этого, отдѣльные чиновники и жандармскіе офицеры считаютъ себя вправѣ вести свою самостоятельную политику, а министерство въ отношеніи злоупотребленій своихъ подчиненныхъ является самымъ неосвѣдомленнымъ изъ учрежденій, ибо вынуждено имѣть дѣло или съ явной ложью или съ затемняющей истину умышленной неполнотой доставляемыхъ ему свѣдѣній. Откровенность ротмистра Будоговскаго въ его декабрьскихъ донесеніяхъ объясняется только его увѣренностью въ поддержкѣ начальства. Отсюда происходитъ полное безначаліе полиціи и жандармеріи въ области ихъ политической дѣятельности, безвластіе министра внутреннихъ дѣлъ“.

Нельзя отрицать справедливости этихъ доводовъ бывшаго администратора. Ненормальность положенія, созданнаго усиленной охраной, давно обратила нашу страну въ классическій образецъ всякихъ административныхъ нелѣпостей. Но едва ли можно этою ненормальностью объяснить и оправдать поведеніе правительства во время и послѣ погромовъ.

Не нужно забывать, что правительство не только не борется со зломъ, которое создаетъ усиленная охрана, но само, втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, неустанно стремилось къ созданію еще болѣе тяжелыхъ формъ исключительнаго положенія, объявивъ чуть ли не полъ страны на военномъ положеніи и на положеніи чрезвычайной охраны, а другую половину Россіи зажавъ въ тиски усиленной охраны. Слѣдовательно, оно не только не тяготится этимъ положеніемъ, но усугубляетъ его, находя, что это расширяетъ и усиливаетъ его власть. Когда въ Государственной Думѣ рѣчь шла о провокаторствѣ, свившемъ гнѣздо въ департаментѣ полиціи, то министръ внутр. дѣлъ П. А. Столыпинъ, отвѣчая на запросъ по поводу открытыхъ злоупотребленій департамента, заявилъ Думѣ: „Меня интересуетъ не столько отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ, сколько степень пригодности опороченнаго орудія моей власти“ [1]). Однако, послѣ того, какъ участіе департамента въ погромной агитаціи было доказано, г. Столыпинъ ничего не сдѣлалъ для реализаціи смысла сказанной имъ красивой фразы, и удаливъ нѣкоторыхъ „отдѣльныхъ лицъ“, оставилъ опороченное орудіе своей власти въ томъ же первобытномъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ моментъ думскаго запроса. Такимъ образомъ, говорить о безвластіи правительства въ борьбѣ съ погромами, созданномъ положеніемъ объ усиленной охранѣ, нѣтъ никакихъ основаній: отъ самого правительства зависѣло во всякое время добиться отмѣны исключительныхъ законовъ и парализовать ихъ вредное вліяніе. Не сдѣлавъ этого, правительство тѣмъ самымъ признавало полноту своей власти непоколебленной, о чемъ и заявило въ Госуд. Думѣ устами П. А. Столыпина.

Но допустимъ на одну минуту, что, вслѣдствіе ли указанной г. Лопухинымъ или вслѣдствіе другихъ причинъ, центральная правительственная власть дѣйствительно была не въ силахъ парализовать вредную политику мѣстныхъ властей. Въ такомъ случаѣ, представляется совершенно непонятнымъ, почему правительство, вмѣсто того, чтобы осудить въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ эту политику, вскрыть ея истинную сущность и сдѣлать хотя бы попытку борьбы съ

---

[1]) Стенографич. отчеты Г. Думы, стр. 1126.

нею, — стало публиковать о погромахъ сообщенія, въ которыхъ восхвалялась дѣятельность мѣстныхъ властей, погромы назывались „усмиреніемъ революціонеровъ“ и „взрывомъ народнаго негодованія“, вызваннымъ будто бы оскорбленіемъ національныхъ и патріотическихъ чувствъ народа, а многія обстоятельства погромовъ, говорившія о предварительной ихъ организаціи, были скрыты отъ общества. Если дѣлать это считалось нужнымъ для успокоенія мнѣнія страны, то почему же послѣ погромовъ правительство ничего не сдѣлало для предотвращенія ихъ на будущее время, для наказанія виновныхъ или хотя бы только для того, чтобы демонстрировать свое несочувствіе погромамъ. Или и для этихъ дѣйствій у него не хватало силы власти? Но вѣдь это было бы равносильно отрицанію правительствомъ самого себя! Нѣтъ, правительство не было безсильно въ подавленіи погромовъ, и если погромы приняли такіе чудовищные размѣры, то только потому, что оно сочувствовало имъ, мирволило погромщикамъ и ихъ вожакамъ, смотрѣло на погромы, какъ на средство борьбы съ революціей, какъ на способъ вовлеченія темныхъ народныхъ массъ въ политическую борьбу въ интересахъ реакціи. Вспомнимъ заявленіе бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, сдѣланное имъ въ сенатѣ 14 марта 1906 г. при разсмотрѣніи дѣлъ минскаго губернатора Курлова и одесскаго градоначальника Нейдгардта, обвинявшихся въ бездѣйствіи власти во время погромовъ. Явившись въ это засѣданіе въ качествѣ защитника интересовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Дурново заявилъ, что такія лица, какъ Курловъ и Нейдгардтъ, никогда не могутъ и не должны быть привлекаемы къ судебной отвѣтственности, ибо они въ своихъ дѣйствіяхъ сообразовались съ видами и предположеніями правительства и явились правильными выразителями его желанія [1]). Это заявлялъ человѣкъ, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ во время октябрьскихъ погромовъ. Нужны ли и возможны ли болѣе убѣдительныя доказательства, что погромы производились

---

[1]) „Право“, № 12 за 1906 г. стр. 1156.

согласно „видамъ и предположеніямъ“ властей и что чиновники департамента полиціи, уличенные въ провокаторствѣ, вовсе не превращали департамента въ „опороченное орудіе власти“, а, наоборотъ, дѣлали его еще болѣе пригоднымъ и полезнымъ, съ точки зрѣнія правительства.

Разсмотримъ теперь другую причину, которою принято было объяснять погромы—существованіе какого-то второго правительства въ лицѣ „камарильи“ или „звѣздной палаты“. Съ тѣхъ поръ, какъ въ печати появились разоблаченія Ф. Львова о погромномъ заговорѣ сановныхъ бюрократовъ, толки о существованіи тайной организаціи, вліяющей за спиною явнаго правительства на направленіе внутренней политики, становились все настойчивѣе и упорнѣе. Бросавшаяся всѣмъ въ глаза безнаказанность погромщиковъ и покровительство, оказываемое наиболѣе выдающимся изъ нихъ, еще болѣе способствовали усиленію этихъ толковъ. Въ такихъ фактахъ, какъ выраженіе благодарности бѣлостокскимъ войскамъ за погромъ, объявленной въ тотъ же день, когда въ Бѣлостокъ присланъ былъ генералъ Балуевъ для разслѣдованія поведенія этихъ же войскъ во время погрома; какъ посылка министерствомъ внутреннихъ дѣлъ чиновника Губонина для разслѣдованія сѣдлецкаго погрома и объявленіе въ то же время благодарности сѣдлецкимъ войскамъ и Тихановскому „за усмиреніе мятежа“; какъ явное неповиновеніе кіевскаго полицеймейстера Цихоцкаго всѣмъ высшимъ кіевскимъ властямъ, требовавшимъ у него принятія мѣръ для прекращенія погрома, и послѣдовавшее затѣмъ признаніе всѣхъ дѣйствій Цихоцкаго правильными, и т. п.—въ такихъ фактахъ нельзя было не видѣть чьего то закулиснаго вліянія, какой то двойственности власти, говорящей о существованіи тайнаго правительства, наряду съ явнымъ. Что такія догадки имѣли много основаній, показали не только эти факты, но и разоблаченія г. Лопухина, который, въ цитированномъ выше письмѣ къ г. Столыпину, говоритъ совершенно опредѣленно о роли покойнаго нынѣ генерала Трепова.

„Когда мнѣ въ январѣ и февралѣ текущаго года пришлось собирать свѣдѣнія объ организаціи еврейскихъ погромовъ, я не встрѣтилъ ни одного лица изъ состава д-та общегосударственной полиціи, которое не имѣло бы непо-

*

колебимой увѣренности, что существуетъ два правительства, проводящія каждое свою самостоятельную отъ другого политику: одно въ лицѣ статсъ секретаря графа Витте, другое—дворцоваго коменданта генералъ-майора Трепова, который по распространенному мнѣнію докладываетъ Его Императорскому Величеству Государю Императору свѣдѣнія о положеніи вещей въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ которое имъ дается докладами предсѣдателя совѣта министровъ и, такимъ образомъ, вліяетъ на направленіе политики. Къ такому убѣжденію имѣются основанія въ томъ, что, будучи назначенъ дворцовымъ комендантомъ, генералъ Треповъ настоялъ на назначеніи въ его распоряженіе особыхъ суммъ на агентурные расходы и тѣмъ пріобрѣлъ средства, которыми можетъ быть снабженъ только министръ внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ, что, оставивъ въ октябрѣ 1905 г. должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ Треповъ тѣмъ не менѣе продолжалъ помимо министра внутреннихъ дѣлъ и безъ его вѣдома получать изъ департамента полиціи для ознакомленія всѣ сколько нибудь выдающіяся, не имѣющія никакого отношенія къ дѣламъ дворцоваго коменданта, дѣла и бумаги, и даже не только тѣ, которыя получались департаментомъ, но и тѣ, которыя отъ него исходили".

Такое положеніе создало твердую увѣренность среди чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ не только во вліяніи Трепова на политику государства, но и въ сочувствіи его погромной политикѣ.

Представлялъ ли въ дѣйствительности ген. Треповъ со своими единомышленниками именно ту организацію, которая руководила погромами, мы на основаніи приведенныхъ свѣдѣній утверждать не беремся. Возможно что, благодаря вліянію, исходившему именно отсюда, погромы и возникли и приняли такія уродливыя формы и огромные размѣры; возможно, что мѣстныя власти и получали отсюда директивы, и что разоблаченная г. Львовымъ „лабораторія" погромныхъ сановниковъ и была фактомъ—слишкомъ ужъ многіе признаки говорятъ объ этомъ. Но если даже и признать все это за факты, то можно ли дѣлать изъ этого выводъ о непричастности къ погромамъ законнаго россійскаго правительства? Конечно, нѣтъ. Если правительство съ энергіей, до-

стойной лучшаго примѣненія, боролось и борется съ оппозиціей слѣва, пользуясь для этого всѣми возможными и невозможными средствами, то что же мѣшало ему вступить въ борьбу съ закулисными подстрекателями и организаторами погромовъ. Сдѣлало ли правительство хоть что нибудь для того, чтобы парализовать ихъ преступную дѣятельность? Нѣтъ, оно всю полноту своей власти и значительную долю народнаго благосостоянія употребляло на борьбу съ народомъ, вступившимся за улучшеніе своей доли. Оно не остановилось передъ созданіемъ спеціальной упрощенной юстиціи для борьбы съ революціонерами, оно сажало въ тюрьмы и отправляло въ ссылку десятками тысячъ людей, требовавшихъ установленія въ странѣ законности и порядка, осуществленія истиннаго народовластія, защищавшихъ интересы трудового народа и боровшихся съ алчною и безчестною бюрократіей; оно, непокладая рукъ, работало надъ извращеніемъ народной воли, создавая при выборахъ въ Государственную Думу невозможныя для избранія достойнѣйшихъ представителей народа условія, оно разгоняло парламентъ, нежелавшій превратиться въ правительственную рептилію, и т. д. и т. д. Это ли мѣшало правительству оградить мирное населеніе отъ кровавой мести сановныхъ заговорщиковъ, отъ пролитія потоковъ крови невинныхъ жертвъ?

Мы знаемъ, съ какою поразительною энергіей оно разыскиваетъ и хватаетъ революціонеровъ и всякихъ неугодныхъ ему людей, съ какою ловкостью оно раскрываетъ даже несуществующіе политическіе заговоры, обнаруживаетъ тайныя, подпольныя организаціи, борющіяся съ реакціей; мы видѣли, наконецъ, какъ оно голой физической силой подавило всенародное революціонное движеніе. И вотъ, эта сильная власть, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ въ борьбѣ съ народомъ, оказывается совершенно безсильною передъ кучкою заговорщиковъ, посягнувшихъ на солнце народной свободы и рѣшившихъ залить его свѣтъ потоками крови. Куда же дѣвались ея сила и энергія? Когда министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпину заявили въ Государственной Думѣ въ 1906 г. о призракахъ, мѣшающихъ правительству осуществлять свою власть для огражденія общественной безопасности, г. Столыпинъ гордо отвѣтилъ, что никакихъ призраковъ нѣтъ, а если бы они были, то онъ

ихъ разрушилъ бы. Но кошмарная дѣйствительность отчетливо говоритъ намъ, что „призраки", о которыхъ говорятъ и г. Львовъ, и г. Лопухинъ, и парламентская комиссія, и Государственная Дума, дѣйствительно существуютъ, что Столыпинъ ихъ до сихъ поръ не разрушилъ—они остались во всей своей разлагающей, подтачивающей государственный организмъ силѣ. Но если „призраковъ" нѣтъ, то невольно возникаетъ вопросъ: значитъ вся погромная вакханалія создана самимъ правительствомъ, взрощена имъ на почвѣ постояннаго покровительства темнымъ силамъ враждебной всему русскому народу реакціи; значитъ, вся нескончаемая цѣпь преступленій, ознаменовавшая эту мрачнѣйшую изъ страницъ исторіи нашей общественности,—дѣло рукъ нашего правительства? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы безсильны были бы сказать: „правительство неповинно въ пролитой крови жертвъ погромовъ". Каждый шагъ правительства въ этой національной трагедіи, каждый моментъ ея отдѣльныхъ актовъ неизбѣжно, неотвратимо приводятъ насъ къ признанію, что правительство не боролось съ погромами не потому, что оно не имѣло для этого силы и власти. Съ другой стороны, мы видимъ, что погромы были желательны, нужны реакціи, какъ средство для отпора революціоннаго натиска; что кровью мирнаго еврейскаго населенія, пролитою погромщиками, она хотѣла купить побѣду надъ революціей. Эти выводы, неизбѣжно вытекающіе изъ всей обстановки погромовъ и изъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ погромы, находятъ неопровержимое подтвержденіе въ незначительномъ, сравнительно, фактѣ, случившемся годъ спустя послѣ позднѣйшаго погрома—сѣдлецкаго. Мы говоримъ о происшедшемъ 5 августа 1907 г. въ мѣстечкѣ Томашполѣ, Подольской губ., еврейскомъ погромѣ. Погромъ этотъ, разразившійся изъ-за драки лавочника-еврея съ крестьянкой, похитившей у него кусокъ ситца, былъ моментально прекращенъ урядникомъ съ нѣсколькими стражниками, не остановившимися даже передъ стрѣльбой въ толпу, когда они увидѣли, что толпа разсвирѣпѣла и стала громить лавки и избивать евреевъ; а толпа громилъ, судя по телеграфнымъ сообщеніямъ газетъ, была тысячная. Несмотря на малочисленность охраны и многочисленность

громилъ, толпа разбѣжалась послѣ одного залпа и погромъ былъ прекращенъ въ самомъ зародышѣ.

Этотъ эпизодъ лучше всего говоритъ о легкости, съ какою можно прекращать погромы, и вызываетъ неизбѣжный вопросъ: почему же не были прекращены погромы въ 1905 и 1906 г.г. даже въ городахъ, гдѣ были расположены многочисленныя войска? Развѣ сила правительственной власти была тогда меньше, чѣмъ теперь? Нѣтъ, въ силѣ власти не произошло никакихъ измѣненій. Но зато произошли большія измѣненія въ условіяхъ борьбы правительства съ революціей. Тогда правительство боролось съ революціею въ моментъ наивысшаго ея напряженія—и результатомъ этой борьбы являлись разстрѣлы, карательныя экспедиціи и т. п., а параллельно—шла всероссійская волна погромовъ, направленныхъ противъ революціи. Теперь все спокойно: революція подавлена—и нѣтъ и обычныхъ спутниковъ борьбы съ нею—погромовъ. Погромы сдѣлались не нужными. Но вотъ въ Томашполѣ, случайно — изъ-за пустяка — вспыхнулъ новый погромъ. Въ другое время, этому погрому дано было бы развиться до его логическаго конца: убійства десятковъ евреевъ и разоренія всего мѣстечка—„вслѣдствіе малочисленности охраны". Но теперь въ погромахъ надобности нѣтъ—и томашпольскій погромъ былъ подавленъ въ нѣсколько минутъ нѣсколькими стражниками. Объ Одессѣ нельзя этого сказать: въ ней еще живъ духъ революціи, часто дающій себя знать, но за то и погромы устраиваются здѣсь также, какъ и въ октябрьскіе дни... Можно ли, при такихъ условіяхъ, отказаться отъ вывода, который мы только-что сдѣлали! Какою бы замысловатой фразеологіей правительство ни старалось внушить обществу мысль о его непричастности къ погромамъ, въ сознаніи всей страны останется противоположное убѣжденіе до тѣхъ поръ, пока правительство не докажетъ, что погромы произошли не по его желанію и винѣ. Но со стороны правительства не видно желанія объясниться со страною. Въ деклараціи, прочитанной въ началѣ сессіи второй Государственной Думы, П. А. Столыпинъ сказалъ: „Правительство отвѣтитъ за свои поступки передъ исторіей, пусть исторія судитъ насъ". Если г. министръ-президентъ хотѣлъ этимъ сказать, что русскій народъ не можетъ судить свое правительство, какія бы не-

закономѣрныя дѣйствія оно ни совершило, то онъ былъ глубоко правъ, ибо правительство, опирающееся не на довѣріе народа, а на физическую силу — выше народнаго суда.

Но г. Столыпинъ забылъ, что исторію творитъ самъ народъ, и если бы онъ говорилъ о судѣ этой исторіи, а не той, которую создаютъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, то въ его словахъ можно было бы видѣть хотя готовность правительства нести отвѣтственность за свои поступки передъ самимъ народомъ. Этого, однако, не видно было въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ правительства. И многотерпѣливая Россія живетъ не столько въ ожиданіи „суда исторіи", которому правительство такъ охотно ввѣряетъ свое достоинство и честь, сколько—подъ страхомъ повторенія „усмирительныхъ" экспериментовъ, отличающихся столь своеобразною подсудностью.

